ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2005

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2005

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2005

Тюркские народы России и Великой степи

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2006

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т98

Издание осуществлено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского научного центра РАН

Редакционная коллегия тома
С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ (председатель), Т.И. СУЛТАНОВ,
В.В. ТРЕПАВЛОВ

Редакторы издательства
С.В. ВЕСНИНА, Л.С. ЕФИМОВА

На переплете
Тугра с мохаббат-наме царей Ивана и Петра Алексеевичей. 1695

Т98 **Тюркологический сборник** / Ин-т востоковедения, С.-Петерб. филиал. — М. : Вост. лит., 1970–

2005: Тюркские народы России и Великой степи / редкол.: С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. — 2006. — 382 с. — ISBN 5-02-018515-9 (в пер.)

Книга посвящена различным аспектам изучения тюркских народов и государств Евразии VIII–XIX вв. Рассматриваются вопросы этнической и политической истории, социального и культурного развития кыргызов, казахов, хакасов, тувинцев, Золотой Орды, государства Шейбанидов. В результате перед читателем предстает сложная картина цивилизационного развития тюркских этнополитических сообществ на протяжении тысячелетия.

ББК 63.3(5)

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2006
© Редакционно-издательское оформление Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006

ISBN 5-02-018515-9

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

Р.А. Абдуманапов (Томск)
Культурно-историческая основа кыргызского племенного образования кангды 6

В.Я. Бутанаев (Абакан)
К истории института киштымства у енисейских кыргызов 21

А.В. Виноградов (Москва)
Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. 26

А.П. Григорьев (Санкт-Петербург)
Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация 74

С.В. Дмитриев (Санкт-Петербург)
Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.). 143

Ю.И. Дробышев (Москва)
Обычное право казахов: экологический комментарий 159

И.В. Зайцев (Москва)
Кокандец в Стамбуле (Из Коканда «прелестного» в «вилайет Исламбол»: две московские рукописи и кокандская миссия в Стамбул 1838–1840 гг.) 189

С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург)
Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предзнаменований» 195

В.П. Костюков (Челябинск)
Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? 199

Д.В. Лисейцев (Москва)
Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия 238

И.Е. Петросян (Санкт-Петербург)
К вопросу о социальном составе джелялийской смуты (конец XVI — начало XVII в.) 283

Р.Ю. Почекаев (Санкт-Петербург)
Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи 301

В.В. Трепавлов (Москва)
Власть и управление в тюркском кочевом обществе (по эпическим сказаниям народов Южной Сибири) 323

К. Ускенбай (Алматы)
Улусы первых Джучидов. Проблема терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда* 355

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной выпуск «Тюркологического сборника» посвящен различным аспектам изучения тюркских народов и государств Евразии VIII–XIX вв. Авторы из исследовательских центров Алматы, Абакана, Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Челябинска рассматривают вопросы этнической и политической истории, социального и культурного развития кыргызов, казахов, хакасов, тувинцев, Золотой Орды, государства Шейбанидов. Несколько статей традиционно посвящены источниковедческим проблемам исследования древнетюркских и золотоордынских материалов.

Из представленных в сборнике работ складывается сложная картина цивилизационного развития тюркских этнополитических сообществ на протяжении тысячелетия. Отдельные тезисы и выводы авторов сборника носят дискуссионный характер. Это приветствуется редколлегией и представляется нам непременным условием развития науки.

Р.А.АБДУМАНАПОВ
(Томск)

Культурно-историческая основа кыргызского племенного образования кангды

Изучение родоплеменной системы является важнейшей составляющей в реконструкции этногенеза кыргызов. Уточнение происхождения отдельных племен и родов позволяет отметить знаковые вехи и этапы в процессе формирования этноса.

Представители кыргызского племени кангды в настоящее время проживают в Лейлекском и Камджайском районах Баткенской области, Ноокатском районах Ошской области, частично в Базар-Курганском, Сузакском районах Джалал-Абадской области, а также в некоторых районах соседнего Узбекистана.

Самое раннее упоминание племени кангды мы встречаем в первом рукописном генеалогическом списке кыргызских племен, который содержится в сочинении Сайф ад-Дина Ахсиканти «Маджму ат-таварих» и датируется концом XV — началом XVI в. В нем приводятся данные о легендарных родоначальниках кыргызских племен. Согласно этому списку, первопредком племени считается некий Кангды, сын Салус-бека Булгачи. Последний является предком отделения ичкилик («внутренние») [Маджму ат-таварих, 1973, с. 200–215], поэтому иногда наряду с названием «ичкилик» используется наименование «булгачи». Вместе с правым и левым крылом ичкилики образуют триальную структуру родовой организации кыргызов. Особенно важным представляется тот момент, что, согласно большинству генеалогических списков кыргызов, составленных исследователями в XIX–XX вв., племя кангды причисляется к тому же отделению ичкилик [Аттокуров, 1975, с. 205–208; Кыргыз санжырасы, 1991, с. 22; Эсенкан Тёрёкан уулу, 1995, с. 165].

© Р.А.Абдуманапов, 2006

Это, безусловно, подтверждает давние традиции генеалогических схем кыргызов. Название племени и имя родоначальника Кангды указывают на возможную связь с достаточно известным в Азии народом/племенем канглы/канлы. Соотношение этнонимов кангды–канглы–канлы объективно отражает особенности кипчакской группы языков в целом и кыргызского языка в частности.

Кто же такие кангды/канглы? Исследование С.Г.Кляшторного выявляет древнейшую этнонимическую традицию, корнями уходящую во времена «Авесты» — цикла различных по происхождению и содержанию мифов, сказаний и религиозных предписаний ираноязычных племен Средней Азии и Восточного Ирана II–I тыс. до н.э. Дело в том, что именно в «Авесте» впервые упоминается Канга (Кангха), столица легендарного Турана [Кляшторный, 1964, с. 169]. Упоминание Канги (Кангхи) встречается и у Фирдоуси, который использовал архаическую топонимическую и этнонимическую номенклатуру «Авесты» и располагал Канг — столицу Турана — за Сырдарьей, на северо-восток от нее [Кляшторный, 1964, с. 166]. Сравнив название гидронима «река Кангар» у Ибн Хордадбеха, данные древнетюркских рунических надписей о столице кангарасов[1] Кангу Тарбане, сведения китайских летописей о государстве Канцюй, упоминания в «Авесте» и «Шахнаме» Фирдоуси, С.Г.Кляшторный приходит к выводу о существовании на Средней Сырдарье древней этнонимической традиции. Тем самым прослеживается определенная трансформация названий топонимов/этнонимов/ороннмов с единой основой: *Кангх — Канг — Канцюй — Кангу Тарбан — Кангар — Кангарас* [Кляшторный, 1964, с. 161–179].

Одним из самых ранних известий о Кангюе являются заметки китайского путешественника Чжан Цяня, посетившего это государство во II в. до н.э. Китайские авторы пишут о нем как о большом государстве, населенном кочевыми племенами, но имеющем и города. Власть кангюйского владетеля простиралась до северных берегов Каспия, где ему подчинялось государство Яньцай, или Аланьна, — союз сармато-аланских племен, кочевавших между Приаральем и низовьями Волги [Малявкин, 1989, с. 56, 57, 201–202 (примеч. 355), 202–204 (примеч. 356)].

О Кангюе Чжан Цянь пишет в разделе «Повествование о Сюнну»: «Царство Канцзюй. Зимняя ставка правителя в земле Лэюэни, в г. Битянь, который отстоит от Чанъани на 12 300 ли. Не подчиняется „духу". До [Лэ]юени семь дней конной езды, до летнего местопребывания

[1] С.Г.Кляшторный принимает сопоставление кангарасов с кангаро-печенегами, впервые предложенное Й.Марквартом.

правнтеля в Фаньнзй 9104 ли. [Население состоит из] 120 тысяч дворов, 600 тысяч ртов, а отборное войско — из 120 тысяч человек. На восток до ставкн духу 5500 ли. По обычаям одинаково с Большим Юэчжн. На востоке тесно связано с Сюнну» [Боровкова, 2001, с. 293].

По описаниям китайских источников, по обычаям и одежде кангюйцы в те времена не отличались от сармат и алан [Бичурин, 1950, с. 229], т.е. не выделялись из круга родственных северноиранских скотоводческих племен. По мнению Л.А.Боровковой, кангюйцы по облику, обычаям и одежде были подобны даваньцам, которые, по сообщениям «Ши цзы» и «Хань шу», были европеоидамн, вели оседлый образ жизни н занималнсь земледелием. Она предположнла, что н кангюйцы к IV в. н.э. перешли с кочевого на оседлый образ жизни и при этом занимались отгонным скотоводством [Боровкова, 2001, с. 312]. О силе их государства говорит тот факт, что чиновнпков империи Хань кангюйцы сажали «ниже» усуньскнх послов [Нусупбеков, Кумеков, 1959, с. 40].

А.М.Мандельштам предположил, что кангюйцы были прямыми потомкамн ранее обитавших здесь сакских племен [Мандельштам, 1978, с. 23].

С начала I тыс. н.э. Кангюй оказывается вовлеченным в событня, связанные с крушением державы хунну (сюнну). Завершающим эпизодом событий 91 г. н.э., когда произошло фактическое уничтожение северных хунну, было бегство шаньюя Чжнчжи на запад — в Кангюй. В пределы государства прнбыло несколько тысяч подданных шаньюя, и если принять во внимание версию о тюркоязычности хунну, то можно предположить, что началом постепенной тюркизацни владения Кангюй послужнло именно это переселение. Известно, что кангюйский правитель поселнл шаньюя н его народ на реке Или, отдал ему часть войска и свою дочь в жены. Проанализировав китайскне сведения о шаньюе Чжичжи, Л.А.Боровкова пришла к выводу о том, что граница между Кангюем н государством Усунь в I в. н.э. проходнла немного восточнее озера Иссык-Куль [Боровкова, 2001, с. 301].

Последнее упоминание государства Кангюй в китайскнх династийных хрониках относится к 287 г. Под 437 г. встречается последнее конкретное свидетельство о существовании царства Чжэшэ, согласно «Вэй шу» являвшегося преемником Кангюя: «Царство Чжэшэ, бывшее царство Канцзюй, находится к северо-западу от Полоны» [Боровкова, 2001, с. 312].

Л.А.Боровкова считает, что царство Чжэшэ, бывшее Канцзюй, исчезло с исторической арены, как и Усунь, со второй половины V в., т.е. в то время, когда в Восточном Туркестане и Средней Азии появились гаоче (протоуйгуры) и яда (эфталиты) [Боровкова, 2001, с. 312, 313].

Действительно, в середине V в. наблюдается перемещение с востока на запад, из Западной Сибири и степей современного Казахстана, тюркоязычных огурских племен во главе с савирами, которые, по мнению П.Голдена, являлись частью племенной конфедерации теле и обитали до откочевки на запад на территориях между рекой Или, Западным Тянь-Шанем и районами Западной Сибири [Golden, 1990, с. 257]. Эти перемещения, по всей видимости, затронули и кангюйские племена, в среде которых должны были активизироваться процессы тюркизации.

В 554 г. с востока на земли владения Кангюй устремляются тюрки-тукюе, преследовавшие остатки разгромленных ранее жужаней. В 555 г. войско тюркского Истемн-кагана достигает «западного моря» — по мнению Л.Н.Гумилева, опиравшегося на известия Фирдоуси, Аральского моря [Гумилев, 1967, с. 34, 35]. Кангюйские племена, по всей видимости, покоряются тюркам-тукюе, так как нет свидетельств войны с ними. В качестве оказавших сопротивление указываются лишь приаральские хиониты (сармато-аланы), вары и угры [Гумилев, 1967, с. 35], платившие ранее, как указывалось выше, дань именно Кангюю. В любом случае тюрки-тукюе, развязавшие в это время большую войну с эфталитами, должны были бы «замирить» народы, которые оказались теперь в пределах Тюркского каганата.

Дальнейшие судьбы кангюйцев были тесно связаны с тюркским кругом племен. После распада единого каганата тюрков-тукюе в 604 г. кангюйские племена и подконтрольные им земледельческие оазисы и города оказываются под властью западных тюркских каганов. Центром их владений, согласно древнетюркским эпитафиям, являлся город Кангу Тарбан, а сами они были известны тюркам-тукюе под именем кангарасов. Как показал С.Г.Кляшторный, город Кангу Тарбан упоминается персидскими и арабскими источниками под именами Тарбад — Тарбанд — Турарбанд — Отрар [Кляшторный, 1951, с. 55–59]. Исследования казахстанских археологов показывают, что город Отрар и одноименный оазис примерно с I в. н.э. играли большую роль в жизни Кангюя, более того, предполагается столичный статус города Отрара [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 181 и сл.].

Судя по всему, вассальное положение кангарасов было достаточно условным, иначе трудно объяснить то, что они около 630 г. дважды бежали в земли Западнотюркского кагана [Аристов, 1876, с. 303].

Некоторые группы кангарасского населения оказываются и в пределах Восточнотюркского каганата. Об этом говорит тот факт, что представители их знати занимали в государстве восточных тюрков-тукюе достаточно высокие должности. Известно о посольстве, отправ-

ленном восточнотюркским Шиби-каганом в Китай, — во главе этой миссии «Цзю Таншу» упоминает некоего тегина Кан-хэ-ли: «Ши-бн (каган) отправил своего тэлэ (тегина) Кан-хэ-ли преподнести в дар [китайскому императору] тысячу лошадей». Имя главы посольства, по мнению Ю.А.Зуева, закономерно читается как «кангарлыг»; более того, в разделе «Тамги лошадей из вассальных княжеств» сочинения IX в. «Танхуйяо» упомнпается народ кан-хэ-ли, название которого также реконструируется как кангар [Зуев, 1961, с. 127]. Предполагается, что, являясь вассальным племенем восточных тюрков-тукюе, кангары кочевали вблизи каганской ставки на территории современной Монголии.

Переселение тюркских племен должно было сказаться на языковой ситуации во владеннях кангаров/кангарасов. Однако тюркизация областей Средней Сырдарьи не могла быть сплошной и быстрой. Можно предположить, что ранее всех подверглись языковой ассимиляции именно кочевые кангары, к тому времени объединившие вокруг себя некоторые тюркские племена. Достаточно продолжительным процесс смены языка являлся для оседлых народов оазисов на землях древнего Кангюя. С.Г.Кляшторный обнаружил свидетельства того, что у некоторых потомков кангаров еще в XI в. существовал «смешанный хорезмийско-печенежский» язык [Кляшторный, 1964, с. 174–175].

Тюркизации подвергались и другие племена, кочевавшие на Средней Сырдарье, например крупное объединение печенегов. По мнению ряда исследователей, этноним *печенег* возводится к названию одного из сакских племен — пасикам-пасианам, упомянутым Страбоном в числе кочевников, сокрушивших около 130 г. до н.э. Греко-Бактрийское царство [Плетнева, 1990, с. 177]. Как отмечает П.Пельо, печенеги (под названием пей-жу) наряду с огурами и аланами в VII в. упоминаются в китайской летописи «Суй шу», в разделе, посвященном племенной конфедерации теле. В VIII в. печенеги Средней Сырдарьи упоминаются в форме пе-ча-наг в тибетском переводе уйгурского текста, повествующего о северных народах [Golden, 1990, с. 271].

Вероятно, согласно древней государственной традиции кочевые кангары сохраняют на Средней Сырдарье главенствующее положение — им подчиняются остальные племена, в том числе и печенеги. Именно этим объясняется то, что впоследствии, уже на границах Византии, греки фиксируют самоназвание *кангар* только у трех самых влиятельных печенежских племен: «Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это означает прозвище кангар» [Константин Багрянородный, 1989, с. 157].

В результате падения Западнотюркского каганата печенеги приобретают известную самостоятельность. Однако их положение в то время трудно назвать стабильным. Если их война с тюргешами 711–712 гг. [Гумилев, 1967, с. 266], имела, скорее всего, локальный характер, то последующее противостояние проникновению в этот регион карлукских и огузских, а позже и кимакских племен приобрело характер борьбы за выживание. Масуди упоминает, что в IX в. шла жестокая борьба «между этими четырьмя племенами: баджанак, балжане, баджагард и наукерде — и гузами, карлуками и кимаками» [Ахинжанов, 1995, с. 158]. Неравноправная война против огузов, карлуков и кимаков приводит к откочевке в IX в. основной части печенежских племен на запад[2].

Рассмотрение исторических судеб ушедших на запад и фактически сокрушивших Хазарский каганат печенегов не входит в задачи этой статьи; нас больше интересует та их часть, которая осталась в Средней Азии. Эти печенеги были инкорпорированы в состав племенного союза огузов — новых хозяев Средней Сырдарьи. По предположению С.А.Плетневой, на прежних своих кочевьях осталась самая малоактивная и бедная часть печенегов [Плетнева, 1990, с. 12]. Этих печенегов упоминает Константин Багрянородный: «Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали до самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» [Константин Багрянородный, 1989, с. 157].

У части вошедших в состав огузов кангарских племен обнаруживается старый этноним — кангар в форме *хангакиши*. Идриси (XII в.) пишет: «Это очень большое озеро… в нем много рыбы — главной пищи того народа… на нем много пастбищ и плодородных мест, принадлежащих хангакишам. Это вид гузов, которые постоянно носят оружие, у них чрезмерные осторожность и мужество по отношению к соседним с ними видам тюрков» (цит. по [Кляшторный, 1964, с. 178]). В этом названии отражается их древний этноним *канг* в форме *канга-киши* — «люди Канга».

[2] Стоит отметить, что переселение групп кангаро-кенгересских племен на запад началось задолго до IX в. По мнению С.Г.Кляшторного, первые представители этих племен появились в районах Кавказа и в Восточной Европе еще в I–IV вв. [Кляшторный, 1964, с. 175–177].

Как видим, процесс взаимодействия огузских и кангаро-печенежских племен был очень сложным и неоднозначным. Часть кангаро-печенегов была полностью ассимилирована огузами, что подтверждается древними генеалогическими списками легендарных огузов — согласно данным Махмуда Кашгари (XI в.) [Ахинжанов, 1995, с. 159] и Рашид ад-Дина (XIII в.) [Рашид ад-Дин, 1952, с. 89], в составе их левого крыла (учуков) значится племя бичинэ/бедженэ. К этим временам можно отнести легенду, приводимую тем же Рашид ад-Дином: «Канлы. В то же самое время, как Огуз воевал со своим отцом, дядьями, братьями и племянниками, делал набеги и грабил их страны, то из всего народа, все те из его родственников, которые присоединились к нему и стали с ним заодно, по соображению собственного ума сделали повозки и нагружали на них [все] награбленное, другие навьючивали добычу на животных. [Повозку по-тюркски называют канлы], по этой причине и они названы именем канлы. Все ветви канлы [происходят] от их потомства. Впрочем, Аллах знает лучше!» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 84]. Схожую легенду уже в китайской летописи «Юань ши» (XIV в.) цитирует А.Ш.Кадырбаев: «Канглы (Канли) — это есть то, что в эпоху Хань называлось Гаочэ-го — страна высоких повозок» [Кадырбаев, 1990, с. 21].

В начале XI в. на огромных просторах степного коридора от Монголии до Европы происходили события, ставшие судьбоносными не только для Азии, но и определившие по своей сути и будущее всего Евразийского континента. Происходят крупные перемещения кочевых племен в степях от Оби и Иртыша до Арала и Каспия. Цепь передвижений больших массивов кочевников в итоге затрагивает также владения сырдарьинских огузов, где проживали и печенеги. В бурном водовороте миграций, вызванных этими событиями, оказались и кипчаки, которые граничили с огузами Приаралья и Северного Прикаспия и имели до этого времени с ними мирные отношения. Под давлением наступавших с востока кочевников кипчаки постепенно овладели землями огузов, которые распались на несколько группировок. Эти события отражены в сообщении армянского летописца Матфея Эдесского, писавшего о том, что в середине XI в. народ отц (змей) разбил племя хардеш (рыжеволосых), которое обрушилось на узов (огузов) и печенегов и совместно с ними двинулось в пределы Византии [Ахинжанов, 1995, с. 186, 187]. Основная часть огузов уходит в Нижнее Поволжье, южнорусские степи и на Балканы, другая — в Мавераннахр и Хорасан, к родственным сельджукским племенам [Агаджанов, 1991, с. 68, 69].

По мнению К.И.Петрова, продвижение кимако-кипчакских племен в южном направлении стало систематическим с конца X — начала XI в.,

и во времена арабского летописца Мукаддаси (980-е годы) они уже кочевали в низовьях Сырдарьи [Петров, 1961, с. 89]. Около 1030 г. кипчакские племена появляются на границах Хорезма, их в письме к своему сюзерену, султану Махмуду Газневи, упоминает владетель Хорезма Алтунташ (1017–1032): «Кроме того, вчера вечером пришло письмо от ходжи Ахмеда, сына Абд ас-Самада, кедхудая, что кечаты, джиграки и хифчаки волнуются из-за моего отсутствия, как бы не стряслось беды...» [Бейхаки, 1962, с. 104].

Оказавшиеся под властью кипчаков огузы, печенеги и другие кочевые племена степей от Алтая до Волги инкорпорируются в кипчакский племенной союз. Именно с этого времени — с середины XI в. начинается процесс постепенной их ассимиляции. Первым отметил связь кипчакского племени канглы с кангарами/печенегами С.П.Толстов. Он пришел к выводу о переоформлении имени *кангар* в *канглы* в результате ассимиляции кипчаками части огузо-печенежских племен [Толстов, 1947, с. 101]. С.Г.Кляшторный пришел к тем же выводам, определив, что принятие этого имени первоначально кипчакской знатью выражало ее стремление связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель, прежде всего по Сырдарье, и таким образом легитимизировать свои права на власть над указанными областями [Кляшторный, 1951, с. 63; Кляшторный, 1964, с. 178, 179]. Эта гипотеза поддерживается утверждением Махмуда Кашгари о том, что «Канглы — один из великих людей из кипчаков» (цит. по [Ахинжанов, 1995, с. 238]). Историки отмечают, что впоследствии, в XII — начале XIII в. мусульманские авторы употребляют слова кипчаки и канглы как синонимы [Кадырбаев, 1990, с. 20]. В XII в. мы встречаем племя кангароглы (*кангар-оглы*, т.е. потомки кангаров. — *Р.А.*) в составе кипчакской конфедерации в трудах Нувейри, Ибн Халдуна и Рукн ад-Дина Бейбарса [Тизенгаузен, 1884, с. 539–541; Баскаков, 1984, с. 50].

Согласно С.М.Ахинжанову, племя канглы до монгольского нашествия обитало в основном в Сыгнакском владении кипчаков и кочевало летом на Иртыше, а зимой уходило в долины Сырдарьи, Чу и Таласа. Сообщения о кочевьях канглы в верховьях Иртыша по соседству с наймановами встречаются и у Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин, 1952, с. 136, 137]. С.М.Ахинжанов приводит сведения хана-историка Абу-л-Гази о том, что «канглы жили с туркоманами, перешедши в область тюркменов, они поселились на берегах Иссык-Куля, Джуды и Телеша, здесь жили много лет» [Ахинжанов, 1995, с. 239]. При этом С.М.Ахинжанов справедливо отмечает, что «тюркменами» Абу-л-Гази называет не туркменов, а карлуков. Это сообщение для нас очень важно — оно фиксирует

кочевья канглы вблизи Иссык-Куля, на землях, совпадающих или смежных с местами современного обитания кыргызского племени кангды.

Известно, что карлукские племена прикочевали в Семиречье и на Иссык-Куль еще в VIII в., после серии неудачных войн с уйгурами. Под их властью оказалась и бывшая столица кангарасов Кангу Тарбаи/Отрар. В 812 г. под тем же Отраром арабские войска Фадла бен Сахла разбивают карлукского джабгу, который скрывается в стране кимаков [Михайлова, 1951, с. 256]. Именно из среды карлукских племен, по мнению О.Прицака, в конце IX и начале X в. происходит правящая династия государства Караханидов, ханы которой в конце X — XI в. завоевали Семиречье, Центральный Тянь-Шань, Фергану, а затем покорили и Мавераннахр [Pritsak, 1951]. Канглы оказываются под властью Караханидов.

Уже к XII в. происходит постепенное ослабление власти караханидских ханов. Как сообщает Джувейни, владетель города Баласагуна «теперь не силен и не могуч. Карлуки и тюрки-канглы не только не утруждают себя в верности ему и досаждают ему, совершая набеги на его подданных, грабя скот и имущество» (цит. по [Ахинжанов, 1995, с. 239–240]).

Усиление бывших вассалов сразу же отразилось во внешнеполитической сфере: согласно китайской летописи «Цзинь ши» (XII в.), при чжурчжэньском императорском дворе были приняты канглыйские послы [Кадырбаев, 1990, с. 22]. Непростые взаимоотношения караханидских ханов и канглы в XII в. обострились настолько, что, доведенный до отчаяния и будучи не в состоянии отбить набеги канглы, правитель Баласагуна обратился за помощью к кара-китаям (киданям). Владыка кара-китаев не замедлил воспользоваться предложением караханидского хана и «воссел на престол Баласагуна. С потомка Афросиаба он снял титул хана, дав ему титул илек-туркмен... Когда прошло некоторое время и его люди освоились и скот их набрался в теле, он подчинил канглы под свою власть» [Ахинжанов, 1995, с. 240].

Данные китайских летописей говорят о том, что канглы имели достаточно тесные отношения с Хорезмом. Вообще, кипчакские племена, в том числе и канглы, играли в Хорезме исключительную роль. Именно этим можно объяснить считающееся ошибочным утверждение Джувейни о происхождении Теркен-хатун, матери последнего хорезмшаха Мухаммеда, из кипчакского племени канглы[3]. Известно, что после

[3] Замечание Джувейни считается неверным, поскольку другие источники выводят происхождение Теркен-хатун из кипчакских племен баят или йемек (см. [Насави, 1996, с. 302, коммент. З.М.Буниятова]); согласно Джузджани, Теркен-хатун являлась дочерью кипчакского хана Акрана и привела в Хорезм ряд тюркских племен — уранов, карлуков, уграков, халаджей [Буниятов, 1986, с. 62].

взятия Самарканда монголы перебили всех канглы — более 30 000 человек, с их ханами Барышмасом, Тагаем, Сарсыгом и Улагом; пробился и ушел лишь Алп-хан с тысячей человек [Аристов, 2001, с. 370].

Более того, канглы имели контакты и с другими государствами Центральной Азии. Известна тесная, а возможно и генетическая, связь их с кереитским улусом Тогрула (Ван-хана), занимавшим в XIII в. земли в районе р. Тола, среднего течения Орхона, и бассейна р. Онгин в Северной Монголии. Представители канглыйской знати (в частности, упоминаемый в «Юань ши» некий Кайранбай) служили при дворе кереитских ханов. а в китайском сочинении «Менуэр шн цзы» прямо написано об их родстве: «Кереиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные — кереитами» [Кадырбаев, 1990, с. 35–36]

Во времена монгольской экспансии племена канглы оказываются под ударами туменов Чингисхана. Читаем в «Юань ши» биографию представителя канглы Асан-буки: «С самого начала становления монгольского государства, в то время когда Тайцзу (Чингис-хан) громил канглы, его бабка стала вдовой… В стране (канглы) царил беспорядок, семья была разорена» [Кадырбаев, 1990, с. 44].

Разоренные степи восточнее р. Урал, где кочевали канглы, проезжает путешественник Гильом де Рубрук: «На второй день после Воздвижения Святого Креста мы выехали, причем у нас тронх было две вьючные лошади, и мы ехали не переставая в восточном направлении вплоть до дня праздника Всех Святых. И по всей той земле и еще дальше жили Канглы, какие-то родственники Команов. К северу от нас была Великая Булгария, а к югу… Каспийское море» [Рубрук, 1957, с. 122].

О завоевании земель канглы монголами рассказывает и «Сокровенное сказание»: «…Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях…» [Сокровенное сказание, 1990, с. 138]. Упоминание канглы в форме *канлин* наряду с кипчаками, которые в те времена были достаточно многочисленным народом, говорит о значимости канглы в иерархии степных этносов монгольского времени.

Часть канглы признала власть Чингис-хана и принимала участие в его походах на запад: в составе монгольских войск упоминается владетель Алмалыка канглы Согнак-тегин. Некий Айбай из канглы,

находясь в подчинении Субудай-багатура, участвовал в походе против кипчаков, канглы Айбо-баяут участвовал в походе на Южный Китай, канглы Хайду состоял в войске Мункэ-хана и т.д. [Кадырбаев, 1990, с. 45, 46]. Канглы наряду с карлуками и кипчаками вошли в состав специальных воинских контингентов Монгольской империи. В 1286 г. по приказу Хубилай-каана в империи были сформированы подразделения гвардии из кипчаков и канглы [Кадырбаев, 1990, с. 97]. В 1308 г. кипчакская гвардия была разделена на правое и левое крыло, а в 1310 г. переформирована и усилена дополнительным контингентом гвардейских войск канглы. Интересно, что все воины из канглы, служившие в других войсках, были отобраны для службы в гвардии [Кадырбаев, 1990, с. 111].

Монгольское завоевание привело к значительному изменению этнополитической ситуации на огромных пространствах от Китая до Европы. В водовороте переселений, как насильственных и вынужденных, так и добровольных, оказались и канглы. Группы представителей этого племени в процессе миграций достигли Европы[4]. Но при этом часть их осталась кочевать и на своих прежних землях по Сырдарье и на Тянь-Шане. По замечанию М.Тынышпаева, во времена Тимура канглы обитали между реками Сырдарья и Талас [Тынышпаев, 1925, с. 6, 7]. Более того, один из сыновей главы аймака канглы Бикинджека по имени Баян-Тимур состоял атабеком (воспитателем) при внуке Тимура — царевиче Искандере, которому было поручено управлять Ферганой [Аристов, 2001, с. 373]. К этим временам можно отнести казахское предание, объясняющее этноним *канглы* с точки зрения «народной» этимологии: «Название народа канглы очень древнее, но приобрело почет и славу только со времен Тимура, а произошло так: после жестокого боя Тимур увидел окровавленного всадника и спросил: „Кто этот канлы?" На что последовал ответ: „Раб твой канглы"» [Предание, 1901, с. 30].

После образования государства Могулистан канглы вошли в состав могульских племен. В это время появляется и другое наименование канглы — бекчик, по имени одного из предводителей аймака канглы, некоего купца Бекчика, оказавшего помощь основателю государства Тоглук-Тимуру в его пути из племени дохтуй в Аксу, к эмиру Пуладчи. Согласно летописи «Тарих-и Рашиди», после смерти Вейс-хана в 1428 г. бекчики ушли от Исан-буги и их предводитель Мир Хакк-

[4] Племя канлы упоминается в составе кипчакских племен, которые осели в Венгрии и в настоящее время составляют отдельную этнографическую группу palocz [Мандоки, 1989, с. 14].

Берди бекчик обосновался в местности Кой-Суйи на Иссык-Куле, устроил своих людей на острове и начал нападать на Сайрам и Туркестан. В.П.Юдин считает, что название *бекчик* бытовало только в могульских верхах, а «народные массы продолжали употреблять древнее название» [Юдин, 1965, с. 53]. Бекчики упоминаются в списке племенных подразделений войска могульского Султан Саид-хана. В последующее время их представители действовали по всему Могулистану.

По мнению В.П.Юдина, могулы говорили на тюркском языке кипчакского типа, близком казахскому и кыргызскому языкам [Юдин, 1965, с. 53], что, в общем, неудивительно. Как описывалось выше, канглы образовались в результате смешения кангаро-печенежских, огузских и кипчакских племен.

После распада Могулистана канглы, входившие в состав могульского народа, инкорпорируются в состав казахов. Согласно казахским генеалогическим спискам, племя канлы входит в Старший жуз, представители этого племени проживают в южной части современного Казахстана [Шежіре, 1991, с. 13], на прежних землях своих предков — кангаров.

Представители племени канглы упоминаются Масудом бен Османом Кухистани и в связи с политической борьбой в Дешт-и Кипчаке в 30–60-х годах XV в. [Султанов, 1982, с. 8]. Кроме того, племя канглы фигурирует в списке 32 «узбекских» племен Дешт-и Кипчака, опубликованном А.Вамбери [Султанов, 1982, с. 27].

Впоследствии, канглы вошли в состав казахов [Востров, Муканов, 1968; Султанов, 1982; Кайдаров, 1984], узбеков [Султанов, 1982, с. 36], башкир [Кузеев, 1974], каракалпаков [Жданко, 1950], ногайцев [Керейтов, 1999].

Возникает вопрос о периоде вхождения племени кангды в состав кыргызского народа. Родоплеменной список кыргызов в «Маджму ат-таварих» указывает на то, что это произошло не позднее XV в., т.е. еще до того, когда те признали власть могульских ханов. В связи с этим актуальным является мнение С.М.Абрамзона о том, что кангды (которых он однозначно отождествляет с канглы) входят в первый «пласт» этнических групп, в наименованиях которых нашли отражение важнейшие этапы этнической истории кыргызского народа и который восходит к VI–XI вв. [Абрамзон, 1990, с. 50]. Некоторым подтверждением этого может служить тот факт, что род кан[3] встречается у самой близкой к кыргызам в языковом отношении народности — южных

[3] *Кан* является основой термина *канлы*, где *-лы* выступает в роли суффикса.

алтайцев [Юнусалиев, 1956, с. 25–38; Радлов, 1989, с. 95]. Это позволяет предположить, что племя кангды вошло в состав кыргызов до XV в., когда кыргызы и южные алтайцы представляли единое целое.

По нашему мнению, эта общность населяла южные склоны Большого Алтая (включая современные российский и монгольский Алтай), Прииртышье и земли Северной Джунгарии. Об этом сообщают и некоторые письменные источники: например, кыргызы упоминаются в Прииртышье под 1407 г. в связи с походом против них хана Золотой Орды Пулада. Махмуд ибн Вали пишет об этом: «Поручив охрану Прииртышья эмирам племени бахрин, полностью преградили путь кыргызам» (цит. по [История, 1984, с. 431]). Впоследствии, возможно, из-за жестокой ойратской междоусобицы в первой половине XV в. [Златкин, 1964, с. 47] кыргызы были вынуждены покинуть эти земли и откочевать на юг — в Семиречье и Восточный Туркестан. Об этом под 1770 г. упоминает китайская летопись «Сиюй чжи»: «Около 330 лет назад (примерно в 1440 г. — *Р.А.*) часть кыргызов, спасаясь от беспорядков, бежала и нашла приют в горах Тянь-Шаня» (цит. по [История, 1984, с. 431]).

Мы уже упоминали о сведениях Рашид ад-Дина о кочевьях канглы в XIII в. в верховьях Иртыша по соседству с найманами. Судя по всему, именно эти канглы и вошли в состав кыргызов-*кангды* и южных алтайцев — *кан*.

Абрамзон, 1990 — *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Бишкек, 1990.

Агаджанов, 1991 — *Агаджанов С.Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991.

Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972 — *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Древний Отрар: топография, стратиграфия, перспективы. А.-А., 1972.

Аристов, 1876 — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1876. Вып. 3–4.

Аристов, 2001 — *Аристов Н.А.* Усуни и кыргызы, или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.

Аттокуров, 1995 — *Аттокуров С.* Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1995.

Ахинжанов, 1995 — *Ахинжанов С.М.* Кипчаки в истории средневекового Казахстана. А.-А., 1995.

Баскаков, 1984 — *Баскаков Н.А.* Имена половцев и названия половецких имен в русских летописях // Тюркская ономастика. А.-А., 1984.

Бейхаки, 1962 — *Абу-л-Фазл Бейхаки.* История Масуда 1030–1041 / Вступ. ст., пер. и примеч. А.К.Арендса. Ташк., 1962.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950.

Боровкова, 2001 — *Боровкова Л.А.* Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.

Буниятов, 1986 — *Буниятов З.М.* Государство хорезмшахов Ануштегинидов. М., 1986.

Востров, Муканов, 1968 — *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). А.-А., 1968.

Гумилев, 1967 — *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.

Златкин, 1964 — *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.

Зуев, 1961 — *Зуев Ю.А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо, т. III, цзюань 72, с. 1305–1308) // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. А.-А., 1961. Т. 8.

Жданко, 1950 — *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. М., Л., 1950.

История, 1984 — История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Фрунзе, 1984.

Кадырбаев, 1990 — *Кадырбаев А.Ш.* Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. А.-А., 1990.

Кайдаров, 1984 — *Кайдаров А.Т.* К историко-лингвистической характеристике этнонима канглы/канлы // Тюркская ономастика. А.-А., 1984.

Керейтов, 1999 — *Керейтов Р.Г.* Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999.

Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.

Кляшторный, 1951 — *Кляшторный С.Г.* Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах // Советская этнография. 1951. № 3.

Константин Багрянородный, 1989 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989.

Кузеев, 1974 — *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.

Кыргыз санжырасы, 1991 — Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1991.

Маджму ат-таварих, 1973 — Маджму ат-таварих // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

Малявкин, 1989 — *Малявкин А.Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.

Мандельштам, 1978 — *Мандельштам А.М.* К восточным аспектам истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана // Кр. сообщ. Института археологии. Вып. 154. М., 1978.

Мандоки, 1989 — *Мандоки И.* Кипчактар // Кыргыз маданияты. 1989. 21 декабря. № 51.

Михайлова, 1951 — *Михайлова А.И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока. 1951. № 5.

Насави, 1996 — *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ал-Дин Манкбурны. М., 1996.

Нусупбеков, Кумеков, 1959 — *Нусупбеков А.Н., Кумеков Б.Е.* Социально-политические, этнические и культурные процессы в Южном Казахстане // Тр. АН Казахской ССР. 1959. Т. 1.

Петров, 1961 — *Петров К.И.* Киргизо-кипчакские отношения // Изв. АН Киргизской ССР. 1961. Т. 3. Вып. 2.

Плетнева, 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

Предание, 1901 — Предание о Хазрити-Исмаил-Ата. [Б.м.], 1901.

Радлов, 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.–Л., 1952.

Рубрук, 1957 — *Гильом де Рубрук.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

Сокровенное сказание, 1990 — Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990

Султанов, 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Толстов, 1947 — *Толстов С.П.* Города гузов // Советская этнография. 1947. № 3.

Тынышпаев, 1925 — *Тынышпаев М.* Материалы по истории киргиз-казакского народа. Ташк., 1925.

Шежіре, 1991 — Шежіре. Қазақтың ру-тайпалық құрылысы. Алматы, 1991.

Эсенкан Тёрёкан уулу, 1995 — Эсенкан Тёрёкан уулу. Кыргыздын кыскача санжырасы. Бишкек, 1995.

Юдин, 1965 — *Юдин В.П.* О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими народами // Изв. АН Казахской ССР. 1965. № 3.

Юнусалиев, 1956 — *Юнусалиев Б.М.* К вопросу о формировании общенародного кыргызского языка // Тр. Института языка и литературы АН Киргизской ССР. 1956. Вып. VI.

Golden, 1990 — *Golden P.B.* The Peoples of the South Russian Steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia. From Earliest Times to the Rise of the Mongols. Cambridge, 1990.

Pritsak, 1951 — *Pritsak O.* Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd 101 (NF. Bd 26). Lpz., 1951.

В.Я.БУТАНАЕВ
(Абакан)

К истории института киштымства у енисейских кыргызов

Вассальные племена, проживавшие в горно-таежных урочищах Саяно-Алтая и подвергавшиеся своеобразной социально-этнической эксплуатации со стороны енисейских кыргызов, носили общее название *киштымы* (*кесдем, кистим*) [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 66]. Возникновение социального института киштымства уходит в далекое прошлое, когда начали складываться раннеклассовые отношения в Кыргызском государстве на Енисее. Согласно более поздним историческим сведениям, содержащимся в русских документах XVII в., киштымами являлись «черные люди», «ясачные мужики» или «природные холопы», которые у кыргызов были «вместо крепостных крестьян» (см. [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 176]).

Киштымы располагали собственными средствами производства, имели свои пашни, охотничьи угодья, железные рудники и родовые участки. Управляли ими собственные башлыки, которые отвечали за свой род и племя перед кыргызскими бегами. Киштымы были обязаны исполнять натуральные и воинские обязанности для своих кыргызских господ и считались у последних вечными должниками. Чтобы удержать киштымов в повиновении, в Кыргызском государстве имелась военная сила — служилые батыры, а также система заложничества — *аманат*. Батыры, составлявшие княжеские дружины, осуществляли сбор ясака.

Институт киштымства как особая данническая форма социально-этнической эксплуатации первоначально вырос на базе подчинения завоеванных племен и народов. Он возник в недрах кыргызской государственности и соотносится с раннефеодальным способом эксплуатации.

Первые сведения о киштымах (*кешдем*) зафиксированы в кыргызских памятниках рунической письменности VIII–IX вв. на территории

© В.Я.Бутанаев, 2006

Тувы и Алтая. Например, во времена Кыргызского каганата население долины р. Кемчик в Туве превратилось в киштымов с административным делением на шесть *багов* (*алты баг кешдем*) [Малов, 1952, с. 44]. Вместе с тем в рунических памятниках Тувы наряду с указанием на территориальное деление на «шесть багов киштымов» употребляется выражение «шесть багов простого народа» (*алты баг будун*) [Малов, 1952, с. 11, 22]. Важно отметить, что древнекыргызское понятие *кешдем* в данном случае соответствует понятию *будун* (народ). Исходя из данного факта можно заключить, что в Кыргызском государстве народ захваченной территории становился киштымом.

Однако если в кыргызских письменных источниках киштымы предстают как вассальные племена, то в иноязычных памятниках письменности название *киштым*, как правило, являлось этнонимом вассального народа, входившего в состав Кыргызского государства. В китайских хрониках VIII в. говорится, что на юго-западе от северных соседей кыргызов — бома (страны пегих лошадей) проживало поколение кешидянь, или кешидянь. Оно ежегодно собирало в качестве оброка для своих старшин шкуры соболей, выдр, белок и горностаев [Кюнер, 1961, с. 54; Бутанаев, 1970, с. 178, 179]. По всей видимости, народ кэшидянь (т.е. киштымы) обитал где-то в районе Северного Алтая.

Название народа *киштым* в форме *гешдум* обнаружено в древних тибетских документах, представляющих собой пересказы докладов уйгурских послов середины VIII в. о государствах северной части Центральной Азии [Потапов, 1969, с. 169, 170]. Несомненно, речь идет об одном из вассальных народов Кыргызского государства, бывшего северного соседа уйгуров.

Согласно китайским известиям эпохи Тан, в государстве «Хягас» каждое поколение вассальных племен (по-китайски *туфань*) имело свое имя [Кюнер, 1961, с. 60]. Среди таежных массивов Восточных Саян обитали различные поколения «лыжных» тюрков. «Хягасы ловят их и употребляют в работу» [Бичурин, 1950, с. 354].

В персидском географическом труде «Худуд ал-алам», написанном в 982–983 гг., указывается, что севернее тюрков токуз-огузов и карлуков на границе с необитаемыми странами севера находилась область кыргызов. Помимо основного населения на востоке обитал народ кури, а на западе — кестим. Кес(т)им – «название другого народа, также из хырхызов, [они] поселяются на склонах гор, в шатрах, добывают меха, мускус, рог хуту и другое. Это один из хырхызских народов, их речь ближе к халлухской, а по одежде они напоминают кимаков» [Материалы, 1973, с. 42]. Вполне возможно, что в X в. зависимые племена

киштымов (ранее — население завоеванных территорий) интегрируются в общую социальную структуру Кыргызского государства, составляя трудовую часть общества.

В XIII в., во времена завоевания Саяно-Алтая монголами, в пределах страны кыргызов проживали тюркские народы: кесдем (кесдиин, кесутами, коштеми, куштеми), теленгут и урянкат [Таварих-и гузида, 1967, с. 77, 83; Лубсан Данзан, 1973, с. 184; Сокровенное, 1990. с. 119]. Лесные урянкаты располагались, вероятно, в Восточных Саянах, а местожительство племен теленгут и куштеми находилось западнее, «по ту сторону кыргызов», по направлению к стране «Шибер» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 123]. Спустя пять столетий, в XVII–XVIII вв., на этой же территории предгорий Северного Алтая продолжали кочевать потомки бывших кыргызских киштымов, называемые в русских документах аз-киштымами (ач-кештем, ач-искитим). Название племени аз-киштым, вошедшего к этому времени в состав «Телеутской земли», переводится как «киштымы азов», где «аз» соответствует понятию «кыргыз». Действительно, в древнетюркских рунических памятниках зафиксированы выражения *аз кыргыз будун* и *ач будун*. В данных текстах таким образом, вероятно, обозначается царствующая фамилия Кыргызского государства, которая в китайских хрониках передается формой *ажо* (*ажэ*) [Бутанаев, Худяков, 2000, с. 72]. В связи с тем что аз-киштымы составили единое целое с телеутами (теленгутами), последних — особенно тех, которые, переселившись в Западную Сибирь, образовали свои колонии в Томском, Кузнецком и Тарском уездах, — стали называть «скедемы», или «искитимы», т.е. киштымы [Уманский. 1995. с. 96. 97]. До сих пор места их бывшего проживания сохранили такие названия. как р. Ач-Искитим (Томь), города Искитим (Новосибирская обл.) и Кыштым (Челябинская обл.) и др.

В XVIII в., когда институт киштымства прекратил свое существование в связи с ликвидацией джунгарами в 1703 г. государственности кыргызов, тюркоязычное население Южной Сибири продолжало называться «кистимские татары», или «киргизские кыштымы», «потому что они были данниками киргизов раньше, чем стали под властью русских» [Линденау, 1983, с. 147; Страленберг, 1985. с. 23]. До сих пор в составе хакасов сохраняется родоплеменное подразделение (*сеок*) кистим, т.е. киштымы, и даже имеется фамилия Киштымовых (Кистимнер). В русских говорах Сибири встречается заимствованное от енисейских кыргызов выражение *кыштымничать* — просить милостыню [Элиасов, 1980, с. 179], т.е. вести себя подобно киштыму.

Судя по указанным выше источникам, название *киштым*, связанное с определенным социально-экономическим институтом, было представлено в следующих вариантах: кешдем, кэшидянь, кесдем, кестим, кесдиин, гешдум, кесутами, куштеми, киштим, кстим, искитим (произошла метатеза в первом слоге), скедем и кыштым (в русском произношении). Кроме того, в хакасском языке имеются два слова, явно связанные с первоначальным *киштым*: *кысмыс* («нерадивый человек»; в данном случае произошла метатеза во втором слоге) и *мыс-кыс* («лодырь, не желающий работать»; произошла двойная метатеза).

Согласно народной этимологии, слово *киштым* якобы происходит из сочетания *киш* (*кіс*) — соболь и *тим* — выделанная шкура. Таким образом, получается, что *киштим* (букв. «соболиный мех») означает натуральную плату соболиными шкурами. Подобного мнения о киштымах как соболевщиках придерживался в свое время известный исследователь Саяно-Алтая Л.П.Потапов.

На основании приведенных из источников сведений напрашивается мысль о том, что имя *киштым* первоначально было связано с этнонимом одного из завоеванных кыргызами народов. Такие примеры в истории встречаются неоднократно. Например, монголы словом *хитад* называли не только китайцев, но и рабов [Владимирцов, 1934, с. 165].

К сожалению, среди исторической лексики кыргызов Тянь-Шаня мы не смогли обнаружить термина *киштым* ни в одной из его разновидностей (за возможным исключением — *керстендей болуп*). Однако в кыргызском языке (наряду с казахским) имеется обозначение социально-экономического понятия *толонгут* — ханский челядинец [Юдахин, 1965, с. 757], очень близкого к понятию *киштым*. В таком случае можно предположить, что тянь-шаньские кыргызы смогли сохранить память о вассальных племенах — теленгутах, которые находились вместе с *киштымами* среди лесных народов Саяно-Алтая, и, значит, прослеживается их историческая связь с ранней кыргызской государственностью на Енисее.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.–Л., 1950.

Большой, 1998 — Большой турецко-русский словарь. М., 1998.

Бутанаев, 1970 — *Бутанаев В.Я.* Заметки о двух хакасских этнонимах // Уч. зап. Хакасского НИИ ист., яз. и лит. Сер. филол. № 1. Абакан, 1970, вып. XIV.

Бутанаев, Худяков, 2000 — *Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С.* История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Кюнер, 1961 — *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961

Линденау, 1983 — *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.

Малов, 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.–Л., 1952

Материалы, 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.

Потапов, 1969 — *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. I. М.–Л., 1952.

Сокровенное, 1990 — Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ, 1990.

Страленберг, 1985 — Записки капитана Ф.И. Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.–Л., 1985.

Таварих-и гузида, 1967 — Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Таш., 1967.

Уманский, 1995 — *Уманский А.П.* О поселениях «высэжих телеутов» в Томском и Кузнецком уездах в XVII–XVIII веках // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995

Элиасов, 1980 — *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Юдахин, 1965 — *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.

А.В.ВИНОГРАДОВ
(Москва)

Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в.

В XVI–XVII вв. среди крымской знати выделяется могущественная семья, которая в государстве Гиреев выступала в качестве «доверенных лиц» московских государей (так называемых *амиятов*). Это род Сулешевых, названный так по имени одного из влиятельнейших беков эпохи хана Девлет-Гирея I — Сулеша, или Сулейман-ишана (Сулейманши, как он иногда именовался в русской посольской документации). Под Сулешевыми в отечественной историографии подразумеваются не только сыновья Сулеша, т.е. собственно Сулешевы, получившие фамилию отца в русской транскрипции, но и их предки. Эту традицию начал С.О.Шмидт, указав, что фамилия образована от имени Сулеш-бея, сына одного из сподвижников Мамая [Шмидт, 1961, с. 368]. Последнее не совсем верно, так как первое поколение этой семьи, представленное четырьмя братьями — Аппаком, Магмедшей (Мухаммед-ишаном), Худояром и Халилем, активно участвовавшими в сношениях Крыма с Москвой при ханах Менгли-Гирее I и Мухаммед-Гирее I (последняя четверть XV — первая четверть XVI в.), принадлежало к одной из ветвей рода Кипчак [Базилевич, 2000, с. 162, 163; Сыроечковский, 1940, с. 49–53; Шмидт, 1961, с. 368, 369; Хорошкевич, 2001, с. 202]. В русской посольской документации по отношениям с Крымом этого периода Аппак и его братья никогда не упоминаются как «Сулешевы». В историографии встречается и другая идентификация предков Сулеша. А.Л.Хорошкевич указывает, что в начале 60-х годов XVI в. интересы Москвы в Крыму представлял «Сулеш, давний „амият" (приятель, доброжелатель) Ивана IV, принадлежавший к роду Халиля–Аппака–Магметши» [Хорошкевич, 2003, с. 343]. Термин *амият* тем не менее,

© А.В.Виноградов, 2006

как доказал А.А.Новосельский, относится только к Сулешу и его потомкам [Новосельскнй, 1948, с. 19].

А.А.Новосельский, указывая на буквальный перевод с кипчакского наречия слова *амият* как «приятель», определил его значение как «посредник в дипломатических отношениях» и отметил, что «амиятство в сношениях Крыма с Москвой было привилегией рода мурз Сулешевых, в сношениях с Польшей — привилегией рода мурз Куликовых» [Новосельский, 1948, с. 19]. Аналогия с ролью мурз Куликовых, проведенная А.А.Новосельским, оправданна, однако при этом надо отметить, что если термин *гомьят* (синоним *амият*) постоянно встречается в литовской посольской документации по связям с Крымом, то в русских документах он не используется.

На первый взгляд это может быть связано с тем, что в русской посольской документации содержались лишь краткие перечни даров в ответ на «запросные грамоты» крымской знати, а «листы поминков» составлялись в ведомстве казначея, в то время как «реестры поминков», т.е. литовские перечни «подарков» крымской знати, готовились непосредственно в канцелярии Великого княжества Литовского в Вильно при отправлении оттуда «больших послов» (как, например, в 1567 г. посла А.Владыки [Книга, 1843, с. 313–320]).

Вместе с тем в грамотах, которыми обменивались Иван IV и Сулеш, роль последнего как доверенного лица московского государя ни разу не определена как «амиятство». Этот термин почти не встречается и в многочисленных донесениях из Крыма русских дипломатических представителей в эпоху Ивана Грозного. Только весной 1578 г. сын Сулеша — Мурад-мурза, стремясь заручиться поддержкой русского посланника в Крыму Е.Ржевского в назначении послом в Москву своего младшего брата, Арслан-мурзы, заявил: «Мы иссгари амияты московские были и в Москве в послех хаживали» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 162]. Однако обычно Сулешевы говорили русским дипломатам не о своем «амиятстве», а о «службе государю вашему».

В дальнейшем, уже после смерти Сулеша, речь идет о «княж Сулешева прежнем месте», т.е. о месте доверенного лица среди крымской знати по связям с Москвой. Напротив, в литовской посольской документации Сулеш упоминается именно как «гомьян» (или «омьян») «московского» [Книга, 1843, с. 226, 313]. Тем не менее термин «московский амият» прочно вошел в отечественную историографию применительно к Сулешу и его потомкам, но, к сожалению, без развернутых объяснений роли и значения этого рода в русско-крымских ди-

пломатических связях второй половины XVI в. Настоящая статья призвана в определенной степени восполнить этот пробел.

В 30-х годах XVI в. на политической арене Крыма действовали уже представители второго поколения рода Аппака — его сын Тагалды и племянники, сыновья Магмедши, — Салимша (Селим-ишан) и Сулеш (Сулейман-ишан). Все они в конце 30-х — начале 40-х годов XVI в. были крымскими послами в Москве.

Сам бек («князь») Сулеш был послан в 1539 г. в Москву в качестве «большого посла» для ратификации Иваном IV русско-крымского договора, заключенного с ханом Сахиб-Гиреем посольством С.И.Злобина, и был там задержан, так как список присланной с ним шертной грамоты не соответствовал ранее согласованному тексту договора [ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 128]. Посольство Сулеша оказалось весьма трудным и опасным. Он был выдворен из Москвы в Ярославль, где провел больше года. Тем не менее Сулешу удалось частично урегулировать кризис в русско-крымских отношениях, и в 1540 г. он был отпущен в Крым вместе с посольством князя А.В.Кашина-Оболенского [ПСРЛ, т. 13, ч. 2, с. 133]. Существенное значение для укрепления роли Сулеша и его семьи в отношениях Бахчисарая с Москвой имело то обстоятельство, что именно в ходе переговоров крымцев с А.В.Кашиным-Оболенским было согласовано количество «поминок», хотя русская сторона, как и прежде, смогла добиться того, чтобы положение о поминках не было внесено в шертные грамоты крымских ханов [Фаизов, 2002, с. 24].

Но главное — именно тогда Сулешу удалось закрепить приоритет своего рода в дипломатических связях с Москвой. В августе 1540 г. перед отъездом в Крым Сулеш «дал правду», т.е. принес шерть, в Москве великому князю. Содержание договора правительства малолетнего Ивана IV с Сулешем известно только по летописным источникам (см. [ПСРЛ, т. 20, с. 453]). Однако главные его черты, проанализированные С.О.Шмидтом [Шмидт, 1961, с. 373], находят подтверждение в последующей практике дипломатических «ссылок» между Москвой и Крымом.

Сулеш после принесения шерти в Москве направился в Путивль, где был совершен размен посольствами. Новым крымским послом в Москву был назначен его брат, глава рода — Салимша. Его сопровождал брат Тагалды. Все вместе они в Путивле «правду великому князю дали, что им, живучи в Крыму, служити великому князю прямо и добра хотети» [ПСРЛ, т. 20, с. 454]. Важно отметить, что братья получили «жалованную грамоту», в которой был закреплен приоритет потомков Аппака в дипломатических связях с Москвой. Главными задачами «до-

веренных лиц» были организация размена «больших послов» и содействие достижению «доброго дела».

Сам Сулеш выступает в качестве «доверенного лица» Москвы вместе со своим братом Тагалды со второй половины 40-х годов XVI в., что было зафиксировано в грамоте, отправленной к нему Иваном Грозным в 1545 г. после смерти в Москве его старшего брата Салимши, «большого посла» хана Сахиб-Гирея [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 9, л. 1–9об.]. Рассмотрев содержание этого документа, С.О. Шмидт пришел к заключению, что «грамота эта представляет собой как бы договорное обязательство» [Шмидт, 1961, с. 373]. В известной степени это действительно так, ибо мы имеем дело с первым обращением Москвы к наследникам умершего Салимши. В 1578 г. подобное обращение было направлено к сыну Сулеша — Мурад-мурзе.

Вместе с тем необходимо отметить, что данные грамоты отличались неопределенностью обязательств Москвы по отношению к своим «доверенным лицам». В них содержались лишь трафаретные обещания «свыше того жаловати» новое поколение рода Аппака–Халиля–Салимши. К тому же «жалованье» ставилось в зависимость от успеха «доброго дела». Реальным подтверждением «особых отношений» Сулеша и его потомков с Москвой могла являться только «жалованная грамота», которую представители рода должны были получить после принесения ими шерти при размене «больших послов». При этом подразумевалось, что «большие послы» должны заключить очередное русско-крымское «докончание», т.е. долговременный военно-политический союз или по крайней мере договор о фактическом перемирии. Данная ситуация являлась исключительной в русско-крымских отношениях XVI в. Неудивительно поэтому, что после 1578 г. подобная церемония состоялась только в 1593 г.

Отметим, что самому Сулешу не удалось организовать такой размен послов, хотя он никогда не упускал это из виду. Впоследствии его старший сын и наследник Мурад-мурза Сулешев так разъяснял привилегии своего рода русскому послу в Османской империи Б.П.Благово: «А государя вашего отец князь великий Иван нас пожаловал, дал свою государеву жалованную грамоту отцу нашему Сулешу князю, что нам приезжати к ним государям по жалованной грамоте и назад езжати добровольно» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 377]. Последнее предполагало отказ от задержки послов на неопределенный срок в Русском государстве в случае очередного обострения русско-крымских отношений (как это произошло с посольством Джан-Болды, которое фактически оставалось плененным с 1558 по 1574 г.). Кроме того, пред-

усматривалось «великое жалованье» всем Сулешевым, которые прибудут в Москву в качестве представителей хана, и регулярная присылка «жалованья» в Крым с русскими дипломатами. При этом в периоды регулярных «ссылок» с Крымом, в 1564–1567 гг., Москва фактически отдавала в руки Сулеша и распределение «жалованья», присылаемого крымской знати.

Сам Сулеш считал полученные привилегии как наследственные, хотя в Москве были склонны учитывать их в зависимости от его успехов в «добром деле». При каждой «ссылке» Москвы и Бахчисарая Сулешу направлялись очередные «договорные» грамоты, подтверждавшие продолжение его службы московским государям, но не определявшие его привилегии в полном объеме. Так, в грамоте Грозного Сулешу, отправленной в сентябре 1563 г., т.е. вскоре после прибытия в Крым русского посольства А.Ф.Нагого, говорится: «Наше слово то: коли ты, слуга наш, наше жалованье помнишь, и как преж сего дед твой и отец деду и отцу нашему служивали, и ты по прежнему нам служишь и дело наше бережешь, и меж нас з братом нашим Девлет Киреем царем братства и доброй дружбы смотришь, и коли так, наше жалование тебе без оскудения будет» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 236–236об.].

Конечно, Сулеш был заинтересован в упрочении своего статуса, а также статуса своих детей. В 50-е годы, в период пребывания в Крыму посольства Ф.Д.Загряжского, Сулеш, судя по всему, даже отослал в Москву вариант своей шертной грамоты на случай успешного размена «больших послов», причем речь шла об отправлении в Москву его сына Мурад-мурзы. Во всяком случае, упоминание о шертных грамотах, посланных им Ивану IV вместе с крымским посольством Джан-Болды и отпущенным на родину посольством Ф.Д.Загряжского, содержится в наказной памяти посольства А.Ф.Нагого, хотя, возможно, речь идет только о вариантах русско-крымского «докончания» (см. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 77об.–78]). Тем не менее реальная политическая обстановка так и не позволила ему повторить свой успех 1540 г.

Впрочем, став главой своего рода после смерти брата Тагалды, Сулеш находился в постоянных «ссылках» с Москвой, не прерывавшихся до его смерти. В 40–70-х годах каждого ханского гонца в Москву обязательно сопровождал «человек» Сулеша, который вез его грамоты московскому государю, а начиная с воцарения Девлет-Гирея I, т.е. примерно с 1552 г., и главе Посольского приказа И.М.Висковатому. Отсутствие русской посольской документации по связям с Крымом за 1548–1562 гг. лишает нас возможности определить точное время, когда началась переписка Сулеша с Висковатым, но ее существование на-

ходит многочисленные подтверждения как в летописных источниках, так и в последующих крымских посольских книгах.

Например, в октябре 1555 г. информация о приезде в Москву из Крыма русского гонца, служилого татарина Б.Тоишева, сопровождается упоминанием, что вместе с ним прибыл гонец от Сулеша к И.М.Висковатому: «А Сулеш князь ко царю и великому князю писал, чтобы с царем крымским царь и великий князь похотел миру, а прошлого бы не поминати» [Татищев, 1996, с. 246]. В Москве обращались к Сулешу при срочной необходимости разрешить тупиковую ситуацию, неоднократно складывавшуюся в русско-крымских отношениях в 50–60-х годах ввиду взаимного задержания посольств и гонцов и нежелания обеих сторон делать первый шаг (из соображений престижа). Так, в ноябре 1562 г. задерживавшийся в течение длительного времени и отпущенный крымский гонец Джан-Мухаммед повез в Бахчисарай послание Грозного, адресованное именно беку Сулешу [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 14–15об.].

Из всей переписки Грозного с Сулешем именно это послание привлекло внимание исследователей. Как известно, во второй половине 1562 г. царь и его ближайшее окружение пришли к решению «отставить крымское дело», т.е. прекратить антикрымские военные операции, осуществлявшиеся с середины 50-х годов запорожскими казаками, а также русскими отрядами на Днепре и на Дону. Это было неизбежным следствием изменения внешнеполитического курса в период разгоравшегося конфликта с Польско-Литовским государством. В этих условиях Грозный совершил важный дипломатический маневр, обратившись к Сулешу с посланием, в котором он дезавуировал прежнюю враждебную политику в отношении Крыма, возложив ответственность за ее проведение на И.М.Висковатого и А.Ф.Адашева, не называя их, впрочем, по именам: «А которые наше люди ближние промеж нас с братом нашим з Девлет-Киреем царем ссорили, мы то сыскали да на них опалу свою положили есмя — иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех ни в сех ходят» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 15].

Знаменательно, что в грамоте, адресованной хану Девлет-Гирею I, эти обвинения повторяются дословно [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 13, 13об.].

Тем не менее внимание историков сконцентрировано именно на грамоте Сулешу как основному «конфиденту» Висковатого. Маневр Грозного преследовал двойную цель: с одной стороны, он уведомлял Сулеша о кардинальных изменениях в своей политике, а с другой — дезавуировал обещания высокого жалованья, содержавшиеся от имени

Москвы в грамотах Сулешу от И.М.Висковатого в период пребывания в Крыму посольства Ф.Д.Загряжского. Исследователи внешней политики России традиционно видели в упоминании царем изменников отражение борьбы в его ближайшем окружении по международным вопросам и традиционное стремление царя возложить ответственность за провалы во внешней политике на придворных [Граля, 1994, с. 248, 249; Гробовский, 1997, с. 92–105; Лурье, 1958, с. 451].

При этом обращается внимание на то, что данная тема получила развитие и в дальнейших контактах Сулеша с русскими дипломатами. И.Граля, рассматривающий вслед за Я.С.Лурье разделы наказной памяти послу А.Ф.Нагому (отправленному в Крым в апреле 1563 г.), посвященные обвинениям «изменникам», акцентирует внимание прежде всего на разрешении Нагому при переговорах с Сулешем назвать тому фамилии «изменников» — А.Ф.Адашева, И.М.Висковатого и И.В.Шереметьева Большого [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 98].

Не углубляясь в данную проблему, которой посвящена значительная историография, отметим, что главные обвинения в наказной памяти А.Ф.Нагому относились к Ф.Д.Загряжскому, который, судя по всему, конфликтовал с Сулешем во время своего пребывания в Крыму (см. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 75об.]). Наконец, на наш взгляд, цель этих обвинений заключается в дезавуировании договоренностей между Сулешем и Висковатым. И.Граля также не проходит мимо этого обстоятельства: «Царский посол получил указание отвечать на все намеки мурзы (Сулеша. — *А.В.*) относительно переговоров, которые тот вел при „Иване при Михайлове", однозначно: „Тех дел поминать не надобе, занеже те дела делались от изменников"» [Граля, 1994, с. 249]. Между тем польский исследователь ссылается именно на тот раздел наказной памяти, который должен был дезавуировать обещания «великих поминок» и «жалованья» Сулешу, данные И.М.Висковатым «при после государя вашего при Федоре при Загряжском» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 77об.]. На этот вопрос следовал развернутый ответ о том, что «те дела делались от изменников» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 78].

В наказной памяти А.Ф.Нагому это первая инструкция о раскрытии имен «изменников» с прибавлением к ним Ф.Д.Загряжского. Вторая инструкция на эту тему действительно представляет ответ на возможный прямой вопрос Сулеша: «А что вспросит, что царь и великий князь писал ко царю (хану. — *А.В.*) в своей грамоте о изменниках, которые царя и великого князя с царем ссорили...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 98]. Если в первом случае речь шла о намерении Сулеша предъявить русскому послу грамоты И.М.Висковатого, присланные ему при «Фе-

доре при Загряжском» с конкретными обещаниями «жалованья», то во втором случае подразумевалось определение общих параметров «доброго дела» ввиду заключения русско-крымского «докончания». Здесь Ф.Д.Загряжский, отбывший из Крыма с шертной грамотой, разработанной при активном участии Сулеша и дезавуированной Грозным, уже не упоминается.

Исследователи, рассматривающие соответствующие разделы наказной памяти А.Ф.Нагому исключительно в плане «глубинных противоречий» между Грозным и А.Ф.Адашевым с И.М.Висковатым по вопросам первоочередности решения внешнеполитических задач Русского государства, обычно упускают из виду желание Ивана IV отстранить бывших руководителей избранной рады от курирования крымского направления внешней политики. Между тем это подтверждается русской посольской документацией последующих лет. Так, в наказной памяти послу князю В.В.Мосальскому, отправленному в Крым летом 1578 г., содержится указание дезавуировать (праада, уже в отношении сына Сулеша, Мурад-мурзы) обещания, содержавшиеся в «грамотах, которые посланы при дьяке при Иване Михайлове», т.е. при И.М.Висковатом, его отцу [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 245]. На это следовало «говорити: прежних дел, которые меж государями делалися лихими людми, припоминати не пригоже... А говорити: как преж сего дядья Сулешевы Халиль князь и Аппак князь и отец его Магмедша князь деду государя нашего и отцу государя нашего служили с праделом государя нашего Менгли Киреем царем и дружбу держали, так же и братья Сулешевы Салинмша князь и Тагалды мурза государю нашему службу учинили и государя нашего со своими крымскими царями дружбу сводили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 245–245об.]. Грозный был недоволен интенсивной перепиской между Сулешем и И.М.Висковатым «при Федоре при Загряжском», т.е. в период пребывания в Крыму посольства Ф.Д.Загряжского.

Иван IV, таким образом, стремился к сосредоточению только в своих руках связей с «амиятом», усматривая в переписке Сулеша с посольским дьяком нарушение своих прерогатив. Кроме того, следует учитывать, что прямые контакты Сулеша с московскими верхами и его информированность о состоянии дел в ближайшем окружении царя неизбежно могли привести к проблемам для русской дипломатии в Крыму, где «амият» Грозного имел небезосновательную репутацию «эксперта по московским делам». Например, он привлекался ханом Девлет-Гиреем I к обсуждению кандидатур русских послов в Крым, которые должны были сменить А.Ф.Нагого для окончательной рати-

Значение, которое русское правительство придавало отношениям с Сулешем, четко прослеживается в наказах всем гонцам в Крым в 60 — начале 70-х годов и, главное, в наказной памяти А.Ф.Нагому (см. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 40–101об.]). Этот документ важен тем, что это первая (после 1539 г.) находящаяся в распоряжении исследователей инструкция русскому дипломату высокого ранга, которого отправляли в Крым.

В наказной памяти А.Ф.Нагому отношениям с Сулешем отводится значительное место. Перед послом прежде всего была поставлена задача убедить «амията» в начавшемся переходе Москвы к решительному повороту в сторону мирных отношений с Крымом. Напомнив Сулешу о дружбе его семьи с Москвой (в основном речь идет о его отце, Мухаммед-ишане), Нагой должен был убедить его в личной выгоде установления «доброго дела» между Иваном IV и Девлет-Гиреем I: «Нам государские очи случалося видети, и от ближних его государских людей слыхал есмя, а изретка случалось и от самого государя слыхати, что дяля твой Халили князь, и Аппак, и отец твой Магметша князь деду государя вашего с Мингли Киреем царем в дружбе держали, также и брат твой Салимша князь, и Тагалды мурза, и ты, Сулеш князь, государю нашему службу чинили и государя нашего со своими крымскими цари в дружбе сводили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 74об.–75]. В связи с этим А.Ф.Нагому предписывалось объявить принципиальную готовность его государя принять в качестве крымского посла сына Сулеша — Мурад-мурзу и просить об этом Девлет-Гирея I. Данное предложение действительно содержалось в грамотах, адресованных хану от Грозного и отправленных вскоре с гонцом Е. Ржевским в Крым [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 218об.].

С одной стороны, Грозный стремился таким образом ускорить размен посольств, а с другой — подтверждая наследственную привилегию рода Аппака–Сулеша, расценивал его по-прежнему в качестве главы «московской партии» при ханском дворе. Несомненно, в дальнейшем предусматривалось упрочение положения Сулешевых как «московских амиятов» в случае ратификации обеими сторонами заключенного А.Ф.Нагим «докончания» с Девлет-Гиреем I. Речь шла о принесении особой шерти Мурад-мурзой при участии самого Сулеша в качестве гарантов русско-крымского договора (как это было в 1540 г.).

Кроме того, в период подготовки русским посольством договора в Крыму лично беку Сулешу было обещано «доброе жалованье». Конкретные размеры его должны были быть определены в ходе переговоров по мере продвижения «доброго дела», т.е. ставились в зави-

симость от успеха русско-крымских переговоров, что, впрочем, целиком отвечало традициям русской дипломатии в отношениях с крымской знатью. Тем не менее было предусмотрено, что в случае если по приезде А.Ф.Нагого в Крым «князь» Сулеш умрет, то московскому послу надлежало вступить в контакт с другим крымской вельможей, который изъявит готовность занять место «московского амията»: «А что Сулеша князя в животе не станет, а хто учинится на его месте, а буде похочет царю и великому князю служити, и Офонасию говорити, чтоб он царю и великому князю служил, и царь и великий князь пожалует» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 99–99об.]. Знаменательно, что, так же как и в инструкциях следующему послу князю В.В.Мосальскому, русская сторона не конкретизировала, кого именно она хочет видеть «амиятом». Это мог быть и не представитель рода Сулеша.

Между прочим, приведенный выше фрагмент наказа князю В.В.Мосальскому с предписанием напомнить о давних связях Сулешевых предков с Москвой был адресован не только Мурад-мурзе Сулешеву, но и тем из «царевых ближних людей, хто припомянет прежние дела» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 245]. В данном случае проявлялся политический прагматизм. К тому же выбор данного лица целиком зависел от воли правящего хана («а будет хто у царя в то время без Сулеша на Сулешевом месте») [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 252].

Тем не менее сама просьба направить в Москву послом сына Сулеша создавала предпосылки для выдвижения именно его на эту роль, что также целиком соответствовало прежним обычаям, согласно которым «амиятом» мог стать только человек, лично посетивший Москву с дипломатической миссией.

Из всего этого следует, что наследования места «доверенного лица» Москвы не было, что подтверждает ситуация с утверждением в качестве «амията» сына Сулеша, Мурад-мурзы. Старший сын Сулеша после почти десятилетних обещаний Москвы подтвердить «амиятские» привилегии, направив в Москву двух своих братьев в качестве послов и посланников (Арслан-мурзу в 1578 г. и Яншу-пашу в 1581 г.), так и не смог принести шерть и стать гарантом русско-крымского «докончания» и, следовательно, не добился от Москвы новой «жалованной грамоты» с подтверждением наследственных прав. Об этом он сетовал находившемуся в Крыму в конце 1584 — начале 1585 г. русскому послу в Османской империи Б.П.Благово. Отчасти это было связано с тем, что при хане Мухаммед-Гирее II он не играл первостепенную роль в его ближайшем окружении. Такого положения он добился только при хане Ислам-Гирее II. Тем не менее размены посольств с участием его

братьев не привели к заключению договора между Москвой и Бахчисараем, и Мурад-мурза был лишен статуса «доверенного лица» Москвы.

В связи с этим следует отметить, что значение Сулеша для Москвы состояло не только в том, что он долгое время был «амиятом», причем лично шертовавшим в Москве в 1540 г., состоял в постоянных «ссылках» с московским государем и его приближенными (в лице И.М. Висковатого), но и играл при дворе Девлет-Гирея I важную роль, являясь по существу его ближайшим доверенным лицом.

Такая роль Сулеша четко прослеживается в ходе исследования «отписок» А.Ф.Нагого, которые охватывают огромный для русской посольской документации XVI в. по связям с Крымом период — с лета 1563 г. по весну 1571 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 120об.–168об., 288об.–328об.; д. 11, л. 136–141, 178–278; д. 12, л. 10–72об., 201–246об., 340–346; д. 13, л. 2–65об., 145об.–170об., 242–286об.; д. 14, л. 1об.–22]. Все эти годы Сулеш находился в ближайшем окружении Девлет-Гирея I. Он вел переговоры с русскими дипломатами (в 1564 г. к А.Ф.Нагому присоединился Ф.А.Писемский), присутствовал на их аудиенциях у хана — как при приезде очередных гонцов, так и, естественно, при утверждении ханом шерти с Москвой (2 января 1564 г. и 16 июля 1566 г.), — сопровождал русское посольство при предполагаемых, но несостоявшихся отпусках из Крыма, обеспечивал его безопасность при выступлении хана в походы на Русское государство (во время астраханской экспедиции 1569 г., нападения 1571 и 1572 гг.). В донесениях русских послов Сулеш упоминается как основной советник хана по всем внешнеполитическим вопросам.

Важно отметить, что эта информация приходила к русским дипломатам не только от самого Сулеша (относительно регулярно, по мере необходимости, и, несомненно, с санкции хана), рассказывавшего им о ходе обсуждения «малой думой», т.е. ближним советом при хане (состоявшим из членов его семьи и наиболее приближенных вельмож «московского дела»), но и из других источников. О роли Сулеша при дворе Девлет-Гирея I сообщали бывшие крымские гонцы «на Москве», в первую очередь Джан-Мухаммед; о Сулеше заходила речь на переговорах с другими крымскими сановниками. Наконец, на особую роль Сулеша при ханском дворе обратил внимание русский посланник в Османской империи И.П.Новосильцев в период своего пребывания в Кафе. Сулеш и его сыновья фигурируют в качестве ближайших советников хана в переписке последнего с султаном Селимом II (часть ее была опубликована Ш.Лемерсье-Келькеже).

Можно выделить несколько направлений государственной деятельности Сулеша, помимо его переговоров с русскими дипломатами, в которых он играл главную роль и о результатах которых лично докладывал хану. Между прочим, абсолютное большинство аудиенций А.Ф.Нагого и Ф.А.Писемского у Девлет-Гирея I предварялись переговорами с Сулешем, точно так же как все аудиенции крымских послов в Москве предварялись переговорами с комиссией боярской думы с посольским дьяком, высылаемых с «речами».

Сулеш направлялся в Стамбул в качестве конфиденциального посланца хана к султану для урегулирования особо важных вопросов. При подготовке астраханской экспедиции именно он просил султана не допустить прибытия в Крым из Стамбула единственного (кроме детей хана) представителя династии Гиреев — Крым-Гирея. Речь шла об опасности замены Крым-Гиреем Девлет-Гирея I на бахчисарайском престоле. Сулеш неоднократно выезжал в Кафу на встречи с наместником султана Касим-пашой. Наиболее известна его миссия в 1570 г., когда он был послан для сбора информации о содержании переговоров Касим-паши с русским посланником И.П.Новосильцевым. Сулеш регулировал раздоры между сыновьями хана, участвовал в переговорах с литовскими дипломатами. Он держал в руках многие нити тайных сношений Крыма с «казанскими людьми» и ногайскими мурзами. Данной информацией он в случае необходимости делился с московскими дипломатами.

Сулеш играл главную роль при распределении «жалованья», присылаемого в Крым московскими государями крымской знати для обеспечения ее лояльности Москве, о чем, в частности, свидетельствует грамота, направленная Сулешу Грозным в марте 1566 г. с гонцом Я.Змиевым [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 147–150]. Это послание содержит внушительный перечень представителей знати, получивших за предшествующие годы «жалованье» по «спискам», составленным Сулешем. Эти «списки» он предъявлял русским гонцам, прибывающим в Крым, и лично распределял «жалованье» среди крымских мурз, без сомнения удерживая его часть в свою пользу. Именно этой его деятельностью мурзы были особенно недовольны.

Так, 30 ноября 1563 г., вскоре после того как на «малой думе» был решен вопрос о предполагаемом назначении Мурад-мурзы Сулешева послом в Москву и успешной аудиенции А.Ф.Нагого у хана, на которой ему было объявлено о скором принесении шерти, к русскому послу неожиданно приехали Сулеш с Мурад-мурзой. Сулеш заявил А.Ф.Нагому: «...мне калга (царевич–наследник престола. — *А.В.*) и

царевичи все и карачеи и уланы и князи и мурзы и татарская вся крымская земля не верит, и хотят меня убить, а говорят... что я служу царю и великому князю и говорят, что коли царь (т.е. хан. — *А.В.*) пойдет на царя и великого князя украйны, то я будто про царев поход к государю весть посылаю, а царь де и великий князь меня жалует своим великим жалованьем» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 299об.]. Сулеш заявил, что сведения о количестве «жалованья», присланного ему из Москвы с последним гонцом Е.Ржевским, сильно преувеличены его противниками и что грамоты, полученные от Ивана IV, он уже показал хану и калге. Последняя деталь крайне существенна. Конфиденциальность переписки между Грозным и его «амиятом» была весьма условна. Но главное, конечно, заключалось в том, что крымская знать была недовольна чрезмерным сосредоточением в руках Сулеша и его семьи ценностей, присылаемых из Москвы. Русские дипломаты вынуждены были в тот раз пообещать, что скоро всем «будет жалованье с большим послом» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 300об.].

В какой степени Сулеш «отрабатывал» московское «жалованье» и сколь справедливы были обвинения его в чрезмерной «дружбе с московским» крымской знатью? Необходимо признать, что Сулеш в первую очередь отстаивал интересы своего хана. Сулеш, несомненно, разделял нежелание Девлет-Гирея I идти на полный разрыв с Москвой. Именно он на «малых» и «ближних думах» (советах) поддерживал хана, когда тот выступал против вовлечения Крыма в астраханскую экспедицию Порты. Сулеш весьма сдержанно относился к ходатайствам «казанских людей», так как считал, что реставрация Казанского ханства невозможна. Он весьма настороженно воспринимал периодические антимосковские предложения Девлет-Гирею I от различных ногайских мурз.

Вместе с тем Сулеш был противником принятия Крымом определенных обязательств перед Москвой при заключении мирного соглашения, направленного против Польско-Литовского государства. Он вслед за ханом поддерживал дипломатию маневрирования между Вильно и Москвой с одновременным получением как литовских «упоминок», так и московских «поминок». Все требования А.Ф.Нагого включить в русско-крымский договор 1564 г. обязательства «стояти заедин» против «литовского короля» Сулеш оставил без внимания и в конечном счете на «думе» у хана поддержал нереальное для Москвы требование формального признания притязаний Крыма на мусульманские «юрты», хотя прекрасно понимал невозможность их выполнения.

Вплоть до 1567 г. такая политика Девлет-Гирея I, в проведении которой активно участвовал Сулеш, была относительно эффективной.

Набеги, совершаемые крымцами поочередно на московские и литовские «украйны», не мешали регулярным дипломатическим «ссылкам» и поступлению королевской «казны» и московских «поминок». В дипломатических отношениях Крыма и «литовского короля» Сулеш также преследовал свои материальные интересы: он достаточно регулярно получал «упоминки» при приезде в Бахчисарай литовских эмиссаров, о чем имеются многочисленные упоминания в литовской посольской документации. При этом Сулеш великолепно использовал политическую конъюнктуру, обращаясь с просьбами «упоминок» к Сигизмунду II Августу именно тогда, когда в Вильно усиливалось беспокойство активизацией «ссылок» между Москвой и Бахчисараем. Так было, например, на рубеже 1562–1563 гг., когда в Крым снаряжалось литовское посольство А.Владыки, прибывшее туда практически одновременно с посольством А.Ф.Нагого. Накануне его отправления крымский гонец доставил в Вильно «лист царский писан за князем Сулешем, который был гомьяном московским: бачивши его зычливость противко паньства его королевской милости, абы его гомьяном собе вчинил, и вповинки инъшим гомьяном на каждый год ему присылал» [Книга, 1843, с. 226].

Знаменательно, что просил за «гомьяна московского» сам Девлет-Гирей. Это полностью укладывалось в традицию одновременного поддержания дипломатических связей и с Вильно, и с Москвой, используя их стремление заручиться поддержкой Крыма в условиях начинавшейся между ними войны. Но у данной политики был определенный временной предел. Сулеш это понимал и постоянно добивался принесения шерти ханом на его условиях, т.е. без принятия определенных обязательств в войне против «литовского короля». В таком случае сын Сулеша мог бы стать послом в Москву, закрепив тем самым наследственное положение рода в качестве «московских амиятов». Однако А.Ф.Нагой и Ф.А.Писемский отказались признавать договор на крымских условиях без обязательств «стояти заедин против литовского короля».

Вслед за тем наступил кризис русско-крымских отношений, начавшийся в конце 1567 г. и связанный как с изменением планов Порты в Восточноевропейском регионе (что проявилось в астраханском походе 1569 г.), так и с обострением русско-крымских противоречий на Северном Кавказе. Сулеш продолжал вести переговоры с русскими дипломатами, информируя их о нежелании хана идти на Астрахань. На рубеже 1569–1570 гг., после провала астраханского похода, Сулеш предпринял последний серьезный дипломатический ход: он предложил

размен посольства А.Ф.Нагого с давно задерживаемым крымским посольством в Москве под гарантию своего сына Мурад-мурзы, который должен был сопровождать отпущенных русских дипломатов до Путивля. Это предложение, нацеленное на сохранение роли Сулешевых в отношениях с Русским государством, не было принято Москвой. Но сама мысль о том, что Сулеш и его сыновья могут стать гарантами отпуска русских послов из Крыма в момент угрозы крупномасштабных крымских нападений, пришлась царю по душе и была реализована в дальнейшем.

По мере усиления антимосковских настроений в правящей верхушке Крыма влияние Сулеша в окружении хана ослабевает. Он уклоняется от переговоров с русскими дипломатами после 1570 г. и прекращает переписку с московским государем после неудачной попытки «объяснить» тому поход хана на Москву в 1571 г. Его жизнь подходит к концу во время затяжного династического кризиса в Крыму, связанного с распрями между сыновьями Девлет-Гирея I. Точная дата смерти Сулеша неизвестна.

Сулеш оставил многочисленных сыновей: Мурад-мурзу, Сафа-мурзу, Касым-мурзу, Мелит-мурзу, Арслан-мурзу, Сефер-мурзу, Ибрагим-пашу, Яншу-пашу, Ахмед-пашу и Кутлу-мурзу. Старшим сыном и наследником был Мурад. Старшинство остальных сыновей можно вычислить только приблизительно, тем более что в переписке с московскими государями одновременное отправление или получение ими грамот не зафиксировано в русской посольской документации. Приведенное выше перечисление детей Сулеша отражает время их появления в его посланиях к Ивану IV, а также в переписке Мурад-мурзы с Грозным, его сыном царем Федором и Б.Ф.Годуновым. Например, Сафа-мурза упомянут вслед за Мурад-мурзой в 1563 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 235об.]. Между сыновьями Сулеша, несомненно, существовала значительная разница в возрасте. Его старший сын Мурад-мурза уже в декабре 1556 г. рассматривался как возможный Крымский посол в Москве: Девлет-Гирей I сообщил Грозному, что он «хочет де мириться со царем и великим князем, не обманывая, а послов де хочет прислати либо Кангалу князя, или Сулешева сына Мурат мурзу» [Татищев, 1996, с. 261].

При жизни отца в переписке с Москвой состоял, кроме Мурад-мурзы, только Касым-мурза Сулешев, причем присылка его грамот к Грозному зафиксирована только единственный раз — в декабре 1570 г. Сефер-мурза выдвигается на передний план уже после смерти Сулеша — в середине 70-х годов, что зафиксировано в донесениях И.Мясо-

едова, а переписка с ним Грозного начинается с сентября 1578 г., в период нахождения в Москве в качестве посла его брата, Арслан-мурзы. Кстати, последний до назначения послом в русской посольской документации не упоминается. Имя Янша-паши, прибывшего в Москву в качестве посланника (возможно, даже посла) от хана Мухаммед-Гирея II около 1581 или 1582 г., встречается в русской посольской документации 1585–1588 гг., а обмен посланиями между ним и московскими государями вообще не зафиксирован. Переписка Ахмед-паши Сулешева с Москвой вообще начинается только с конца 80-х годов.

Между тем донесения А.Ф.Нагого показывают, что при жизни Сулеша рядом с ним во время переговоров с русскими дипломатами почти постоянно находился Мурад-мурза. Несомненно, что именно он должен был занять отцовское место в ближайшем окружении Девлет-Гирея I и его наследников, однако это оказалось для Мурад-мурзы долгим и тяжелым процессом.

Как уже отмечалось, Москва занимала прагматичную позицию в отношении наследования места своего доверенного представителя в Бахчисарае. В наказах русским дипломатическим представителям не содержалось конкретных рекомендаций на этот счет. В условиях кризиса в русско-крымских отношениях сыновьям Сулеша, и в первую очередь Мураду, для утверждения в качестве «амиятов» (с соответствующими материальными преимуществами) еще предстояло доказать Москве свою способность отстаивать при ханском дворе ее интересы. Это был длительный период для рода Сулешевых, протекавший к тому же во время династического кризиса в Крыму.

Мурад-мурза Сулешев рассматривался в Москве как естественный преемник своего отца вплоть до конца 60-х годов XVI в., что было связано во многом с его предполагаемым назначением ханским послом. В этом качестве он постоянно фигурирует в русской посольской документации. Мурад-мурза интенсивно обменивался грамотами с Грозным. С сентября 1563 г. по декабрь 1570 г. ему направлялись грамоты с восьмью русскими гонцами (в последний раз с Б.Шапкиным накануне похода татар на Москву 1571 г.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 243–244об., 423об.–424об.; д. 11, л. 84–85, 398, 398об.; д. 12, л. 153об., 154, 303–304, 374, 374об.; д. 13, л. 367–367об.]. Содержание грамот обычно представляло собой подтверждение готовности принять его в качестве посла, подчеркнутое недовольство затягиванием размена посольств и упоминание о «государевом жалованье», которое получит «Сулешев княжий сын» при успехе «доброго дела». В крымских посольских книгах с 1563 по 1570 г. имеются пять грамот Мурад-мурзы

к Грозному, последняя была прислана в декабре 1570 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 188, 188об.; д. 11, л. 337об., 338; д. 12, л. 116–117об., 355об.–337; д. 13, л. 326, 326об.].

После этого переписка Мурад-мурзы с Грозным прерывается вплоть до лета 1577 г. и возобновляется уже после смерти Девлет-Гирея I. Правда, в марте 1576 г. при приезде гонца Девлет-Килдея зафиксирован факт передачи грамоты от Мурада царю, но ее содержание аналогично содержанию приведенной выше грамоты от влиятельного крымского вельможи Мустафы-аги [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 321об.]. Кроме того, в перечне аннотаций грамот крымских сановников, идентичных данной грамоте, она находится на последнем месте. Впрочем, таких аннотаций было всего две — от брата Мустафы-аги, Муртазы-аги, и от Мурад-мурзы. Соответственно, при отъезде в Крым в сентябре 1576 г. посланника Е.Л.Ржевского с ним также была отправлена грамота Мурад-мурзе, идентичная грамоте Мустафе-аге. Правда, в перечне русских аннотаций она находится на втором месте («...к Мурату князю и к Муртазе-аге грамоты посланы таковы ж с Елизарием Ржевским» — гласит приписка к грамоте Грозного Мустафе-аге) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 357об.]. Целиком текст грамоты Мурад-мурзе от Грозного появляется в русской посольской документации в июле 1577 г. при отправлении гонца С.Кобелева, но и в данном случае она по содержанию идентична грамоте Мустафе-аге, причем на этот раз размещается непосредственно вслед за ней [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 405–406]. Правда, содержание переписки Грозного с крымскими вельможами этого периода было чисто формальным. Тем не менее факт забвения Москвой особых отношений с родом Сулеша весьма многозначителен, тем более что с весны 1576 г. имелись достоверные сведения о кончине самого Сулеша.

Характерно, что обмен посланиями между Грозным и самим Сулешем продолжался до декабря 1571 г. К его сыну в Москве, видимо, потеряли интерес после того, как стала нереальной перспектива его появления там в качестве посла. Интересно, что в этом качестве Мурад-мурза фигурирует в султанском фирмане к хану Девлет-Гирею I, датированному 7 октября 1571 г. [Lemercier-Quelquejay, 1972, с. 557, 558]. Этот документ, опубликованный Ш.Лемерсье-Келькеже, является ответом на полученное ранее послание хана султану, в котором он излагает обстоятельства своего похода на Москву. Помимо прочего, в нем рассказывается о позиции Ивана IV, изложенной в царской грамоте к хану, направленной после аудиенции в Братошине. Царь, как отмечено в фирмане, «соглашается на уступку Астрахани при условии, что ему

направят людей, облеченных полномочиями для переговоров». Подразумевалось, что «с миссией посла» в Москву будет направлен «Мурат-мурза сын Сулейманши» [Lemercier-Quelquejay, 1972, с. 558].

Если у Девлет-Гирея I и существовали такие планы осенью 1571 г., то они были, как известно, заведомо обречены на провал, так как Грозный был не намерен выполнять данные им после похода 1571 г. обещания уступки Астрахани. Разгром крымцев при Молодях вообще привел к взаимному нежеланию двух сторон обсуждать вопрос о присылке новых послов, и русско-крымские дипломатические связи свелись к взаимному «выбиванию» старых посольств. Москва вообще, судя по всему, считала нецелесообразным сотрудничество с детьми Сулеша после возвращения из Крыма в ноябре 1573 г. А.Ф.Нагого и Ф.А.Писемского. Несомненно, что информация привела к переориентации Москвы на других представителей крымской знати в качестве будуших доверенных лиц. Подтверждением этого служат «наказы» русским гонцам, отправленным в Крым в последние годы правления Девлет-Гирея I.

В августе 1574 г. вместе с отпущенным (после возвращения А.Ф.Нагого и Ф.А.Писемского) крымским посольством в Бахчисарай был отправлен гонец Иван Мясоедов. В данном ему «наказе» Сулеш и его дети не упоминаются. Дается лишь поручение «проведати», какие из «князей и мурз ко царю ближние люди» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 231–321об.]. В сентябре 1576 г. в Крым отправляется с важной миссией урегулирования дипломатических отношений посланник Е.Л.Ржевский. Ему дается подробная наказная память, в которой конкретизируется отношение Москвы к различным группировкам крымской знати на основании донесений, полученных от И.Мясоедова. В этом документе Мурад-мурза[1] уже упоминается как влиятельная фигура в окружении хана, с которой, вероятно, придется вести переговоры сразу же по прибытии в Крым, до аудиенции у Девлет-Гирея I: «И Елизарию говорити с князьями, которые у царя в приближенных Мустофе аге и Мурату князю» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 360]. Тем не менее он Москвой в качестве нового посла не рассматривался: «А говорити ближним царевым людям Елизарию, чтоб царь послал ко государю царю и великому князю послов: Тамзу-мурзу Мустофина брата или Дервиша-аталыка» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 364–364об.].

[1] После смерти отца Мурад стал беком («князем»). Однако в русской посольской документации он иногда титулуется «Мурат-мурзой» наравне с «Мурат князь Сулешев».

Итак, на роль «московских амиятов» выдвигается семья Мустафы-аги. В русской посольской документации она именовалась «мурзами Авременьевыми детьми Мурата-Казы князя». Происхождение этой влиятельной крымской семьи не совсем ясно, но несомненно, что она выдвинулась во второй половине царствования Девлет-Гирея I. Насчитывается 12 грамот Мустафе-аге от Ивана Грозного с сентября 1563 г. до июня 1577 г., т.е. с начала пребывания посольства А.Ф.Нагого в Крыму до кончины Девлет-Гирея I [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 240об., 241, 425об.–426об.; д. 11, л. 82–83, 396–397; д. 12, л. 150об.–152, 302об., 303; д. 13, л. 368–369, 424–425; д. 14, л. 112об.–116, 214, 355об.–357об., 399об.–404об.].

Кроме того, хотя Мустафа-ага постоянно фигурирует в отписках А.Ф.Нагого как постоянный участник «ближней думы» у хана, возрастание его роли в ближайшем окружении Девлет-Гирея I начинается после отхода от дел бека Сулеша в начале 70-х годов. К нему, в частности, переходит важная роль урегулирования отношений хана с Портой, что отмечено в донесениях И.Мясоедова. В начале 1577 г. Мустафа-ага был отправлен в Стамбул и сумел в апреле добиться выдачи упоминавшегося выше царевича Крым-Гирея [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 33]. Эта задача в свое время оказалась не под силу Сулешу.

Мустафа-ага и при новом хане стремился к тому, чтобы конфиденциальные миссии в Стамбуле выполняли члены его семьи. Так, в сентябре 1577 г. в Стамбул по предложению Мустафы-аги с важной миссией был отправлен его двоюродный брат Дервиш-аталык, которого он, кстати, предлагал хану назначить новым послом в Москве [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 20]. Кроме того, летом 1577 г. он вместе с Мурад-мурзой Сулешевым ведет важные переговоры с посланником Е.Ржевским, и именно к нему обращаются русские дипломаты за разъяснениями спорных вопросов в первые дни после смерти хана Девлет-Гирея I [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 4об.].

Тем не менее в тех же отписках И. Мясоедова, которые были доставлены в Москву в марте 1576 г., содержатся сведения о расстановке сил в ближайшем окружении хана и его сыновей, указывающие на то, что влияние Сулешевых в Бахчисарае после смерти их отца оставалось весьма существенным: «А в ближних, государь, у царя людех Мурад князь Сулешев сын, да Касым князь Сулешев, да Мурата Казы князя Авременьтьева у царя Мустофа ага князь, да брат его Муртоза ага; а у Магмет Кирея царевича Сулеш князь Перекопский да Муслим аталык; а у Адыл-Гирея царевича Сеферь Сулешев сын Мурада князя меньшой брат» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 239об.].

Таким образом, в 1574–1576 гг. в состав правящей верхушки, по оценке И.Мясоедова, входили сразу три представителя рода Сулешевых, причем двое принадлежали к окружению хана, а один — к окружению царевича Адыл-Гирея, основного соперника наследника престола — калги Мухаммед-Гирея. Знаменательно, что Мурад-мурза назван в окружении хана перед Мустафа-агой. И все же Москва предпочитала ориентироваться на последнего. Поворот в сторону восстановления особых отношений с Сулешевыми начался в период дипломатической миссии Е.Л.Ржевского, который прибыл в Крым поздней осенью 1576 г.

Миссия Е.Ржевского должна была нейтрализовать угрозу союза Крыма с новым королем Речи Посполитой Стефаном Баторием против Русского государства. Ее главной задачей было полное восстановление дипломатических связей — обмен «большими послами» и последующая подготовка очередного мирного соглашения, причем желательно на условиях отказа Крыма от требований уступки Казани и Астрахани. Сложность реализации этой задачи заключалась помимо противодействия польско-литовской дипломатии в тяжелой болезни хана Девлет-Гирея I, завершившейся его кончиной в июне 1577 г. Противоборство между двумя старшими сыновьями хана — Мухаммед-Гиреем и Адыл-Гиреем едва не привело к династическому кризису и было разрешено только в последний момент [Новосельский, 1948, с. 33]. По просьбе хана важную роль в примирении его сыновей сыграли Мурад-мурза и Мустафа-ага, выступившие совместно.

Во время переговоров с Е.Ржевским, а затем и при его аудиенции у хана был выдвинут вариант: нового крымского посла в Москву сопровождать до Путивля, лично гарантируя безопасность размена, будет Мурад-мурза Сулешев. Официально это было сообщено Е.Ржевскому на аудиенции у нового хана Мухаммед-Гирея II в сентябре 1577 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 80об.]. В принципе это предложение, ранее уже делавшееся А.Ф.Нагому самим Сулешем, развивало традицию, отмеченную С.О.Шмидтом: члены этой семьи, назначенные послами в Москву, направлялись к Путивлю, где происходил размен без предварительного обмена гонцами между ханом и московским государем [Шмидт, 1961, с. 370, 371]. Сам Сулеш, его отец и дядя просто направляли в Москву «человека» с уведомлением о своем отъезде, что вытекало из предоставляемых им московскими государями жалованных грамот. Теперь, следуя традиции, Мурад-мурза должен был отправить своего «человека» с этим предложением к Грозному.

Хан Девлет-Гирей I, заинтересованный в обеспечении безболезненного наследования престола своим старшим сыном, предполагал,

судя по всему, действительно урегулировать отношения с Москвой, одновременно поддерживая дипломатические связи с Речью Посполитой. Праада, сам Мурад-мурза, встречаясь с русскими дипломатами, не скрывал враждебного отношения большей части крымской знати к Москве, но подчеркивал твердое намерение хана замириться с «московским» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 2, 2об.]. Однако в июне 1577 г. хан скончался.

Престол наследовал Мухаммед-Гирей II, перед которым встала сложная задача определения внешнеполитического курса и поддержания внутриполитической стабильности. Среди крымской знати и внутри ханской семьи сложилось неустойчивое равновесие, и позиции Сулешевых как посредников в отношениях с Москвой существенно укрепились. Это проявилось в переговорах, начавшихся с приездом в Крым в августе 1577 г. нового русского гонца С.Кобелева, теперь уже с участием трех русских дипломатов.

Необходимо отметить, что Мурад-мурза Сулешев в этот период играл уже главную роль при переговорах и аудиенциях Е.Ржевского, И.Мясоедова и С.Кобелева у Мухаммед-Гирея II, между тем как в первые недели после смерти Девлет-Гирея I его влияние еще не было определяющим. Например, о смерти хана Е.Ржевского и И.Мясоедова информировал Мустафа-ага [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 4об.]; в августе при посещении русских дипломатов большой группой мурз с информацией об итогах рассмотрения «московского дела» на «ближней думе» у нового хана Мурад-мурза назван после Мустафы-аталыка, Мустафы-аги и Муртазы-аги [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 6об.]. Вслед за тем в сентябре Мурад-мурза вообще заявил, что он не решается ехать к Путивлю, боясь «обману» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 24об.].

Но это был всего лишь дипломатический маневр хитроумного мурзы. В то время он пытался навязать Мухаммед-Гирею кандидатуру своего брата Сефер-мурзы в качестве посла в Москву (вместо Тягриберди). Однако эта попытка не увенчалась успехом. Крымская знать обвинила Мурада в нарушении собственных обязательств по отношению к «московскому»: «...а как ты московские поминки с московского имать любишь и не хочешь идти к Путивлю?» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 25]. Между прочим, на «ближней думе» этот вопрос Мурад-мурзе задали Муслим-аталык и бек Хаджи (Азий) Ширинский — старые недруги Сулеша.

Казалось, положение Сулешевых в Бахчисарае пошатнулось. Однако по приезде С.Кобелева именно Мурад-мурза ведет переговоры с

русскими дипломатами перед их аудиенциями у хана в сентябре 1577 г. При этом Мурад-мурза информировал русских о мерах, предпринимаемых им для успешного размена посольств. Его должен был сопровождать вооруженный эскорт «людей тысячи три и больше» — для того чтобы избежать ситуации «так, как при Ян-Болдуе»; необходимо было организовать предварительный обмен гонцами, в крайнем случае служилыми татарами. Ждать размена на р. Сейм Мурад намеревался только несколько дней («а под Путивлем стояти больше четырех день не хочет») [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 24–24об.]. Обращает на себя внимание упоминание Мурадом неудачного размена посольств Джан-Болды и Ф.Салтыкова-Морозова, предполагавшегося в 1564–1565 гг. Тогда выезд Мурада к Путивлю в качестве нового крымского посла вместе с отпускаемым посольством А.Ф.Нагого неоднократно откладывался и в конце концов был вообще отменен Девлет-Гиреем I.

Переговоры завершились предварительным согласием хана Мухаммад-Гирея II на восстановление дипломатических связей, и в ноябре 1577 г. И.Мясоедов вернулся в Москву с развернутыми донесениями Е.Ржевского и своим «верстовым списком» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 2–46об.]. В декабре 1577 г. прибыл его «парный» крымский гонец Халиль Челеби [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 65]. На аудиенции у Ивана IV он объявил об отпуске из Крыма Е.Ржевского и скором размене посольств, причем его организацию хан официально возложил на Мурад-мурзу [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 70, 70об.]. О том же было сообщено Грозному в грамоте хана. Грозный согласился на гарантию Мурад-мурзы по поводу размена послов, о чем ему было сообщено в грамоте, отправленной ему со служилым татарином Дементеем [РГАДА, ф. 123. оп. 1, д. 15. л. 111–113]. Это было первым непосредственным обращением московского государя к представителю рода Сулешевых с ноября 1562 г. с целью содействия в урегулировании дипломатических связей с Крымом. Содержание грамоты свидетельствует, что успех размена посольств должен был иметь следствием утверждение Мурад-мурзы «московским амиятом». Кроме того, главе рода Сулешевых сообщалось о том, что «мы к тебе жалование послали, чтоб тебе к Путивлю поехати не мешкая» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 111об.].

Однако Грозный не спешил. С известием о снаряжении посольства князя В.В.Мосальского в Крым был отправлен гонец Иван Марков вместе с отпущенным крымским гонцом Халилем Челеби [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 116об.]. Однако они должны были задержаться в Путивле в ожидании известий о выезде из Перекопа крымского по-

сольства. В январе 1578 г. прибыл гонец С.Кобелев, выехавший из Крыма вместе с крымским посольством бека Тягрибердн и отпущенным посланником Е.Ржевским, действительно сопровождаемыми Мурад-мурзой [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 118об.]. Он сообщил, что «Мурад князь, не хотя промеж государя с царем доброго дела, воротился», т.е. крымское посольство повернуло назад к Перекопу [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 119–119об.]. Данная формулировка «приговора государя з бояры», таким образом, целиком возлагала ответственность за срыв размена на Мурад-мурзу. Это подтверждало и содержание доставленных С.Кобелевым грамот от Е.Ржевского, который детально описал в них свое возвращение в Крым вместе с крымским посольством, причем предлогом для решения Мурад-мурзы повернуть назад якобы явилась угроза нападения запорожских казаков [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ф. 123, д. 15, л. 120–121]. Однако впоследствии выяснилось, что возвращение посольства произошло по приказу хана. Это было связано с усиливавшимся на Крым давлением со стороны польской дипломатии.

Осенью 1577 г. Стефан Баторий направил в Стамбул посольство Я.Синевского, которому в ноябре удалось достигнуть соглашения с Портой. По условиям этого соглашения Порта обязывалась удерживать Крым от набегов на Речь Посполитую и, главное, препятствовать урегулированию русско-крымских отношений [Новодворский, 1904, с. 74] В Крым прибыл османский чавуш с требованием прекратить переговоры с «московским» и начать их с «литовским королем». Они действительно начались во Львове в апреле 1578 г. при посредничестве представителей Порты. Тогда-то Мурад-мурза и повернул назад, по официальной версии — из-за невозможности двигаться в условиях непогоды и угрозы нападения «черкасов». Русская сторона прекрасно разобралась в ситуации. Характерно, что в наказе посольству М.Д.Карпова и П.И.Головина, отправленному 16 мая 1578 г. к Баторию, содержалось указание уведомить польскую сторону, что «крымский царь послал был своего Тирибердея князя, провожати был послал его Мурада князя Сулешева», но оба они якобы «воротились с дороги по зимней нужде». Вместе с тем сообщалось, что крымских гонцов и послов ждут в Москве «с часу на час» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 10, л. 458об.].

Однако официально в «приговоре государя з бояры» ответственность была возложена на Мурад-мурзу. При этом Грозный распорядился отправить в Крым И.Маркова с изъявлением своего неудовольствия. С ним были отпущены некоторые крымские гонцы, в том числе «человек» Мурад-мурзы, доставлявший ранее грамоты Грозному вме-

сте с Халилем Челеби [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 120, 121об.]. Сам Халиль Челеби был задержан, а с И.Марковым был отпущен прибывший в марте 1576 г. гонец Девлет-Килдей. Наказ, данный И.Маркову, отразил негативную позицию царя в отношении Сулешевых в лице Мурад-мурзы. В частности, на возможный вопрос Мурада, «для чего ему государь свое жалованье ничего не прислал». Маркову надлежало ответить, что «государево жалованье к нему вперед будет» в случае, если он не «воротится» с дороги на Путивль, так как государь уже посылал ему «навстречю» высокое жалованье [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 148–148об.]. Кроме того, И.Маркову, в случае если Мураду «не придется посольство правити», надлежало «вести назад» присланные ему помимо «жалованья» «шубы куньи». Таким образом, Москва ставила «материальные отношения» с главой рода Сулешевых в прямую зависимость от выполнения им своих обязательств содействия размену посольств.

Кроме того, с И.Марковым Мурад-мурзе была послана грамота от Грозного [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 135об.–137]. В ней прямо указывалось: «Что пошел был к Москве и поворотился, и ты то, Мурат князь, учинил непригоже» — и далее констатировалось, что он тем самым «забыл сам отца своего и дедов своих прямую службу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 136]. Тем не менее в конце грамоты выражалось пожелание: «Ты б нам свою прямую службу показал как брат наш Магмет-Кирей царь пошлет к нам своего посланника, а провожати пошлет тебя, Мурата князя» [РГАДА. ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 136об.].

Впрочем, в Москве так и не решили, сможет ли Мурад-мурза быть «московским амиятом», на что ясно указывает наказная память, подготовленная в это же время для посольства князя В.В.Мосальского, которое находилось в Путивле в ожидании размена: «А что учинится на Сулешево княжое место у царя (хана. — *А.В.*) сын его Мурат князь, и Василию ему говорити, чтоб он похотел царю и великому князю служити и доброго дела похотел делати для царя и великого князя и службу свою явил, как отец его Сулеш князь государю нашему служил, а государь наш царь и великий князь пожалует его своим великим жалованием, как и Сулеша, отца его. А буде у царя на Сулешево место иной кто учинится, а Мурату князю будет у царя худо — не так, как отцу его Сулешу князю было, и Мурату князю государева жалованья, что послано к нему, не давати, а дати тому, кто переменился на Сулешевом месте у царя, а Мурату дати не столько, сколько послано к нему, а как будет пригоже» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 251об.–252]. Таким обра-

зом, Москва не исключала падения значения рода Сулешевых, что видно из отсутствия упоминания кого-либо из братьев Сулеша.

Действительно, весной 1578 г. казалось, что роль Сулешевых в русско-крымских дипломатических связях сошла на нет. Иван Марков после приезда в Крым в марте 1578 г. не смог добиться от Мурад-мурзы своего размещения на жительство вместе с посланником Е.Ржевским (решение такого рода вопросов было традиционной обязанностью Сулешевых). Переговоры с русскими дипломатами вели Муртаза-ага и Муслим-аталык, причем последний принимал у Маркова грамоты Грозного к хану и представлял его на аудиенции [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 159об.].

Однако события весны и лета 1578 г. благоприятствовали Сулешевым — им удалось закрепить репутацию влиятельной политической силы в Крыму.

К июню 1578 г. переговоры крымского посольства с королем Стефаном Баторием во Львове провалились, о чем русское посольство в Речи Посполитой было поставлено в известность при первых же контактах с литовцами после пересечения границы [РГАДА, ф. 79, д. 11, л. 34об.–35об.]. Это придало уверенности Грозному в скором урегулировании отношений с Крымом. И действительно, уже в июле прибыл отпущенный ханом И.Марков с известием об отправке в Москву нового крымского посольства во главе с младшим братом Мурад-мурзы Арслан-мурзой Сулешевым [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 156]. Известие о крупном политическом успехе детей «московского амията» произвело сильное впечатление на Грозного. Однако доставленные И.Марковым донесения от Е.Ржевского показывали, что неожиданное усиление «доброжелателей московского» весьма непрочно. Поэтому прибывший с грамотами хана вместе с И.Марковым гонец Куремши был оставлен в Путивле в ожидании подтверждения выезда посольства из Крыма [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 156об., 157].

Опасения Грозного были основаны, как отмечалось выше, на информации, содержавшейся в донесениях Е.Ржевского. В них излагалась напряженная картина обсуждения крымскими верхами «московского дела». В целом события развивались следующим образом. С марта в Бахчисарае беспрерывно шли собрания крымской знати у хана. Первоначально было принято решение о разрыве отношений с Москвой. Однако отказ Батория удовлетворить запросы крымцев относительно королевской «казны» (или «дани», как она названа в донесениях русских послов в Речи Посполитой М.Д.Карпова и П.И.Головина) привел к срыву переговоров во Львове. На «ближней думе» у хана было решено

организовать набег на «литовские украйны» в качестве меры давления и «замириться с московским». Вновь встал вопрос о размене посольств, организацию которого было решено возложить на главу рода Сулешевых.

Мурад-мурза, воспользовавшись моментом, напомнил о высказанных Е.Ржевским и И.Марковым пожеланиях послать в Москву послом от хана «того, хто б наказ его исполнил и на доброе дело наводил», и того, кого ему, «Мурату-князю, провожати было пригоже». Мурад-мурза ловко истолковал это пожелание в том смысле, что для «московского» было бы «пригоже» назначение послом кого-либо из его рода. При этом глава Сулешевых заранее обговорил этот вопрос с русскими дипломатами. Явившись к ним, он заявил, что «государь ваш на меня кручинится... Я сей зимы до Путивля не дошел, воротился». Тем не менее сообщив, что Сулешевы «били челом царю (хану. — *А.В.*), чтобы царь послал в послех брата нашего младшего Араслана мурзу, а Тягрибердея князя отставил». При этом Мурад-мурза предупредил о противодействии со стороны других мурз: «И царь с вами велит говорити Мустофе аге и Муслы аталыку, что брат наш молод, и вы бы брата нашего не отставили, ведь он сын Сулешев» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 162, 162об.].

Рискованное предприятие Мурад-мурзы удалось. Назначение Арслана действительно вызвало противодействие недругов Сулешевых — Авременьтевых, Дивеевых и Ширинских. К тому же из Стамбула прибыл чавуш от султана с требованием немедленно возобновить переговоры с Баторием ввиду предполагаемого отправления крымской орды в поход против шаха Ирана. Тогда Муртаза-ага нашел выход, удовлетворивший все группы знати:

— набег на Речь Посполитую осуществить, но сразу же после него уведомить Батория о возобновлении переговоров с ним;

— посольство к «московскому» послать, причем перед этим уведомить Москву об удачном нападении на Речь Посполитую;

— условием «дружбы и братства» с Москвой должно быть прежнее требование об «уступке» Казани и Астраханн или только Астрахани;

— уведомить Стамбул, что посольство в Москву снаряжается с требованием «уступки» Астрахани в свете намерений Порты начать войну в Закавказье.

Мурад-мурза с готовностью согласился с ним при условии, что лично обеспечит размен посольств. Хан Мухаммед-Гирей II получил возможность хотя бы частично урегулировать свои отношения с двумя северными соседями, не противопоставляя себя Порте. Таким образом,

впервые после 1540 г. помощь клана Сулешевых в урегулировании отношений с Москвой выражалась в их назначении «двойными послами» (когда один посол организует посольский размен, а другой отправляется в русскую столицу). В начале августа в Путивль прибыл гонец Есенча в качестве «сеунчея» с известием об успешном походе «царя против литовского короля» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 179об.]. Однако Грозный еще до этого «приговорил з бояры» всем вновь прибывшим крымским гонцам оставаться в Путивле, чтобы «быти у него у государя всем вместе» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 175об.]. Наконец прибыл гонец от хана — Айдар, посланный непосредственно Сулешевыми, и сообщил, что посольство Арслан-мурзы, сопровождаемое Мурад-мурзой, перешло р. Мечик [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 183об.]. Только после этого Грозный приказал посольству В.В.Мосальского двинуться из Путивля к р. Сейм, где наконец 10 августа 1578 г. произошел размен посольств [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 197об.]. Мурад-мурза, получив часть «жалованья» и простившись с братом, отправился в Крым. Почти одновременно в Бахчисарае возобновились переговоры крымцев с посольством Батория, завершившиеся вскоре заключением мирного договора на компромиссных условиях.

Однако сам по себе успешный размен посольств не устраивал Мурад-мурзу. Хотя Москва отправила для его организации непосредственно к р. Сейм Андрея Федоровича Нагого — племянника бывшего посла в Крыму Афанасия Федоровича Нагого, вопрос о подтверждении особых привилегий Сулешевых во время размена русской стороной не рассматривался. Все зависело от исхода миссии Арслан-мурзы, а ее успех был проблематичным. Грозный заранее узнал от Е.Ржевского о развитии событий в Крыму и не желал делать авансы Сулешевым. Интересно, что царь намеренно стремился задержать предварительный прием крымских гонцов, в том числе и «человека» Сулешевых, для того чтобы они были приняты только вместе с Арслан-мурзой. Тем самым он предпочел остаться в «неведении» относительно характера инструкций, данных ханом представителю «дружественной» крымской фамилии. Это давало возможность сразу же отказать Арслан-мурзе в доверии под предлогом предъявления им новых крымских требований.

13 сентября 1578 г. Арслан-мурза Сулешев предстал перед Грозным в Москве и произнес «речь» с требованиями «уступки» Астрахани, что сразу же поставило под угрозу будущее рода Сулешевых в качестве «московских амиятов» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 362]. В сущности, крымская сторона вернулась к требованиям, снятым де-факто осенью 1576 г. при переговорах с крымскими гонцами Шейх-Али (Шигалеем)

и Девлет-Килдеем. Впрочем, в грамоте Мурад-мурзы Грозному, доставленной до приезда посольства, но врученной также в день аудиенции, Мурад-мурза сам информировал царя об этих требованиях [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 404]. При этом Мурад писал, что он «правой рукой» служит «царю Магмет Кирею», а «левой рукой» намерен служить московскому государю [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 402об.]. Напоминая о своем содействии в размене послов, он подчеркивал: «Как отец мой Сулейманша князь, так же служу, чтоб меж государями моими доброе дело и любовь сталась» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 403].

Однако эти утверждения Мурад-мурзы не нашли понимания у Грозного, что, между прочим, проявилось и в том, что он предпочел не принимать «человека» Сулешевых до прибытия официального посольства. В ответной грамоте, направленной ему с гонцом А.Измайловым, московский государь подробно излагал историю предъявления крымцами требований «уступки» Казани и Астрахани [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 497–498об.]. Он напоминал, что «брат наш Девлет Кирей царь приказал к нам с гонцом своим с Шигалеем, чтоб он прошение Казани и Астрохани оставил» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 499]. Далее Грозный делал вывод о том, что «доброму делу не пристоит, чтоб мы брату своему Магмет Кирею царю поступилися Астроханью», а вопрос об «уступке» Казани он вообще не принимал всерьез [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 10, л. 501]. Далее царь переходил к конкретным претензиям к Мурад-мурзе, который не смог «со своими братьями князями нам служити и царя на доброе дело наводити» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 501–501об.]. По существу, это был отказ признавать в дальнейшем привилегии рода Сулешевых, включая высокое «жалованье». Правда, в конце грамоты, после требований «оставити» вопрос об Астрахани, содержалось обещание сохранить особые отношения с Мурадом, но при условии, если Мухаммед-Гирей II откажется от своих требований: «А как твоею службою промеж нас с братом нашим Магмет Киреем царем дело доброе совершится, и к тебе дело будет без оскудения и свыше прежнего» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 501об.–502]. Отметим еще раз, что под «добрым делом» в переписке между Крымом и Москвой традиционно понималось заключение договора.

В этих условиях речь не могла идти о заключении «докончания» между Москвой и Крымом. Но Мухаммед-Гирей II на это, собственно, и не рассчитывал, тем более что он уже заключил договор с Баторием. Однако весной 1579 г. по прибытии новых крымских гонцов переговоры с Арслан-мурзой возобновились, так как обе стороны не стре-

мились к разрыву дипломатических связей. Мухаммед-Гирей II вынужден был принять участие в войне с Ираном, а Грозный готовился к схватке с Баторием. Москва и Бахчисарай были заинтересованы в относительно дружественном нейтралитете друг друга. Тем не менее к Мурад-мурзе вновь превалирует сдержанное отношение. В наказах, отправленных в Крым гонцам А.Измайлову (сентябрь 1578 г.) и Д.Ислентьеву (январь 1580 г.), насчет него специальных инструкций не содержится. Он не упоминается и среди «ближних ко царю мурз», с которыми следует вести предварительные переговоры перед первой аудиенцией у хана, для того чтобы она прошла «прежним обычаем», т.е. без унизительных для русской стороны форм крымского дипломатического этикета (такая опасность еще существовала во второй половине XVI в.). В этом качестве теперь выступает Муслим-аталык [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 520]. Правда, Мурад-мурзе направляются грамоты от Грозного, но их содержание не подтверждает его особую роль в отношениях хана с Москвой (см., например, отправление гонца И.Елизарова в январе 1580 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 2, 1579 г., д. 2, л. 68–71]).

Москва не настаивала на том, чтобы следующим крымским послом был представитель Сулешевых и после отпуска из Москвы в декабре 1579 г. Арслан-мурзы. Мухаммед-Гирей II предполагал отправить в Москву послом Тягриберди, отстраненного от данного назначения в 1578 г. из-за интриг Сулешевых. Мурад-мурзе был нанесен серьезный удар. Москва отказывалась от предварительных договоренностей, выраженных в грамотах к нему в 1577–1578 гг. Впрочем, до размена новых посольств дело дошло только к 1581–1582 гг. из-за участия хана в военных действиях в Закавказье против Ирана.

Мурад-мурза сумел добиться назначения своего брата Янши-паши новым послом в Москву и взял на себя организацию посольского размена. Размен посольств (русское посольство возглавлял князь Михаил Федорович Барятинский) завершился трагедией: на пути в Крым русские послы и Мурад-мурза подверглись нападению запорожских казаков. «Московский амият» бежал с немногочисленным эскортом, а русское посольство было разгромлено. Ответственность за это русская сторона возложила на Мурад-мурзу. В «наказной памяти» русскому гонцу Ивану Мишулину, отправленному в Крым в октябре 1588 г., содержатся прямые обвинения главе рода Сулешевых: «Мурат-князь государева посла выдал, из-за поминок государевых не бился с черкасами» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 159об.]. Янши-паша был задержан в Москве, откуда он, судя по всему, так и не вернулся в Крым

(упоминания о нем в переписке Мурад-мурзы с Москвой прекращаются весной 1588 г.). Естественно, что это не содействовало получению Сулешевыми наследственного «амиятства».

В значительной степени трудности в наследовании «отцова места» для Мурад-мурзы опосредованно были связаны с обострением династического кризиса, который так и не был преодолен Мухаммед-Гиреем II.

Сулешевы, как и почти все семьи крымской знати, очень пострадали в «смутное десятилетие» 1577–1588 гг. В феврале 1577 г. по приказу тогда еще калги Мухаммед-Гирея и по доносу находившегося в Стамбуле Мустафы-аги были казнены несколько видных мурз, в том числе и Касым-мурза Сулешев. Причиной этого было обращение к султану части крымской знати, направленное против засилья при ханском дворе клана Мустафы-аги (Авременгьевых) [РГАДА, ф. 23, оп. 1, д. 5, л. 9об.]. Данное обстоятельство, несомненно, пошатнуло положение Мурад-мурзы при дворе нового хана Мухаммед-Гирея I, которое с трудом было им восстановлено благодаря огромным усилиям, предпринятым для урегулирования русско-крымских отношений. Однако фактические провалы посольств Арслан-мурзы и Янши-мурзы в Москву и гибель калги Адыл-Гирея в 1583 г., в окружение которого входил Сефер-мурза Сулешев, вновь сделали положение Мурад-мурзы весьма шатким. Поэтому он в 1584 г. без колебаний оставил хана, зная об угрозе его смещения Портой. Мурад-мурза активно участвовал в воцарении хана Ислам-Гирея II и сохранил ему верность при попытке реванша детей свергнутого Мухаммед-Гирея II.

Весной 1584 г. три сына последнего — Саадет-Гирей, Мурад-Гирей и Сафа-Гирей — при поддержке враждебной хану Ислам-Гирею II части крымской знати предприняли попытку овладеть ханским престолом. Им удалось захватить и в течение нескольких месяцев удерживать Бахчисарай, а Саадет-Гирей был провозглашен ханом. Ислам-Гирей II бежал в Кафу под защиту османов. Порта подавила мятеж, и к осени 1584 г. мятежные Гиреи, выбитые из Крыма, оказались сначала на территории, контролировавшейся правителем Большой Ногайской Орды Урусом, лояльным Москве [Новосельский, 1948, с. 33, 34], а затем разделились. Один из них — Мурад-Гирей в конце 1585 г. появился в Москве. Дипломатические контакты мятежников с русским правительством обеспечивал один из Сулешевых. В марте 1585 г. Мурад-мурза сообщил гонцу И.Сулакову-Мясному: «А племянника моего Кошум-мурзу, Сеферева сына, царевичи послали к государю вашему к Москве» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 18об.–19].

Сам же глава рода — Мурад-мурза, сохраняя верность Ислам-Гирею II, последовал за ним в Кафу, где хан оставался под защитой османов и после изгнания мятежников. В декабре 1584 г. в Кафу прибыл направлявшийся в Стамбул русский посол Б.П.Благово. Для Мурад-мурзы это был реальный шанс прояснить позицию Москвы в отношении себя и своего рода и доказать хану собственную значимость как дипломата. Он стал настойчиво добиваться согласия Б.П.Благово прибыть на аудиенцию к хану. Ситуация складывалась достаточно сложная. С одной стороны, русским дипломатам, следовавшим в Стамбул, категорически запрещалось вступать в контакты с крымскими должностными лицами, тем более что во время остановки в Крыму они фактически пребывали на османской территории. С другой стороны, одной из прерогатив рода Сулешевых был контроль за русско-турецкими дипломатическими связями, что ясно видно из действий бека Сулеша в период пребывания в Кафе в 1570 г. И.П.Новосильцева и о чем были прекрасно осведомлены все русские дипломаты, направлявшиеся в Стамбул. Наконец, формально и сам хан находился на османской территории. После многочисленных встреч с Мурад-мурзой, взвесив все «за» и «против», Б.П.Благово согласился на аудиенцию у хана. Сам же Мурад-мурза активно использовал это обстоятельство для установления контактов с русским дипломатом первым после длительного перерыва.

Мурад-мурза прежде всего напомнил о задержании в Москве своего брата Янши-паши, которого он при прежнем хане «послал в послех служити государю вашему во всяком деле», и изъявил желание организовать новый посольский размен, но поскольку он при новом хане «не на отцовом месте», то это малореально [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 377, 377об.]. В ответ Б.П.Благово сообщил, что «государь наш царь и великий князь брата твоего Яншу-пашу жалует по прежнему», и в случае организации Мурад-мурзой нового посольского размена «государь пожалует тебя своим великим жалованьем по твоему достоинству» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 377об.–378]. Таким образом, восстановление доверительных отношений было поставлено в зависимость от успеха «доброго дела» при новом хане, и при этом был сделан многозначительный намек: «А ты, Мурат князь, был у Магмет Кирея царя человеком ближним и сам ведаешь, каковы ссылки были у государя нашего отца (Ивана Грозного. — *А.В.*) с Магмет Киреем царем» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 378].

Признав правомерность претензий московской стороны, Мурад-мурза заявил: «А ныне государь наш Ислам Кирей царь с вашим госу-

дарем учинит братство и любовь не так как Магмет-Кирей царь с государя вашего отцом жил неправдою, и я б государя своего Ислам-Кирея царя стал на доброе дело наводить» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 378об.]. Далее он рассказал о положении в Крыму, о перспективах нового похода османов на Астрахань и о переговорах с представителями Батория насчет возможного союза против Русского государства; причем эти сведения были изложены и до и после аудиенции Б.П.Благово у хана [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 380–382об., 397об.–402]. Целью Мурад-мурзы было подтверждение привилегий рода Сулешевых в дипломатических «ссылках» между Москвой и Крымом. Но именно этого Б.П.Благово и не мог обещать, так как не был на это уполномочен. Не подлежит сомнению, что он вообще вступил в контакт с Мурад-мурзой только для получения информации.

Более успешным для Сулешевых оказалось пребывание в Крыму в декабре 1584 — июне 1585 г. гонца И.Судакова-Мясного. Мурад-мурза успешно провел с ним переговоры, организовал его аудиенцию у хана в Кафе и, кроме того, составил новые списки крымской знати для получения поминок. В конечном счете удовлетворенный приемом И.Судаков-Мясной заявил главе рода Сулешевых: «Государя нашего посольские дела у царя тебе приказаны» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 18об.].

Донесения И.Судакова-Мясного действительно показали русскому правительству, что и при новом хане Мурад-мурза вошел в число его ближайших советников, курируя московское «направление». Его влияние проявилось прежде всего в том, что на него вновь была возложена организация очередного посольского размена. Причем на отпускной аудиенции И.Судакова-Мясного в мае 1585 г. хан объявил, что новым крымским «большим послом» в Москву будет Кутлу-мурза Сулешев [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 25]. Наконец, покидая Крым, Судаков-Мясной получил аудиенцию у калги Алп-Гирея, которой предшествовали переговоры с его доверенным лицом Ахмед-мурзой Сулешевым [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 27, 27об.]. Таким образом, клан Сулешевых вновь прочно контролировал «ссылки» с Москвой.

В иерархии крымских вельмож Мурад-мурза, несомненно, занимал место отца, что подтверждает порядок перечня грамот от крымской знати в русских посольских книгах по сношениям с Крымом в период правления Ислам-Гирея II. При этом хане крымские представители приезжали в Москву три раза: в июле 1585 г. — Джан-паша, в октябре 1586 г. — Иссей и в январе 1588 г. — Хасан (Асан)-мурза. Все они, имея номинальный статус гонцов, фактически являлись посланниками

с серьезными полномочиями, о чем свидетельствует характер проводимых с ними переговоров. Во всех трех случаях (при перечне в русской посольской документации) грамоты от Мурад-мурзы к царю Федору Ивановичу стоят либо на втором месте после грамот бека Али Ширинского (в 1585 г.), либо на третьем — после грамот Али Ширинского и Белек-Булата Перекопского (в 1586 и 1588 гг.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 39, 39об., 86об.–87об., 156–157].

Особенно заметно усиление роли Мурад-мурзы в связях с Москвой сразу после воцарения Ислам-Гирея II. В грамоте, переданной крымскими гонцами на аудиенции у Федора Ивановича 30 июля 1585 г., Мурад-мурза (в числе посланий от других вельмож) сообщал царю, что все Сулешевы «порадовались, прослышав, что ты, государь, на отцовом юрте учинился», и напомнил, что «мы, холопы ваши, деду и отцу твоему служили» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 39]. Мурад-мурза также просил нового московского государя подтвердить исключительный приоритет Сулешевых перед остальной крымской знатью при назначении послов в Москву и утверждении в статусе «амията». Мурад-мурза наметил и кандидатуру будущего «большого посла», который должен был прибыть в Москву после принесения новым ханом шерти, так как именно тогда в первый и, как оказалось, в последний раз царю была вручена грамота от его сына Мурад-Казы, следовавшая в перечне грамот вслед за отцовской перед грамотой могущественного бека Белек-Булата [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 39об., 40]. Соответственно, в январе 1586 г. при отпуске крымских посланцев вместе с русским гонцом В.Непейцевым грамота Мурад-мурзе от царя Федора Ивановича находится на первом месте среди грамот адресатам из числа крымских вельмож, причем грамота беку Али Ширинскому представлена лишь аннотацией [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 53–55].

Тем не менее при последующих «ссылках» Москвы с Крымом статус Мурад-мурзы понижается. В перечне грамот, посланных крымской знати в ноябре 1586 г., послание Мурад-мурзе следует за грамотами бекам Ширинскому и Перекопскому [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 107–111], среди отправленных в марте 1588 г. — за грамотой беку Ширинскому, правда перед грамотой беку Перекопскому [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 178–181]. Но главное заключается в том, что их содержание не позволяет видеть особую роль «княж Сулешева сына» в сношениях с Москвой. Например, в грамоте царя Федора Ивановича (март 1588 г.) содержится явное непризнание Москвой особых отношений с главой рода Сулешевых: «И ты б, Мурат князь, нам свыше прежнего служил по тому ж, как еси служил и отцу нашему великому князю

Ивану Васильевичу всея Руси... А мы, увидев твою службу, будем к тебе свое жалованье свыше прежнего посылати» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 180]. Таким образом, в послании констатировалась потеря влияния Мурад-мурзы на развитие отношений между Москвой и Крымом (с последних лет правления Грозного).

Причины непризнания Москвой Мурад-мурзы как полноправного наследника своего отца заключались, на наш взгляд, во-первых, в сомнениях в его способности реально повлиять на политику нового хана, а во-вторых, в политической нестабильности в Крыму, которую обладавший к тому времени реальной властью в Русском государстве Б.Ф.Годунов стремился использовать для ослабления ханства Гиреев.

К 1586 г. благодаря донесениям гонцов, вернувшихся из Крыма, правительство представляло, насколько неустойчиво положение хана. Следствием этого стало ужесточение русской позиции относительно снятия любых упоминаний об «уступке» Казани и Астрахани для возможного заключения очередного мирного договора.

Переговоры о посольском размене, на которые рассчитывал Мурад-мурза, не привели к серьезному успеху. Размен «больших послов» вновь затягивался на неопределенный срок.

В январе 1586 г. в Крым был отправлен гонец В.Непейцев, который повез фактический отказ Москвы от размена «больших послов», что было отражено в грамоте царя хану Ислам-Гирею II. О том же шла речь и в грамоте Мурад-мурзе [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 53–55]. Саадет-Гирею и Сафе-Гирею было послано от имени московского царя «государево жалование», а Мурад-Гирея было решено отправить в Астрахань. По существу, речь шла о плане антикрымской и антитурецкой коалиции с участием кахетинского царя Александра, шамхала, части ногайских мурз и черкасских князей. В этой ситуации позиции Мурад-мурзы в окружении хана существенно ослабли. К тому же в период смуты в Крыму его брат Ибрагим-паша выехал на службу к Баторию, самостоятельно совершил нападение на московские «украйны» и попал в плен.

В результате этого Янша-мурза задержался в Москве на неопределенный срок, хотя ранее русская сторона обещала освободить его при посольском размене. Мурад-мурза был вынужден оставить намерение не только направить следующим крымским представителем кого-либо из членов своей семьи, но и просить русское правительство отпустить своего другого брата. В октябре 1586 г. крымский гонец бек Иссей прибыл в Москву с целью выяснить серьезность намерений прави-

тельства Федора Ивановича относительно трех мятежных Гиреев. С ним был «человек» Мурад-мурзы, привезший его грамоту к царю с просьбой: «А ныне тебе, государю, бью челом и печалюся, чтобы ты, государь, для меня, старого своего холопа, вину б его (Ибрагим-паши. — *А.В.*) отдал и кровь бы его не велел проливать» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 87]. Мурад-мурза также извещал Москву, что он послан ханом к Путивлю для того, чтобы рассеять «мятежников», пошедших за Ибрагим-пашой, и просил военной поддержки Москвы в данной операции.

Это была попытка спровоцировать конфликт между Русским государством и Речью Посполитой. Ответ Москвы не заставил себя ждать. В грамоте от имени царя Мурад-мурзе было сообщено, что «нам сей зимы из Путивля с тобою посылати на Литовскую землю своих людей нельзя, потому что у нас с литовским перемирие» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 109]. Впрочем, Москва призывала Мурад-мурзу уговорить хана организовать набег на Речь Посполитую следующей весной.

Тем не менее Мурад-мурзе были сделаны некоторые авансы: ему было дано принципиальное согласие на просьбу, изложенную в грамоте хана царю, о гарантиях будущего размена «большим послов». Размен на этот раз должен был состояться в Ливнах. Для будущего рода Сулешевых это имело огромное значение, даже при малой вероятности размена в ближайшее время. Мурад-мурзе также напомнили, что его брат Янша-паша может быть отпущен из Москвы «прежним обычаем с государевым жалованьем» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 110]. Отправляемый в Крым гонец И.Судаков-Мясной в случае необходимости должен был «у брата нашего дожидаться нашего нового посла и брата твоего Яншу-пашу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 111].

Впрочем, вероятность того, что Мурад увидит своих братьев в ближайшее время, была незначительна, так как Москва известила его об отправке Мурад-Гирея на «астраханский юрт», куда тот действительно прибыл в октябре 1586 г. Это означало, по существу, разрыв отношений с ханом Ислам-Гиреем II. Неудивительно, что гонец И.Судаков-Мясной был задержан в Крыму. Дипломатические связи между двумя государствами вновь оказались прерваны.

В 1586–1587 гг. казалось, что дело идет к военному столкновению Русского государства с Крымом, о чем свидетельствовали два крупных нападения на московские «украйны», организованные Ислам-Гиреем II, а также экспедиция против союзных Москве пятигорских «черкас». Кроме того, хан обратился за помощью к Порте. Перед русским правительством стала вырисовываться потенциальная угроза нового ту-

рецкого похода на Астрахань. В этой обстановке в январе 1588 г. хан прислал в Москву Хасан (Асан)-мурзу с требованием объяснений относительно поддержки мятежных царевичей Гиреев. По существу, это был ультиматум русскому правительству. Сулешевы вновь попытались воспользоваться тяжелым положением Москвы. Ханского гонца сопровождал «человек» Мурад-мурзы, доставивший его послание к царю с просьбой отпустить брата и обещанием содействия в установлении «доброго дела». Знаменательно, что в конце этого послания («на поле у грамоты написано») содержалось напоминание о «жалованье», которое «отцу моему Сулейманше князю... отец твой давывал», «и ты б государь меня, холопа своего, по тому ж пожаловал, велел дати свое жалованье» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 157об.]. Действительно, «жалованье» Сулешевым из Москвы не посылалось, что, впрочем, отвечало практике русско-крымских дипломатических связей, так как русские эмиссары прибывали тогда только с «легкими поминками», предназначавшимися лишь для хана и калги.

Тем не менее будущее Сулешевых как «московских амиятов» вскоре определилось. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. В марте 1588 г. Б.Ф.Годунов, склонявшийся к тому, чтобы оставить планы возвращения в Крыму зависимого от Москвы хана, пошел на частичное возобновление дипломатических связей — он отпустил в Крым только что прибывшего гонца Хасан-мурзу вместе с русским гонцом. С ним помимо грамот для хана было передано послание Мурад-мурзе с обтекаемыми обещаниями отпустить Яншу-пашу при договоренности о размене «больших послов», которому должен был предшествовать размен ранее задержанных гонцов [РГАДА, ф. 123, оп. 1, ф. 123, д. 16, л. 180]. Москва явно стремилась избежать открытого столкновения с Крымом.

Весной 1588 г. скончался хан Ислам-Гирей II, и практически одновременно в конце 1587 г. умер его бывший соперник Саадет-Гирей. Это изменило расстановку сил в династии Гиреев. Новый хан Гази-Гирей II (сын Девлет-Гирея I) предложил Сафе-Гирею и Мурад-Гирею вернуться в Крым, причем для посредничества в этом вопросе обратился к Москве. Летом 1588 г. для этого был отпущен гонец И.Судаков-Мясной. Для восстановления связей с Москвой новому хану было необходимо содействие Сулешевых.

Политика Гази-Гирея II в отношении Русского государства прошла несколько этапов. После успешного решения проблемы мятежных Гиреев (Сафа-Гирей вернулся в Крым, а Мурад-Гирей скончался в Астрахани) хан предъявил требования Москве отказаться от поддержки

кабардинскнх князей. Миссни русского гонца И.Бибикова, отправленного в Крым в октябре 1590 г., и крымского посланника бека Иссея, прнбывшего в Москву в январе 1591 г., завершились провалом. Оба дипломата были задержаны. Произошедший затем обмен посланиями с гонцами-служилыми татарами только привел к эскалации кризиса. Враждебные хану группнровки крымской знати видели в усилении позиций «московского» на Кавказе главное доказательство слабостн Гази-Гирея II как правителя. Недовольство ханом проявлялось н в Стамбуле, где были озабочены угрозой нападения донскнх казаков на Азов и вообще угрозой интересам Порты на Кавказе. В итоге Гази-Гирей II поступил так же, как его отец Девлет-Гирей I. Последовали драматические события лета 1591 г., завершившиеся очередной неудачей для Крыма в открытых столкновениях с Москвой. Поход хана на Москву завершился провалом. После этого вплоть до весны 1593 г. между Москвой и Крымом происходили сложные дипломатические переговоры, начавшиеся отпуском И.Бнбнкова вместе с новым крымским гонцом в ноябре–декабре 1591 г. и завершившнеся миссией М.Протасьева, который вернулся в Москву в январе 1593 г.

Посольство М.Протасьева привело к урегулированию русско-крымских отношенний. В ноябре 1593 г. на посольском съезде в Ливнах был заключен договор, который был ратифицнрован только в первой половине 1594 г. и в Москве, и в Бахчисарае. После этого наступил относительно длнтельный пернод мирных отношений между Русскнм государством и Крымом, связанный с участием Газн-Гирея II в военных кампаниях султана в Центральной Европе, которые практически беспрерывно продолжались с 1594 по 1607 г.

Все это время регулярные дипломатические контакты не прерывались, и Сулешевы постепенно стали играть в них определяющую роль. Первоначально Москва не придавала значения престарелому Мурад-мурзе, его братьям н детям. В Крым стала возвращаться знать, эмигрировавшая в годы смуты и служнвшая мятежным Гиреям, и Б.Ф.Годунов постепенно нзменил свое отношение к Сулешевым, так как перспективы сотрудничества русских дипломатов с другими крымскнми кланами — Ширинских, Дивеевых н Кулнковых — не оправдали ожиданий. Для Б.Ф.Годунова в принципе было не столь важно, какая нменно знатная семья возьмет на себя отстаивание интересов Москвы в Крыму, но традиции связывали с «московскими деламн» нменно Сулешевых.

В урегулированнн русско-крымского конфлнкта Сулешевым удалось сыграть значительную роль, которая привела к окончательному нх

утверждению в качестве «московских амиятов» и закрепила их влияние в Бахчисарае, не говоря уже о полученин ими материальных выгод. Это отражено в многочисленных статейных списках русских дипломатов в Крыму: И.Судакова-Мясного [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 8–71об.], И.Мишулина [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 283об.–324], И.Бибикова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 98–131об.], М.Протасьева [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 268об.–315], С.Безобразова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 20, л. 268об.–315], А.Акинфова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 439об.–461об.], М.Вельяминова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 534–538]. Этот огромный фактический материал по истории русско-крымских отношений вплоть до 1596 г. во многом отражает и исторню рода Сулешевых в царствованне Газн-Гирея II. Отметим главные черты этого периода.

Вплоть до кризнса 1591 г. в русско-крымскнх отношениях русская сторона не настаивала на восстановлении особой роли Сулешевых в «ссьлках» между Москвой и Бахчнсараем, ограннчиваясь лншь напоминаннями о «прежней службе государю нашему» представителями их клана. Между тем деловые контакты с ними продолжались. Сулешевы вновь ведут предварительные переговоры с русскими гонцами и посланникамн, участвуют в обсуждении «московского дела» на «ближних думах» у хана, постоянно напоминая о своем опыте организации размснов «большнх послов», стремятся заручиться согласием Москвы на их особую роль в дипломатических связях с крымскими ханамн. Казалось, что активность Сулешевых приведет их к успеху. Так, в июне 1589 г. Мурад-мурза сообщил русскому гонцу Ивану Мишулину, что ему назначено «идти к государю вашему на Ливны для розмена», причем послом «царь назначил брата моего меньшого Ахмета-пашу» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 313об.]. Однако вскоре стало ясно, что новым послом в Москву станет один из братьев могущественного сановника Моллы Аллея Аталыка, который и будет организовывать размен. Правда, к осени 1590 г. Мурад-мурза действительно был назначен сопровождать к Ливнам посольство «Моллакая Аллеева брата» (вместе со своим главным соперником при бахчисарайском дворе бнем Кулнковым), но, как выяснилось впоследствии, это был лишь обманный маневр накануне крымского нападения. Знаменательно, что летом 1589 г. Ахмед-паша получил назначение в Москву при своеобразном содействии находившегося там своего племянника Кошум-мурзы. По его совету Мурад-Гирей, время от времени соотносившийся под контролем русских властей с Бахчисараем, информировал хана через своего эмиссара Мамая-мурзу о якобы имеющемся

желании Б.Ф.Годунова видеть новым крымским послом именно представителя клана Сулешевых. Отчасти это соответствовало действительности, что показывают материалы «распроса» Мамая-мурзы по его возвращении в Москву дьякам Посольского приказа [РГАДА. ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 330об.–341об.]. В данном случае Сулешевы стали жертвой собственной интриги: хан отменил назначение послом Ахмед-паши в связи с угрозами ряда крымских вельмож, обвинивших Мурад-мурзу в сговоре с Москвой, известить Порту о «сношеннях» хана с врагом султана Мудар-Гиреем.

Доверие Москвы к Сулешевым восстанавливалось с трудом. Сам Мурад-мурза, который к концу 80-х годов был уже пожилым и многоопытным человеком и пережил на своем веку смену четырех ханов (в 1551, 1577, 1584 и 1588 гг.), отдавал себе отчет в том, что Москва не определилась с выбором своих «доверенных лиц» среди крымской знати из-за длительного династического кризиса Гиреев. Он предпринял единственно возможный шаг — обратился напрямую к Б.Ф.Годунову (первоначально с просьбой отпустить в Крым своих братьев, Яншу-пашу и Ибрагим-пашу). Само по себе это неудивительно, так как после 1588 г. с «государевым конюшим» Годуновым начинают постоянную переписку почти все влиятельные крымские вельможи.

Масштаб обмена посланиями между Б.Ф.Годуновым и крымской знатью в годы правления Гази-Гирея II впечатляет: с августа 1588 г. по июль 1594 г. в 18-й крымской посольской книге (содержащей исключительно переписку Годунова с Крымом) зафиксировано 11 массовых отправлений грамот «ближних царя Казы Кирея людей» к фактическому правителю Русского государства [РГАДА. ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 8об.–13, 43–46об., 70, 71, 74–78, 114–125об., 161–167, 200–206, 241–246об., 269–277об., 287–297, 308–313]. Кроме того, в 21-й крымской посольской книге содержатся не вошедшие в 18-ю книгу грамоты, доставленные в декабре 1593 г. «большим послом» Джан-Мухаммедом [РГАДА. ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 134об.–141об.]. Ответные послания Б.Ф.Годунова с октября 1588 г. по ноябрь 1593 г. отправлялись восемь раз.

Важно отметить неуклонное возрастание авторитета Сулешевых в данной переписке. При первых контактах с Крымом после воцарения Гази-Гирея II (приезд гонца Апсоллана-муллы в августе 1588 г.) Б.Ф.Годунову были доставлены только грамоты от влиятельного сановника Муллы Али-аталыка и главы клана мурз Куликовых — бека Дервиша. Однако уже при последующих приездах гонцов Казан-аги

(декабрь 1588 г.) и Кареша (август 1589 г.) на первом месте при перечислениях грамот находятся послания Арслан-мурзы Сулешева, что связано с его предполагаемым назначением послом в Москву. Затем, при приезде трех следующих ханских гонцов — Аллаш-бахадура (ноябрь 1589 г.), Аллаберди (июль 1590 г.) и Иссея (январь 1591 г.), в числе лиц из крымской знати, направивших послания Б.Ф.Годунову, фигурирует сам глава рода Сулешевых — Мурад-мурза, причем во всех трех случаях в перечне грамот он находится на втором месте [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 77–78, 116об.–118, 163–163об.]. После того как в январе 1588 г. хан официально объявил, что посольский размен состоится под эгидой Ахмед-паши Сулешева, переписка представителей этого рода с Б.Ф.Годуновым становится особенно интенсивной. Это также объясняется подготовкой переговоров о заключении и ратификации русско-крымского договора, подготовкой к размену посольств, а также к проведению посольского съезда в Ливнах.

В течение 1593 г. Б.Ф.Годунову доставляются четыре послания от Ахмед-паши Сулешева (с посольствами Джан-паши и Джан-муллы (Ен-Моллы) Ширинского, гонцом Сюундюком и эмиссаром непосредственно самих Сулешевых — Аллаберди) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 200–202, 269об.–272, 287об.–290; д. 21, л. 134об.–138]. Грамоты Ахмед-паши находятся в перечнях адресантов на первом месте. Та же тенденция сохраняется и в последующие годы (например, при приезде в июле 1594 г. гонца Казан-аги). Характерно, что если до 1593 г. грамоты Сулешевых в перечнях традиционно следовали за грамотами либо Муллы Али-аталыка, либо за грамотой бека Дервиша Куликова, то начиная с прибытия посольства Джан-паши они стоят на первом месте, предшествуя посланиям от Дервиша Куликова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 11об.–13, 74об.–77, 119–122об., 163об.–167, 241об.–245об., 290об.–297, 309об.–313; д. 21, л. 138–141об.]. Кстати, многозначителен сам факт присутствия почти во всех случаях посланий Б.Ф.Годунову от Куликовых — наследственных «гомьянов литовского короля». При этом в январе, ноябре и декабре 1593 г. в Москву доставлялись грамоты к Б.Ф.Годунову только от Ахмед-паши Сулешева и Дервиша Куликова.

Род Куликовых, являвшийся главным соперником Сулешевых со времен царствования Девлет-Гирея I, явно не уступает им в «ссылках» с Москвой. И тем не менее налицо явное увеличение представителей Сулешевых среди татарских аристократов, направлявших свои послания всемогущему царскому шурину. Соответственно в пяти известных случаях отправления русских эмиссаров в Крым до 1593 г. (И.Мишу-

лина — в октябре 1588 г., П.Зиновьева — в апреле 1589 г., И.Грязного — в декабре 1589 г., Н.Бибикова — в октябре 1590 г., Б.Байчурина — в марте 1591 г.) грамоты Годунова Сулешевым стабильно стоят на втором месте (после грамот Мулле Али-аталыку) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, л. 18, л. 34–35, 51–52об., 95–96об., 140об.–144об., 174об.–179].

После 1593 г. положение кардинально меняется. При отправлении в апреле 1593 г. посланника С.Безобразова грамота Ахмед-паше Сулешеву находится на первом месте (перед грамотой Дервишу Куликову), причем никому другому из крымской знати грамоты не составлялись [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 219–233об.]. При отпуске «человека» Сулешевых Аллаберди в октябре 1593 г. и крымского гонца Сюундюка в ноябре 1593 г. грамоты от Б.Ф.Годунова направляются только к Ахмед-паше Сулешеву [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 18, л. 272об.–279, 286об.–295об.]. Правда, эти послания отправлялись не в Крым, а под Ливны, где проходил посольский съезд. Всего в восьми известных по 18-й крымской посольской книге грамотах Б.Ф.Годунова в качестве адресата Мурад-мурза Сулешев фигурировал четыре раза, Ахмед-паша Сулешев — три раза и Арслан-мурза Сулешев — один раз.

После 1593 г. также заметна тенденция активизации обмена посланиями между Сулешевыми и Москвой (ответные грамоты от имени царя Федора Ивановича). Мурад-мурза направлял послания русскому государю пять раз — при всех приездах крымских эмиссаров в Москву: в августе 1588 г., в декабре 1588 г., в сентябре и ноябре 1589 г. и в декабре 1591 г. [РГАДА, ф. 123, д. 17, л. 102–103, 379об.–381, 413об.–415об.; д. 19, л. 39, 39об.]. Однако ответные послания от имени царя ему направлялись только три раза — в октябре 1588 г., марте и ноябре 1589 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 145об.–149, 232–235об., 473–475].

Ахмед-паша Сулешев направлял вместе с Мурад-мурзой послание в ноябре 1589 г. и уже в качестве главы рода восемь раз с декабря 1593 г. по февраль 1596 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 415об.; д. 19, л. 153об.–156, 345–348об.; д. 20, л. 40–42об., 275–276, 521об.–528об.; д. 21, л. 112об.–113об., 340–341об., 559–561].

Весной 1591 г. Ахмед-паша стал главой рода Сулешевых (впервые упомянут как «Ахмед-паша князь Сулешев» в статейном списке гонца И.Бибикова летом 1591 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 104об.]). Это было связано с драматическими событиями в истории русско-крымских отношений. Зимой 1590/91 г. Мурад-мурза был послан вместе с князем Дервишем Куликовым сопровождать крымское посольство для организации предполагаемого ханом посольского размена. Однако к весне

1591 г. давление крымской знати и позиция Порты побудили Гази-Гирея II к нападению на Русское государство. Ахмед-паша в этом походе не участвовал. Но он вместе с приближенными хана дезинформировал гонца И.Бибикова, утверждая, что крымская орда отправляется «воевать литовского короля» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 102]. Между тем Мурад-мурза провел вместе со снаряжаемым крымским посольством всю зиму 1590/91 г. у Овечьих Вод, где он в последний раз в жизни получил поминки от направлявшегося в ноябре в Крым И.Бибикова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 98]. Мурад-мурза серьезно заболел и скончался по пути в Крым, о чем его брат информировал Москву, передав грамоту государю вместе с крымскими гонцами, прибывшими в декабре 1591 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 154]. Ахмед-паша, таким образом, возглавил свой род в трудных обстоятельствах, когда «особые отношения» Сулешевых с Москвой вновь оказались под угрозой. Однако уже в период пребывания в Крыму миссий М.Протасьева и С.Безобразова он сумел серьезно содействовать урегулированию русско-крымского конфликта. В конечном счете именно ему Гази-Гирей II поручил организацию очередного посольского размена.

Осенью 1593 г. Ахмед-паша утвердился в качестве «амината», являясь представителем Крыма на посольском съезде в Ливнах. Речь шла о заключении долговременного русско-крымского мирного соглашения, условия которого были выработаны в Крыму в результате миссии посланника С.Безобразова при активном участии Ахмед-паши Сулешева. Теперь по взаимному соглашению двух сторон главе рода Сулешевых предстояло организовать не просто размен новых посольств, но и церемонию заключения предварительного договора, гарантом которого должен был выступать он лично. Ахмед-паша двигался в Ливны с огромным эскортом — новым посольством бека Ширинского, русским посланником С.Безобразовым, а обратно — с посольством князя М.Л.Щербатова, сопровождаемый отпущенным наконец своим братом Ибрагим-мурзой. В целом Ахмед-паша успешно справился со своей задачей.

Правда, его попытки потребовать дополнительные привилегии в вопросах дипломатического этикета были пресечены русской стороной. Речь шла о конфликте между Ахмед-пашой, с одной стороны, и князем Ф.И.Хворостининым и Б.Я.Бельским — с другой. Ахмед-паша отказался ехать на переговоры «на русскую сторону» за р. Сосна, мотивируя это тем, что при размене в августе 1578 г. на р. Сейм предварительные переговоры начались «на крымской стороне», в лагере его брата Мурад-мурзы. Действительно, тогда сопровождавший посоль-

ство князя В.В.Мосальского А.Ф.Нагой прибыл в лагерь крымцев Однако данная Хворостинину наказная память категорически исключала любое ущемление авторитета русской стороны, в том числе и ведение переговоров в крымском стане [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 168об.–216об.]. Хворостинин известил Посольский приказ о претензиях Ахмед-паши. Б.Ф.Годунов, не желая срыва переговоров, в грамоте от имени царя Федора Ивановича к Хворостинину и Бельскому распорядился в случае крайней необходимости «съезжий шатер на их стороне поставити» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 260– 261об.]. В конечном счете 9 ноября 1593 г. и переговоры, и размен посольств, и принесение Ахмед-пашой шерти от имени хана состоялись на возведенном через р. Сосна мосту. Ход переговоров, вошедших в историю как «посольский съезд в Ливнах», подробно изложен в статейном списке Ф.И.Хворостинина [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 458–466].

Шерть, принесенная Ахмед-пашой перед Ф.И.Хворостининым, была только первым этапом в утверждении «вечного мира». В Москву из-под Ливн, обгоняя «большого посла» (бека Ширинского), для принесения предварительной шерти двинулся от имени хана посланник Баубек, туда же по просьбе Ахмед-паши одновременно был доставлен его младший брат Ибрагим-паша Сулешев. Состоялась повторная церемония. Окончательная ратификация договора (принесение шерти в Бахчисарае и крестное целование в Москве) состоялась в ходе дополнительных переговоров «больших послов» — князя М.А.Щербатова (русское посольство) и бека Джан-Муллы Ширинского (крымское посольство).

Сулешевы выступили гарантами русско-крымского договора, принеся три раза соответствующую шерть (на р. Сосна, в Москве и в Бахчисарае вслед за ханом), в отличие от других крымских фамилий. Особо следует отметить, что 30 октября 1593 г. по прибытии ханского эмиссара Баубека отпускаемый в Крым Ибрагим-паша Сулешев принес особую шерть в Москве от имени своего рода [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 277об.]. В сущности, именно это и явилось окончательным признанием Москвой Сулешевых в качестве «амиятов». Они получили определенный статус, взаимно гарантируемый крымским ханом и московским государем, что следовало непосредственно из принесенной ими в Москве и утвержденной царем Федором Ивановичем шертной записи [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 279об.–281]. Особая роль Сулешевых как доверенных лиц двух сторон на дипломатических переговорах четко просматривается в отписках М.А.Щербатова [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 21, л. 166об.–172об., 175–178, 189–312].

Помимо политических дивидендов и гарантированного «жалованья» Ахмед-паша и его братья, сыновья и племянники получили исключительное право на выкуп полоняников с последующей передачей Москве — естественно, с компенсацией затрат, чем широко пользовались и в дальнейшем. Например, выкуп Сулешевыми имел место при пребывании в Крыму А.Воейкова, посланника царя Василия Шуйского [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 2, л. 248–249].

Ахмед-паша Сулешев сходит с исторической арены в конце XVI в. Точная дата его смерти неизвестна ввиду утраты большей части русской посольской документации по отношениям с Крымом после 1596 г. В начале XVII в. главой рода Сулешевых становится его сын Джан-Ахмед Сулешев, однако о его особой роли в отношениях с Москвой в период «смутного времени» нет достоверных данных до 1613 г., когда он направляет грамоты с гонцом Аллаш-бахадуром [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 2, л. 65]. Затем клан возглавляет его брат Ахмед-паша Сулешев, который в июле–августе 1614 г. осуществляет в Ливнах с русским эмиссаром, князем Г.П.Ромодановским, размен посольств [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 3, л. 23]. 12 сентября 1614 г. в Москву прибыло крымское посольство, возглавляемое младшим братом Ахмед-паши — Мустафой-мурзой Сулешевым [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 5, л. 40].

Итак, Сулешевым удалось сохранить особую роль в поддержании дипломатических связей между Москвой и Крымом, приобретенную их предками в начале XVI в. Этому способствовало дальнейшее развитие их посреднических функций при восстановлении отношений, к которым обращались все правящие в то время крымские ханы.

Русское правительство шло на сотрудничество с Сулешевыми, учитывая именно их роль в правящей верхушке Крыма как ответственных за московское направление политики Гиреев. Москва никогда не стремилась к признанию этой роли исключительно за Сулешевыми. Для реального урегулирования русско-крымских отношений необходимо было сочетание различных факторов — как личностных, заключавшихся в позиции правящих крымских ханов и московских государей, так и геополитических, заключавшихся в объективной необходимости двух сторон к сближению при неизбежности открытой конфронтации. Задачей Сулешевых было не упустить нужный момент для восстановления дипломатических связей, придав им новый импульс. Иногда это приводило к полному успеху (как в 1593 г.), иногда к частичному (как в 1578 г.), а порой и к полному провалу. Однако в целом можно констатировать, что этот крымский аристократический род в

XVI в. был представлен опытными дипломатами и государственными деятелями, которые, исходя, конечно, из своих собственных интересов, могли являться и действительно являлись серьезными политическими партнерами Москвы. Несомненно, что без «опеки» Сулешевых «ссылки» между Москвой и Бахчисараем были бы затруднены из-за политической нестабильности обоих государств и влияния внешних сил, не заинтересованных в политическом диалоге между Крымским ханством и Русским государством.

В XVII столетие Сулешевы вошли уже как единственные политические партнеры Москвы среди крымской знати. В драматических перипетиях русско-крымских отношений в новую историческую эпоху (неуклонное усиление Русского государства на южных рубежах, завершившееся началом наступления на Крым) они сыграли важную роль.

Базилевич, 2000 — *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 2000.

Граля, 1994 — *Граля И.* Иван Михайлович Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI века. М., 1994.

Гробовский, 1997 — *Гробовский А.М.* Иван Грозный и Сильвестр: История одного мифа. Лондон, 1987.

Книга, 1843 — Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. М., 1843.

Лурье, 1958 — *Лурье Я.С.* Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с князем А.М.Курбским в 1569 г. // Археографический ежегодник. 1957. М., 1958.

Новодворский, 1904 — *Новодворский В.В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой. 1572–1582 гг. СПб., 1904.

Новосельский, 1948 — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., Л., 1948.

Сыроечковский, 1940 — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Гирай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. М., 1940.

Татищев, 1996 — *Татищев В.Н.* История Российская. Ч. 4. Т. 6. М., 1996.

Фаизов, 2002 — *Фаизов С.Ф.* Тугра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М., 2002.

Хорошкевич, 2001 — *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001.

Хорошкевич, 2003 — *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Шмидт, 1961 — *Шмидт С.О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961

Lemercier-Quelquejay. 1972 — *Lemercier-Quelquejay Ch.* Les expéditions de Devlet Giray contre Moscou en 1571 et 1572 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1972 Vol. XIII. № 4.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. М . 1965. т. 20 М.; Л., 1959

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

А.П.ГРИГОРЬЕВ
(Санкт-Петербург)

Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация

Место и время выдачи ярлыка Токтамыша

Формулярный анализ чингисидских жалованных грамот XIII–XV вв. (см. [Григорьев, 1978]) позволяет с качественно новых позиций рассмотреть вопрос о дате выдачи самого древнего из золотоордынских актов XIV в., дошедшего до нас на языке подлинника. Речь идет о жалованной грамоте Токтамыша, написанной арабским алфавитом по-тюркски[1].

История изучения и датировки этого документа заслуживает того, чтобы ее вспомнить в деталях, ибо с момента его первого литографического воспроизведения прошло уже 135 лет, а первый перевод на русский язык был опубликован четырьмя годами раньше. При этом до сегодняшнего дня среди наших историков имеют хождение две различные датировки ярлыка Токтамыша. Документ, помеченный как той, так и другой датой, используется для различного рода исторических построений [Григорьев, 1977, с. 146, 154, 155], и, что самое удивительное, никого это положение, кажется, до сих пор не смущает.

В 20-х годах XIX в. ярлык Токтамыша попал в архив Таврического дворянского депутатского собрания в качестве доказательства «законности владения землями и угодьями» [Григорьев, 1844, с. 338], видимо, одного из отдаленных потомков первоначального грамотчика. После того как ярлык целых десять лет пролежал в архиве, его передали для

[1] Золотоордынские жалованные грамоты мы будем обозначать термином «ярлык». Условный термин «тюркский» употребляется нами по отношению ко всем языкам и диалектам тюркской языковой семьи.

© А.П.Григорьев, 2006

перевода на русский язык в канцелярию новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С.Воронцова. Однако и там ярлык перевести не сумели «по затруднительности чтения старинного татарского почерка» [Мурзакевич, 1840, с. 145]. В 1838 г. ярлык был препровожден в Петербург, в Азиатский департамент министерства иностранных дел, где его разобрал и перевел первый драгоман татарского языка Я.О.Ярцов. В 1839 г. ярлык и его перевод были возвращены в канцелярию М.С.Воронцова. Выполненный Я.О.Ярцовым перевод ярлыка в 1840 г. был опубликован Н.Н.Мурзакевичем, а в 1842 г. — Алн-беем Булгаковым [Мурзакевич, 1840; Усманов, 1975, с. 120, примеч. 10]. Тогда выходные данные ярлыка читались следующим образом: «Орда кочевала в Ор-Тюбе. Писан 24 дня месяца Зюлькагида 784 года еджры. В лето обезьяны (пичин)» [Мурзакевич, 1840, с. 146]. В пересчете на европейское летосчисление ярлык датировался 1382 г., т.е. «годом разорения Москвы» [Мурзакевич, 1840, с. 144].

В 1839 г. переводчик восточных языков при М.С.Воронцове и корреспондент Одесского общества историн и древностей А.А.Борзенко снял для Общества точную калькированную копию с ярлыка Токтамыша. В 1844 г. она была напечатана в литографированном снимке работы известного московского художника К.Я.Тромонина в качестве приложения к новой публикации русского перевода ярлыка [Григорьев, 1844, табл. X]. Цветная литография была выполнена «со всею возможною точностию и с сохранением размера подлинника» [Григорьев, 1844, с. 338]. Подлинный ярлык еще в 1839 г. был отослан из канцелярии генерал-губернатора в Таврическое дворянское депутатское собрание для последующей передачи его законному владельцу [Ярлыки, 1850, с. 675]. Таким образом, подлинник ярлыка Токтамыша был навсегда утерян для науки. Все последующие исследователи имели в своем распоряжении только копию.

Инициативу издания нового русского перевода, текста и факсимильной копии ярлыка Токтамыша, которое было осуществлено в 1844 г., взял на себя В.В.Григорьев. При подготовке этого издания он разослал литографированные снимки ярлыка, печатание которых было закончено в Москве в январе 1843 г., нескольким знатокам старинных почерков. В.В.Григорьев стремился возможно более точно расшифровать и передать печатными буквами арабского алфавита витиеватую вязь почерка *дивани*. В коллекции В.В.Григорьева сохранилась переписьярлыка, выполненная в 1843 г. в Евпатории Файзуллахом-эфенди, сыном Шарафуддина-эфенди [Список, л. 28, № 13]. Видимо, эта переписьне устроила издателя по двум причинам: она была сделана мель-

чайшим неудобочитаемым почерком; дата ярлыка в передаче Файзуллаха читалась как 633 г. хиджры, т.е. 1235-36 г. нашего летосчисления.

Тогда же Я.О.Ярцов сделал подряд две новые перепнси «с подлинного древнего почерка Джерри... на общеупотребительное письмо». Первая перепись помечена маем, вторая — 10 августа 1843 г. [Список, л. 23об., № 10; л. 25об., № 11]. Одновременно Я.О.Ярцов заново перевел ярлык [Список, л. 26, 26об., № 12]. В новой редакции перевода дата выдачи ярлыка читалась так: «Подлинный писан в степи, в Ор-тюбе, двадцать четвертого дня месяца Зилькагида, семьсот восемьдесят четвертого года от гиджры, в лето обезьяны (1382 по Р.Х.)» [Список, л. 26об., № 12]. Перевод года выдачи ярлыка с хиджры на европейское летосчисление был сделан В.В.Григорьевым. В таком виде читаются выходные данные ярлыка и в публикации В.В.Григорьева в «Записках Одесского общества истории и древностей» (1844) [Григорьев, 1844, с. 339].

Основное отличие выходных данных во второй редакции перевода Я.О.Ярцова от первой состояло в том, что три отдельных предложения были объединены. Слово «орда» превратилось в «подлинный», а дата выдачи ярлыка осталась прежней — 1382 г. Именно эта дата была принята целым рядом историков с середины XIX в. до наших дней.

Если принять за основу приведенное выше чтение выходных данных ярлыка Токтамыша, то бросается в глаза недоработка в пересчете его даты на наше летосчисление. 24 зу-ль-каада 784 г.х. приходилось на 29 января 1383 г. [Цыбульский, 1964, с. 72–73]. В выходных данных содержится еще и датировка по тюрко-монгольскому 12-летнему животному циклу. Год обезьяны приходился на 1380 г. [Каменцева, 1967, табл. III], т.е. даты по хиджре и по животному циклу разнились на три года. В.В.Григорьев был прекрасно знаком с той и другой системами отсчета времени. Можно предположить, что он не довел до конца пересчет даты выдачи ярлыка Токтамыша на европейское летосчисление именно в связи с указанным несоответствием.

Не прошло и десяти лет после публикации ярлыка В.В.Григорьевым, как новая расшифровка, перепись текста и русский перевод ярлыка Токтамыша были опубликованы И.Н.Березиным [Березин, 1851, с. 11–15, 43–49]. Он прочитал выходные данные ярлыка следующим образом: «Орда находилась на Дону, на Ур-тубе, на степи. Писано в лето обезьяны девяносто четвертого года месяца Зулькаада двадцать четвертого» [Березин, 1851, с. 15].

В выходных данных ярлыка Токтамыша И.Н.Березин восстановил бывшее еще в первом варианте перевода Я.О.Ярцова слово «орда»

и добавил к нему топоним «Дон», хотя и без уверенности в том, что это «не есть что-нибудь другое» [Березин, 1851, с. 49, примеч. 67]. При чтении года выдачи ярлыка, написанного прописью, он «и то с большим усилием» разобрал обозначение единиц (4) и десятков (9), т.е. цифру 94, и пришел к выводу, что «означения сотни не поставлено». Поскольку было известно, что выдавал ярлык золотоордынский хан Токтамыш, то трехзначная цифра года его выдачи предполагалась 794. Дата 24 зу-ль-каада 794 г.х. составляла, по подсчетам И.Н.Березина, 10 сентября 1392 г. (или около того) [Березин, 1851, с. 49].

И.Н.Березин произвел расчет и возможных для данного случая годов по животному циклу и пришел к выводу, что «год обезьяны приходится на 1379, и 1391, и 1403 нашего счисления» [Березин, 1851, с. 49]. Однако в дальнейшем ни сам И.Н.Березин, ни его последователи в нашей стране вплоть до сегодняшнего дня дату животного цикла, т.е. 1391 г., в расчет не принимали. Только турецкий ученый А.Н.Курат датировал ярлык Токтамыша 1391 г. [Kurat, 1940, с. 3]. Это тем более странно, что на самом деле И.Н.Березин ошибался. Год обезьяны приходился соответственно на 1380, 1392 и 1404 гг. европейского летосчисления [Каменцева, 1967, табл. III]. А.Н.Курат прекрасно знал животный календарь, ибо таблица соответствия годов животного цикла, европейского летосчисления и мусульманской хиджры приложена к его собственному исследованию [Kurat, 1940, с. 154].

Следовательно, не было никакого расхождения между датой по хиджре и годом животного цикла в выходных данных ярлыка Токтамыша, которые расшифровал И.Н.Березин. Более точный расчет показывает, что дата 24 зу-ль-каада 794 г.х. соответствовала 12 октября 1392 г. [Цыбульский, 1964, с. 72–73].

И все-таки 1392 год не превратился в общепризнанную дату выдачи ярлыка Токтамыша. Видимо, немало способствовала этому недостаточная уверенность самого «творца» названной даты — И.Н.Березина в точности своей расшифровки. Наиболее вдумчивые исследователи, способные самостоятельно читать документы такого рода на языке оригинала, не приняли чтение И.Н.Березина. В.Д.Смирнов указал на существование двух чтений даты ярлыка, но сам не остановился ни на одном из них [Смирнов, 1887, с. 138]. В.В.Бартольд явно избегал даже называть этот документ. Лишь в 1911 г. он осторожно именует его «тарханным ярлыком Тохтамыша» без обозначения времени выдачи [Бартольд, 1966, с. 335, примеч. 135]. А.Н.Самойлович, посвятивший анализу текста ярлыка Токтамыша специальную работу, из двух дат выбрал первую — 1382 г. [Самойлович, 1927, с. 141, 142]. Ш.Ф.Муха-

Фотография фрагмента копии ярлыка Токтамыша
с его последней строкой

медьяров в этом вопросе был солидарен с А.Н.Самойловичем [Мухамедьяров, 1967, с. 105]. Другой ученый — М.А.Усманов в работе, посвященной истории изучения письменных документов Джучиева улуса, уделяет ярлыку Токтамыша не одну страницу, однако ни разу не называет дату его выдачи [Усманов, 1975, с. 119–122, 129].

Приведенные факты красноречиво свидетельствуют прежде всего о том, что в настоящее время науке неизвестна точная дата выдачи ярлыка Токтамыша. Следовательно, этот документ лишь ограниченно годен для каких-либо исторических построений. Очевидна необходимость дипломатического анализа удостоверительной статьи его индивидуального формуляра [Григорьев, 1978, с. 55–70]. В процессе этого анализа закономерно обращение к первоначальному тексту ярлыка, т.е. к палеографическому анализу его текста.

Для краткости сразу же представим транскрипцию[2] и перевод текста удостоверительной статьи ярлыка Токтамыша в том виде, к какому привело ее предпринятое нами исследование в целом, а затем последовательно прокомментируем этот текст.

Tuta turyuyay	Для постоянного хранения
al tamγalīγ	алотамговый
jarlīγ	ярлык
berildi.	выдан.
Orda	Ставка
Tān	Дона
ortuda	в среднем течении
erürda	когда находилась,
bitildi.	написан.
Тахрйран	Написано
фӣ-р-раби‘и	в четвертый
ва-л-‘ишрӣна	и двадцатый [день]
шахра	месяца
зӣ-л-ка`да	зу-ль-каада
саната	года
самāнӯна	восьмилесятого
ва саб‘имн`а.	и семисотого.
Bīčin jīl	В обезьяны год
qīlīndī.	совершено.

[2] При транслитерировании тюркского текста ярлыка, переданного арабским письмом, используется принцип, который был разработан составителями «Древнетюркского словаря» [Древнетюркский, 1969]. Арабский текст ярлыка транскрибируется по общепринятой в нашей стране системе И.Ю.Крачковского.

Итак, перед нами полный текст удостоверительной статьи ярлыка Токтамыша. Он состоит из четырех отдельных предложений. В первом предложении, соединенном с основным текстом деепричастием *ир* («говоря»), представлен удостоверительный знак ярлыка — алая тамга[3], во втором — определено местоположение государевой ставки, в третьем — содержится датировка выдачи ярлыка по хиджре, в четвертом — определяется то же время по животному циклу.

Структура удостоверительной статьи, как видим, необычная. Мы привыкли видеть иную полную форму удостоверительных статей жалованных грамот улусных ханов, написанных уйгурским алфавитом на языках монгольском или тюркском [Григорьев, 1978, с. 62–64, 67]. Там удостоверительная статья состояла из двух предложений: в первом говорилось о выдаче грамоты с удостоверительными знаками, во втором — о времени и месте написания грамоты. В грамотах, выполненных арабским письмом по-персидски, удостоверительные статьи писались только на арабском языке. В этих грамотах употреблялись краткая или полная формы удостоверительных статей. Краткая форма начиналась предлогом *фй* (в), за которым следовали обозначения по хиджре месяца и года написания грамоты [Григорьев, 1978, с. 65]. Полная форма также состояла из одного предложения. Статья начиналась словами *кутиба фй* («написана в»), затем следовало подробное (число, месяц, год) обозначение по хиджре даты написания, а завершалась она указанием на местоположение государевой ставки в момент написания грамоты [Григорьев, 1978, с. 66–69].

Предложенная на рассмотрение удостоверительная статья ярлыка Токтамыша структурно отличается от вышеуказанных. Налицо переходная форма от тюрко-монгольской к арабской удостоверительной статье. Действительно, удостоверительные знаки и местоположение государевой ставки представлены по тюрко-монгольской форме, а время написания ярлыка обозначено сообразно краткой форме арабской удостоверительной статьи. После обозначения времени выдачи ярлыка по хиджре, написанного по-арабски, следует указание на время того же события по тюрко-монгольскому счету — приводится обозначение года животного цикла, написанное по-тюркски.

Рассмотрим в отдельности каждое из четырех предложений удостоверительной статьи ярлыка Токтамыша.

Наша транскрипция первого предложения в целом не отличается от переписи его буквами арабского алфавита, выполненной И.Н.Бере-

[3] Перепись куфического текста тамги Токтамыша печатными буквами арабского алфавита и ее русский перевод см. [Григорьев, 1844, с. 339–340].

зиным. Деепричастие *tip* («говоря»), переведенное И.Н.Березиным сочетанием «так молвя», связывает удостоверительную статью в целом с основным текстом ярлыка. Оно не является значимым словом для первого предложения удостоверительной статьи, а потому и не включено нами в его состав.

Формула *tuta turγuγaγ* («для постоянного хранения») приведена в переписи И.Н.Березина без конечного *γ*. В примечании к этой формуле ученый отметил, что последнее слово в ней «как-будто написано» с конечным *гайном*. Вставить в перепись слово *turγuγaγ* ему помешало предположение, что здесь *turγuγa* «поставлено вместо» *turmaqγa* [Березин, 1851, с. 49, примеч. 67]. Формулу в целом И.Н.Березин переводил «для держания», видя в конечном *-γa* аффикс дательного падежа. Мы руководствовались иными соображениями. Конструкция *tuta tur-* дает значение постоянства, длительности держания. Во втором слове формулы *turγu* — глагольное имя, *γaγ* — глагольное прилагательное, придающее глагольному именн значение долженствования. Формулу в целом по-русски можно передать словамн «который надлежит (или „подлежащий") постоянно держать (т.е. хранить)»[4]. Наш окончательный перевод формулы словами «для постоянного хранения» не противоречит ее подлинному смыслу и смыкается с переводом той же формулы в монгольских жалованных грамотах [Григорьев, 1978, с. 81].

Формула *al tamγalïγ* очень удачно, на наш взгляд, передана И.Н.Березнным словом «краснопечатный». Перевести ее сочетанием «с красной печатью» было бы неточно, ибо ярлык содержит не одну, а две печати. Наш перевод «алотамговый» базируется на том, что слова «алый» и «тамга» уже давно и прочно вошли в состав русского литературного языка [Словарь, 1950, стб. 102–103; Словарь, 1963, стб. 91].

Второе предложение рассматриваемой статьи, которому, согласно приведенным выше образцам, полагалось бы завершить ее, содержит лишь указание на местоположение государевой ставки в момент написания ярлыка. Из пяти слов предложения только два первых отвечают чтению, предложенному И.Н.Березиным.

Второе, третье и четвертое слова в переписи И.Н.Березина читались *Tan Ur-tübadä qirda*. На русский язык они передавались так: «на Дону, на Ур-тубе, на степи» [Березин, 1851, с. 49]. Так обозначалось местоположение государевой ставки. Нетрудно заметить, что такое чтение показывало одновременно три места ханской ставки: река Дон,

[4] Консультация А.Н.Кононова.

курган Ур-тюбе, степь. Возможно, именно это обстоятельство помешало Я.О.Ярцову в первой редакции перевода увидеть слова «Дон» и «степь». Он перевел тогда, что «орда кочевала в Ор-Тюбе». Повторно редактируя перевод этого отрывка, Я.О.Ярцов, видимо, заметил, что если оставить топоним Ур-тюбе, то для глагола «кочевала» не остается места. Во второй редакции перевод отрывка звучал так: «подлинный писан в степи, в Ор-тюбе». Степь выдвигается на первый план, а Ур-тюбе превращается в уточняющий пункт расположения ставки. Закончим на этом умозрительное рассмотренне переводов Я.О.Ярцова и И.Н.Березина и обратимся к подлинному тексту ярлыка Токтамыша.

Во втором предложении удостоверительной статьи первые два слова читаются бесспорно: *orda* «ставка» и *Tān* «Дон». Третье слово Я.О.Ярцов и И.Н.Березин единодушно читали: *Ur-tübūda* «на Ур-тюбе». Буквосочетание в тексте ярлыка, следующее за первыми двумя словами, действительно, с большой натяжкой можно прочитать так, как читали его русские востоковеды. Самое большое сомнение в правильности этого чтения внушает место буквосочетания *da*. В слове *orda*, например, *da* написано над первым слогом. Здесь порядок слогов правильный: сначала — *or*, затем — *da*. Сомнительное буквосочетание начертано последовательно в одну строку: *ortudabe*. Поскольку второе предложение в целом не имеет промежутков между составляющими его словами, мы вправе отделить от полученного буквосочетания последние две буквы. Слово *ortuda* значит «в середине», а применительно к реке — «в среднем течении». Таким образом, предлагаемое нами чтение переносит ставку Токтамыша из устья Дона на его среднее течение.

Четвертое слово читалось прежними исследователями *qīrda* и понималось «в степи». Такое чтение было возможным. Первая буква не имеет над собой точек, так что ее можно прочесть и не *каф* (q), а *вав* (u или ü). Гласная ī вообще не обозначена, ее можно и не вставлять. Вспомним, что от предыдущего буквосочетания остались две буквы. Прежде их читали *ба* (b) и *ха* в конечном варианте (ä). Начальная буква *ба* не имеет под собой точки и обладает высокой спинкой. Ее вполне можно прочесть и как *алиф* (a или e). Буква *ха* на таковую походит очень мало, особенно если сравнить ее с конечными *ха*, которые встречаются в первой и тринадцатой строках ярлыка. Гораздо больше эта буква похожа на *ра* (r). Суммируем наши наблюдения и получаем слово *erurdä* («когда находилась»). Последнее слово второго предложения читалось Я.О.Ярцовым *bitildi* «написан». И.Н.Березин решил читать его *tubaldī* [Березин, 1851, с. 49, примеч. 67], что, на наш взгляд.

ни с чем не сообразно. Это слово на самом деле читается в тексте ярлыка не очень ясно. Нам предпочтительнее видеть в нем *bitildi*.

Что касается текста третьего и четвертого предложений удостоверительной статьи ярлыка Токтамыша, написанных в одну строку, сразу же обращает на себя внимание положение этой последней строки по отношению ко всему тексту ярлыка. Последние девять строк ярлыка начертаны довольно ровными рядами, имеющими справа поля от 5 до 6 см, а между строками — расстояние от 4 до 6 см. Интересующая нас строка помещена в левом нижнем углу документа. Длина ее едва достигает одной третьей части от длины вышестоящих строк. Написана она почти вплотную к предыдущей, их разделяет примерно 1 см. Приглядевшись, исследователь заметит, что на литографированной копии ярлыка справа и слева обозначены его нижние края. Получается, что документ вообще не имеет выраженного нижнего поля. Строка, заключающая дату его написания, вписана в просвет, образовавшийся в результате того, что окончание предыдущей строки ярлыка (как и других его строк) приподнято вверх.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность последней строки ярлыка Токтамыша. Она написана другим почерком. Если основной текст ярлыка единообразно начертан крупным торжественным канцелярским почерком дивани [Недков, 1966, с. 101–104], то последняя его строка писана мелким небрежным «домашним» почерком *шикесте* [Недков, 1966, с. 101, 102], который особенно трудно читается. В последнем обстоятельстве и заключена причина разночтений даты выдачи документа.

Итак, создается впечатление, что подлинная последняя строка ярлыка Токтамыша была утрачена. Видимо, она оторвалась вместе с нижним краем документа, который перетерся на сгибе. Позднее текст строки был приписан в левом нижнем углу ярлыка. Был ли он восстановлен по памяти или писец руководствовался подлинным нижним краем документа? Высказывать свои соображения по этому поводу нам предпочтительнее после того, как будет выявлен полный текст приписки. Для удобства чтения и проверки мы сфотографировали этот текст и приложили его к настоящей работе в увеличенном виде (см. рис.).

Рассмотрим арабский текст строки, в котором заключена дата выдачи ярлыка по хиджре. Нужно отдать должное Я.О.Ярцову и И.Н.Березину, которые анализом текста значительно облегчили процесс его чтения. Обозначение дня и месяца выдачи ярлыка оставлено нами без изменений. Странно лишь, что ни тот ни другой ученый не

увидели элемент *фӣ* в формуле *тахрӣран фӣ* («написано в»). Он читается довольно свободно. Обозначение года выдачи ярлыка действительно открывает перед исследователем широкую возможность для догадок и предположений.

Вспомним, что Я.О.Ярцов в обозначении года выдачи прочитал 784 г.х., а И.Н.Березин «с большим усилием» разобрал [7]94 г.х. Искомая дата начертана в тексте ярлыка прописью, т.е. за единицами следуют десятки и сотни. Автор этих строк приложил немало усилий для прочтения года выдачи ярлыка, руководствуясь прежде всего тем, что оба его предшественника начинали искомую дату с цифры 4. В конце концов у меня сложилось убеждение в том, что на месте обозначения года выдачи проставлены только две цифры, для третьей просто нет места. Таким образом, подтвердилось наблюдение И.Н.Березина. Прочесть цифру 4 мне не удалось. Публикуемый здесь фототекст еще в декабре 1970 г. был передан для прочтения арабисту О.Б.Фроловой, которая специально не была посвящена в подробности моей работы. Прочитав «родной» для нее арабский текст непредубежденным глазом, О.Б.Фролова предложила свое чтение даты: *самāнӯна ва саб'ими'а* («восьмидесятый и семисотый»), т.е. число 780. Число 80 написано в нем с характерной для тюркских текстов заменой арабской буквы *йа* на *вав*.

Фототекст анализируемой строки вместе с чтением ее О.Б.Фроловой были предложены на рассмотрение известным отечественным арабистам, ныне покойным В.А.Крачковской, И.Н.Винникову и В.И.Беляеву. Ученые единодушно одобрили концепцию О.Б.Фроловой. Это новое чтение даты выдачи ярлыка Токтамыша следует считать единственно правильным, т.е. необходимо отказаться от двух предыдущих вариантов чтения.

Теперь возникает законный вопрос: почему же Я.О.Ярцов, который еще в 1838 г. прочитал дату 784 г.х., т.е. совершенно правильно разобрав число десятков и сотен, дополнил ее цифрой 4? Как раз эту цифру он ни в коем случае не мог увидеть в обозначении года, ибо цифрой 4 начинается обозначение дня выдачи ярлыка и она совершенно не совмещается с первой цифрой в обозначении года, тем более что год выдачи содержит всего две цифры. Кажется, здесь возможны только два объяснения. Первое — переводчик вставил четверку в обозначение года случайно, утомленный огромным объемом работы, связанной с переводом на русский язык всего ярлыка Токтамыша. Он механически перенес ее в обозначение года из обозначения дня месяца. Второе — он дополнил дату выдачи ярлыка намеренно, посчитав 780 г.х.

слишком ранней для ярлыка Токтамыша датой. Мы склоняемся к первому объяснению, отдавая Я.О.Ярцову дань уважения как выдающемуся специалисту своего дела.

В этой последней строке ярлыка, которую мы считаем позднейшей припиской, находнтся и четвертое предложенне удостоверительной статьи. Оно состоит из трех слов, написанных по-тюркски довольно разборчиво: *Bicin jïl qïlïndï* «В обезьяны год совершено». «Исправив» *bitildi* на *übaldi* в конце второго предложения удостоверительной статьи, И.Н.Березнн в конце четвертого предложения поместил *bitildi*, что не соответствует действительности.

Таким образом, мы увсренно прочитали полный текст приписки, составляющей вторую половину удостоверительной статьи ярлыка Токтамыша. Указанная в ней дата выдачи ярлыка по хиджре — 24 зу-ль-каада 780 г.х. — соответствует 14 февраля 1379 г. [Цыбульский, 1964, с. 70, 71]. Дата выдачи по животному циклу — год обезьяны — приходится на 1480 г. Возможно ли такое несоответствие дат в золотоордынском документе?

В нашем распоряжении находятся тексты еще четырех золотоордынских грамот [Копия; Березин, 1872, с. 17, 18; Радлов, 1889, табп. I; Kurat, 1940, с. 173–184] и трех писем [Березин, 1850. с. 13; Kurat, 1940, с. 161–170], нвписанных между 1393 и 1485 гг. В этих документах содержится двойное обозначение даты выдвчи — по хиджре и по животному циклу. Проверка показывает полное соответствие двойной датировки во всех документах, кроме одного. В письме золотоордынского хана Махмуда от 20 шаабана 870 г.х. (7 апреля 1466 г.) [Цыбульскнй, 1964, с. 76, 77] датой написания по животному циклу указан год курицы. Между тем 1466 год соответствует году собаки, а год курицы падает на 1465 г. [Каменцева, 1967, табл. III]. Несоответствие это мнимое, так как 870 год хиджры начинался 24 августа 1465 г., т.е. в год курицы. В приписке к ярлыку Токтамыша мы видим действительное несоответствие двух систем датировок. 780 год хиджры начинался 30 апреля 1378 г. [Цыбульский, 1964, с. 70], т.е. в год лошади, за которым следовал год овцы, и только после него, в 1380 г., начинался год обезьяны [Каменцева, 1967, табл. III]. Значит, где-то в обозначенне времени выдачи вкралась ошибка. Нельзя ли выявить подлинную дату написания ярлыка Токтамыша?

Нам представляется возможным ответить на этот вопрос положительно. В самом деле, в позднейшей приписке к ярлыку мы располагаем не просто годом, а полной датой его написания по хиджре — 24 зуль-каада 780 г.х. и названием года по животному циклу — год обезья-

ны. Такое подробное обозначение времени выдачи наводит на мысль о том, что неизвестный автор приписки воспользовался подлинной датировкой ярлыка, но по неизвестной нам причине просто не дописал год выдачи ярлыка по хиджре, точнее, не проставил в числе лет одну или две единицы. Дата 24 зу-ль-каада 781 г.х. соответствовала 2 марта 1380 г., а 24 зу-ль-каада 782 г.х. — 19 февраля 1381 г. [Цыбульский, 1964, с. 72, 73]. Как будто бы следует отдать предпочтение первой из предполагаемых дат, ибо год обезьяны приходился на 1380 г. Однако нужно учитывать, что 781 год хиджры начинался 19 апреля 1379 г. [Цыбульский, 1964, с. 72], т.е. в год овцы [Каменцева, 1967, табл. III]. Этот год овцы продолжался до 5 февраля 1380 г. [Черепнин, 1944, 86–88], т.е. фактически полных десять лунных месяцев 781 г.х. На долю года обезьяны, начавшегося 6 февраля 1380 г., пришлись только два последних месяца 781 г.х. Следующий, 782 год хиджры начинался 7 апреля 1380 г. [Цыбульский, 1964, с. 72]. Именно на него пришлись десять оставшихся месяцев года обезьяны, который закончился 25 января 1381 г. [Черепнин, 1944, 86–88]. Хотя фактически дата выдачи ярлыка Токтамыша — 24 зу-ль-каада 782 г.х. (19 февраля 1381 г.) — приходилась не на год обезьяны, а на год курицы, начавшийся 26 января 1381 г., чиновники золотоордынской канцелярии не учитывали столь малого расхождения в двойной датировке. В этом мы уже имели случай убедиться на примере письма Махмуда от 1466 г. В итоге остается заключить, что совмещение двух систем датировок в выходных данных ярлыка Токтамыша приводит нас к однозначному решению: первоначальной датой выдачи ярлыка, начертанной на утраченном нижнем крае документа, было число 24 зу-ль-каада 782 г.х. (19 февраля 1381 г.), год обезьяны.

Вычисленная нами дата не вступает в противоречие с текстом ярлыка Токтамыша. В адресате ярлыка находится обращение к главе Крымского тюмена, т.е. правителю Солхата (Старого Крыма) Кутлу-Буге. Из итальянских источников известно, что генуэзский консул Кафы (Феодосии) Джаннони дель Боско в конце зу-ль-каада 782 г.х. (25 февраля 1381 г.) заключил договор с Токтамышем. С татарской стороны этот договор подписал правитель Солхата Илйас, сын Кутлу-Бугн. В 1387 г. Кутлу-Буга в качестве правителя Солхата подтвердил договор с генуэзцами своего сына и свой собственный, заключенный им с кафинским консулом Бартоломео де Якопо. Означенный консул последний раз занимал свое место в Кафе в 1382 г. [Смирнов, 1887, с. 132–138]. Естественно, что свой первый договор с генуэзцами Кутлу-Буга заключил до того, как это сделал Илйас, т.е. до 25 февраля

1381 г. В противном случае подтверждать более ранний договор сына не имело смысла. Следовательно, Кутлу-Буга мог быть правителем Крымского тюмена 19 февраля 1381 г. и ранее того времени, ибо выдаче ярлыка от лица золотоордынского хана неминуемо должен был предшествовать какой-то подготовительный период.

Выяснив, как нам представляется, единственно возможный вариант подлинной даты выдачи ярлыка Токтамыша, мы можем уточнить и место выдачи этого документа. Середина, или среднее течение, Дона — понятие довольно растяжимое. Где же именно мог находиться Токтамыш 19 февраля 1381 г.? Новый золотоордынский хан в тот период был занят дипломатической и военной подготовкой к стремительному походу на Москву, осуществленному летом 1382 г. [Греков, 1975, с. 156–165]. Естественно, что ставка его в 1381 г. находилась в непосредственной близости от границы ордынских владений.

Эта граница определяется для среднего течения Дона совершенно точно. Дело в том, что в 1389 г. митрополит Пимен предпринял путешествие из Москвы в Константинополь. Его «хождение» было подробно описано дьяконом Игнатием [Кудряшов, 1948, с. 157–159]. Часть пути путешественники проделали на судах по Дону от его верховьев до самого устья. Дон в своем среднем течении круто меняет широтное направление на меридиональное и образует большую излучину, издревле называемую Великая Лука. Начало этой излучины находится недалеко от нынешней станицы Сиротинской. Затем следуют устья левых притоков Дона — Иловли, Тишанки и Сакарки. Заканчивается Великая Лука в районе хутора Малонабатовского. Экспедиция Пимена миновала конец Великой Луки 19 мая 1389 г. и тут же оказалась на территории Золотой Орды [Кудряшов, 1948, с. 18, 19]. В «Хождении Пименовом» об этом говорится так: «...пловуще минухом Великую Луку и царев (т.е. золотоордынского хана. — *А.Г.*) Сарыхозин улус; и тако оттуду начя нас страх обдержати, яко внидохом в землю Татарьскую, их же множество обапол Дона реки, аки песок» [Кудряшов, 1948, с. 158–159]. Вот здесь-то, на территории улуса Сары-ходжи, где ныне отмечается на карте населенный пункт Голубинский, и находилась 19 февраля 1381 г. ставка Токтамыша.

В удостоверительной статье формуляра ярлыка Токтамыша наблюдается переходная форма от традиционной золотоордынской к арабской. Место выдачи обозначено по-тюркски, а дата написания искусственно вычленена для обозначения ее по-арабски. История показывает, что полный переход от тюркской к арабской удостоверительной статье совершился уже в ярлыках крымско-ханской канцелярии после

1524 г. (930 г.х.) [Григорьев, 1844, табл. XI] и не позднее 1549 г. (956 г.х.)[5]. Начиналась эта новая форма удостоверительной статьи словами *тахрйран фй*... («написано в...»), заканчивалась — *би макам*... («в ставке...»). Она полностью заимствована из турецкой канцелярии [Недков, 1966, с. 140, 141].

Переходная форма удостоверительной статьи в ярлыке Токтамыша не привилась в ярлыках последующих золотоордынских и крымских ханов. Почти такую же форму мы встречаем в удостоверительной статье ярлыка крымского хана Менгли-Гирея от 1485 г. [Копия]. Однако там уже нет арабского обозначения даты написания. Эта арабская строка заменена тюркской, т.е. полностью ассимилирована тюркским текстом. Откуда же появилось это инородное обозначение в ярлыке Токтамыша?

Вероятнее всего, Токтамыш заимствовал арабское обозначение даты написания ярлыка из канцелярии своего бывшего покровителя — Тимура. До последнего времени мы не располагали документальным тому подтверждением. Только в 1977 г. в Венгрии была посмертно издана книга Л.Фекете «Введение в персидскую палеографию», к которой приложена, в частности, жалованная грамота, выданная в 1396 г. сыном Тимура Джалал ад-Динном Мираншахом [Fekete, 1977, табл. 1]. Текст грамоты Мираншаха написан по-персидски, выходные данные — по-арабски. Последние начинаются формулой *тахрйран фй*, за которой следует время выдачи. Обозначение места выдачи отсутствует. Теперь понятно, что при начертании ярлыка от 24 зу-ль-каада 782 г.х. (19 февраля 1381 г.) писцы канцелярии Токтамыша взяли за основу обычную форму золотоордынского ярлыка, дополнив ее необычным обозначением времени выдачи, принятым в канцелярии Тимура. Строка с выходными данными в грамоте Мираншаха расположена параллельно строкам основного текста и начертана тем же самым почерком, что является еще одним документальным свидетельством в пользу нашего утверждения о более поздней и недостаточно полной приписке последней строки в левом нижнем углу ярлыка Токтамыша.

Пожалование в ярлыке Токтамыша

Работа по реконструкции оригинальных текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв., дошедших до нас лишь в старинных русских переводах, привела автора этих строк к убежденню в том, что первоначально эти ярлыки писались по-монгольски, затем их переводили на

[5] См. калькированные копии 11 ярлыков крымских ханов XVI в. (1549–1597 гг.) хранящиеся в Восточном отделе библиотеки ЛГУ (шифр Мк.О.902. № 2–5, 7–13).

тюркский язык, с которого тут же осуществлялся дословный русский перевод [Григорьев, 1977; Григорьев, 1980а; Григорьев, 1980б; Григорьев, 1981]. И именно тюркский язык, выполнявший роль посредника между монгольским и русским, являлся основой для текста, с которого делали русский перевод. Поэтому нашей первейшей задачей должна стать реконструкция полного тюркского текста каждого из названных ярлыков.

Начальные и конечные статьи формуляров золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. реконструируются довольно уверенно. В этом случае мы имеем возможность руководствоваться материалами формулярного анализа чингисидских грамот других регионов и золотоордынскими документами конца XIV — начала XV в., тексты которых сохранились на языке оригинала. Теперь, когда настало время реконструировать основной текст золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв., т.е. собственно пожалование, оказалось, что в нашем распоряжении нет ни одного тюркского текста ярлыка, который можно было бы квалифицировать как тарханную грамоту храмам и монастырям. А ведь именно такого рода грамоты представляют собой золотоордынские ярлыки, сохранившиеся только в русском переводе.

Выход из создавшегося затруднительного положения следует искать в детальном рассмотрении пожалования в формулярах ярлыков, оригинальными текстами которых мы располагаем на сегодняшний день. Порядок расположения оборотов в них отличается от такового в тарханных грамотах храмам и монастырям, но ведь отдельные формулы и даже целые обороты неизбежно повторяются в ярлыках различных типов. Скрупулезный анализ пожалования в формулярах наличных тюркских ярлыков дает достоверный материал для последующей реконструкции оригинальных текстов пожалования в русских переводах золотоордынских ярлыков. Для такого анализа в нашем распоряжении находятся тюркские тексты ярлыков Токтамыша, Тимур-Кутлука и Улуг-Мухаммеда.

Ярлык золотоордынского хана Токтамыша (1380–1395), подлинник которого сохранился до наших дней, был написан буквами арабского алфавита по-тюркски 24 зу-ль-каада 782 г.х. (19 февраля 1381 г.), когда ставка Токтамыша находилась в среднем течении Дона[6]. Пожалование в индивидуальном формуляре этого ярлыка выглядело следующим образом [Григорьев, 1844, табл. X]:

[6] Подлинник ярлыка был обнаружен М.А.Усмановым в Рукописном хранилище СПбФ ИВ РАН (ЛО ИВАН СССР) [Ярлык].

Bu jarlïqnï tutup turγan	Этнм ярлыком обладающему
Beg hažïγa	Бек-хаджи,
bipänahlïq eli ǯumlasin	опекаемый [нами] нль весь
biznïŋ sujurγal	[в качестве] нашего суюргала
bulup	получившемуе.
Sütköl eldïn	от Сюткёльского иля
jïl sajï ne kïm čïqar	ежегодно тот, что поступал,
čïqïšïn	чикыш
marfu'lar birlä barcasï	с надбавками вместе весь
bejt-ül-mal[γa]	в казну,
berildi.	дарован был.
Bu kündin ilgari	Отныне и впредь
Sütkolga	на Сюткель [подать],
salïγ musamma	«салык» называемую,
salmasunlar	пусть не налагают;
ulaγ šusun	подводы и корма
tilamasünlar	пусть не домогаются;
anbar ḥaqï	амбарного сбора
ekïn ǯarǯï	н поземельного налога
tilamasünlar	пусть не домогаются;
tümandin	[лнца], от тюмена
erketin bulup	полномочия получившне,
Qïrïm	Крыма
icïndä tasïnda	внутри и снаружи
qonumlarda	на стоянках
Sütkolga tabanlïγ	к Сюткёлю прнчисленных
kišilarïn	людей,
kïm ersä	кто бы они ни были,
tilamasünlar	пусть не домогаются
almasunlar	н не забирают;
barcalarï	от всех их
bir jerga ǯämʿ bolup	вместе взятых
čïqar	поступающего
cïqïšlarïn	чнкыша
usal	[в его пользу] нз-за удержання
qïlmadïn	[нами] производимого,
hïmajat ʾinajat	из-за покровнтельства и помощи
bulmadïn	[нами ему] оказываемых,
pajzä jarlïγlïγ	пайцзового и ярлычного
tarǯanmïz	тарханства нашего [ему]

bitmadin	из-за написания,
Beg hažiγa	Бек-хаджи
könilik birla	верой и правдой
barčalariŋïz	все вы
bu karin	в этих делах
küč beriŋlär	содействие оказывайте! –
tedimiz bulaj.	мы повелели так.
Bulaj	Такого [нашего]
tedürgač ersa	повеления после
tüman	[власть имущие] от тюмена,
salïγïn qismatïn	салык и кысмет
salγanlar	налагающие.
zaḥmat junčuγ	заботы и огорчения
tegürganlar	доставляющие,
qorḥarlar erna.	убоятся непременно!
Basa sen	Также и ты,
Beg hažï	Бек-хаджи:
bulaj sujurγajïm	«Так пожалован я!» –
tep	говоря,
meskïn jarlïγlarγa	бедным и убогим
küč qïlur	насилие чинить
bolsajïp	если будешь,
seŋa taqï	тебе также
eδ güsi bolmaγ aj	хорошо не будет! –
tep	говоря,
tuta turγuγaγ	для постоянного хранения
al tamγalïγ jarlïγ	алотамговый ярлык
berildi	выдан.

Представленный здесь перевод пожалования в деталях отличается от прежних. Вспомним, что существуют две редакции перевода ярлыка Токтамыша, выполненные Я.О.Ярцовым, перевод И.Н.Березина и поправки к переводам Я.О.Ярцова и И.Н.Березина, сделанные А.Н.Самойловичем. Ниже предлагается краткий комментарий к нашему переводу, в котором указаны и объяснены основные отличия в переводе отдельных слов и оборотов пожалования в ярлыке Токтамыша. Следует заметить, что здесь впервые дается полный перевод пожалования как «изначального», а не «подтвердительного», исходя из прочтения А.Н.Самойловичем в конце 11-й строки ярлыка слов (читавшихся его предшественниками *tip Temir Pulad*) *tedimiz bulaj* «мы ска-

зали так» [Самойлович, 1927, с. 141–142]. Поэтому детально сопоставлять приводимый перевод, последовательно отражающий структуру текста подлинника, с переводами наших предшественников подчас затруднительно.

В пожаловании четко выделяются четыре отдельных предложения. В первом предложении от имени Токтамыша сообщается о двух деяниях этого хана — пожаловании грамотчику по имени Бек-хаджи некого иля, т.е. земельного владения [Севортян, 1974, с. 260], в качестве *сюргала* и даровании ему всех налогов с этого иля, названного Сюткёльским. Прежде слово *иль* понималось как «люди», а термин из категорий феодального землевладения *сюргал* [Петрушевский, 1960, с. 272–274] — как абстрактное «пожалование». Тюркское слово *čïqïš* («выход, расход») понимается нами исходя из контекста пожалования как налоговый термин, означавший всю сумму налогов и повинностей, которыми облагалось данное владение. Мы оставляем его без перевода — *чикыш*. Арабское слово с тюркским показателем множественного числа *marfu'lar* мы вслед за И.Н.Березиным переводим «надбавки», понимая под ним любые экстраординарные сборы и повинности и сближая его значение с податным термином типа *тафавут*, *туфир*, *завайид*, *намари* [Петрушевский, 1960, с. 380]. Топоним Sütköl читается Сюткёль, что значит Молочное озеро, т.е. речь идет, видимо, о районе лимана Молочного (Запорожская обл. УССР)[7].

Второе предложение пожалования состоит из пяти отдельных предложений — оборотов, объединяемых начальными словами «отныне и впредь» и конечной формулой «мы сказали так» («сказали» = «повелели»).

Первый оборот запрещает взимать с Сюткёльского иля налог, называемый *салык*. Прежде это тюркское слово, означающее именно «налог», переводили как «подушные». Мы считаем, что с таким же основанием, т.е. предположительно, *салык* можно считать и поземельным налогом. Во всяком случае, это какой-то общий налог со всего владения, который мы и оставляем без перевода.

Второй оборот оберегает грамотчика от поставок проезжающим официальным лицам подвод (*ulay*) и продовольствия (*šusun*). Напрасно, на наш взгляд, А.Н.Самойлович исправляет транслитерацию последнего слова на *susun*. В тексте ярлыка слово *šusun* читается без труда.

[7] Ссылки на источники сведений о реке Молочной см. [Сыроечковский, 1940, с. 6, 62, 63]. Ныне лиман Молочный соединяется с Азовским морем, и вода в нем соленая, а еще в 70-х годах XVIII в. озеро Молочное было единственным пресноводным на северном побережье Черного и Азовского морей [Гунманн, 1936, с. 46].

Над первой буквой не проставлены три точки (как, например, они не проставлены строкой выше над буквой *шин* в слове *čıqiš*), но зато под третьей буквой три точки проставлены. Следовательно, во втором случае писец намеренно обращал внимание читателя на то, что перед ним буква *син*. Это обстоятельство свидетельствует в пользу чтения всего слова как *шусун*. Оба термина известны нам по монгольским грамотам великих ханов [Григорьев, 1978, с. 83], в нашем переводе они заменяются однозначными русскими терминами «подвода» и «корм».

Третий оборот остерегает требовать от грамотчика два налога, называемых «амбарный сбор» и «поземельный налог». Амбарный сбор (*anbar haqi*) по форме напоминает название поземельного налога, от которого освобождали храмы и монастыри монгольские великие ханы. Там он тоже назывался «амбарным» [Григорьев, 1978, с. 86, 87, 127]. Податной термин, переведенный нами как «поземельный налог», дословно переводится «налог с пашни» (*ekin χarǯi*). Возможно, амбарный сбор в ярлыке Токтамыша означал не поземельный налог, а налог с продуктов земледелия и животноводства, хранившихся в складских помещениях. При этом учитывалась рыночная стоимость продуктов. В таком случае этот сбор приближался по существу к торговому налогу, а налог с пашни был собственно поземельным. Если это было так, то, следовательно, и в золотоордынских ярлыках восстанавливается та неразлучная пара налогов, которая неоднократно встречается в жалованных грамотах монгольских ханов [Григорьев, 1978, с. 79 (табл. 2), 86 (табл. 4)]. И.Н.Березин объединил в своем переводе обе подати в одну и получилось довольно странное требование «на амбары хлебного харчу» [Березин, 1851, с. 15].

Четвертый оборот, прежде воспринимавшийся как абстрактно бережельный («да не трогают»), нами понимается иначе. Здесь по отношению к зависимым от Сюткёльского или людям применяется глагольная форма *tilämäsunlar*, которую выше, по отношению к повинностям и налогам (подводе и корму, амбарному сбору и поземельному налогу), мы дважды переводили словами «пусть не домогаются». Следовательно, и теперь перед нами повинность людьми, т.е. войсковая повинность *черик*, которую несли в основном кочевники и которая предполагала поставку в ополчение определенного количества воинов [Петрушевский, 1960, с. 399, 400]. После названной глагольной формы в подлиннике читается полустершееся слово *almasunlar* «пусть не забирают».

Пятый оборот (а точнее — сложное предложение, в свою очередь состоящее из нескольких оборотов) призывает представителей адреса-

та оказывать содействие грамотчику на том основании, что: 1) хан лично удержал в пользу Бек-хаджи все налоги и повинности (*чикыш*), 2) сам оказывает ему покровительство и помощь, 3) от имени хана грамотчику предоставлено тарханство, зафиксированное на пайцзе и в ярлыке. И.Н.Березин неверно понял первое из оснований для помощи Бек-хаджи. Он перевел этот оборот словами «всем им вкупе сущим, ради освобождения их от требуемых расходов (т.е. чикыша)» [Березин, 1851, с. 15], в то время как речь идет об удержании *чикыша*, собираемого с этих людей в пользу Бек-хаджи. И.Н.Березин предложил поменять местами слова *ярлык* и *тархан* во фразе *pajzā jarlïylïy tarxanmïz*. По нашему мнению, в этом нет необходимости, ибо здесь говорится не о тарханном ярлыке, а о том, что звание тархана предполагало наличие пайцзы и ярлыка, т.е. оно было «пайцзовым» и «ярлычным».

Третье предложение пожалования устрашает его возможных нарушителей из числа власть имущих Крымского юмена. Пресекаются их попытки обложения грамотчика налогами *салык* и *кысмет* и доставления ему забот и огорчений. В прежних переводах эти два аспекта объединялись в один. Под *кысметом* (*qismat*) здесь мы понимаем, вслед за персидским историком XIV в. Вассафом, любые подати, помимо хараджа, т.е. поземельного налога [Петрушевский, 1960, с. 382]. Под заботами и огорчениями следует видеть повинности типа обеспечения подводами, кормами и т.д.

Четвертое, последнее предложение пожалования предостерегает грамотчика от нерадивого управления вверенными ему людьми. Принципиальных расхождений в переводе этой части пожалования между нами и нашими предшественниками нет. Другое дело, что концовка этого предложения, где сообщается о факте выдачи ярлыка и о его удостоверительных знаках, прежде выделялась в самостоятельное предложение. Мы этого не делаем, как не делали этого и раньше, представляя пожалование в тимуридских жалованных грамотах XV в. [Григорьев, 1978, с. 94–99]. Конечно, эта концовка по смыслу относится к пожалованию в целом, но синтаксически она связана только с четвертым предложением. Глагольная форма «говоря» (*tep*) здесь может быть переведена словами «с тем чтобы» или «при условии». Перевод концовки четвертого предложения прежде уже был нами прокомментирован выше.

Литературный перевод текста пожалования в ярлыке Токтамыша частично искажает структуру подлинника, но зато он более четко доводит до русского читателя подлинный смысл пожалования:

«Обладающий этим ярлыком Бек-хаджи получил в качестве нашего суюргала Сюткёльский иль и весь *чикыш* с надбавкамн, который прежде ежегодно поступал от иля в казну. Мы повелели, чтобы отныне и впредь на Сюткёльский иль не налагали подать, называемую *салык*; не домогались от его населения подвод и кормов, а также амбарного сбора и поземельного налога; лица, получившие полномочия от тюмена, кто бы они ни были, не домогались и не забирали на стоянках, расположенных внутри и вне Крыма, причисленных к Сюткёлю людей; все вы верой и правдой помогали бы Бек-хаджи в деле производимого нами удержания в его пользу *чикыша*, поступающего от всех их вместе взятых, вследствие оказывания нами ему покровительства и помощи, написания ему нашего тарханства, удостоверяемого пайцзой и ярлыком. После такого нашего повеления власть имущие от тюмена непременно убоятся налагать на него *салык* и *кысмет* и доставлять ему заботы и огорчения. С тем чтобы и ты, Бек-хаджи, помнил о том, что н тебе хорошо не будет. если ты будешь чинить насилне бедным и убогим под предлогом того, что де нами так пожалован, выдан для постоянного хранения алотамговый ярлык».

Закончив, таким образом, анализ перевода текста пожалования. обратимся к его формулярному анализу. Пожалование в ярлыке Токтамыша можно разделить на две части, которые назовем «объявление о пожаловании» н «условия пожалования». Эти две части являются двумя статьями, на которые делится основной текст ярлыка. Объявление о пожаловании заключено в первом предложенни. Условия пожалования распространяются на три оставшихся предложения основного текста.

Объявление о пожаловании в ярлыке Токтамыша содержит одни раздел — собственно пожалование, который распадается на два взаимосвязанных подраздела — пожалованне грамотчнку в *суюргал* иля и пожалование всех налогов и повинностей с него.

Условия пожалования содержат три раздела — иммунитетные привилегии, предостережение представителям адресата и предостережение грамотчику. Названные разделы соответствуют трем отдельным предложенням. из которых состоит вторая статья пожалования.

Иммунитетные привилегии делятся на три подраздела — податной иммунитет, заповедный иммунитет и прнзыв к содействию.

Податной иммуннтет в самом общем виде зафиксирован в первом обороте первого предложения, конкретные сборы названы в третьем обороте; заповедный иммунитет декларнрован во втором и четвертом оборотах. Последний, пятый оборот первого предложения, названный

намн призыв к содействию, занимает промежуточное положение между иммунитетными привилегиями и предостережением представителям адресата. Призыв к содействию грамотчику также обращен к представителям адресата. Он обязывает их беспрекословно содействовать грамотчику в делах, которые в полном объеме отражают все элементы пожалования, исходящего от лица хана. Перечислению этих дел посвящены целых три оборота, которые находятся в составе пятого оборота, а точнее — сложного предложения.

В предостереженни представителям адресата хан выражает уверенность в том, что они не осмелятся противодействовать его решению освободить грамотчика как от всех налогов, так и от каких бы то ни было повинностей. Оба этн момента отражены в двух оборотах.

Предложение, содержащее предостережение грамотчику, вмещает в себя предполагаемую ханом прямую речь грамотчика и прямую речь самого хана, которая заключает угрозу расправы, коль скоро грамотчик забудет о своих обязанностях по отношению к жалователю и будет нерадиво управлять вверенными ему людьми, а также конечный оборот, где сообщается о факте выдачи ярлыка, его удостоверительных знаках н целевом назначении — «для постоянного хранення».

Синтаксически последний оборот неразрывно связан с четвертым предложением пожалования. По смыслу он заключает три раздела той его частн, которая названа нами статьей «условия пожалования». Одновременно этот оборот имеет самое непосредственное отношение к удостовернтельной статье ярлыка, ибо содержит перечисление его удостоверительных знаков. Приходится относнть заключнтельный оборот статьн «условия пожалования» еще и к начальному обороту удостоверительной статьи, в которую мы включаем также обороты, содержащие сведення о времени н месте напнсания ярлыка, имена лиц, представляющнх нитересы грамотчика, и нмя писца [Григорьев, 1980а, с. 26–35].

Итак, формулярный анализ основного текста ярлыка Токтамыша позволяет прийти к выводу о его двуедином составе — статьях, содержащих объявление о пожаловании и условня пожалования. Такое деление основного текста нам представляется унннверсальным, пригодным для любой группы иммуннтетных актов Чингнсидов. Последнее обстоятельство и дает нам формальное право реконструнровать тюркский текст пожалования в тарханных грамотах храмам и монастырям, выданных в XIII–XIV вв. золотоордынскими ханами русскому духовенству, прн помощи оборотов и отдельных формул, содержащихся в пожалованнн других групп позднейших золотоордынскнх ярлыков XIV–XV вв.

Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлука

Продолжая анализ пожалования в золотоордынских ярлыках, тексты которых сохранились на языке оригинала, обратимся к рассмотрению ярлыка Тимур-Кутлука.

Ярлык золотоордынского хана Тимур-Кутлука (1395–1401), который сохранился только в дефектной копии [Самойлович, 1918, с. 1110], был написан буквами уйгурского алфавита по-тюркски 6 шаабана 800 г.х. (24 апреля 1398 г.) [Цыбульский, 1964, с. 72, 73], когда ставка Тимур-Кутлука находилась на правом берегу Днепра возле места, где ныне стоит село Мишурин Рог (Днепропетровская обл. Украины) [Иностранцев, 1917, с. 49, 50].

Пожалование в индивидуальном формуляре этого ярлыка выглядело следующим образом [Радлов, 1889, табл. I]:

Bu jarlïγnï tuta turγan	Этим ярлыком обладающего
Muḥammadniŋ obāga atalarïnï	Мухаммеда у предков,
burunγï keckän	давно умершего
Sajn χan cayïdïn	Саин-хана со времен,
bir bira	от одного к другому
jarlïγ	ярлык,
rast tarχanlïq	истинного тарханства
josunïca	с правилами в соответствии,
jorup	так как переходил;
atasï	отца его
ḥaǧï Bajram χoǰanï	хаджи Байрам-ходжу
bizin χan ayalarïmïz	наш хан старший брат
sujurqap	так как пожаловал;
tarχan qïlγan	в тарханы к производству
cergäsin aŋlata	очередь свою объясняя,
ötündi	так как он обратился
ersa	[к нам] с прошением;
otulïn	прошение его
jop körüp	исполнимым признав,
Muḥammad	Мухаммед,
bizin sujurγal bulup	наше пожалование получивший,
tarχan bolup tursun	тарханом пусть будет! —
tedimiz.	мы повелели.
Bu kündin ilgarï	Отныне и впредь,
Qïrïm bilä	что в Крыме и

Qïrq jerniŋ tümänidä	Кырк-ера тюмене,
Sudaq atlïγ kändniŋ	с Судаком именуемым городом
ʒavarïnda	по соседству,
burunγï zamandïn berü	с давних пор
muta'ddäd	многочисленные
tarχan bolγan	тарханы в которой имелись,
Indirči	из Индирчинской,
salasï bilä	а деревня ее
mašhur bolγan	извеcтной является,
qalasïdïn	крепостн. [приобретенной]
šari'i qabala	шариатской купчей
josuniča	с правиламн в соответствин,
jer sularï bilä	с землями н водами их вместе,
Muḥammädniŋ oγlanlarï	Мухаммеда сыновья,
ilki ḥaǯï Muḥammad	старшнй хаджи Мухаммед
va Maḥmudnï	и Махмуд,
azad tarχan	вольными тарханами
bolsun	пусть будут;
bularniŋ jer sularïŋa	их землям и водам,
bay bayčalarïγa	их садам и виногрвдникам,
ḥammam tegirmanlarïga	их баням н мельницам,
täsarruf qïla turγan	используемым постоянно,
jerlariga	их землям,
burundïn	[их землям]. издавна
qalγan azadlarïγa	остающимся свободными,
basa salalarïγa	также их деревням,
sabančï ortaqčïlarïγa	их землепашцам и торговцам
kim kim ersä	кто бы то ни было
küč oγa	наснлие им
tigurmäsün	пусть не причиняют;
jolsuz jerda	несправедливым образом
nemälärini	что бы то нн было [у нних]
tartïp almasunlar	пусть не тащат и не берут;
borla tamγasï	[с их] виноградников тамгу,
Inkinči Uskübol	[с] Инкиичн н Ускюбола
qurutï	курут,
anbar malï	амбарный налог,
ïndïr ḥaqï	гуменный сбор,
tabanliq	[а с] завнсимых [от них] людей —
qïsmat qub[č]ïr	кысмет и кубчир,

jasaq qalan	ясак и калан,
salïq musämma	[то есть подать], «салык» называемую,
baǯ ẋarǯ	бадж и харадж
almasunlar	пусть не берут;
barur kilündä	в пути [их следования] или на месте,
kirur čïqarïda	при вхождении [их] или при выходе,
Qïrïmda Kefeda	в Крыму или в Кафе,
qajuma türlüg nersä	всякого рода вещей
alur satarïda	при покупке [ими] или при продаже
tamγa tartnaq	ими тамгу, ни тартнак
almasun	[с них] пусть не берут;
tarχanlïq tabanlïq	у тарханов и людей, [от них] зависимых,
jol haqï qaraulluq	путевого сбора или дозорного
tilämasünlar	пусть не домогаются;
tavar qaralarïn	скотину их
ulaq	под подводы
tutmasun	пусть не захватывают;
qonaq tüšü!	на ночлег и на постой [к ним]
tušurmasünlar	пусть не ставят;
šusun ʿulufä	кормов и фуража [от них]
tilamasunlar	пусть не домогаются;
qajuma turlüg	от какого бы то ни было рода
zaḥmat vä mävinet	забот, поборов
va ʿavarïzatlardïn	и чрезвычайных налогов [они]
masun va maḥrus	защищены и сохранены
bolsunlar	пусть будут;
inc turup	в тишине пребывая
tïnčlïq bilä	и покое,
šam va sabah	вечером и утром,
avuqat šarïflarida	во времена священные,
bizga dayï biziŋ	за нас и наш
uruγ uruγïmïzya	род родов [они]
duʿa alqïš	молитвы и благословения
ita tursun	пусть постоянно возносят! —
tep	говоря:
tuta tururya	для постоянного хранения
altun nïšanlïq	с золотым нишаном
al tamγalïq jarlïq	алотамговый ярлык
berildi	выдан.

Начнем комментирование нашего перевода с сообщения о том, что ему предшествовали два перевода того же текста на немецкий язык — Й. фон Хаммера (1818) и Г.Вамбери (1870), два перевода на русский язык — И.Н.Березина (1851) и В.В.Радлова (1889) и поправки ко всем этим переводам, сделанные А.Н.Самойловичем (1918) [Усманов, 1975, с. 118, 119, 121–124, 129; Усманов, 1978, с. 256–262].

Основной текст ярлыка Тимур-Кутлука составляют два предложения. В первом предложении сообщается о пожаловании грамотчику Мухамеду тарханства[8], которое последовало в ответ на прошение последнего, обращенное к правящему хану. В прошении перечислялись три этапа преемственности тарханства в роду грамотчика — от отдаленных предков, начиная со времен Саин-хана, к отцу просителя по имени хаджи Байрам-ходжа и, наконец, к самому грамотчику, очередь которого подошла, видимо, в связи со смертью родителя. Прошение явилось для хана формальным основанием к производству в тарханы Мухаммеда. Это то самое прошение, о котором на обороте подобных актов обычно сообщалось, что оно было представлено хану высокопоставленными ходатаями. Такого рода удостоверения встречались нам в монгольских, тюркских и персидских жалованных грамотах Чингисидов XIV–XV вв. [Григорьев, 1982, с. 48, 49].

Раздел, в котором зафиксирован начальный этап преемственности поколений в роду обладателей тарханного ярлыка, И.Н.Березин перевел так: «У предков владеющего сим ярлыком Мухаммеда со времени давнопрошедшего Санн Хана от одного к другому переходил ярлык по обычаю истинного тарханства» [Березин, 1851, с. 10]. В.В.Радлов тот же отрывок перевел несколько иначе: «Предки Мамата, предъявителя сего ярлыка, со времен прежнего, умершего Саин Хана, жили один после другого на правах истинного тарханства с ярлыками» [Радлов, 1889, с. 25–26]. А.Н.Самойлович дает этот текст в следующей редакции: «Понеже держатель сего ярлыка Мухаммед представил объяснение того обстоятельства, что предки его жили на правах истинного (вольного?) тарханства, утвержденного пайцзой (н) ярлыком, со времен давно бывшего Сайин Хана» [Самойлович, 1918, с. 1120–1121].

Все три перевода заметно отличаются один от другого в деталях. Попытаемся выделить из них основу. В переводе И.Н.Березина это будет: «У предков... переходил ярлык по обычаю тарханства», т.е. ярлык переходил по обычаю тарханства. В переводе В.В.Радлова: «Предки... жили... на правах... тарханства». Эта последняя основа по-

[8] О тарханстве и термине «тархан» см. [Шашпал, 1953, с. 302–316; Менгес, 1979, с. 151–156].

вторяется в переводе А.А.Самойловича слово в слово. Значит, мы имеем две основы, из которых выбираем первую, так как дословный перевод текста основы однозначен: *...obäga atalarïnï... biri birä jarlïy... tarxanlïq josunïca jorup* («...его предков... одного к одному ярлык... тарханства с правилами в соответствии переходя»).

Обратимся к деталям. А.Н.Самойлович предлагает слова *biri birä jarlïy* исправить на *berü bajza jarlïylïy*, по образцу ярлыка Токтамыша [Самойлович, 1918, с. 1118, 1119]. Такое исправление нам представляется неправомерным. В ярлыке Токтамыша слова *bajza jarlïylïy* (пайцзовоярлычный) были определением к слову «тархан». В ярлыке Тимур-Кутлука совсем другая ситуация: после слова «ярлык» находится конструкция *rast tarxanlïq josunïca* («истинного тарханства с правилами в соответствии»). Иными словами, здесь мы видим не «тархан», а «тарханство», уже имеющее к тому же свое определение. Эта конструкция непосредственно связывается с глагольной формой *jorup* («переходя»), поясняя читателю, что ярлык переходил из рук в руки не как-нибудь, а на законном основании.

Предложение А.Н.Самойловича исправить определение к слову «тарханство» *rast* («истинное») на *azad* («вольное») представляется нам сомнительным. А.Н.Самойлович и сам в этой поправке «не совсем уверен». Добавим еще, что приводимые им примеры определения *azad* относятся не к слову «тарханство», а к слову «тархан» [Самойлович, 1918, с. 1119, 1120]. Сказанное позволяет нам не прибегать к замене одного определения другим.

В другом отрывке встречается имя Саин-хан. Известно, что среди монгольских правителей Золотой Орды оно закрепилось за старшим сыном Джучи — первым золотоордынским ханом Бату (1227–1256). Слово *саин* (монг. *sayin*) издревле употреблялось монголами по отношению к покойным предкам в значении «добрый» [Лубсан Данзан, 1973, с. 318 (прим. 18 Н.П.Шастиной)]. Это слово заменяло личное имя Бату, но собственно посмертным почетным именем не являлось, ибо последнее присваивалось только покойным великим ханам [Григорьев, 1978, с. 75].

Итак, рассмотренный раздел наиболее точно перевел И.Н.Березин. Наш перевод не вносит ничего принципиально нового.

Второе основание к произволству Мухаммеда в тарханы заключалось в том, что хан, «старший брат» Тимур-Кутлука, т.е. Токтамыш, хаджи Байрам-ходжу, отца грамотчика, «пожаловал» (*sujurqap*). Так переводили этот отрывок И.Н.Березин и В.В.Радлов. А.Н.Самойлович добавляет к сказанному «и сделал тарханом» [Самойлович, 1918,

с. 1124], заимствуя это выражение из последующего текста, не имеющего отношения к отцу Мухаммеда. Такое добавление неправомерно.

Третьим и, видимо, главным основанием к пожалованию тарханства было личное прошение будущего грамотчика, сопровождаемое рассказом о наследственной преемственности звания тархана в роду Мухаммеда и о том, что теперь подошла его очередь. И.Н.Березин перевел текст так: «...и так как он просил дать знать о сделании его тарханом» [Березин, 1851, с. 10–11]. Перевод В.В.Радлова гласил: «...и так как он просил меня объявить его тарханом» [Радлов, 1889, с. 27]. А.Н.Самойлович оставил от отрывка только последние четыре слова *čergäsin anlata ötündi ersä*, перевод которых уже приводился в первом отрывке — «понеже... представил объяснение того обстоятельства». Наш перевод представляется более точным: «...в тарханы к производству очередь свою объясняя, так как он обратился [к нам] с прошением». В отличие от названных предшественников, мы имеем теперь возможность пользоваться «Древнетюркским словарем», из материалов которого следует, что слово *čergä*, оставленное фактически без перевода И.Н.Березиным и В.В.Радловым, понимавшееся А.Н.Самойловичем в смысле «положение, обстоятельства» [Самойлович, 1918, с. 1120–1121], на самом деле означает «черед, очередь» [Древнетюркский, 1969, с. 144].

Описание самого акта пожалования в нашем переводе не имеет принципиальных отличий от переводов наших предшественников. Выражение *sujuryal bulup* мы, вслед за И.Н.Березиным [Березин, 1851, с. 11], понимаем как «пожалование получивший» в противовес переводам В.В.Радлова («излюблен») и А.Н.Самойловича («под покровительством») [Радлов, 1889, с. 28; Самойлович, 1918, с. 1124]. Слово *суюргал* употребляется здесь не в смысле термина из категорий феодального землевладения, как это имело место в ярлыке Токтамыша (см. выше), а в своем первоначальном значении — «пожалование». Это явствует из контекста. Ни о каком земельном владении, которое мог пожаловать Мухаммеду Тимур-Кутлук, здесь даже не упоминается.

Второе и последнее предложения основного текста ярлыка Тимур-Кутлука начинаются формулой «отныне и впредь» и заканчиваются словами «ярлык выдан». В этом предложении перечисляются условия пожалования. Называются одиннадцать условий, каждое из которых оформлено как отдельное предложение. Самое примечательное заключается в том, что во всех этих «внутренних» предложениях говорится о правах и привилегиях, распространявшихся не на Мухаммеда,

а на его сыновей — хаджи Мухаммеда и Махмуда. Объяснение этому факту мы усматриваем в том, что Мухаммед, видимо, уже имел отдельный тарханный ярлык на свое имя, а рассматриваемый нами ярлык испрашивался специально на несовершеннолетних, т.е. находившихся еще под опекой отца сыновей грамотчика, которые владели не родовой, а покупной недвижимостью.

В первом условии пожалования говорится о производстве в тарханы сыновей Мухаммеда. Это длинное и не во всех деталях ясное условие переведено нами в соответствии с трактовкой В.В.Радлова. Перевод этого отрывка у И.Н.Березина для русского читателя совершенно непонятен. А.Н.Самойлович ограничил свои комментарии первой частью пожалования. Выражение *šarī'i qabala josunïča* И.Н.Березин и В.В.Радлов переводили очень туманно, совершенно одинаково и без всяких комментариев — «по обычаю законного обязательства» [Березин, 1851, с. 11; Радлов, 1889, с. 31]. Мы определенно понимаем это выражение как «в соответствии с правилами шариатской купчей». Речь, видимо, идет о том, что земельные владения сыновей грамотчика, на которые распространялись тарханные привилегии, были не наследственными, а купленными отцом. На это приобретение в соответствии с нормами мусульманского права была оформлена купчая.

Второе условие пожалования оберегает имущество и людей новых тарханов от применения к ним силы. Наш перевод в целом приближается к трактовке этого отрывка В.В.Радловым. Выраженне *tasarruf qïla turyan jerlärigä* переводилось им словами «местам, которыми они владеют» [Радлов, 1889, с. 32]. Мы вкладываем в это выражение более определенный смысл и считаем, что речь идет о категории земель, постоянно используемых, т.е. обрабатываемых. Следующее зв ним выражение *burundïn qalyan azadlarïya* В.В.Радлов переводил: «всему, что им от прежних времен осталось свободным (от подати)» [Радлов, 1889, с. 32–33]. Нам кажется, что смысл этого неточного перевода не увязывается с контекстом. Что тут могло остаться свободным от обложения налогами, когда речь идет о купленном поместье? Скорее уж, здесь говорится о землях, которые издавна оставались свободнымн от обработки, т.е. были целинными или залежными. Слова *sabančï ortaqčïlarïya*, переведенные В.В.Радловым «и всем сельским обществам их» [Радлов, 1889, с. 33], мы расшифровываем как «их землепашцам и торговцам» в соответствии с материалами словаря Л.З.Будагова [Будагов, 1869, с. 122, 695] (см. также [Севортян, 1974, с. 476, 477]).

Третье условие пожалования — это не самостоятельное предложение, а, скорее, конец второго условия, ибо в нем запрещается отнимать

что бы то ни было у лиц, перечисленных выше. Выражение *jolsuz jerda* мы переводим вслед за И.Н.Березиным и В.В.Радловым «несправедливым образом».

В четвертом условии пожалования перечисляются различные конкретные налоги и сборы, от которых освобождаются новоявленные тарханы и зависимые от них люди. Отметим лишь налоговые термины, прочтение и перевод которых отличаются от трактовки их нашими предшественниками. Сочетание *in kinči üskü bol quruti* поставило в тупик В.В.Радлова [Радлов, 1889, с. 34]. Мы предлагаем не окончательное решение, а только его предположительный вариант. Слово *курут*, обозначающее молочный продукт в виде высушенного творога, в данном случае, видимо, применяется в смысле «налог с молочного скота» [Древнетюркский, 1969, с. 470]. Не являются ли предыдущие слова рассматриваемого сочетания обозначениями сельских местностей в районе крепости Индирчи, купленной Мухаммедом для своих сыновей? Ведь говорилось же в самом начале пожалования, что «деревня ее (т.е. при крепости Индирчи. — *А.Г.*) известной является». Может быть, первые два слова нашего сочетания следует объединить в одно? Тогда получается географическое название Инкинчи, которое очень уж напоминает название самой крепости. Неизвестно только, какое из этих двух названий искажено при переписке. Следующие два слова также объединяем в одно. Получается сельский округ Ускюбол. Тогда все сочетание понимается как «курут с Инкинчи и Ускюбола». Получали тарханство два сына Мухаммеда. Резонно, если на каждого из них приходился свой сельский округ.

Амбарный налог и гуменный сбор мы сближаем с амбарным сбором и поземельным налогом, отмеченными в ярлыке Токтамыша (см. выше). Не исключено, что в подлиннике ярлыка Тимур-Кутлука вторые компоненты названий обоих налогов были написаны в обратном порядке, т.е. *anbar haqi* «амбарный сбор» и *indir mali* «гуменный налог». В таком случае гуменный налог отличался от поземельного налога («налога с пашни») в ярлыке Токтамыша только тем, что он высчитывался, судя по названию, не с площади пахотного поля, а с количества собранного и сложенного на гумне урожая.

«Кысмет с зависимых людей», видимо, означал неопределенные сборы с различных хозяйственных объектов, принадлежавших зависимым от грамотчиков крестьянам [Петрушевский, 1960, с. 381, 382]. Непонятное слово *qubur* мы прочитали *qub*[*č*]*ir* «кубчир» — налоговый термин с широким диапазоном значений [Григорьев, 1976]. В данном случае под ним, может быть, понимался налог с овец.

Сочетание *jasaγï qalan* мы воспроизводим как *jasaq qalan* «ясак и калан», понимая под ним совокупность натуральных и денежных сборов. Это сочетание, вероятно, расшифровывается ниже словами *musamma saliq*, которые мы, по образцу ярлыка Токтамыша, меняем местами — *saliq musamma* «[подать], „салык" называемая». Ведь доподлинно известно, что монгольский налоговый термин *ясак* приравнивался к тюркскому *салык* [Поппе, 1938, с. 203]. Следующие далее слова *borǯ xarǯ* читаем *baǯ xarǯ* «бадж и хардж». Термин «бадж», возможно, означал дорожную пошлину [Петрушевский, 1960, с. 387], а «хардж» — «издержки, расходы». Нетрудно заметить, что налоговые термины, объединенные в этом абзаце, в таком же порядке представлены в подлинном ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г. [Усманов, 1979а, с. 242].

Конечно, приведенные толкования конкретных налогов и сборов в значительной мере умозрительны. Еще требуется большая работа для их уверенной расшифровки. Однако «наводка мостов» между терминами ярлыка Тимур-Кутлука и теми, которые встречаются в более ранних и более поздних документах, представляется определенным шагом вперед в этом многотрудном деле.

Пятое условие пожалования оберегает тарханов от взимания с них торговых пошлин — тамги и *тартнака*. Мы принимаем их трактовку у И.Н.Березина и В.В.Радлова как «гербовых» и «весовых». Торговые привилегии для сыновей Мухаммеда распространялись на два города — Крым (ныне Старый Крым) и Кафу (ныне Феодосия). Это обстоятельство заслуживает, на наш взгляд, особого внимания. Из текста пожалования ясно, что поместье братьев хаджи Мухаммеда и Махмуда находилось где-то недалеко от города Судака, который был портовым городом и соответственно торговым центром. Крым являлся складским местом для товаров, транзитным пунктом между Судаком и Кафой. Почему же в пятом условии ничего не говорится о Судаке, добираться до которого братьям было гораздо ближе, чем до Крыма и Кафы?

Можно допустить, что родовое поместье Мухаммеда и его предков находилось где-то около или в самом городе Крыме, а торговать они ездили в Кафу. Поэтому и для сыновей Мухаммеда названные города были в торговом отношении более удобными, чем Судак. Косвенным подтверждением нашей гипотезы служат две мраморные надмогильные плиты, обнаруженные во время археологических раскопок, производившихся в Старом Крыме в 1925–1926 гг. под руководством И.Н.Бороздина. Обе плиты были найдены на мусульманском кладби-

ще XIII–XV вв. На одной плите по-арабски было начертано: «Аллах! Эта могила Мухаммеда сына... прозванного щедрым и великодушным» [Акчокраклы, 1927, с. 13, № 145]. В примечании к переводу сказано, что «слова этой надписи, где должно было быть отчество и фамилия покойного, не поддаются пока чтению» [Акчокраклы, 1927, с. 13]. Надпись на другой плите еще более короткая: «Эта могила Байрам-ходжи» [Акчокраклы, 1927, с. 11, № 84]. Похоже на то, что в Старом Крыме были обнаружены могилы нашего грамотчика Мухаммеда и его отца Байрам-ходжи.

Убедительным свидетельством в пользу предположения о том, что Мухаммед и его предки постоянно проживали в Старом Крыме («старым» он стал после перенесения столицы в Бахчисарай в начале XVI в.), служит рассказ об одной соборной мечети в этом городе. В описании, сделанном известным турецким путешественником XVII в. Эвлией Челеби, приводится полный текст строительной надписи (*тарих*) на этой мечети. Исследователи неоднократно убеждались в фотографически точном воспроизведении Эвлией Челеби строительных надписей на архитектурных сооружениях Крымского полуострова [Григорьев, 1974, с. 19–28]. В русском переводе интересующий нас отрывок выглядит так: «Кроме того, тарих имеется на портале соборной мечети хаджи Мухаммеда, расположенной возле Кафинских ворот (крепости Старый Крым. — *А.Г.*). На нем начертано следующее: „Построил эту благословенную и добродетельную мечеть во дни правления величайшего султана и благороднейшего хакана Шади (бек-хана, 1401–1407. — *А.Г.*), да продлит Аллах владычество, султанство и благоденствие его до дня Страшного суда, ничтожный раб, постоянно нуждающийся в милосердии божьем, Мухаммед — сын хаджи Байрам-ходжи — в раджабе месяце восемьсот седьмого года (3 января — 1 февраля 1405 г. — *А.Г.*)“» [Evliya Çelebi, 1928, с. 663]. Примечательно, что Эвлия Челеби называет это сооружение мечетью хаджи Мухаммеда, в то время как ни в ярлыке, ни в тексте строительной надписи, ни, наконец, на надгробной плите перед именем Мухаммеда нет указания на совершение им паломничества в Мекку и Медину, т.е. слова *хаджи*. Может быть, позднее за мечетью закрепилось имя старшего сына строителя — хаджи Мухаммеда, унаследовавшего после смерти отца все его имущество?

В русских летописях сохранились свидетельства о деятельности старшего из названных представителей грамотчиков ярлыка — хаджи Байрам-ходжи. Зимой 6873 г. «от сотворения мира», т.е. в конце 1364 или начале 1365 г., из Орды в Нижний Новгород приходил посол «от

царя» (т.е. золотоордынского хана) Байрам-ходжа, который посадил на нижегородском княжении Бориса Константиновича. Вскоре последний уступил Нижний Новгород своему брату Дмитрию Константиновичу Суздальскому, а сам сел в Городце [ПСРЛ, 1851, с. 230; ПСРЛ, 1897, с. 5; ПСРЛ, 1915, с. 291, 292]. Осенью 6878 (1369) г. князь Дмитрий Константинович собрал войско и послал брата своего Бориса Константиновича и сына Василия Дмитриевича, а «с ним посол царев именем Ачихожа» ратью на князя Хасана, сидевшего в Болгарии Волжско-Камской. Князь Хасан сдался на милость завоевателей и был оставлен кем-то вроде соправителя при новом князе «Салтанбакове сыне». Войска вернулись в Нижний Новгород [ПСРЛ, 1897, с. 12, 13]. Похоже на то, что русская воинская сила использовалась в этом походе в интересах ордынского хана, которого представлял Ачихожа, т.е. Хаджи-ходжа. Главные действующие лица с русской стороны в последнем эпизоде — те же, что и в вышеописанных событиях зимы 1364/65 г. Видимо, и золотоордынскую сторону представлял все тот же Байрам-ходжа, к личному имени которого прибавилось слово-титул *хаджи*. Имя Байрам «сократилось», скорее всего, уже в летописной редакции.

С хаджи Байрам-ходжой мы вновь встречаемся 14 июля 1375 г. Тогда в Тверь к великому князю Михаилу Александровичу пришел «из Мамаевы орды от Мамая» Некомат Сурожанин в сопровождении ордынского посла Ачихожи с ярлыками на владимирское великое княжение [ПСРЛ, 1851, с. 233; ПСРЛ, 1897, с. 22; ПСРЛ, 1915, с. 301]. Таким образом, выясняется, что Хаджи Байрам-ходжа с 1364 по 1375 г. представлял на дипломатическом поприще интересы золотоордынских ханов Мамаевой, или Волжской, орды. Этими ханами были Абдулла (1361–1370) и Бюлек (летописный Тюляк, 1370–1380). Ставка того и другого находилась на Днепре, где-то в районе Великого Луга, а резиденция самого Мамая была в городе Крым. Итак, сохранившиеся письменные источники позволяют проследить основные вехи истории рода грамотчиков ярлыка Тимур-Кутлука в трех поколениях.

Шестое условие пожалования дает тарханам и зависимым от них людям право не платить никаких сборов представителям дорожной охраны. Это право, видимо, распространялось на территорию, обозначенную в пятом условии.

Седьмое, восьмое и девятое условия пожалования оберегают тарханов от повинностей, хорошо известных нам по монгольским жалованным грамотам великих ханов, — от подводы, постоя и корма [Григорьев, 1978, с. 83].

Наш перевод условий пожалования от пятого до одиннадцатого включительно не имеет каких бы то ни было принципиальных расхождений с переводами предшественников.

В концовке второго предложения пожалования находится элемент, отсутствовавший в ярлыке Токтамыша. Речь идет о формуле *altun nišanlïq*, которую мы переводим словами «с золотым нишаном». Слово *нишан* имеет древние значения: 1) признак, примета; след, знак, отпечаток; 2) печать, оттиск личного знака на документе [Древнетюркский, 1969, с. 359]. Во втором значении это слово употребляется в жалованных грамотах ханши Тайдулы от 1347, 1351 и 1354 гг. [Памятники, 1955, с. 467–470]. Уже тогда оно не переводилось на русский язык, так как, возможно, понималось русскими людьми. В форме «мишень» и в значении «знак, мета, цель» слово дожило в русском литературном языке до наших дней [Шипова, 1976, с. 236]. В ярлыке Тимур-Кутлука обозначение золотого нишана соседствует с алой тамгой. В подлиннике ярлыка Токтамыша мы видим оттиски алой тамги и написанные золотыми чернилами богословие, имя хана, слова «указ мой», «наш суюргал получивший», «мы повелели так» [Ярлык]. Заключаем отсюда, что слова «золотой *нишан*», которые встречаются в золотоордынских ярлыках наряду со словами «алая тамга», следует понимать как написание золотыми чернилами отдельных слов, непосредственно связывающихся по смыслу с личностью хана, выдавшего ярлык. Видимо, это обозначение появилось в золотоордынских ярлыках не ранее 90-х годов XIV в.

Итак, формула «с золотым *нишаном*» появилась в удостоверительных статьях золотоордынских ярлыков позже того времени, когда появился сам этот *нишан*, т.е. некоторые формулы в тексте ярлыков, написанные золотыми чернилами. Предполагаем, что *нишан* в названном значении пришел на смену *пайцзе*. Видимо, *пайцзы* прежде выдавались одновременно с выдачей жалованных грамот. Они служили своеобразным «металлическим обеспечением» (прежде всего золотым и серебряным) бумажной грамоты. На сегодняшний день обнаружены серебряные *пайцзы* золотоордынских ханов Токты (1290–1312), Узбека (1313–1342), Кельдибека (1361–1362) и Абдуллы (1361–1370) [Münküyev, 1977]. Когда же наличие *пайцз* стало отмечаться в удостоверительных статьях ярлыков? Когда упоминание о них исчезло?

В удостоверении монгольской грамоты уйгурского письма Хулагуида Абу Саида от 1320 г. наличие золотой *пайцзы* обозначено, а в монгольских грамотах Чагатаидов от 1326–1353 гг. подобного обозначения нет [Григорьев, 1978, с. 62, 63, 67]. Присутствует это обозначе-

ние в удостоверении ярлыка золотоордынского хана Бердибека от 1357 г. [Григорьев, 1980а, с. 25]. В ярлыке Тюляка от 1379 г., который, как мы теперь считаем, был изначально написан уйгурским алфавитом по-тюркски [Григорьев, 1982, с. 51, 52], его уже нет. В удостоверительной статье ярлыка Токтамыша от 1381 г. наличие *пайцзы* не отмечено. Однако в тексте пожалования этого ярлыка указано, что он сопровождается *пайцзой* (см. выше). В удостоверении ярлыка Тимур-Кутлука от 1398 г. мы видим только «золотой *нишан*». Все последующие золотоордынские и крымскоханские ярлыки отмечают только наличие *нишана* [Усманов, 1979а, с. 167, 168].

Отметим еще, что *нишан* в значении «печать, тамга» обозначен и в ярлыке Джучида — казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г. [Усманов. 1979а, с. 167, 168], что, как известно, еще в XIV в. было обычным явлением для монгольских жалованных грамот Чагатаидов [Григорьев, 1978, с. 62, 63]. В удостоверении актов местных ханов Крыма XVI в. сохранилась традиция употребления слова *нишан* в значении «перстневая печатка» [Усманов, 1979а, с. 168], которую выше мы уже отмечали в трех грамотах середины XIV в., выданных золотоордынской ханшей Тайдулой.

Литературный перевод текста пожалования в ярлыке Тимур-Кутлука будет следующим:

«Мы повелели, чтобы обладающий этим ярлыком Мухаммед получил наше пожалование и стал тарханом, потому что у предков Мухаммеда, со времен давно умершего Саин-хана, переходил от одного к другому, в соответствии с правилами истинного тарханства, ярлык; потому что наш старший брат хан пожаловал отца его, хаджи Байрам-ходжу; потому что он сам обратился к нам с прошением, объясняя, что подошла его очередь для производства в тарханы, а мы признали прошение его исполнимым. С тем чтобы отныне и впредь сыновья Мухаммеда, старший хаджи Мухаммед и Махмуд, вместе с их землями и водами, в Индирчинской, приобретенной в соответствии с правилами шариатской купчей крепости, в которой с давних пор имелись многочисленные тарханы, деревня которой широко известна, расположенной по соседству с городом, именуемым Судаком, что в тюмене Крыма и Кырк-ера, были тарханами; чтобы их землям и водам, их садам и виноградникам, их баням и мельницам, их землям, как постоянно используемым, так и издавна остающимся свободными, а также их деревням, землепашцам и торговцам кто бы то ни было насилия не причинял; чтобы что бы то ни было у них несправедливым образом не тащили и не брали; чтобы с их виноградников тамгу, с Инкинчи и Ус-

кюбола курут, амбарный налог, гуменный сбор, а с завнсимых от них людей — *кысмет* и *кубчир*, ясак и калан, то есть подать, называемую *салык*, *бадж* и *харадж*, не брали; чтобы при покупке или продаже ими каких бы то ни было вещей в Крыме или в Кафе, на пути к этим городам или непосредственно в них, при входе в них или при выходе ни тамгу, ни *тартнак* с них не брали; чтобы ни у тарханов, ни у людей, от них зависимых, путевого сбора или дозорного не домогались; чтобы скотину их под подводы не захватывали; чтобы на ночлег и на постой к ним не ставили; чтобы кормов и фуража от них не домогались; чтобы они были защищены и сохранены от какого бы то ни было рода забот, поборов и чрезвычайных налогов; чтобы, пребывая в тишине и покое, во время, предназначенное для молитв, они постоянно возносили молитвы и благословения за нас и наш род родов; выдан для постоянного хранения с золотым *нишаном* алотамговый ярлык».

Анализ пожалования в индивидуальном формуляре ярлыка Тимур-Кутлука показывает, что оно еще более четко, чем в ярлыке Токтамыша, делится на две статьи — объявление о пожаловании и условия пожалования, каждая из которых заключена в отдельном сложном предложении.

Статья «объявление о пожаловании» содержит два раздела — прецедент пожалования и собственно пожалование. К прецеденту пожалования мы относим три первых развернутых оборота первого предложения, в которых говорится о тарханстве у отдаленных предков грамотчика, о производстве в тарханы его отца и о личной просьбе грамотчика сделать его тарханом.

Собственно пожалование включает три коротких оборота, в первом из которых говорится о признании исполнимым прошения грамотчика, а в двух последних — о содержании пожалования. Предпоследний оборот называет пожалование в самой общей форме — это лишь указание на то, что оно снизошло на грамотчика от лица правящего хана. Последний оборот указывает на конкретное содержание пожалования. Наличие первого из названных трех оборотов собственно пожалования является формальным свидетельством того, что перед нами подтвердительный, а не изначальный ярлык, каким был, например, ярлык Токтамыша.

Статья «условия пожалования» может быть расчленена по содержанию на четыре раздела — дополнительное объявление о пожаловании, иммунитетные привилегии, предостережение представителям адресата и обязательства со стороны грамотчика.

Раздел «дополнительное объявление о пожаловании» вызван к жизни тем обстоятельством, что фактически статья «условия пожало-

вания» в этом ярлыке представляет собой отдельное пожалование для сыновей, так сказать, титульного, первичного грамотчика. В разделе, занимающем развернутый оборот, детально описывается местоположение поместья вторичных грамотчиков, указывается их родственное отношение к первичному грамотчику, называются их личные имена и конкретное содержание пожалования.

Раздел иммунитетные привилегии начинается одним общим бережельным оборотом, в котором запрещается причинять насилие различным категориям недвижимости и зависимым людям новых тарханов. За общим заповедным оборотом следует такой же общий податной оборот, не разрешающий что бы то ни было «тащить и брать» с перечисленных выше владений. Третий оборот из этого раздела называет конкретные налоги и сборы, которые не следует брать с тарханов и зависимых от них людей. Четвертый оборот освобождает грамотчиков от торговых налогов и сборов с любого вида товаров, продаваемых в зоне расположения городов Крым и Кафа, а пятый оборот не разрешает взимать с тех же торговцев дорожные сборы. Шестой, седьмой и восьмой обороты посвящены заповедному иммунитету от подводы, постоя и корма.

Раздел, который мы назвали «предостережением представителям адресата», состоит из одного небольшого оборота, в котором в самой общей форме выражено пожелание защитить и охранить грамотчиков от каких бы то ни было повинностей и налогов. Название раздела вызвано сопоставлением его с аналогичным разделом в ярлыке Токтамыша. Правда, там ему посвящено отдельное предложение, в котором присутствует еще и формула устрашения в адрес возможных нарушителей ханского запрета.

Раздел, условно названный «обязательства со стороны грамотчика», не имеет себе аналога в ярлыке Токтамыша. Это не предостережение грамотчику, а вменение ему в обязанность возносить благодарственные молитвы за хана-жалователя и его род. Это своеобразная компенсация монарху за пожалование, единственное отмеченное в ярлыке договорное обязательство со стороны грамотчика. Раздел этот хорошо известен по тарханным грамотам храмам и монастырям, выдававшимся монгольскими великими ханами в XIII–XIV вв. Там он был неразрывно связан с текстом статьи «объявление тарханства», после которой следовали иммунитетные привилегии и статья «предостережение грамотчику» [Григорьев, 1978, с. 78–92]. Во всех шести сохранившихся в русском переводе золотоордынских жалованных грамотах XIII–XIV вв. подобные обязательства со стороны грамотчика выделены в

специальный раздел и смещены к концу пожалования [Памятники, 1955, с. 465–470].

Индивидуальный формуляр ярлыка Тимур-Кутлука заметно отличается от индивидуального формуляра ярлыка Токтамыша, так что об их прямом наложении не может быть и речи. Но если рассматривать пожалования в названных ярлыках на уровне абстрактных формуляров, т.е. такой разновидности грамот вообще, как жалованные грамоты, то они, эти пожалования, аналогичны, ибо состоят из статей «объявление о пожаловании» и «условия пожалования».

Пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда. Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда

В 1872 г. известный русский востоковед И.Н.Березин опубликовал работу «Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея» [Березин, 1872]. В работе приводились тексты, переводы и комментарии двух жалованных грамот названных крымских ханов. Грамота Менгли-Гирея относилась к 1468 г., грамота Мухаммед-Гирея датировалась И.Н.Березиным 1517 г. В предисловии ко второй грамоте автор публикации отмечал: «В исчислении крымских чинов... этот ярлык не представляет никаких новых данных... Что же касается податей и налогов, настоящий ярлык представляет такие курьезы, перед объяснением которых совершенно становишься в тупик, в особенности по невозможности объяснить самые термины...» В заключение И.Н.Березин с надеждой писал: «Может быть, какие-нибудь благоприятные обстоятельства, в особенности современные русские переводы... и помогут со временем уразуметь точный смысл терминов, встречающихся в нашем ярлыке» [Березин, 1872, с. 17].

Надежды И.Н.Березина до сих пор не сбылись. Объясняется это, в частности, тем, что жалованная грамота Мухаммед-Гирея не привлекала внимания исследователей ввиду своей «малой древности». Нельзя, однако, сказать, что эта грамота была совсем забыта русскими и советскими востоковедами. В 1887 г. В.Д.Смирнов приводил ее, во-первых, в качестве примера старого официального документа, доказывающего, что татары никогда не называли Крым Солхатом; во-вторых, пытался при ее помощи уточнить дату смерти Менгли-Гирея — отца Мухаммед-Гирея [Смирнов, 1887, с. 74, 387]. В 1918 г. А.Н.Самойлович использовал в числе других и эту грамоту в качестве сравнительного материала к статье «Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга» [Самойлович, 1918, с. 1110, 1111, 1114–1116, 1118]. Он же в

1926 г. привел эту грамоту как одно из свидетельств того, что в Крыму термин «алая тамга» и в начале XVI в. по-прежнему означал красный оттиск государственной печати, а «золотой *ташан*» — писанную от руки золотом «тугру», или ханский шифр [Самойлович, 1926, с. 1115]. Наконец, в 1940 г. было опубликовано исследование В.Е.Сыроечковского «Мухаммед-Герай и его вассалы» [Сыроечковский, 1940]. В нем интересующая нас грамота Мухаммед-Гирея привлекалась в качестве одной из иллюстраций факта существования в Крыму конца XV — начала XVI в. районов с оседлой и земледельческой культурой [Сыроечковский, 1940, с. 10].

Таким образом, жалованная грамота Мухаммед-Гирея всегда служила лишь в качестве подтверждения более ранних документов и никогда не рассматривалась исследователями как единственный в своем роде первоисточник каких-либо сведений. Между тем, если обратить пристальное внимание на этот документ, можно прийти к неожиданному выводу. Оказывается, жалованная грамота датирована не 1517, а 1420 г. и принадлежит она, следовательно, не крымскому хану Мухаммед-Гирею, а золотоордынскому хану, будущему основателю Казанского ханства — Улуг-Мухаммеду.

Какие соображения позволяют прийти к такому заключению? Прежде всего дата грамоты. И.Н.Березин использовал для своей публикации литографированный список грамоты, хранившийся в Одесском обществе истории и древностей (местонахождение оригинала уже тогда было неизвестно). В конце грамоты стояла дата: «Писано в лето мыши, восемьсот двадцать третьего года, в начале месяца раби аль-ахыра» [Березин, 1872, с. 18 (текст), 19 (пер.)]. Раби аль-ахыр (или раби ас-сани) — название четвертого месяца мусульманского лунного года (хиджры). Начало этого месяца в 823 г. хиджры приходилось на 15 апреля 1420 г. нашего летосчисления. Все, казалось бы, ясно. Оставалось только установить личность автора — дарителя грамоты. И все же в предисловии к публикации ее текста И.Н.Березин уверенно написал: «...в дате есть грубая ошибка. Выдача его показана в 823 году» [Березин, 1872, с. 16]. Он считал, что следует читать не 823, а 923 год хиджры, т.е. что грамота выдана в 1517 г.

Доводов, которые оправдывали бы такое исправление даты, И.Н.Березин не приводит. Однако его убежденность в том, что перед ним находился литографированный список с грамоты крымского хана Мухаммед-Гирея, не была лишена некоторых оснований. На литографии находилось изображение квадратной государственной печати. И.Н.Березин описывает ее так: «В приложенной наверху красной пе-

чати хана (тамге) находится в середине родовая тамга крымских ханов (трезубец), а вокруг нее куфическими буквами изображен арабский текст: [Би-сми-Ллах ар-рахман ар-рахим. Ла илаха илла-Ллах. Мухаммад расул Аллах „Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха"]. Далее следует какой-нибудь стих из Алкорана, но имени хана не поставлено» [Березин, 1872, с. 22]. И.Н.Березин резонно полагал, что раз уж это грамота одного из крымских Гиреев, то принадлежит она именно Мухаммед-Гирею, ибо начинается словами: «Мое, Мухаммеда, слово» [Березин, 1872, с. 17 (текст), 18 (пер.)]. Известно ведь, что первым ханом из этой династии был Хаджи-Гирей, который умер в 1466 г. Следовательно, стоящая в грамоте дата — 823 (1420) г. — нуждалась в исправлении. Первым ханом из династии Гиреев, которого звали Мухаммедом, был сын Менгли-Гирея. При исправлении даты с 823 (1420) на 923 (1517) г. все, казалось, вставало на свои места. В 1517 г. крымским ханом действительно был Мухаммед-Гирей. В публикуемой в этой же работе И.Н.Березина жалованной грамоте Менгли-Гирея, датируемой 1468 г., говорилось о той же самой местности. Значит, можно было допустить, что грамота Мухаммед-Гирея являлась обычным подтверждением жалованной грамоты Менгли-Гирея. Скорее всего, именно такого рода соображения заставили И.Н.Березина, как ему казалось, исправить дату разбираемой жалованной грамоты.

Рассмотрим приведенные выше соображения критически, привлекая при этом материалы, которыми И.Н.Березин в то время не располагал. Прежде всего пересмотрим вопросы, связанные с государственной печатью. Нам известно, что на квадратной красной печати, приложенной к грамоте, И.Н.Березин смог прочесть только традиционное мусульманское изречение, а в центре ее он разглядел трезубец — «родовую тамгу крымских ханов». Можно ли на основании этих данных считать печать собственностью только крымских Гиреев? Сейчас мы можем ответить на этот вопрос отрицательно, ибо располагаем документами, опровергающими версию о том, что лишь Гиреи пользовались тамгой-трезубцем.

Только в советское время востоковеды А.А.Ромаскевич и С.Л.Волин обработали и издали собранные еще В.Г.Тизенгаузеном «извлечения из персидских сочинений по истории Золотой Орды». Исследователи получили, в частности, доступ к материалам «Книги, прославляющей генеалогии в родословном древе монгольских султанов» [Тизенгаузен, 1941, с. 29, 33, 34, 40–43, 45–63]. Написанная неизвестным автором в 1426 г. по поручению Тимурида Шахруха и впоследствии продол-

женная, «Книга» содержит генеалогические таблицы потомков Чингисхана, составленные на основании сочинения Рашид ад-Дина «Сборник летописей» и не дошедших до нас среднеазиатских источников и устных преданий. В этот ценнейший для первой половины XV в. первоисточник включена и родословная Хаджи-Гирея [Тизенгаузен, 1941, с. 61] — прямого потомка тринадцатого сына Джучи, Тука-Тимура. От деда Хаджи-Гирея, Таш-Тимура, до нас дошло довольно много монет различных типов, чеканенных в городе Крыме (ныне Старый Крым) в 796/1393-94–797/1394-95 гг. [Савельев, 1858, с. 312–315; Марков, 1896, с. 491, 1021–1025]. Однако ни на одной из этих монет нет родовой тамги Таш-Тимура. Сын Таш-Тимура и родной дядя Хаджи-Гирея — Девлет-берди также чеканил в Крыму свою монету. На ней была выбита тамга в виде трезубца [Записки, 1844, с. 304, рис. VI]. На этом основании В.Д.Смирнов пытался доказать, что Девлет-берди и Хаджи-Гирей есть одно лицо [Смирнов, 1887, с. 198–236]. Эта гипотеза была полностью опровергнута уже в 1897 г., когда Ф.Лашков опубликовал крымский документ, составленный в первых числах рамазана 1066 г. хиджры (конец июня 1656 г.). В нем имя крымского хана Девлет-берди фигурирует совершенно обособленно от имени Хаджи-Гирея [Лашков, 1897, с. 49–50].

В 1937 г. (вторично в 1940 г.) турецкий ученый А.Н.Курат опубликовал грамоту двоюродного дяди Хаджи-Гирея, родного племянника Таш-Тимура, золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда от 14 марта 1428 г., к которой приложено целых пять золотых печатей этого хана [Kurat, 1940, с. 6–36, 203]. Печати принадлежат к типу, известному специалистам по публикациям грамот крымских ханов. Такая печать состоит из трех квадратов, расположенных один внутри другого. Во внешнюю рамку всегда вписывается куфическим почерком арабский текст религиозного содержания. На печатях Улуг-Мухаммеда половина текста во внешней рамке («Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед посланник Аллаха») одинакова с текстом печати, описанной И.Н.Березиным. В среднюю рамку вписывается имя царствующего монарха. На печатях Улуг-Мухаммеда в средней рамке читается: «Султан правосудный Мухаммед-хан». И.Н.Березин не смог прочесть текст (видимо, смазанный) в средней рамке. Он предположил, что там вписан «какой-нибудь стих» из Корана. В центре печати крымские ханы всегда ставили тамгу в виде трезубца. На печатях Улуг-Мухаммеда мы обнаруживаем точно такой же трезубец.

Установлено, что родовой тамгой Хаджи-Гирея, Девлет-берди и Улуг-Мухаммеда было изображение трезубца. Общим предком этих

трех ханов был отец Таш-Тимура — Джанса [Тизенгаузен, 1941, с. 61]. Поэтому можно утверждать, что тамгой-трезубцем пользовались золотоордынские ханы из потомков Джансы, которые правили задолго до времени утверждения в Крыму династии Гиреев.

Таким образом, государственная печать с тамгой-трезубцем еще не может служить основанием для исправления даты жалованной грамоты от 823/1420 г. Может быть, имя хана является доводом в пользу исправления даты? Оказывается, как раз наоборот. Наука не располагает ни одним письменным свидетельством, где крымский хан из династии Гиреев (начиная с Менгли-Гирея) именовался бы без родовой приставки — Гирей. Между тем в приведенной выше грамоте Улуг-Мухаммеда от 1428 г. хан именует себя просто Мухаммедом, т.е. так же, как и в грамоте от 1420 г.

Обратимся к последнему доводу в пользу исправления даты. Были некоторые основания считать, что жалованная грамота от 1420 г. (предполагалось от 1517 г.) являлась подтверждением грамоты Менгли-Гирея от 1468 г. Обратимся к текстам обеих грамот. Эти жалованные грамоты были выданы татарским вельможам. Им отдавались в феодальное держание земли в районе Керчи с людьми, те земли населяющими. Грамота от 1420 г. выдана Туглу-баю и брату его Хызру, а грамота от 1468 г. — Махмудеку, сыну Хызр-ги. В.Д.Смирнов в свое время убедительно доказал, что имя отца Махмудека было не Хызр-га, а просто Хызр [Смирнов, 1887, с. 257, примеч. 3]. Итак, грамота от 1468 г. была пожалована сыну Хызра. В тексте ее четыре раза подчеркивается, что пожалование производится по образцу пожалования, данного Хызру [Березин, 1872, с. 11–12]. Логично будет в таком случае предположить, что упомянутый Хызр и есть тот самый младший брат Туглу-бая, о котором говорится в грамоте от 1420 г. Тогда уже не остается никаких оснований для исправления даты рассматриваемой жалованной грамоты. Значит, грамота от 1468 г. является подтверждением грамоты от 1420 г. Конечно, не исключена вероятность существования одной или нескольких промежуточных грамот-подтверждений, выданных ханами, правившими в Крыму после Улуг-Мухаммеда и до Менгли-Гирея.

Рассмотрев доводы за и против исправления даты жалованной грамоты, данной Мухаммедом, и сочтя такое исправление недопустимым, мы вплотную подошли к вопросу о личности жалователя грамоты. Был ли это Улуг-Мухаммед или какой-то другой хан? Дело в том, что в исследовании по истории Золотой Орды, принадлежащем М.Г.Сафаргалиеву, сказано буквально следующее: «Улуг-Мухаммед мог стать

ханом только на исходе 1421 г.» [Сафаргалиев, 1960, с. 197]. Свое убеждение М.Г.Сафаргалиев основывает на свидетельстве Гильбера де Ланноа, посетившего Дешт-и Кыпчак «в начале 1421 года», когда «в Орде еще не было хана». Обратимся к свидетельству первоисточника. В середине 1421 г. бургундский рыцарь и дипломат де Ланноа по пути из Пруссии в Византию проехал через Украину и Молдавию и по поручению великого князя литовского Витовта направился в Крым, чтобы увидеться с «императором солхатским», т.е. с крымским ханом. Однако, прибыв на место, он узнал, что «император» этот «только что умер и между татарами этой Татарии (т.е. Крыма. — *А.Г.*) и Татарией великого хана, императора Орды (т.е. хана Золотой Орды. — *А.Г.*), возник вопрос... касательно того, кого сделать императором» [Ланноа, 1873, с. 43], т.е. опять-таки крымским ханом. Вопрос, таким образом, стоял не о поставлении хана в Золотой Орде, а лишь о замене умершего правителя Крыма другим лицом. Иными словами, на основании рассказа де Ланноа нельзя отвергать возможность воцарения Улуг-Мухаммеда в Золотой Орде до 1421 г.

Есть ли документы, прямо или косвенно подтверждающие факт поставления Улуг-Мухаммеда на ханство до 1421 г.? Оказывается, такие документы имеются, и они уже давно известны специалистам, в их числе и М.Г.Сафаргалиеву. В 1896 г. А.К.Марков описал монету Улуг-Мухаммеда, чеканенную в Булгаре в 821 г. хиджры (8 февраля 1418 — 27 января 1419). Тогда же он описал две монеты Улуг-Мухаммеда, чеканенные в Хаджи-Тархане (Астрахани) в 822 г. хиджры (28 января 1419 — 16 января 1420) [Марков, 1896, с. 502]. Арабский историк Бадр ад-Дин ал-Айни (1361–1451) сообщает, что после смерти эмира Еднгея, последовавшей в 822 г. хиджры, «царством Дештским стал править некто из рода Чингизханова, по имени Мухаммедхан, но при нем смуты сделались постоянными и дела расстроились (окончательно)» [Тизенгаузен, 1884, с. 533]. Далее он пишет: «В 824-м году (6 января — 25 декабря 1421) государем земель Дештских был Мухаммедхан...» [Тизенгаузен, 1884, с. 533].

В летописи среднеазиатского историка Абд ар-Раззака Самарканди (1413–1482) под 822 г. хиджры рассказывается о том, как в конце месяца раби аль-авваля (т.е. в 20-х числах апреля 1419 г.) из улуса Узбекского (в данном случае из Золотой Орды) в Самарканд к мирзе Улугбеку пришел искать убежища Борак-оглан. Принятый по-царски, Борак получил все нужное ему и был отпущен обратно. Под 824 г. хиджры месяцем зу-ль-каада (28 октября — 26 ноября 1421) Самарканди пишет о возвращении из Дешт-и Кыпчака Султана-Кушчи, по-

сланного ранее Шахрухом к Мухаммед-хану. Султан-Кушчн доложил о доброжелательстве и искренности Мухаммед-хана. В 825/1421–22 г прибыло посольство от Мухаммед-хана к Шахруху и было благосклонно нм принято. В 826/1422–23 г. Шахрух получил следующее известие: «Борак-оглан захватил орду Мухаммед-хана, и большая часть улуса Узбекского (т.е. Золотой Орды. — *А.Г.*) подчинилась и покорилась ему» [Тизенгаузен, 1941, с. 196]. Нетрудно заметить, что в приведенных выдержках Самарканди говорит о непрерывной борьбе Улуг-Мухаммеда с Бораком начиная с 1419 г. Таким образом, данные нумизматки и свидетельства арабского и среднеазиатского авторов сходятся на том, что воцарение Улуг-Мухаммеда на золотоордынском престоле следует отнести к началу 1419 г.

Все приведенные выше факты и соображення дают основанне утверждать, что рассматриваемая жалованная грамота выдана 15 апреля 1420 г. золотоордынским ханом Улуг-Мухаммедом. Здесь же нелишне будет вспомнить, что и крымские ханы из династии Гнреев всегда подчеркнвали преемственность власти Гиреев от прежних золотоордынских ханов (начиная с Тохтамыша), в число которых включался и Улуг-Мухаммед [Pułaski, 1881, с. 290]. Мало того, родословная традиция так тесно связывала род Гиреев с Улуг-Мухаммедом, что в «Родословной Ширинскнх», составленной в октябре 1820 г. главным образом на основании устных преданий, говорится о том, что шринский бей Тегене в 820 г. хиджры (18 февраля 1417 — 7 февраля 1418) избрал на крымский престол Улуг-Мухаммед-Гирей-хана [Лашков, 1897, с. 38].

«Второе рожденне» рассматриваемой жалованной грамоты представляется явлением немаловажным. Во-первых, в связи с этим должны быть пересмотрены все выводы и предположения, построенные на ее материале, когда она считалась документом начала XVI в. (а не XV). Во-вторых, и это главное, исследователям необходимо обратнться к изучению данного документа с новых позиций. Следует (в случае если разыскать оригинал грамоты или хотя бы литографию с него сейчас уже невозможно) произвести филологическое исследование опубликованного текста грамоты и сделать его новый русский перевод. После этого нужно произвести исследование текста грамоты с точки зрения изучения нового материала по гражданской и социально-экономической историн Золотой Орды в целом и Крыма в особенности. Конечно, можно и нужно провести исследование жалованной грамоты Улуг-Мухаммеда и с точки зрения изучения исторической топонимики Керченского полуострова. Тем более что в той же публикации да-

ется материал для сравнения (грамота Менгли-Гирея). Много может дать комплексное исследование жалованной грамоты Улуг-Мухаммеда и его грамоты от 1428 г., опубликованной А.Н.Куратом, но так и не ставшей объектом специального изучения отечественных востоковедов.

Жалованная грамота Улуг-Мухаммеда является лишь подтверждением более ранней грамоты, пожалованной старшему брату Хызра — Туглу-баю (или его отцу) каким-то предшественником Улуг-Мухаммеда. Это обстоятельство еще более увеличивает ценность рассматриваемого документа.

Продолжая анализ пожалования в золотоордынских ярлыках, тексты которых сохранились на языке оригинала, обратимся к рассмотрению ярлыка Улуг-Мухаммеда.

Ярлык золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда (1419–1437) был написан буквами арабского алфавита по-тюркски в первую десятидневку месяца раби аль-ахира 823 г.х. (15–24 апреля 1420 г.) [Цыбульский, 1964, с. 74], когда ставка Улуг-Мухаммеда находилась в г. Крым (ныне г. Старый Крым Крымской области Украины).

В 1977 г. мною был рассмотрен адресант ярлыка Улуг-Мухаммеда с точки зрения его эволюции в золотоордынских актах XIII–XV вв. [Григорьев, 1977]. Дальнейшее изучение ярлыка приостановилось в связи с тем, что была предпринята попытка обнаружить текст этого документа хотя бы в позднейшей копии. Дело в том, что уже И.Н.Березин не знал о месте нахождения оригинального текста. Публикация ярлыка была осуществлена с его литографированного списка (на котором находилось и изображение алой тамги), хранившегося в архиве Одесского общества истории и древностей. Параллельно со мной рукописный текст ярлыка искал и М.А.Усманов [Усманов, 1979б, с. 51]. Наши поиски не увенчались успехом. Пришлось обратиться к тексту публикации И.Н.Березина и, опираясь на опыт и результаты наших предыдущих исследований, рассмотреть его с точки зрения уточнения перевода и проведения дипломатического анализа.

Как и прежде, графическая передача текста пожалования в ярлыке Улуг-Мухаммеда осуществлена на принципах своеобразного сплава транслитерации и фонематической транскрипции, принятого в «Древнетюркском словаре». Здесь мы уточнили транслитерацию отдельных слов на основе «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века», составленного Э.Н.Наджипом [Наджип, 1979].

Разнодиалектные слова и их сочетания, которые употребляются в тексте ярлыка Улуг-Мухаммеда в качестве синонимов, сохранены

в нашей передаче. Например: *bärü ~ berü* «с, от»; *cärga ~ jergä* «очередь»; *ellar ~ kišilär* «люди»; *josunca ~ josununča* «с правилами в соответствии»; *jüp körüp ~ jüp sonup* «исполнимым признав»; *Karč ~ Kerč* «Керчь»; *tejü ~ tep* «говоря». В то же время в нашей транскрипции не отмечены случаи наличия арабской буквы *йа* или пропуска ее при написании первого слога таких слов, как *ber-* «давать, платить», *berü* «с, от», *jergä* «черед, очередь», и союзного слова *ersä*. Такое же положение сохраняется и при обозначении на письме аффиксов типа: *-miz, -niŋ, -ŋiz*.

В пяти случаях, показавшихся бесспорными, написание слов в тексте пожалования нами было исправлено по смыслу: *bapïn* на *japïn*, *bapmaïnn* на *japmadïn*, *cedig* на *cerig*, *jiz* на *biz*, *quŋqur* на *quŋquz*. В остальных случаях, когда мы считаем нужным исправить написание слова в публикации И.Н.Березина, но сомневаемся в бесспорности такого исправления, это слово транскрибируется согласно тексту публикации, но русский перевод его отражает другое, вводимое нами взамен слово. Все такие случаи отмечены ниже в комментариях к переводу. Вводимые по смыслу в текст дополнения И.Н.Березина заключены в круглые скобки, наши дополнения — в квадратные скобки. Части слов или целые слова в самом начале пожалования, которые И.Н.Березину не удалось разобрать на литографированном списке ярлыка, обозначены многоточиями.

Итак, пожалование в индивидуальном формуляре ярлыка Улуг-Мухаммеда выглядело следующим образом:

Bu Tuγlu baj	Этот Туглу-бай:
[at]a Kopür… im …	«Отец Керчь … …
torasi erdi	обычное право его было», —
tejü	говоря,
uluγ	к великому
aγamïzγa	старшему брату нашему
jergasin	очереди своей
atïna	об изменении
ötündi.	обратился с прошением.
Xan aγamïznïŋ	Хан, старший брат наш,
tu[t]u bulup	залог получив,
Tuγlu bajnïŋ	Туглу-бая
jergasin aŋlap	очередь уяснив,
ötülin	прошение его
jüp körüp	исполнимым признав,

čargasijni kes[ip]	очередь его прервав:
Kärčni bildüra	«Керчь [мы] объявляем
tusudurmïz	в [его] пользу нами
erdük	отданной!» —
[tediŋiz].	[они повелели].
Avval jergalärın	Прежних очередей их
atïna	об изменении
jarlïγïn körguza	ярлык показывая,
Tuγlu baj X(izr) birla	Туглу-бай с Хызром вместе
otündilär	так как обратились
ersa	[к нам] с прошением,
jarlïγïn ešitip	ярлык их выслушав,
otüllärin	прошение их
jüp sonup	исполнимым признав,
biznïŋ taqï	мы также,
sujuryal[la]r	пожалований
ozayï kačakan χan	давно умерших ханов,
ayalarimiznïŋ	старших братьев наших,
josununča	с правилами в соответствии:
Tuγlu bajnï	«Туглу-бая,
ayalaju	как старшего брата,
Xïzr bi satlar	и Хызра
Karč elin bildurā	Керченский эль [мы] объявляем
tusudurumüz	в пользу нами
[erdük]	отданным!» —
[tedimis].	[мы повелели].
Bu kündin ilgarü	Отныне и впредь
avvaldin berü	в издавна
Karčga	к Керчи
san[lï]	причисляемые [местности]:
Otlï taz	Отлы таз,
Japïn köli	Япын кёли,
Astajnïŋ	Истибан тюпи,
Qacir jeri	Качир ери,
Qabaq taš	Кабак таш,
Maǯar	Маджар,
Quŋquz	Кункуз,
Qači	Качи,
Jalta	Балта,
Kerphi	Керпич,

Tuz kol	Туз кёль,
Ikı umraq	Ики умрак,
Aj janï	Ай яны,
Qïzïl jar	Кызыл яр,
bašlïγ	во главе [с Керчью],
bu atlarï	в эти, названия которых
bitilgän	[выше] написаны,
jerlärinä jurtlarïna	земли и места кочевок
kim kim [ersä]	кто бы то ни было
qïzamasunlar	пусть не посягают
kırmamasun[lär].	и не вступают.
Basa	А также [вы],
Kerčgä sanlï	к Керчи причисляемые,
Selänä Kikič Qaraqčï	Селенга, Кичик и Каракчи,
bašlïγ	во главе [с Селенгой],
el qartlarï	старейшины эля, [при сборе
kündüzki jasaq	налогов]: дневная подать,
kičägi jar	ночной сбор,
ozun čerig tükäräk	орун, черик, тюкарек,
oq qon čïqïš	ок, кон, чикыш,
qajuma turlü ersa	всякого рода
küč bolsa	содействие оказывая,
jarlïγ	[нашего] ярлыка
josununča	с правилами в соответствии,
Tuγlu baj Xïzr	Туглу-бая и Хызра
sözün özgä qïlmaj	указания не извращая,
bir etü	собирайте,
tegärü	доставайте,
türüŋizlär.	накапливайте.
Basa	И еще,
burundïn bärü	с прежних времен
daruγaŋïzγa	даругам вашим
jïl saju na	ежегодно [все], что
[b]erür bolsaŋïzlar	вы платили,
emdi taqï	теперь также,
avlavuq	[нашего] ярлыка
josunča	с правилами в соответствии,
beriŋizlar.	платите.
Basa	Также,
Kerč arǯnïŋ	вие Керченского [эля]

azγan tozγan	бродящих и шатающихся
kišiları Qïrïmda	людей, в Крыме,
Kefeda Qïpča(qd)a	Кафе, Кыпчаке
qajda taqï bolsa	и где бы [они] ни были,
qul japmadïn	в рабов не обращая,
könüsi birlä	с готовностью
čïqarïp	выведя,
bersunlar.	пусть выдают.
Burundïn berü	С прежних времен
minalï jurtlu	оседлыми и юртными
[ja]pïγanlarï	сделанные [люди]
tozmasunlar	пусть не шатаются
tarqamasunlar	и не разбредаются, —
tedimiz.	мы повелели.
Basa	Также,
bulaju	такого [нашего]
tejü turγač erip	повеления после,
jarlïγ	[нашего] ярлыка
josununča	с правилами в соответствии,
Tuylu baj Xïzrïŋ	Туглу-бая и Хызра
tuzsun	указания
ferniklämäj	не следует извращать;
ozgä gilγan	извращающие [их]
kišilar	люди
qorqarlar ernä.	убоятся непременно!
Basa	Также,
Tuylu baj Xïzr	Туглу-бай и Хызр,
sizlär taqï	вы сами:
bulaju sujurγatimiz	«Так пожалованы мы!» —
tep	говоря,
kördin (künï) berü	издавна
küč berü turγan	тягло несущим
jasaqlï jarlï	податным бедным
ellärgä	людям,
bolujuq	находящимся в вашем ведении
kuč tegürsäŋiz	насилие причинять если будете,
sizlärgä taqï	вам самим также
ne jaχšïsï bolγaj	что хорошего будет? —
tep	говоря,
tuta turuγa	для постоянного хранения

altun nišanlïγ	с золотым нишаном
al tamγalïγ jarlïγ	алотамговый ярлык
berildi.	выдан.

Текст пожалования в ярлыке Улуг-Мухаммеда расчленяется на десять предложений. Рассмотрим каждое из них с точки зрения перевода.

Первое предложение повествует о том, как грамотчик Туглу-бай обратился к хану — предшественнику Улуг-Мухаммеда, т.е., видимо, Джаббар-Берди (1417–1419) [Босворт, 1971, с. 204], с прошением. Существо прошения затемнено тем обстоятельством, что ярлык (или его копия) в этом месте был поврежден. В прямой речи грамотчика, включенной в состав этого предложения, от первого слова читался только конечный *алиф*, т.е. буква «а». Слово было короткое, по предположению И.Н.Березина — *ata* «отец». Второе слово было прочитано издателем как *köpür* или *gübür* и включено в текст публикации. Ни в переводе, ни в примечаниях оно не было отмечено. От третьего слова сохранилось окончание *-im*. И.Н.Березин допускал, что это могло быть окончание топонима *Kïrïm* «Крым». Четвертое слово совсем не читалось. Размеры его издатель не приводит. Он вообще не говорит о числе поврежденных слов в этом фрагменте, а заключает свое примечание к нему так: «Особенной важности в чтении этого места нет» [Березин, 1872, с. 20]. Далее шли слова *torasi erdi*, которые И.Н.Березин переводил «был начальником» [Березин, 1872, с. 18–19].

Словарь Л.З.Будагова действительно дает для слова *törä* значение «начальник». Однако сам составитель указывает, что слово это лишь «теперь (т.е. в XIX в. — *А.Г.*) употребляется в значении начальника» [Будагов, 1869, с. 390]. «Древнетюркский словарь» дает для слова *törä* такие значения: 1) почетное место в юрте; 2) закон, обычай [Древнетюркский, 1969, с. 580]. Э.Н.Наджип относит *törä* к словам периода тюрко-моигольской общности [Наджип, 1979, с. 86]. Из контекста ярлыка Улуг-Мухаммеда мы заключаем, что в этом случае речь идет о ссылке на издревле установленный порядок, т.е. обычное право. Видимо, предки грамотчика обладали наследственным правом сбора налогов в районе Керчи и другими прерогативами власти над податным населением, т.е., скорее всего, были даругами [Григорьев, 1980б, с. 156–161]. Сочетание *torasi erdi* мы переводим: «обычное право его было».

На основании текста пожалования в целом можно допустить, что отец Туглу-бая некогда собирал налоги в районе Керчи. Это допущение предполагает наличие топонима Керчь в первом предложении по-

жалования. Однако мы не видим этого топонима в сохранившемся фрагменте. Слово, прочитанное издателем как *köpür* или *gübür*, что могло означать «мост», не очень похоже на личное имя отца грамотчика. Опыт расшифровки слов, начертанных буквами арабского алфавита, подсказывает, что это не вполне понятное слово можно было прочитать и по-другому.

И.Н.Березин разобрал в этом слове пять арабских букв — *kubur*. Первая буква сочетания действительно могла быть арабской буквой *кяф*. Вторая буква, прочитанная как *вāв*, вполне могла читаться и *ра*, ибо в письме эти буквы иногда можно различить только по контексту. Третью и четвертую буквы (*бā* и *вāв*) вместе можно воспринимать как одну букву *джим* в ее конечном написании. Это прочтение возможно, если вместо *вāв*, как и в первом случае, видеть линию, похожую на *ра*. Известно, что буква *джим* в тюркских текстах может обозначать и букву *чим*, в арабском языке отсутствующую. Последняя буква рассматриваемого сочетания, прочитанная И.Н.Березиным как *ра*, могла на письме выглядеть просто длинной продольной чертой. Если допустить, что справа от этой черты над самым ее началом находилась точка (впрочем, в текстах ярлыков арабского письма точки проставлялись далеко не всегда), то подобное обозначение могло восприниматься и как сочетание букв *нун* и *йā*.

В итоге у нас получается аббревиатура *krčni*. В таком случае *kerč* читаем *Kerč* «Керчь», ибо так и пишется этот топоним в строках 14 и 18 текста публикации И.Н.Березина. Концовка *-ni* дает аффикс винительного падежа. Этот же аффикс стоит при слове «Керчь» в начале 8-й строки текста публикации. Конечно, наше построение здесь в значительной степени умозрительно. Главным критерием истинности в этом случае был бы подлинный текст ярлыка.

Туглу-бай обратился к хану с прошением *jergäsin atïna*, т.е., как перевел И.Н.Березин, «о своей степени». Несомненно, что слово *jergä* представляет *ä*-вариант слова *čergä* «очередь», известного нам по ярлыку Тимур-Кутлука (см. выше). Слово *atïna* мы рассматриваем как деепричастную форму от глагола *adïn-* «изменяться, исправляться» [Древнетюркский, 1969, с. 10]. Буква *t* в слове — глухой вариант буквы *d*. Тогда все сочетание переводится словами «очереди своей об изменении». Видимо, необходимость изменения очередности, т.е. передачи должности *даруги* в другие руки, возникла в связи со смертью отца Туглу-бая.

Во втором предложении говорится о том, что хан исполнил просьбу грамотчика и передал Керчь в его пользование. Это деяние свершi-

лось после того, как монарх получил залог, т.е., видимо, определенную сумму денег в качестве откупа за сбор налогов с Керченского эля и одновременно выкупа за «жалуемую» должность, уяснил, что действительно наступила очередь Туглу-бая и убедился в исполнимости его прошения. Здесь и ниже слово *baj* «богатый» в сложном имени Туглу-бай пишется уже не с алифом, как это было в первом предложении, а без него — *bj*. Вслед за И.Н.Березиным [Березин, 1872, с. 19, 20] мы полагаем, что последнее написание представляет собой лишь сокращение полной формы, а не какое-то новое слово. В нашей транскрипции эта сокращенная форма не отражена. Нам здесь принадлежит расшифровка фразы *tu[t]u bulup* «залог получив». И.Н.Березин поврежденное слово *tutu* «залог, заклад» [Будагов, 1869, с. 743] не понял и в переводе заменил многоточием, а следующую за ним глагольную форму прочитал и перевел *bolup* «будучи». Не разобрался издатель и в сочетании *čärgäsijni kes[ip]* «очередь его прервав», ибо слово *čärga* «очередь» он понимал как «степень» и, будучи не в состоянии подобрать к этому слову подходящее значение поврежденной глагольной формы *kesip* «прервав», он заменил ее в переводе многоточием.

Третье предложение знакомит читателя с декларацией о пожаловании самого Улуг-Мухаммеда. В этом сложном предложении вначале говорится о том, что к хану обратились с прошением два брата — Туглу-бай и Хызр, предъявив ему в качестве прецедента ярлык, в котором был зафиксирован факт наследственной преемственности искомого пожалования. Хан, разобравшись в деле, повелел пожаловать обоих братьев в соответствии с условиями дарений прежних ханов, т.е. отдать им в пользование Керченский эль. Здесь издатель прочитал фразу *ävvәl jergälärin atina* «прежних очередей их об изменении» как «на ту степень». Это и понятно, ибо слово *jerga* «очередь» И.Н.Березин понимал как «степень», слово *ävvәl* «прежний» пишется арабскими буквами совершенно так же, как и указательное местоимение *ol* «тот», а глагольную форму *atina* «об измеиении» издатель и раньше никак не переводил.

Поврежденное слово *sujurγal[la]r* «пожалования» в конце 9-й строки ярлыка И.Н.Березин принял за сочетание слов *sujurγal bulup*, которое он понял как «будучи пожалован арендою». Между тем это слово непосредственно связывается по смыслу с находящимся ниже словом *josununča* «в соответствии с правилами [пожалований прежних ханов]» и потому не нуждается в дополнительных глагольных формах. После имени младшего брата Туглу-бая — Хызра в этом предложении стоит нечто вроде именной приставки *bi* и тут же слово *satlar*.

И.Н.Березин понимает первое словечко как именную приставку «бей», а второе слово по контексту определяет как послелог *birlä* «вместе с». Мы полагаем, что поскольку имя Хызра до и после этого места встречается еще четыре раза и не имеет при себе никаких именных приставок, то в настоящем случае это не именная приставка, а начальные буквы послелога *birlä*. Второе слово, возможно, является искаженным окончанием того же послелога. Сочетание *Kärč el* И.Н.Березин понимает как «Керчский народ», а наш перевод «Керченский эль» базируется на понимании нами в данном случае слова «эль» в смысле «феодальное владение, административная единица», аналогично Сюткёльскому элю в ярлыке Токтамыша.

Четвертое предложение раскрывает понятие Керченский эль. Оказывается, что в него входили кроме Керчи еще 14 местностей и населенных пунктов, названия которых тут же перечисляются. Грамотчики получают заповедный иммунитет на эти территории, куда посторонним (власть имущим) путь закрыт. В последней глагольной форме *kirmämäsün*[*lär*] «пусть не вступают» второе отрицание *-ma* явно лишнее. Названия перечисленных местностей — предмет специального исследования. Собственно, в ярлыке описывается топографическая карта района Керчи, изучать которую надлежит на местности с привлечением широкого круга источников XV–XX вв. Здесь же мы рассмотрим наименования этих топонимов лишь с точки зрения их возможного перевода на русский язык. Такой одностороннний подход таит в себе опасность беспочвенного увлечения созвучием. Будем рассматривать такой метод в качестве вынужденного шага для первого приближения к истине.

Посмотрим на сочетание *Otlï taz* со стороны определяемого *taz* «плешь, проплешина». Поскольку это слово обозначает место, лишенное растительности, то наиболее подходящим определением к нему будет *otlï* «огневой». Тогда все сочетание переводится «огневая проплешина», т.е. «выжженное место». Сочетание *Japïn kölï* «сделанное озеро» обозначает озеро искусственного происхождения, т.е. пруд. Сочетание *Astajnïŋ Qačïr jeri* И.Н.Березин перевел «Каджирская местность Астая». Нам кажется, что поскольку ни выше, ни ниже в этом списке нет сочетаний из трех слов, то здесь первое слово представляет собой не существительное в родительном падеже, а искаженное написание двух слов. Из опубликованного в этой же работе И.Н.Березина текста ярлыка Менгли-Гирея от 1468 г. явствует, что сын Хызра Махмудек получил аналогичное пожалование. Там в списке местностей и населенных пунктов Керченского эля наряду с уже знакомыми нам

названиями есть обозначение *Istiban üpi* «Степанова низина» [Березин, 1872, с. 12], форма написания которого очень близка к интересующему нас обозначению в ярлыке Улуг-Мухаммеда. Условно будем считать эти обозначения адекватными. В сочетании *Qačïr jeri* слово *qačïr* может быть обозначением и мула, и мифической птицы качир, похожей на орла и живущей 1000 лет. Не исключено, что это слово означает «степной волк» (*qačqïr*) [Будагов, 1871, с. 6, 7]. В таком случае в ярлыке слово помещено без второй буквы *q*. В переводе сочетание *Qačïr jeri* означает местность или место, где обитает одно из названных выше животных. В последнем варианте это будет «Волчья падь».

Сочетанию *Qabaq taš* повезло в том отношении, что известен не только его дословный перевод, но и его конкретное местное значение. Собственно *qabaq* значит «ворота, дверь», а поскольку ворота не только открывают проход, но и запирают его, то же слово может означать «преграда, заслон». Слово *taš* может переводиться как «камень» и «каменный». Благодаря труду П.И.Кеппена мы знаем, что в Крыму топонимы типа Таш кабак и Кабак таш встречались довольно часто. «Таш хабах (т.е. кабак. — *А.Г.*) — каменный затвор или забор. По-иогайски *хабах* значит то же, что *капу* по-турецки, т.е. затвор и дверь; так в особенности называются заборы, которые ставятся на границах земель, для ограждения их от соседского скота» [Кеппен, 1837, с. 10]. Иными словами, сочетание в целом можно перевести «каменная ограда».

Известно, что словом *maǰar* тюрки обозначали этноним «мадьяр», т.е. венгр. Топоним *Quŋquz* значит «жук», а *Qačï* — «плотина». Топоним *Jalta* легко ассоциируется с приморским курортом на южном берегу Крыма. Генуэзское поселение Ялта известно с XIV в. Такое же написание этого топонима мы встречаем и в ярлыке Менгли-Гирея [Березин, 1872, с. 12]. Однако нам представляется, что в обоих случаях в первой букве этого слова, в арабском его начертании, проставлена лишняя точка. Если это так, то с одной точкой под первой буквой это слово читалось *balta* «топор». При написании топонима *Kerphi*, похоже, не проставили точку под предпоследней буквой. Если при этом поменять местами предпоследнюю и последнюю буквы, то получится слово *kerpič* «кирпич». *Tuz köl* значит «соленое озеро». В сочетании *Iki umraq* второе слово читается в ярлыке Менгли-Гирея *ǰumraq*. Известно, что *ǰ*-вариант этого слова — *jumraq* значит «мягкий, гибкий» [Древнетюркский, 1969, с. 279], а *umraq*, возможно, его диалектное произношение. В таком случае все сочетание значит «две мягкости». *Aj janï* может быть понято как «край луны», т.е. месяц, *Qizïl jar* значит «красный яр».

Завершает список перечисленных местностей слово *bāslīγ* «во главе». Издатель так и пишет его перевод — «в головах». Получается, что главным местом в Керченском эле был Кызыл яр. Естественно, что это не так. Центром Керченского эля была Керчь, которая и открывает список топонимов.

В пятом предложении хан-жалователь обращается к старейшинам Керченского эля с требованием оказывать всяческое содействие грамотчикам при сборе государственных налогов и не извращать указаний Туглу-бая и Хызра, если они не идут вразрез с положениями, вытекающими из текста ханского ярлыка. И.Н.Березин перевел это предложение несколько иначе. Он понял его как пожелание хана получать от грамотчиков, «по обычаю ярлыка», «ие изыначивая слова», различные налоги и службу, доставляемые старшинами.

Имена старейшин Керченского эля И.Н.Березин передает по-русски так: Селаника, Кикидж и Каракчи. Мы согласны только с последней транслитерацией — Каракчи (Грабитель). Первое имя следует передавать по-русски так же, как и название известной реки, — Селенга. Нам представляется, что во втором имени правильнее было бы поменять местами третью и пятую буквы. Тогда оно будет читаться Кичик (Малый). Издатель повторяет ошибку, допущенную в предыдущем предложении, помещая в своем переводе безличное «в головах» после имени третьего старейшины, в то время как главным был, конечно, первый.

В предисловии к публикуемому тексту ярлыка И.Н.Березин, в частности, отмечает: «Что же касается податей и налогов, настоящий ярлык представляет такие курьезы, перед объяснением которых совершенно становишься в тупик» [Березин, 1872, с. 17]. В примечаниях к переводу он говорит по тому же поводу: «Я не вполне уверен даже и в самом разделении слов; может быть, следует читать так: дневную подать, ночной сбор, длинный Джедик-Тукарек и малый расход» [Березин, 1872, с. 21–22].

Мы повторяем за И.Н.Березиным перевод и понимание налогов «дневная подать» и «ночной сбор». Последний сбор, возможно, взимался с населения за охрану его от грабителей и набегов в ночное время. Следующий налог издатель читал узуи, т.е. «длинный». Это слово можно прочесть *ozun*. Если допустить, что точка над второй буквой вкралась по ошибке, то слово читается *orun*. Последнее слово имеет общее значение — «место» и специальное — «трон, престол» [Древнетюркский, 1969, с. 372]. Не исключено, что это был специальный «троиный» сбор, которому позднее (в ярлыке Менгли-Гирея) со-

ответствовал сбор *ханлык* — ханская доля [Березин, 1872, с. 12]. Слово, читавшееся И.Н.Березиным *джедик*, — это, конечно, *čerig* «войско», т.е. сбор на армию. Слово *tükärāk* мы расшифровать не смогли. Поскольку оно следует сразу за названием сбора на содержание войска, можно предположить родство этого слова с податным термином *кирак-іарāк*, который в хулагуидском Иране обозначал сбор на вооружение и снаряжение ставок государя, содержание его законных жен, царевичей, эмиров и их воинов [Петрушевский, 1960, с. 393]. Следующие два слова *oq* «стрела» и *qon* «овца» [Древнетюркский, 1969, с. 455] читались издателем как одно непонятное слово *увкун*. Видимо, это были специальные сборы с мастеров, изготовлявших стрелы, и налог на мелкий рогатый скот. Название последнего налога — *čïqïš* «выход, расход» — встречалось нам еще в ярлыке Токтамыша (см. выше).

Словами «пусть доставляют» И.Н.Березин, видимо сообразуясь с коитекстом, но не понимая коикретных слов, передал три заключительные глагольные формы на *-ü*: *bir etü* «собирайте», *tegarü* «доставайте». *türüŋizlär* «иакапливайте» [Будагов, 1869, с. 250, 389, 419], которые относятся не к грамотчикам, а к старейшинам Керченского эля.

В шестом предложении содержится обращение хана опять-таки к старейшинам эля. Им предписывается выплачивать ежегодное содержаиие своим новым *даругам*, т.е., разумеется, Туглу-баю и Хызру, в размере, обычном для *даруг* этой местности. И.Н.Березин перевел это предложение в целом правильно. Однако, поскольку он неверно перевел обращение в предыдущем предложении, получается, что и здесь хан адресуется не к старейшинам, а к грамотчикам. Следовательно, это грамотчики должны что-то платить своим «правителям» (так перевел издатель термин *даруга*). Неверное понимание и перевод этого короткого предложения ведут к тому, что читатель ярлыка полностью дезориентируется и лишается возможности уразуметь смысл пожалования в целом.

Обращение в седьмом предложении по смыслу адресовано уже не только керченским старейшинам, но вообще всем местным представителям власти в Крыме (Старый Крым), Кафе (Феодосия) и Кыпчаке (Северное Причерноморье). По-видимому, на территории почти всей Золотой Орды грамотчикам было разрешено разыскивать беглых податных людей из Керченского эля. Власть имущим из других районов предписывалось не обращать беглых в рабство, а с готовностью выдавать их представителям керченских *даруг*. Уловив общий смысл этого предложения о необходимости выдачи «бродящих и шатающихся людей», И.Н.Березин в ряде частностей не разобрался. Сочетание *Kerč*

arǯa он понял как цельное географическое название Керчь-Эрджа. Слово, которое, видимо, транскрибируется как *arǯa*, является искаженной передачей арабского слова *хāриджан* «снаружи, вне». Все сочетание переводится «вне Керчи», т.е. в данном случае «вне Керченского эля». Сочетание слов, предположительно переведенное издателем «наложив руку» [Березин, 1872, с. 22], мы транскрибируем и переводим *qul japmadïn* «в рабов не обращая». Наш перевод представляется более соответствующим тексту ярлыка.

Восьмое предложение по смыслу продолжает седьмое. Оно в общем плане запрещает старожилам Керченского эля покидать его территорию. Слова *minalï jurtlu* мы, вслед за И.Н.Березиным, переводим «оседлые и юртные». Слово *minalï* является диалектной формой *binalï* «обладающий домом, живущий в постройке», т.е. оседлый человек. Определение «юртный» воспринимается нами как «кочевой». В нашем контексте слово «юртный» подходит больше, чем «кочевой», ибо здесь говорится не о людях, которые уже давно сделались кочевниками из оседлых, а о тех кочевниках, которые давно прикреплены к данному месту кочевки — юрту. Слово *pilǰanlarï*, находящееся в самом начале 20-й строки ярлыка, И.Н.Березин передает как «принадлежащее им». Мы считаем, что первый слог этого слова на письме был поврежден и утрачен. В полном виде оно читалось *japïlǰanlarï* «сделанные».

Девятое предложение устрашает возможных нарушителей тех указаний грамотчиков, которые могут воспоследовать в соответствии с ханской жалованной грамотой. Издатель перевел слова, которые мы предположительно транскрибируем в виде *tursun fertiklämäj*, так: «пусть правят хорошо и их не коснется бедствие». Правда, он сам считал написание и перевод этого фрагмента сомнительными [Березин, 1872, с. 22]. Мы считаем, что приведенные слова в ярлыке искажены. Их следует читать примерно так, как они написаны в пятом предложении: *sözün özgä qïlmaj*, а переводить — «указания (грамотчиков) не следует извращать».

В десятом, последнем предложении пожалования содержится предупреждение грамотчикам не превышать своих полномочий по отношению к податному населению Керченского эля. Синтаксически к этому предложению примыкает и концовка пожалования, повествующая о факте выдачи ярлыка и его удостоверительных знаках — золотом *нишане* и «алотамговости». Эта концовка не содержит ничего нового по сравнению с ярлыками Токтамыша и Тимур-Кутлука. Наш перевод этого предложения в целом совпадает с трактовкой его И.Н.Березиным. Последний разделяет его на два отдельных предложения.

Литературный перевод текста пожалования в ярлыке Улуг-Мухаммеда выглядит в нашей интерпретации следующим образом:

«Этот Туглу-бай некогда обращался с прошением к хану, великому старшему брату нашему, говоря о том, что на основании обычного права отец его… был [другой Керченского эля], а ныне подошла его очередь [занять этот пост]. Прошлый хан, старший брат наш, получил от Туглу-бая залог, разобрался в его деле, признал прошение его исполнимым и велел пожаловать ему искомый пост керченского [*даруги*].

Поскольку братья Туглу-бай и Хызр обратились теперь к нам с прошением и предъявили ярлык о наследственной передаче в их роду [поста керченского *даруги*], мы также, руководствуясь правилами пожалований покойных ханов, старших братьев наших, повелели передать в пользу Туглу-бая как старшего брата и Хызра Керченский эль.

Отныне и впредь кто бы то ни было пусть не посягает и не вступает ни в Керчь, ни в издавна причисляемые к Керченскому элю местности, которые называются Отлытаз, Япынкёли, Истибантюпи, Качирери, Кабакташ, Маджар, Куикуз, Качи, Балта, Керпич, Тузкёль, Икиумрак, Айяны и Кызыляр. И вы, старейшины Керченского эля, Селеига, Кичик и Каракчи, во главе с Селенгой, оказывайте всякого рода содействие нашим грамотчикам при сборе налогов — дневная подать, ночной сбор, *орун*, *черик*, *тюкарек*, *ок*, *кон* и *чикыш*, не извращайте смысл распоряжений Туглу-Бая и Хызра, сделанных в соответствии с указаниями нашего ярлыка, а собирайте, доставайте, накапливайте. И еще вы платите ежегодно нашим ныне пожалованным грамотчикам столько же, сколько и прежде платили своим *даругам*.

А также мы повелели [всем власть имущим] не обращать в рабов беглых людей из Керченского эля, а где бы они ни оказались — в Крыме ли, в Кафе или Кыпчаке, — их надлежит вывести оттуда с готовностью и выдать [керченским *даругам*]. И пусть люди Керченского эля, которые издавна живут там оседло или кочуют в тамошнем юрте, не уходят оттуда и не разбредаются.

И указания, которые исходят от Туглу-бая и Хызра и соответствуют положениям нашего ярлыка, никому не следует извращать; несведущие люди, которые эти указания извращали, непременно убоятся делать это, как только узнают, что они последовали на основании нашего повеления.

И вы сами, Туглу-бай и Хызр, если будете притеснять находящихся в вашем ведении податных бедных людей, которые давно уже несут тягло, знайте, что и вам за это ничего хорошего не будет!

На основании вышеизложенного выдан для постоянного хранения этот с золотым *нишаном* алтамговый ярлык».

Как видим, этот перевод-истолкование заметно отличается от полуподстрочника, помещенного выше вместе с нашей транскрипцией текста пожалования. Здесь много слов добавлено по смыслу и далеко не все они заключены в квадратные скобки. Мы пошли и на то, что в ряде случаев дословный перевод заменили описательным. Это были вынужденные меры, на которые мы решились в интересах выявления подчас зашифрованного смысла пожалования. Мы старались при этом не впасть в другую крайность и не приписать автору текста ярлыка тех положений, которые он совсем не имел в виду. Вспомним, что литературный перевод пожалования в ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлука не потребовал с нашей стороны столь значительного интерполирования. Видимо, это объясняется тем, что в тех случаях мы имели дело с более «солидными» грамотчиками, т.е. более крупными феодальными владельцами. Их ярлыки были составлены более квалифицированно, а потому и при переводе не нуждались в дополнительной расшифровке.

Переходя к непосредственно дипломатической части анализа, отметим, что индивидуальный формуляр ярлыка Улуг-Мухаммеда не похож ни на один из двух известных нам золотоордынских ярлыков, сохранившихся на языке оригинала. В ярлыке Токтамыша мы имели дело с пожалованием грамотчику пограничного эля в качестве *сюргала*. В ярлыке Тимур-Кутлука безусловное пожалование и тарханные привилегии распространяются на покупную недвижимость наследников древнего и могущественного рода. В ярлыке Улуг-Мухаммеда мы встречаем условное пожалование откупа налогов и одновременно наследственной должности *даруги*. Обращает на себя внимание и такая особенность пожалования в ярлыке Улуг-Мухаммеда, как консервация в его тексте формул, которые даже в более ранних ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлука уже не встречаются.

Например, начинается пожалование в ярлыке Улуг-Мухаммеда формулой *bu Tuɣlu baj* «этот Туглу-бай», в которой указательное местоимение *bu* «этот» непосредственно связано с личным именем грамотчика. В ярлыке Токтамыша между названными двумя компонентами стоит формула *jarlïqnï tutup turɣan* «ярлыком обладающему» (см. выше). В этом случае указательное местоимение относится уже не к имени грамотчика, а к ярлыку жалователя. Такое же положение в ярлыке Тимур-Кутлука. Только там формула «ярлыком обладающего» несколько видоизменяется — *jarlïqnï tuta turɣan*. Известно, что в более поздних крымскохаиских ярлыках наблюдается повторение той же

формулы по типу ярлыков Токтамыша или Тимур-Кутлука [Усманов, 1979а, с. 229–233]. Непосредственное соединение указательного местоимения с именем грамотчика в начале пожалования мы встречаем только в пожаловании грамот золотоордынской ханши Тайдулы от 1347 и 1354 гг. [Памятники, 1955, с. 466, 470].

В статье «условия пожалования» ярлыка Улуг-Мухаммеда встречается формула *sözün özgä qilmaj* «указания не извращая», которую И.Н.Березин переводит «не изыначивая слова». В старинных русских переводах золотоордынских ярлыков подобная формула есть в ярлыках ханов Менгу-Тимура от 1267 г., Берлибека от 1357 г., Тюляка от 1379 г., а также в грамоте ханши Тайдулы от 1351 г. [Памятники, 1955, с. 465, 467–469]. В ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлука такой формулы уже нет.

Формуляр пожалования в ярлыке Улуг-Мухаммеда четко делится на две статьи — «объявление о пожаловании» и «условия пожалования», каждая из которых включает несколько отдельных предложений.

Статья «объявление о пожаловании» содержит два раздела — прецедент пожалования и собственно пожалование. К прецеденту пожалования относятся два первых предложения пожалования, в которых говорится о прежнем пожаловании старшего из грамотчиков от лица покойного хана.

Собственно пожалование включает третье предложение, в котором Улуг-Мухаммед заявляет о своей солидарности с пожалованиями прежних ханов и о своем решении удовлетворить прошение двух новых грамотчиков.

Статья «условия пожалования» расчленяется по содержанию на пять разделов — иммунитетные привилегии, призыв к местным властям о содействии грамотчикам, призыв ко всем представителям адресата о содействии грамотчикам, предостережение представителям адресата и обязательства со стороны грамотчиков.

В первом разделе (четвертое предложение пожалования) объявляется о заповедном иммунитете на территорию, с которой грамотчикам предстоит собирать налоги. Таким образом, грамотчикам обеспечивается единоначалие во вверенном им районе. Второй раздел (пятое и шестое предложения) предусматривает содействие грамотчикам со стороны местных властей в деле сбора строго определенных государственных налогов. Здесь же предписывается платить грамотчикам за исполнение должности *даруг*. Размеры платы определяются только традицией, т.е. у грамотчиков развязываются руки для злоупотреблений. Третий раздел (седьмое и восьмое предложения) призывает всех

представителей адресата возвращать по месту жительства беглых податных людей. Последним тут же рекомендуется не расходиться с насиженных мест. В четвертом разделе (девятое предложение) возбраняется кому бы то ни было извращать указания грамотчиков, которые основываются на положениях ханского пожалования. Пятый раздел (десятое предложение) обязывает грамотчиков не превышать меры насилия по отношению к вверенному им податному населению. Концовка десятого предложения, в которой сообщается о факте выдачи ярлыка и об его удостоверительных знаках, формально относится не к пожалованию, а к следующей статье — выходным данным.

Таким образом, пожалование в индивидуальном формуляре ярлыка Улуг-Мухаммеда совершенно своеобразно. В то же время с точки зрения абстрактного формуляра это пожалование аналогично таковым же в ярлыках Токтамыша и Тимур-Кутлука.

К обнаружению копии ярлыка Улуг-Мухаммеда

Как уже говорилось выше, И.Н.Березин ничего не знал о судьбе оригинального текста ярлыка Улуг-Мухаммеда. В 70-е годы XX в. автор этих строк и М.А.Усманов предприняли попытки разыскать рукописный текст ярлыка, с которого в свое время была осуществлена публикация. Их поиски не увенчались успехом. В апреле 1986 г. старший библиотекарь Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина О.В.Васильева любезно предложила мне ознакомиться с описаниым ею собранием «Тюркские документы», хранящимся в Отделе рукописей и редких книг (фонд 1240). В названном собрании обращали на себя внимание наиболее ранние документы: копия ярлыка Меигли-Гирея от 1468 г. (ед. хр. 0-10, инв. № 10) и копия ярлыка безымяниого хана от 1420 г. (ед. хр. 0-11, инв. № 11).

Не потребовалось много времени для того, чтобы убедиться в том, что обе копии с тех самых ярлыков, тексты которых в 1872 г. опубликовал И.Н.Березин. В этой статье мы кратко опишем копию ярлыка Улуг-Мухаммеда, попытаемся сказать об этом докумеите то, чего не сказал о нем И.Н.Березин.

Точное время перенесения рукописи ярлыка из Одессы в Публичную библиотеку неизвестно. О.В.Васильева связывает это событие с деятельностью русского востоковеда профессора Петербургского университета В.Д.Смирнова (1846–1922), который многие годы проработал в Публичной библиотеке «вольнотрудящимся». В Восточном отделении библиотеки у В.Д.Смирнова имелся свой стол, где среди

множества бумаг были, видимо, и копии названных ярлыков. В 1985 г. эти бумаги были разобраны и рассортированы по различным собраниям Отдела рукописей и редких книг. Поэтому датой поступления копии ярлыка Улуг-Мухаммеда в Публичную библиотеку считается 1985 г. И.Н.Березин принял эту копию за литографированный список в связи с тем, что она была выполнена чрезвычайно тщательно, с сохранением мельчайших деталей подлинника. Однако это была именно копия. Ее рукописное происхождение не вызывает никаких сомнений.

Копия ярлыка Улуг-Мухаммеда выполнена на бумажном свитке длиной 150 см и шириной 26 см. Бумага плотная, желтоватая. Свиток склеен из четырех листов. На сгибах бумага местами протерлась, но текст документа от этого нигде не пострадал. Текст занимает 24 строки, выполненные рукой искусного каллиграфа черными чернилами, крупным и красивым почерком *дивани*, похожим на тот, которым было начертано послание Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (1428) [Kurat, 1940, с. 161–166]. Поля справа изменяются от 6 см (1–6-я строки) до 5 см (7–24-я строки). Длина строк составляет 22–23 см. Расстояние между ними колеблется от 2–3 до 4–5 см. Края подлинного ярлыка, сохранившегося ко времени снятия копии, весьма тщательно прочерчены на всем протяжении свитка копии. Так же аккуратно обозначены механические повреждения подлинника на всей площади документа.

Верх подлинника ко времени снятия копии был оторван. Расстояние сверху от места обрыва до первой строки текста 1,5–2 см. Печатный текст документа, опубликованный И.Н.Березиным, в целом верно отражает рукописную копию ярлыка. Однако в публикации И.Н.Березина есть ряд неточностей и недочетов. Издатель разбил текст на 25 строк, из которых вторую он полностью домыслил, а больше половины третьей реконструировал по своему разумению. На самом деле после первой строки, текст которой соответствует рукописной копии, следует строка, которую И.Н.Березин обозначил третьей. Текст ее в подлиннике был вырван узкой полосой больше чем наполовину. В середине строки читается лишь одно слово, очень похожее на *müšajiχ* «шейхи». От других слов на строке остались только некоторые верхние или нижние концы букв. Реконструкция утраченного текста строки, вероятно, возможна, но требует специального рассмотрения. В самом конце строки слева сохранилось и уверенно читается окончание какого-то слова — показатели множественного числа и дательного падежа — *-lariŋä*. Эта концовка правильно передана в издании И.Н.Березина. Далее текст ярлыка читается в последовательности его

печатного издания, только номер каждой следующей строки умеиьшается соответствеино на едииицу.

Третья строка копии передана на четвертой строке издания в общем правильно. Только последние два слова поняты издателем неверно. Их реконструкция, выполнеиная в 1982 г., хорошо соответствует фрагментарно сохранившемуся тексту копии [Григорьев, 1982, с. 48, 49]. Строки 4–10 переданы в издании в целом адекватно. На 11-й строке копии географические названия, понятые И.Н.Березиным как *Jalta* и *Kerphi*, читаются *Balta* и *Kerpič*. На 14-й строке копии И.Н.Березин прочитал непонятное ему слово *ǯedik*. На самом деле оно хорошо читается как *čerig* «войско», о чем прежде уже говорилось. 16-я строка в копии ошибочно начиналась словом *Kerč* «Керчь», которое было заключено в кружок из прерывистых черточек. Предпоследиее слово иа 24-й строке читалось в копии *erürdä* «когда находилась». В публикации это слово на 25-й строке ошибочно напечатано без предпоследнего слога, точиее без согласной *ра*.

Существенным недочетом публикации И.Н.Березина являлось отсутствие в ней текста надстрочных дополнений, которые наличествовали в копин. Над серединой 17-й строки (иачиная со слова *arǯa* «вне») там читается дополнение: *Basa Kerč tabaniŋ burunγï tamγasï* «Также к Керчи относящуюся прежнюю тамгу [платите]». В начале 23-й строки (перед словом *tep* «говоря») поставлен значок в виде канцелярской галочки. Над ним читается дополнение: *Usal bolmasun* «Не будьте иерадивыми!»

В примечаниях к публикации И.Н.Березина содержатся довольно скудные сведеиия о печати, оттиснутой на ярлыке Улуг-Мухаммеда. Там говорится, что печать (тамга) иа копии красная, вокруг нее куфическим почерком изображеи арабский текст: *Би-сми-ллāхи-р-рахмāни-р-рахӣм. Лā илāха иллā-ллāху, Мухаммадун расӯл-у-ллāхи*. Далее, по словам И.Н.Березиии, «следует какой-нибудь стих из алкорана, но имени хана не поставлено». В середине печати находится родовая тамга крымских ханов (трезубец) [Березин, 1872, с. 134].

Теперь появилась возможность проверить и уточиить сведеиия о печати Улуг-Мухаммеда. Первое, что бросается в глаза при взгляде на алую квадратиую тамгу, воспроизведенную в рукописной копии, это иебрежность ее выполиения. В отличие от каллиграфа, скопировавшего текст ярлыка в высшей степени искусио, человек, выполнявший копию печати, не обладал навыками чтения и воспроизведеиия куфического почерка. Создается впечатлеиие, что он плохо знал арабский язык и не всегда понимал то, что срисовывал. Известные каждому му-

сульманину коранические формулы, прочитанные И.Н.Березиным, копист воспроизвел правильно. Дальнейший текст он писал с ошибками и пропусками, крайне неумело, не соблюдая строк, четко обозначенных, например, на золотой печати-нишане Улуг-Мухаммеда, пять раз оттиснутой на его послании к Мураду II [Kurat, 1940, с. 15]. Нет ничего удивительного в том, что И.Н.Березин не смог до конца прочитать дефектный текст легенды на копии печати.

Алая тамга Улуг-Мухаммеда была оттиснута на ярлыке один раз. Ее размеры 10×10 см. Она закрывала 7 см начала 7-й строки текста ярлыка и выступала на 3 см на правое поле. Сравнивая текст на копии тамги с арабским куфическим текстом на оттиске подлинного *нишана* Улуг-Мухаммеда, легенду на тамге можно уверенно дешифровать. Во внешнем картуше было начертано: *Би-сми-лляхи-р-рахмани-р-рахим. Ля иляха илля-лляху, Мухаммадун расулю-у-лляхи. Ман 'адала малака ва ман залама халака* «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед — посланник Аллаха. Кто правосуден — тот царствует, кто несправедлив — тот погибает». Второе слово — *ман* («кто») наличествует в расшифровке текста *нишана*, произведенной А.Н.Куратом, но почему-то отсутствует в книге М.А.Усманова [Усманов, 1979а, с. 153, № 3].

Во внутреннем картуше оттиска тамги ярлыка было начертано: [*Ас*] *сул*[*та*]*н* [*у-л-*] *'адил Мухаммад-хан, халлада-лляху* [*мулка ху ля*] *халака* [*хайраху*] «Султан правосудный Мухаммед-хан, да увековечит Аллах его царство, да не погубит его благо». В *нишане* Улуг-Мухаммеда концовка этого предложения, находящаяся после личного имени, не была представлена. Она присутствовала, например, в *нишане* золотоордынского хана Махмуда [Kurat, 1940, с. 43]. В середине ярлыка Улуг-Мухаммеда находилась его родовая тамга в виде трезубца. В копии она выполнена довольно неброжно, но все же больше похожа на ту, которую можно видеть в *нишане* этого хана, чем на неуклюжее подражание ей, представленное в книге М.А.Усманова [Усманов, 1979а, с. 153, № 3].

Историю копии ярлыка Улуг-Мухаммеда несколько проясняют пометы и надписи на ней. На оборотной стороне свитка на самом верху слева направо размещены три пометы, выполненные черными, порыжевшими от времени чернилами. Во-первых, это цифра «7», затем дата «29 марта 1856» и, наконец, «№ 4». Чуть ниже по центру приклеен круглый ярлычок с гербом Одесского общества истории и древностей. Можно предположить, что цифра означала номер шкафа в архиве Общества, дата — время поступления копии в архив, номер — порядко-

вый номер документа (на копии ярлыка Менгли-Гирея проставлен № 5).

На лицевой стороне свитка, в самом низу, находится надпись, выполненная остро отточенным карандашом красивым четким почерком: «Писано въ мѣсяцѣ Ребиулъ-ахирѣ 1-го числа 823 г. [1420-го г. по Р.Х.]». Из чего можно заключить, что члены Одесского общества истории и древностей правильно датировали ярлык Улуг-Мухаммеда. Исказил дату лишь И.Н.Березин при подготовке ярлыка к публикации. Над строками копии (от конца 6-й до начала 21-й) видиеются слабые следы карандашных строк, содержащие расшифровку почерка *дивани* печатными арабскими буквами. Надписи карандашом выполнены уверенной рукой. В ряде случаев оии передают текст копии более правильно, чем это сделал И.Н.Березин. Справа от 11-й строки на поле карандашом написано той же рукой: «Есть въ другом ярлыке». Имелись в виду географические названия, которые повторяются в ярлыке Менгли-Гирея. Под 24-й строкой слева находится перерисовка слова *altun* «золотой» почерком *дивани* и расшифровка его печатными арабскими буквами. Не исключено, что карандашные расшифровки текста копии принадлежали В.Д.Смирнову.

Копия ярлыка Улуг-Мухаммеда нуждается в более тщательном изучении с точки зрения истории графики, более полного восстановления текста документа, точности перевода, широты и глубины осмысления содержания.

Акчокраклы, 1927 — *Акчокраклы О.* Старокрымские и отузские надписи XIII–XV вв. // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшей Таврической ученой архивной комиссии). Симферополь, 1927, т. 1 (58).

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче // *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. IV. М., 1966.

Березин, 1850 — *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. I. Ярлык Тохтамыш хана к Ягайлу. Казань, 1850.

Березин, 1851 — *Березин И.Н.* Ханские ярлыки. II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

Березин, 1872 — *Березин И.Н.* Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872, т. 8. Прибавление.

Босворт, 1971 — *Босворт К.Э.* Мусульманские династии. Справочник по хроиологии и геиеалогии. М., 1971.

Будагов, 1869 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869.

Будагов, 1871 — *Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 2. СПб., 1871.

Греков, 1975 — *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Григорьев, 1844 — *Григорьев В.В.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844, т. 1.

Григорьев, 1974 — *Григорьев А.П.* «Книга путешествия» Эвлии Челеби — источник по истории Крыма XIII–XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1974, вып. 3.

Григорьев, 1976 — *Григорьев А.П.* Налоговый термин «кубчир» // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Григорьев, 1977 — *Григорьев А.П.* Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востоковедение. Филологические исследования. Л., 1977, вып. 3.

Григорьев, 1978 — *Григорьев А.П.* Моногольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.

Григорьев, 1980а — *Григорьев А.П.* К реконструкции текстов золотоордынских ярлыков XIII–XIV вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1980, вып. 5.

Григорьев, 1980б — *Григорьев А.П.* Обращение в золотоордынских ярлыках XIII–XIV вв. // Востоковедение. Филологические исследования. Л., 1980, вып. 7.

Григорьев, 1981 — *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Григорьев, 1982 — *Григорьев А.П.* Дополнение к «Монгольской дипломатике XIII–XIV вв.» // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1982, вып. 6.

Древнетюркский, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Записки, 1844 — Записки Одесского общества истории и древностей. 1844, т. 1.

Иностранцев, 1917 — *Иностранцев К.А.* О месте выдачи ярлыка Тимур-Кутлуга // Изв. Имп. Академии наук. Сер. VI. Пг., 1917, № 1.

Каменцева, 1967 — *Каменцева Е.И.* Хронология. М., 1967.

Кеппен, 1837 — *Кеппен П.И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837

Копия — Копия ярлыка Менгли-Гирея от 1485 г. Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Т 309.

Кудряшов, 1948 — *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. Очерки исторической географии. М., 1948.

Ланноа, 1873 — Путешествия Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Университетские известия. Киев, 1873, № 8.

Лашков, 1897 — *Лашков Ф.* Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.

Марков, 1896 — *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Имп. Эрмитажа. СПб., 1896.

Менгес, 1979 — *Менгес К.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979

Мурзакевич, 1840 — *Мурзакевич Н.Н.* Письменные памятники Тохтамыш-хана // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1840, ч. 27

Мухамедьяров, 1967 — *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967

Наджип, 1979 — *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. На материале «Хосроу и Ширин» Кутба. Кн. 1. М., 1979.

Недков, 1966 — *Недков Б.* Османотурска дипломатика и палеография. Т. 1. София, 1966.

Памятники, 1955 — Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955.

Петрушевский, 1960 — *Петрушевский И.П.* Земельные и аграрные отношения в Иране XIII–XIV вв. М.; Л., 1960.

Поппе, 1938 — *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.; Л., 1938.

ПСРЛ, 1851 — Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб., 1851.

ПСРЛ, 1897 — Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.

ПСРЛ, 1915 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Вып. 1. Пг., 1915.

Радлов, 1889 — *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Тимур-Кутлуга // Зап. Вост. отделения Имп. Русского археологического общества. СПб., 1889, т. 3

Савельев, 1858 — *Савельев П.С.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. СПб., 1858.

Самойлович, 1918 — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // Изв. Российской академии наук. Сер. 6. Пг., 1918, т. 12, № 11.

Самойлович, 1926 — *Самойлович А.Н.* О «пайцза»–«байса» в Джучиевом улусе // Изв. АН СССР. Сер. 6. Л., 1926, т. 20, № 12.

Самойлович, 1927 — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана // Изв. Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывшей Таврической ученой архивной комиссии). Симферополь, 1927, т. 1 (58).

Сафаргалиев, 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Севортян, 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Словарь, 1950 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. М.; Л., 1950.

Словарь, 1963 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 12. М., Л., 1963.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Список — Список турецких и татарских рукописей коллекции Григорьева. Вост. отдел Библиотеки ЛГУ. Ms. O. 903. № 1918/71.

Сыроечковский, 1940 — *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Уч. зап. МГУ. Вып. 61: История. 1940, т. 2.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.

Тизенгаузен, 1941 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.

Гуппманн, 1936 — *Гуппманн*. Крымское ханство. Симферополь, 1936.
Усманов, 1975 — *Усманов М.А.* Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение // Археографический ежегодник. 1974 г. М., 1975.
Усманов, 1978 — *Усманов М.А.* А.Н.Самойлович и изучение актовых источников Джучиева улуса // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
Усманов, 1979а — *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
Усманов, 1979б — *Усманов М.А.* О новых ярлыках ханств Джучиева улуса XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник. 1978. М., 1979.
Цыбульский, 1964 — *Цыбульский В.В.* Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. Синхронистические таблицы и пояснения. М., 1964.
Черепнин, 1944 — *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944.
Шапшал, 1953 — *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.
Шипова, 1976 — *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. А.-А., 1976.
Ярлык — Рукописное хранилище СПбФ ИВ РАН. D222, № 1.
Ярлыки, 1850 — Ярлыки крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850, т. 2.

Evliya Çelebi, 1928 — Evliya Çelebi Seyahatnamesi. Istanbul, 1928.
Fekete, 1977 — *Fekete L.* Einführung in die persische Palaographie. 101 persische Dokumente. Budapest, 1977.
Kurat, 1940 — *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. Istanbul, 1940.
Munkuyev, 1977 — *Munkuyev N.Ts.* A New Mongolian P'aitzu from Simferopol // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1977, т. 31, fasc. 2.
Pułaski 1881 — *Pułaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tataryw perekopskich (1469–1515). Kraków; Warszawa, 1881.

С.В.ДМИТРИЕВ
(Санкт-Петербург)

Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов
(по материалам XVI в.)

Военная и военно-политическая культура народов Средней Азии — феномен пока мало изученный. Основной акцент в исследовании военного дела традиционно делается на изучении предметов вооружения, тогда как вопросы стратегии, тактики и особенно социально-экономической базы вооруженных сил остаются несколько в стороне от интересов исследователей.

Темой данной работы является выявление и объяснение такого феномена военно-политической культуры государств Средней Азии, как *курук* — понятия в историческом контексте многофункционального, оставившего след в разных аспектах культуры народов этого региона.

Материал по данному вопросу для дальнейшего анализа в основном выявлен мною в «Шараф-нвма-йи шахи» («Книге шахской славы»), иначе называемой «Абдулла-наме», написанной среднеазиатским историком Хафиз-и Танышем ибн Мир Мухаммедом Бухари на персидском языке (о нем см. [Ахмедов, 1985; Ахмедов, Мунировв, 1963; Историография, 1974, с. 56–58; Умняков, 1930, с. 307–328]). Хафиз-и Таныш посвятил свое сочинение одному из видных правителей шибанидской (называемой также шейбанидской) династии — Абдулла-хану II, правившему с 999/1583 (фактически с 968/1561) по 1006/1598 г. В своем труде он описывает политические события, происходившие в Мавераннахре и Хорасане в 50–90-х годах XVI в., современником и в ряде случаев очевидцем которых он был. Это произведение является важным источником по истории Средней Азии и Афганистана второй половины XVI в. В настоящее время в русском переводе, выполненном

© С.В.Дмитриев, 2006

М.А.Салахетдиновой, издано два из предполагаемых четырех томов «Абдулло-нома».

Особая привлекательность этого произведения для нашей темы заключается в том, что автор подробно фиксирует в нем географические пункты, в которых происходят события эпохи позднего средневековья, связанные с именем Абдулла-хана. Наблюдение за этими пунктами выявляет, на мой взгляд, любопытную картину.

В частности, Абдулла-хан, собираясь воевать, местом сбора войска назначает обычно Несефские степи или Несефскую долину, которая располагалась в районе Карши. Так, в 976 г.х., когда Абдулла-хан готовился к походу на Шахрисябз, «Несефская долина благодаря расположению [в ней] величественного и славного войска [Абдуллы-хана] стала предметом зависти высочайшего рая, [предметом] ревности китайской картинной галереи» [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 61]. В 980 г.х. он опять останавливается в Несефской степи, и «когда великая и славная свита [хана] прибыла в Несефскую степь, она величественно остановилась здесь». Там же Абдулла-хан принимает послов [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 104].

В 982 г.х., готовясь к походу на Хиссар, Абдулла-хан приказывает, «чтобы победоносное войско во [всем] величии собралось в условленном месте сбора в местности Несеф» [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 167]. Позднее, перед походом против Баба-султана, «его величество изволил издать... приказ, [чтобы его войска, расположенные в разных местах Хорасана и Мавераннахра,] в полном вооружении направились бы к месту расположения благословенного войска [Абдуллы-хана]. Пусть они соберутся в назначенном месте в местности Несеф и станут под сенью знамени подобного солнцу...» [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 235].

В 987 г.х. из своей столицы — Бухары Абдулла-хан отправляется в Несефскую степь. «В пути он занимается охотой на птиц и зверей. В течение нескольких дней он охотится в этой чудесной степи». Здесь же он собирает войска для очередного похода против Баба-султана. «Часть зимы он провел в подготовке всего необходимого для войны, для нанесения удара режущим и колющим оружием» и в марте отбыл в Несеф, откуда вместе с собранным войском выступил к Самарканду [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 234–241].

Иногда Несеф называется ставкой Абдулла-хана [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 240]. Этот пункт, который историки идентифицируют с Нахшебом и Карши, облюбовали в качестве летовок еще монгольские военачальники. Сам Чингис-хан провел лето 1220 г. в окрестностях

Несефа, где дал возможность оправиться лошадям и отдохнуть войску; там же, по свидетельству Вассафа, в 30-х годах XIII в. жил монгольский военачальник [Зимин, 1927, с. 202; Рашид-ад-Дин, 1952, с. 217]; о Несефе–Нахшебе см. [Массон, 1975, с. 47; Карабанов, 1977]. Уже в начале XVII в. в области Несеф, «которая в подлинном смысле обладает свойством успокаивать душу… где весна обладает Иисусовым свойством оживлять все умершее», собирал свои войска для похода на Балх Убайдулла-хан [Бухари, 1957, с. 103, 194].

Нередко Несеф, что для нас особенно интересно, называют *куруком*.

Приближаясь к городам, которые Абдулла-хан намеревался завоевать, он останавливался в определенных местах. Так, подойдя к Самарканду, он всегда останавливался в местности Алиабад, также обычно называемой *курук* (см. [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 198]). Например, в 964 г.х., подойдя к городу, он именно здесь встретился со своими союзниками. Одна часть союзных войск расположилась в местности Кан-и Гиль[1], находящейся к северо-востоку от Самарканда, которая тоже называлась *курук*, другая — на стоянке около Матурида (к северо-западу от Самарканда), третья — в местности Сарвистан [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 198, 199].

В 977 г.х. Абдулла-хан заключает союз с Дервиш-султаном и намеревается осадить Самарканд. «Они выступили из лагеря для окружения Самарканда и остановились в *куруке* Алиабад» [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 79].

При осаде Бухары также достаточно четко определено место стоянки войск. Например, когда в 964 г.х. Абдулла-хан выступил, чтобы завоевать этот город, он остановился в местности Чартак, «которая издавна была стоянкой великих султанов» и которая также называлась *курук* [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 208]. Там же, в *куруке* Чартак, в 972 г.х. останавливается Дервиш-султан по прибытии в Бухарский вилайет после примирения с Абдулла-ханом. Отсюда он отправляется на следующий день в арк Бухары [Хафиз-и Таныш. 1983. с. 255].

[1] О Кан-и Гиль см. [Беленицкий, 1940, с. 193, 196; Пугаченкова, 1951, с. 146, 147; Ибн Рузбихан, 1976. с. 152]. Вообще, это достаточно знаменитое место в истории: здесь в 836/1432-33 г. остановился Абу-л-Хайр-хан, и «[великие] вожди Самарканда поторопились [к нему] на службу с дарами» [Китчакхан, 1969, с. 392]; здесь Тимур основал Баг-и Дилкуш, где проходил большой праздник по поводу его женитьбы на Тукак-ханум, как и подобные торжества по поводу свадьбы царевичей; но здесь же казнят строителей мечетей за расточительство и распутство [Фасихов свод, 1980, с. 118, 119, 125; Махмудов, 1966, с. 27; Бабур-наме, 1958, с. 60] и происходят битвы (см., например, [Термези, 1971, с. 152]).

Осаждая в 980 г.х. Балх, Абдулла-хан располагается вокруг него в *куруке* Якка-Чинар [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 132].

В этом же плане интересно рассмотреть маршруты, по которым передвигались войска, тем более что они очень хорошо описаны в «Абдулло-нома» и достаточно однообразны.

В 959 г.х., во время первого похода на Карши, Абдулла-хан, отправившись из Кермине, «разбил палатки счастья в *куруке* Тираклик. В течение нескольких дней он стелил ковер пребывания на этом лугу, чтобы изучить состояние войска», после чего выступил. Когда Абдулла-хан дошел до местности Карнаб, он оставил там большую часть войск, а сам со свитой отправился в Бухару к шейху Ходже Джуйбари, получил от него благословение и двинулся на Карши–Несеф. «Поскольку завоевание этой высокой крепости (т.е. Несефа. — *С.Д.*) днем было крайне затруднительно, то [хан] ушел от стен крепости и поднял знамя в *куруке* Маймург, подвластном Несефу». После переправы через Джейхун (Амударью) он соединился с союзниками в местности Керки, затем переправился обратно и пошел опять на Карши. После переправы через Джейхун Абдулла-хан остановился в Кнз-Кудуге, названном в другом месте *куруком*, где встретился с представителями союзников [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 139–144].

В передвижениях Абдулла-хана выявляется несколько маршрутов.

Так, утвердившись в Бухаре в 964 г.х. и узнав о подходе бадахшанцев к Балху, он собирает войска в окрестностях Касби [Хафиз-и Таныш, 1983, с. 232]. Эта местность опять упоминается под 975 г.х., когда Хусрав-султан, союзник Абдулла-хана, находился в осаде в Кеше. В связи с этим Абдулла-хан назначает сбор войск в степи Касби, «что является местом сбора». Затем войска отправились в степь Каратикан, которую он сделал лагерем войска, «[сильного], как небо» [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 39, 40, 42]. Видимо, эта местность стратегическн была ориентирована на Балх.

980 г.х. Поход на Самарканд (после смерти правителя этого города Саид-хана). Из Несефской долины Абдулла-хан с небольшим войском совершил несколько переходов и встал в местности Кулба. Противник остановился в *куруке* Панук. Битва произошла в местности Кули. После победы — стоянка в Чашаршанбе, затем «местность Будина *куруки* превратилась в лагерь победоносных войск [Абдуллы-хана]. В течение всей той ночи храбрецы войск, победоносные воины были заняты приготовлением к битве, подготовкой оружия» к следующему сражению [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 104–109].

985 г.х. Поход на Самарканд. Войска встали в местности Киз-кудуги, известной как *курук*, затем стоянка в местности Йангикент. Противник — войско Дашта, которое расположилось в местности Ипар-*куруги*. После маневра — основной сбор войск Абдулла-хана в районе Несефа. Следующий пункт — местность Йаш, называемая также «Джам» (см. [Сами, 1962, с. 103, 154, примеч. 242]; урочище, расположенное между Катта-Курганом и Самаркандом, примерно в 60 км от последнего), затем местность Даргам; после того как войска подошли к Самарканду, они расположились в местности Баг-и Атаджан-ходжа, «обращенной к воротам Сузанган» (южные ворота Самарканда); после осады войска отошли в *курук* Кан-и Гиль [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 191–206].

Названия пунктов и местностей на первый взгляд мало что говорят. Однако посмотрим на передвижения войск в наиболее показательных для нас походах.

985 г.х. Поход против Баба-султана. Покинув Кан-н Гиль, известный как *курук*, Абдулла-хан идет от Самарканда к *куруку* Ипар, затем к Бидана-*куруги*. Здесь он принимает людей и послов (в частности, от падишаха Хинда). Затем переход в *курук* Кук-Гунбаз (опять прием послов и пополнение), далее — в Дизак, где стоит 10 дней, ожидая прибытия Узбек-хана с войском, после чего здесь происходят пир и проверка войска. По словам Хафиз-и Таныша, «на протяжении трех дней прибывали воины отряд за отрядом и называли свои имена». Отсюда главные силы двинулись в поход и остановились в Рабат-и Малик, где Абдулла-хан «выстроил войска и медленно выступил с решением воевать и сражаться. Они расположился в Рабат-и Агаджанбий». Однако битва тогда не произошла, а Абдулла-хан остановился в местности Ачик, где был устроен пир и произнесены напутствия перед битвой [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 210–212].

987 г.х. Опять поход против Баба-султана. Из своей столицы Бухары Абдулла-хан отправляется в Несефскую степь. Здесь он собирает войска для похода. Отсюда идет в местность Каклик («туда привезли несколько голов злонамеренных врагов»). Затем авангард войск, выйдя из Несефа, совершил несколько переходов, прошел местность Дизак и дошел до Ачика, где подвергся нападению, однако в конечном счете одержал победу, а головы врагов были отосланы Абдулла-хану, который после этого эпизода поспешил соединить свои войска в Дизаке. Здесь к нему присоединились султаны и бии, и «от этого огромного войска просторы этой обширной земли стали [казаться] более узкими, чем ободок перстня, чем ушко иголки. От скопления того неисчисли-

мого войска поверхность этой обширной равнины [как будто] стала меньше, чем глаз муравья, глаз змеи». Затем последовал опять переход к Ачику, далее — к крепости Замин, потом войска остановились в Хазара-йи Замин, охотились на журавлей, и в «*куруже* Науканди он поднял полумесяц величия и славы против стоянки луны. Пылью, [поднятой] его ветроногим конем, он превратил эту равнину в предмет, вызывающий зависть у татарского мускуса». После переправы через реку войско остановилось в *Куруг-и* Кушчи, следующая остановка — в Джигдаули (сюда прибыли эмиры). Затем, пока производили разведку, находились в Ата-ариги, потом отправились и остановились на берегу р. Ахангеран в *куруже* Буз кузи-бий. Здесь войска соединились, и воинам было роздано оружие, после чего произошло сражение [Хафиз-и Таныш, 1989, с. 234–253].

Проанализируем эти передвижения войск Абдулла-хана. Прежде всего отметим, что останавливается он обычно в определенных пунктах, называемых в разных местах текста по-разному: местность, степь и, наконец, *куруг*. Если не коррелировать данные о маршрутах, то обилие *куругов* на карте передвижений не бросается в глаза. Если же названия местностей сопоставить с данными из других мест повествования, где они названы *курукам*и, то образуется цепочка *куругов*, в которых и останавливаются войска. Ряд местностей в источнике не названы *курукам*и, однако, если исходить из аналогий с местностями, известными как *куруки*, но не всегда так называемыми в разных местах текста, то с большой долей уверенности можно предположить, что и они могут быть таковыми.

Если наши наблюдения верны, то вырисовывается следующая картина. Войска передвигаются по довольно строгому маршруту с возможными варнантами для маневра. Это чем-то напоминает игру в шахматы, которая была чрезвычайно распространена на Востоке именно у военных лидеров. Как представляется, передвижения по занятию *куругов* имеют глубокие экономические и тактические основания. Понять же эти причины можно только исходя из функциональности *куругов*.

Анализу термина *куруг*, который широко используется в культуре тюрко-монгольских народов, и связанных с ним реалий уделялн внимание такие крупные исследователн культуры н истории Востока, как В.В.Бартольд, Б.Я.Владимирцов, М.Е.Массон, А.Л.Троицкая.

В частности, В.В.Бартольд посвятил ему много места в своей известной работе «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» [Бартольд, 1966, с. 383–385, 389, 390, 395]. Говоря о тайных захороне-

ниях представителей правящего рода, он отмечает, что назывались они одним и тем же словом — *курук/курик/гуруг*. При исследовании данных домонгольской эпохи В.В.Бартольду удалось найти только один пример употребления этого термина — в рассказе Мухаммеда Нершахи о хане Шемс ал-Мульке Насре, который правил в Самарканде и Бухаре с 1068 по 1080 г. и устроил ханское имение, окруженное стеной; внутри стен находились дворец с садами, пастбища и зверинец. Место это считалось запретным — *гуруг* [Бартольд, 1966, с. 383; Бартольд, 1963, с. 16; Нершахи, 1897, с. 40–41]. По мнению В.В.Бартольда, этот термин не был заимствован Караханидами у населения покоренных областей Халифата, но был принесен ими из восточной части Средней Азии [Бартольд, 1966, с. 383].

В монгольскую эпоху, как пишет В.В.Бартольд, слово *курук* обозначало все заповедное и запрещенное, куда был закрыт доступ посторонним, — участки земли, составлявшие частную собственность или, чаще, собственность государя, в особенности его гарем. *Курукчиями* наравне со стражами ханских кладбищ назывались также часовые, стоявшие у входа в ханский гарем. В Монголии кладбище с могилами Чингисидов называлось *великим куруком* (монг. *ихэ-курук*).

Опираясь на сведения Рашид ад-дина, В.В.Бартольд заключает, что *куруки* в Монголии были еще до Чингис-хана. Например, Рашид-ад-дин говорит о разграблении врагом «части курука» Ван-хана кереитского, причем из текста неясно, идет ли речь о ханском пастбище с его стадами, или о «запретных рощах», как полагал И.Н.Березин, или, наконец, о ханских кладбищах [Бартольд, 1966, с. 384][2].

В состав *курука* кроме могилы хана входила его ставка, сохранявшаяся после его смерти в прежнем виде. В каждой ставке продолжала жить одна из вдов хана. После смерти ханских вдов, как полагает В.В.Бартольд, там не было никого из членов ханского рода, но при *куруках* оставалось несколько сот человек стражи, которые, по выраженню архимандрита Палладия, «служили теням, как живым» [Бартольд, 1966, с. 390; Палладий, 1866, с. 253].

[2] В.Е.Войтов в своей работе, посвященной изучению культово-поминальных памятников Монголии VI–VII вв., считает, что в «планировке куруков (имеются в виду все погребально-поминальные сооружения, как княжеские, так и рядовых людей. — *С.Д.*) нашла отражение универсальная космограмма, где естественный ландшафт играл роль воображаемого мирового океана, а идею четырехугольного пространства обитаемого мира в этом случае передавала вся совокупность искусственных элементов самих памятников» [Войтов, 1995, с. 78–79].

Б.Я.Владимирцов в своей монографии «Общественный строй монголов» пишет, что «монгольский кочевой сеньор мог по своему желанию объявлять „запретными" определенные участки своего *нутука* (владения. — *С.Д.*), создавая так называемые запретные места (*хогіg*), которые отводнлись под кладбища лиц ханского рода или предназначались для господской охоты (Марко Поло). На подобные „запретные места"... конечно, никто из посторонних не допускался совершенно» [Владимирцов, 1934, с. 112].

М.Е.Массон в статье «О былых охотничьих парках в Средней Азии», касаясь статуса подобных заповедников, в частности, пишет, что «ко времени сложения классового общества наряду с промысловой охотой появляется охота как вид спорта господствующей верхушки общества. В письменных источниках отмечают это в весьма развитой форме уже для IV в. до н.э., когда ряд областей Средней Азии входили в состав государства ахеменидской Персии»; назывались такие заповеднпки *парадизы*, и, по материалам римского историка Квинта Курция Руфа (VIII. I), в них, в частности, охотился Александр Македонский. Далее в том же контексте М.Е.Массон упоминает и *курук* в значенин «охотничий заповедник» [Массон, 1953, с. 145–146]; о *куруках*-заповедниках и *парадизах*–охотничьих парках см. также [Сатимбеков, 1981, с. 242–247; Шивяков, 1999, с. 78–82; Байпаков, Терновая, 2002, с. 244–268], а также содержательную статью Ю.И.Дробышева [Дробышев, 2005].

А.Л.Троицкая отмечала, что вопрос о «заповедниках-курук» «почти не разработан, что в значительной степени объясняется отсутствием источнпков». После небольшого обзора литературы она, исследуя значение термина, напоминает, что в словаре Л.Будагова приводятся некоторые варианты значений этого слова, в частности «место, запрещенное для посторонних, назначенное для лиц царских особ с семейством; занятие местностей для летней кочевки ханов... ныне в Персии „курук" называется выезд шаха с женщинами на охоту, во время которой все вблизи живущие жнтели должны оставить свои дома; также называется объявление, чтобы никто не попадался на пути при проезде жен шаха» [Будагов, 1871, с. 52–53].

Подводя итог своего обзора (в том числе более поздних материалов), А.Л.Троицкая пришла к выводу, что «на основании данных, имеющихся в литературе, можно установить, что в Средней Азии в средневековье „заповедниками"-курук могли быть ханские пастбища, охотничьи парки. Позднее „курук" назывались преимущественно заповедные ханские угодья и пастбища, иногда — пастбища крупных феодалов» [Троицкая, 1955, с. 124].

В целом в отечественной научной литературе советского времени делался акцент на выявлении прежде всего социально-классовых характеристик, связанных с исследуемым термином, что вкупе со смешением раннего и позднего материала выглядит не всегда корректным, так как с этим термином связаны и другие контексты запретного.

Форма *курук/коруг* является не единственной для данного терминологического понятия, обозначающего «запретное», «заповедное место». Кроме других его огласовок типа *коры/корык/корук/коруг* и т.д. [Радлов, 1963, стб. 556, 558; Курышжанов, 1970, с. 167] встречается и вариант *кору* в том же значении [Радлов, 1963, стб. 555–556], *коры* «оградить. охранять, защищать» [Радлов, 1963, стб. 554; Баскаков, 1972, с. 225] и производные от него: *корала-* «огородить, защищать», *коргау* «защита, собственность» [Радлов, 1963, стб. 570] и т.д., что приводит в своем семантическом развитии к теме защиты: *коруг* «защита, укрепление», *корган/курган* «укрепление, крепость» [Радлов, 1963, стб. 558, 570], *qurua/хогиуа* «укрепление, изгородь» [Козин, 1941, с. 597]. На фоне этого семантического ряда социально-классовый характер стоящего за термином понятия несколько смягчается, тем более если мы обратим внимание на другой семантический ряд: *куру/курус* «запас» [Радлов, 1963, стб. 558; Пекарский, 1959, стб. 1251]; *курула* «1) оставлять на будущее, запасать, оставлять впрок; запасать на будущий год; 2) оставлять на отгул» [Пекарский, 1959, т. I, стб. 1252]; *курут* «запасать, сделать запас чего-либо» [Пекарский, 1959, т. I, стб. 1255]; *кяряо* «отгороженное место, где находится скот, где охраняется сено и т.д.; пригон; загон для скота; загородь… огород, ограда, забор» [Пекарский, 1959, т. II, стб. 1336]; *кору* «оберегать вещь или землю. сделать заповедными, недоступными для других»; *корыйды* «пашни и покосы»; *корумсак* «скопидом, бережливый» [Ильминский, 1861, с. 145].

Приведем в связи с этим также одно место из «Истории пророков и царей» арабского историка IX в. Мухаммада ибн Джарида ат-Табари, где описываются военные приготовления тюрков к войне с арабами в 119 г.х.: «У хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел в них охотиться, — они были оставлены для войны; пространство, которое занимал этот луг, было в три дня пути, и заповедника в горах — три дня. И люди стали приготовляться и выпустили пастись свои стада, стали дубить шкуры убитых на охоте животных и делать из них сосуды, стали также изготовлять луки и стрелы. Хакан приказал привести коня оседланного и приказал доставить ему овцу, которую разрезали и развесили на крючьях вялить.

Затем он взял некоторое количество соли, положил ее в мешочек, который поместил в свой пояс. Он приказал каждому тюрку сделать так же и сказал: „Это — ваш путевой припас, пока вы не встретите арабов в Хуттале"» [Табари, 1987, с. 242][3].

Проанализируем этот отрывок. Прежде всего, хотя здесь не приводится термин, которым обозначали это заповедное место, мы, исходя из контекста нашего материала, вправе предполагать, что речь идет именно о *куруке*.

Подобный институт существовал и у хунну. По «Цянь Ханьшу», у шаньюя Модэ был так называемый «зверинец» размером в 1000 с лишним *ли* в горах, изобиловавший птицей и зверем, где Модэ заготовлял луки и стрелы и откуда производил свои набеги [Бичурин, 1950, с. 94].

В плане генезиса такого обычая отметим, что подобное выделение определенной территории уходит своими корнями в охотничью экономику. При изучении охотничьих обычаев исследователи — как этнографы, так и местные чиновники — нередко обращали внимание на этот аспект. Так, агроном Турчанов, проживший многие годы в Урянхайском крае (Тува), отмечает следующее: «Очевидно, горький опыт в былые времена привел урянхов к мысли о необходимости объявления заповедных мест, другими словами, рассадников для животных, мясом которых они принуждены были жить и мехами которых уплачивать дань. Так, мы встречаем на Кэмчике Пай Тайгу, в Тоджинском районе Оттыг и Хан тайгу, озера Доро Кэм, Ноен Куль и т.д. Обычно путешественники при отказе урянхов следовать и сопровождать их в такие места выслушивают ряд малопонятных объяснений о Боге, духах и т.д. и выводят из этого заключение о религиозных воззрениях на то или иное место. В большинстве случаев религиозный культ приобретается уже после, а первоначально избранный заказ освящается и на ряд лет под угрозой более прозаического, но сурового наказания всякое посещение этих мест запрещается. Через десяток лет образуется девственный участок значительной величины, который служит рассадником и для диких животных и предохраняет край от их полного уничтожения...» [Турчанов, 1915, л. 123–123об.].

Если же вернуться к интересующему нас сюжету, то здесь на первый план выступает чисто военное значение *курука*, так как основным резервом и средством ведения боевых действий кочевников являются

[3] В вышедшей недавно статье С.Г.Кляшторный локализует это место в Кочкорской долине в древности носившей название «Ярыш» (Центральный Тянь-Шань) [Кляшторный, 2002, с. 140–141].

лошади (боевые кони, которых надо подготовить к походу, — отсюда, в частности, и сезонный характер ведения боевых действий), скот в качестве дорожных припасов, т.е. откормленные овцы и другие домашние животные, а также охотничья добыча. Как известно, во время военных сборов устраивалась загонная охота, участвовать в которой должны были все мужчины определенного возраста, которые составляли боевое ополчение. Такая охота рассматривалась как военные учения, в которых каждая боевая единица отрабатывала свой маневр, училась передвигаться слаженно в соответствии с поставленной задачей. Удача в охоте приравнивалась к боевым заслугам и так же и отличалась.

Таким образом, в ряде случаев подобный заповедник можно рассматривать как полигон для отработки слаженных действий, маневров в крупномасштабных мероприятиях — загонной охоте, так и заказник на случай войны.

Исходя из такой оценки значения *курука* в традиционной военной культуре тюрков, попытаемся понять значение *курука* в системе военной культуры государств Средней Азии XVI в.

Военные действия в описываемую эпоху совершаются достаточно регулярно. Для ведения войны регулярно же собираются значительные, насчитывающие нередко десятки тысяч (а может быть, и больше) человек и лошадей[4], силы, которые необходимо содержать — прежде всего кормить. В период завоевания какой-либо местности войска Чингисидов, потомками которых являлись кочевые лидеры позднего средневековья, кормились за счет завоеванных территорий «по праву войны». Населенные пункты нередко, особенно если они оказывали сопротивление, разрушались, население уничтожалось или угонялось в рабство.

Так же поступал основатель государства узбеков в Мавераннахре Шейбани-хан. Мухаммад Салих, рассказывая о его походе на Андижан в 1504 г., говорит, что воины кормили своих коней чем располагали — кто ячменем, кто взболтанной мукой, а сами ели поджаренную и толченую кукурузную или иную муку (*талкан*). Во время остановки в местности Архиян, близ Ахси, воины Шейбани-хана в поисках провианта разошлись по окрестным селениям, а когда нужно было выступать, то многих не оказалось на месте. Когда часть войск все же собралась, последовал указ о том, чтобы воины запаслись провизией на один месяц, что и было сделано путем реквизиции [Ахмедов. 1965, с. 104]. Так

[4] Лошадей, как известно, могло быть от двух до пяти на одного человека.

же в XVIII в., по описанию Н.И.Рычкова, обычно рыскали в поисках корма для своих коней и казахи [Рычков, 1772, с. 71–72].

Интересный случай, связанный со снабжением войск фуражом и провиантом, описывает Абд ар-Раззак Самарканди, персоязычный историк при дворе Тимуридов — Шахруха и Абу Саида. Описывая поход Тимура в Моголистан в 780/1378-79 г., он отмечает, что тот, предполагая длительную кампанию, оставил по пути «для землепашества эмиров Йадгара Ахдхуди, Сулайман-шаха, Гийас ад-Дина [и др.] с достаточным войском, чтобы ко времени [его] возвращения был бы провиант войскам. Эмиры посеяли просо и кукурузу…» [Самарканди, 1973, с. 156; см. также: Йезди. 1973, с. 139].

Позднее, когда территория была завоевана и поделена между Чингисидами, тактика грабежа ушла в прошлое. Государственные объединения в Средней Азии, где элиту составляли кочевники-Чингисиды, в описываемый период активно боролись за определенные территории, посевные площади, населенные пункты с процветающими ремеслами, т.е. за регулярные экономические ресурсы, с возрастанием которых увеличивались и силы того или иного кочевого лидера, его способность привлечь и прокормить возможно большее количество воинов. Поэтому общая политика вылилась в создание достаточно стройной государственной структуры, а экономической основой являлся налогоплательщик, с которого взимался целый ряд налогов. Налогоплательщиков старались не разорять: в источниках нередко сообщается о том, что за несанкционированную потраву засеянных полей наказывались эмиры, а в правовых документах есть статьи, ограждающие земледельцев от этих потрав.

Война носит характер борьбы за контроль над экономическими ценностями. Она ведется внутри политической элиты, и в соответствии с этим вырабатываются правила игры, включающие и определенные особенности передвижения большого количества войск. Это сродни тому положению, которое наблюдал в конце XII в. Ибн Джубайр, паломник из Гранады в Мекку, путешествовавший в 1183–1185 гг. по Ближнему Востоку во время противостояния мусульман и христиан. Говоря о положении жителей во время войны, он пишет, что, например, купцы совершенно свободно ходят и в христианские, и в мусульманские земли, «меж ними (т.е. купцами. — *С.Д.*) царит согласие, и умеренность соблюдается при всех обстоятельствах. Люди войны заняты своей войной; население же пребывает в благополучии, и мир сей принадлежит тому, кто победит». То же самое происходит, когда возникают раздоры между эмирами и их повелителями, — «безопасность

обеспечена им (т.е. подданным. — *С.Д.*) и в мир, и в войну...» [Ибн Джубайр. 1984. с. 207].

В культуре нередки случаи, когда при создании новых институтов развиваются более ранние, которые существовали в качестве задатков, в них появляются новые нюансы. Таким развившимся институтом, по всей вероятности, является институт *курука*. По ат-Табари, у тюрков, как мы уже упоминали, это определенная территория, закрепленная за хаканом как военно-политическим лидером, оставленная «для войны»[5]. В более позднее время, в XVI в., когда передвижения войск носили почти ежегодный, регулярный характер, такие территории выделены по пути предполагаемых, возможных маршрутов передвижений. За ними осталось традиционное название *куруг*. Это территории, специально выделенные для ведения регулярных войн, где собираются войска; здесь же происходят смотры, подсчет сил и пр. Занятие *курука* является тактической удачей. Возможно, что и сражения происходили в определенных, специально отведенных местах, вполне вероятно, в тех же *куруках*.

Али-Заде, 1956 — *Али-Заде А.-К.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII–XIV вв. Баку, 1956.

Ахмедов, 1965 — *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов, Муниров, 1963 — *Ахмедов Б., Муниров К.* Хафиз-и Таныш Бухари. Таш., 1963.

Бабур-наме, 1958 — Записки Бабура. Пер. М.Салье. Таш., 1958.

Байпаков, Терновая, 2002 — *Байпаков К.М., Терновая Г.А.* «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владетелей средневекового Кулана // Изв. Министерства образования и науки Республики Казахстан. Нац. АН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2002. № 1.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. М., 1963.

[5] Интересно отметить и другое объяснение этого понятия. А.-К.Али-Заде, исследуя социально-экономическую и политическую историю Азербайджана XIII–XIV вв., среди податей и налогов в государстве Хулагуидов выделяет и *гарег-ярак*. По его словам, этот термин в источниках до XIII в. не встречается. «Как видно из сочинения Вассафа, под этим термином следует понимать определенную помощь, оказываемую войскам, т.е. сборы с населения для вооружения войска» плюс расходы на приобретение оружия. Из материалов Мухаммеда Нахчвани явствует, что *гарег-ярак* означало расходы на содержание государя, членов его семьи, эмиров и войск. Эти расходы, по свидетельству Нахчвани, возлагались на вилайеты [Али-Заде, 1956, с. 246]. От того же термина *куруг* М.Ю.Усманова производит название должностного лица, ведавшего сбором налогов в Хиве в XVII в., — *кургумал* [Усманова, 1964, с. 109].

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Т. IV. М., 1966.

Баскаков, 1972 — *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.

Беленицкий, 1940 — *Беленицкий А.М.* Участие ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV–XV вв. // Тр. Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., 1940.

Бичурин, 1950 — *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.

Будагов, 1871 — *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. II. СПб., 1871.

Бухари, 1957 — *Мир Мухаммед Амин-и Бухари.* Убайдулла-наме. Пер. и примеч. А.А.Семенова. Ташк., 1957.

Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Войтов, 1995 — *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1995.

Дробышев, 2005 — *Дробышев Ю.И.* К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005.

Зимин, 1927 — *Зимин Л.А.* Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древности // В.В.Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташк., 1927.

Ибн Джубайр, 1984 — Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проницательного Абу-л-Хусайна ибн Ахмада ибн Джубайра ал-Кинани ал-Андалуси ал-Баланси... М., 1984.

Ибн Рузбихан, 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер., предисл. и примеч. Р.П.Джаликовой. М., 1976.

Ильминский, 1861 — *Ильминский Н.И.* Материалы к изучению киргизского наречия // Уч. зап. Казанского университета. 1861, кн. I.

Историография, 1974 — Историография общественных наук в Узбекистане. Ташк., 1974.

Йезди, 1973 — *Шараф ад-Дин Йезди.* Зафар-наме. Пер. О.Ф.Акимушкина // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.

Карабанов, 1977 — *Карабанов С.К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья. Ташк., 1977.

Кипчакхан, 1969 — *Ходжамкулибек Кипчакхан.* Тарих-и Кипчаки // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.

Кляшторный, 2002 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские руинические надписи на Центральном Тянь-Шане // Суяб Ак-Бешим. СПб., 2002.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М., Л., 1941.

Курышжанов, 1970 — *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. — «Тюрко-арабского словаря». А.-А., 1970.

Массон, 1953 — *Массон М.Е.* О былых охотничьих парках Средней Азии // Тр. АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1953. т. XVII.

Массон, 1975 — *Массон М.Е.* К вопросу о северных границах государства «Великих кушан» // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М., 1975.

Махмудов, 1966 — *Махмудов Н.* Земледелие и аграрные отношения в Средней Азии в XIV–XV вв. Душ., 1966.

Наршахи, 1897 — *Абу-Бакр Мухаммад Наршахи.* История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. Таш., 1897.

Палладий, 1866 — Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад. Пер. и примеч. архим. Палладия // Тр. членов Рус. духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866.

Пекарский, 1959 — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Т. I–IV. [Б. м.], 1959.

Пугаченкова, 1951 — *Пугаченкова Г.А.* Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Тр. Среднеазиатского университета. Нов. сер. Вып. XXIII. Гуманит. науки. Кн. 4. Таш., 1951.

Радлов, 1963 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. Пер. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952.

Рычков, 1772 — Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи. СПб., 1772.

Самарканди, 1973 — *Абд ар-Раззак Самарканди.* Матла ас-садайн ва маджма албахрайн. Пер. О.Ф.Акимушкина // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

Сами, 1962 — *Мирза Абдалазим Сами.* Тарих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). Изд. текста, предисл., пер. и примеч. А.М. Елифановой. М., 1962.

Сатимбеков, 1981 — *Сатимбеков Р.* Древние заповедники Средней Азии и Казахстана // Изв. Всесоюзного геогр. общества. Л., 1981, т. 113, вып. 3.

Табари, 1987 — История ат-Табари. Таш., 1987.

Термези, 1971 — *Ходжа Самандар Термези.* Даст ал-мулук (Назидание государям). Пер., предисл., примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. М., 1971.

Троицкая, 1955 — *Троицкая А.Л.* «Заповедники»-куруки кокандского хана Худояра // Сб. Гос. публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1955, вып. 111.

Турчанов, 1915 — Отчет районного агронома Урянхайского края Турчанова за 1915 год (Архив Российского этнографического музея, ф. 1, оп. 2, д. 635).

Усманова, 1964 — *Усманова М.Ю.* О термине *куругмал* // Народы Азии и Африки. М., 1964, № 4.

Фасихов свод, 1980 — *Фасих Ахмад ибн Джелал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи.* Муджмал-и Фасихи (Фасихов свод). Пер., предисл., примеч. и указ. Д.Ю.Юсуповой. Таш., 1980.

Умняков, 1930 — *Умняков И.И.* «Абдулла-намэ» Хафизи-Таныша и его исследователи // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л., 1930. т. V.

Хафиз-и Таныш, 1983 — *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шарафнама-йи шахи (Книга шахской славы). Пер., введ., примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 1. М., 1983.

Хафиз-и Таныш, 1989 — *Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари.* Шараф нама-йи шахи (Книга шахской славы). Пер., введ., примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. Ч. 2. М., 1989.

Шивяков, 1999 — *Шивяков А.И.* «Охота Александра» и ее географическая локализация // Обществ. науки в Узбекистане. 1999. № 5–6.

Ю.И.ДРОБЫШЕВ
(Москва)

Обычное право казахов: экологический комментарий

Обычное право казахов (*адат*) привлекло внимание исследователей более двух веков назад. Первые заметки о нормах адата встречаются в записях П.С.Палласа, П.И.Рычкова, И.Г.Георги, А.И.Левшина. Позже, в связи с присоединением казахских кочевий к Российской империи и возникшей необходимостью включения казахов в правовое поле России, в степи посылались чиновники для сбора сведений о казахском суде. С тех пор проделана большая научная работа, изучены различные аспекты адата, однако, насколько нам известно, под экологическим углом зрения он еще не рассматривался. Между тем обычное право, складывающееся из повседневного опыта людей, обязательно включает вопросы природопользования, особенно если благополучие общества весьма зависит от колебаний природной среды. Правовое регулирование земельных отношений очень важно не только в земледельческих обществах, но и в кочевых, где имеет свою специфику, обусловленную особым характером использования земель в качестве сезонных пастбищ. Нерациональная, бессистемная эксплуатация пастбищных угодий влечет за собой их истощение и деградацию, вслед за чем может наступить гибель скота — главного, если не единственного богатства кочевника. Более того, в отличие от оседлого земледельца кочевник не может запасать свою продукцию впрок, чтобы пережить голодные годы.

Другие формы природопользования — охота, рыболовство, заготовка древесины и пр. играли существенно меньшую роль в экономике кочевников, ввиду чего они нашли незначительное отражение в нормах обычного права казахов.

По словам Н.А.Аристова, казахи «больше всех тюркских иародностей сохранили скотоводческий и кочевой образ жизнн» [Аристов, 1896,

© Ю.И.Дробышев, 2006

с. 350]. Поэтому их обычаи, в том числе правовые, интересно сравнить с обычаями других типичных кочевников, находящихся на другом полюсе великого пояса степей Евразии, — монголов. Несмотря на значительную географическую удаленность друг от друга, различия в политическом устройстве и исторических судьбах этих народов, между ними немало общего. Помимо сходства природной среды[1], детерминирующей кочевое скотоводство как ведущий хозяйственно-культурный тип и, следовательно, определенное сходство быта, материальной и духовной культуры, включая правовую сферу, какие-то традиции были внедрены монголами в то время, когда значительные территории современного Казахстана входили в состав Улуса Джучи, и поддерживалась в казахском обществе позже, так как на власть в нем могли претендовать только потомки Чингис-хана. В качестве дополнительного материала в статье привлекаются сведения о некоторых других кочевых народах Средней Азии.

Обычное право в традиционных обществах представляет собой один из аспектов так называемой мононорматики, т.е. сплава всех поведенческих норм: правовых, этических и этикетных. Сфера его более узкая, чем принято думать [Думанов, Смирнова, 2000, с. 38], вычленить его не всегда просто, но мы и не ставим перед собой такой задачи.

Казахи, киргизы, туркмены и другие народы Средней Азии не оставили писаного права. Для исследователей адата этих народов роль кодексов фактически играли и продолжают играть сборники правовых установлений, составленные российскими учеными и чиновниками в XVIII — начале XX в. на основе показаний информантов из местных судей и знатоков обычаев. Нередко записи разных авторов противоречат друг другу; отчасти это может объясняться их разновременностью. Но могли быть и иные причины — например, неверное истолкование увиденного и услышанного (от чего не был застрахован даже такой серьезный ученый, как В.В.Радлов), а порой и элементарная небрежность. Во второй половине XIX — начале XX в. в практику вошло составление *ереже* — малых кодексов обычно-правовых норм, действовавших на период принимавших их чрезвычайных съездов казахских судей [Ереже, 1893; Сборник, 1898; Моисеев, 2004].

[1] Строго говоря, пояс евразийских степей неоднороден по климатическим, почвенным и растительным характеристикам. В целом на западе, в Казахстане, степь более богата, чем на востоке, в Монголии. Но засушливый климат, жаркое лето и морозная зима препятствовали успешному земледелию на большей части степной зоны.

Казахи и другие кочевники Средней Азии не имели специальных чиновников для судопроизводства. В Степи суд осуществляли *бии* — люди, уважаемые в кочевьях за глубокое знание народных обычаев и норм адата, сами выходцы из *кара суйек*, т.е. «черной кости», простонародья. В.А.Моисеев полагает, что суд биев был учрежден ханом Тауке (правил в период после 1652–1715 или 1718 г.) [Моисеев, 1995, с. 24, 25]. Возможно, в той или иной форме он существовал и раньше. В отечественной литературе бии и творимый ими суд получали различную оценку — от восторженной до гиперкритичной. Например, И.А.Козлов отозвался об этих народных судьях следующим образом: «В сознании народном звание бия принадлежит тем немногим, которые, отличаясь безукоризненною честностью, с природным умом соединяют глубокие познания в коренных обычаях народа. Бий есть живая летопись народа, юрист или законовед его» [Козлов, 1948, с. 225].

В целом собранный многочисленными исследователями материал позволяет предположить, что цитированное выше стоит все же ближе к истине, чем отзывы о биях как о людях, преследующих в разборе судебных дел только свою личную корысть (узаконенное обычаем вознаграждение — *бийлык*, или взятки скотом и деньгами). Конечно, злоупотребления могли иметь место, но, приобрети они хоть незначительную систематичность, бий навсегда мог лишиться народного доверия, а с ним и самой возможности отправлять суд. Критические отзывы о суде биев отражали скорее ситуацию в степях, сложившуюся ко второй половине XIX в., когда этот древний институт казахского общества начал разлагаться под действием внешних и внутренних факторов.

Некоторые нормы обычного права были достаточно прочно устоявшимися, когда дело касалось общественно важных вопросов: брачных отношений, раздела имущества, тяжких преступлений против личности (убийство, нанесение увечий), краж. Но в отношении прав общин на пользование пастбищами наблюдались разногласия. Одна из причин этого — меняющаяся структура землепользования. Адат как живая, динамичная система должен был быстро реагировать на происходящие изменения и вырабатывать новые, близкие к практике и отвечающие запросам общества установления. В те годы, когда многочисленные российские исследователи и чиновники активно собирали сведения о социально-экономическом и политическом устройстве казахского общества и, в частности, обращали серьезное внимание на правовые вопросы, под воздействием колонизационной политики царской России оно менялось довольно быстро. Вчерашние кочевники

переходили к земледелию; родовое начало ослабевало, баи присваивали себе все больше прав; хивинские и казанские муллы склоняли казахов к исламу; российская администрация пыталась внедрять в Степи имперское законодательство. В этой динамичности можно видеть одну из причин несогласованности показаний разных авторов, говорящих об одном и том же предмете, касающемся адата.

Другая причина, вероятно, заключается в некотором различии традиций разных казахских родов. Обычное право не могло их не учитывать.

История Казахстана до XX в. знает по меньшей мере три попытки упорядочивания правовых норм. Самая известная из них связана с именем хана Тауке. В 1680 г.[2] в урочище Куль-Тобе (Сырдарьинская область) под его председательством на совете биев было принято систематическое изложение обычного права казахов «Жеты Жаргы» («Семь установлений»), как полагает большинство исследователей, продукт законотворчества Тауке. По мнению Т.И.Султанова [Султанов, 1980, с. 254], «Жеты Жаргы» создано в ответ на решения сейма джунгарских тайши и правотворческую деятельность Галдана[3].

Н.Усеров выявил наличие в «Жеты Жаргы» трех пластов: 1) древние нормы обычного права казахского народа, впервые собранные ханом Касимом (1510–1518), которого считают реформатором казахского права; 2) законы Есим-хана (1598–1628); 3) законы самого хана Тауке [Усеров, 1977, с. 16]. Значительное место в «Жеты Жаргы» отведено вопросам урегулирования земельных отношений. Из-за нашествия джунгар была потеряна часть пастбищ, и система кочевок стала рушиться. Обострились споры о владении пастбищами. Тауке заново закрепил за родами районы кочевий, причем лучшие угодья перешли во владение влиятельных и крупных родов. Он сохранил за собой привилегию распоряжаться пастбищным фондом ханства [Усеров, 1977, с. 19].

Раздел пастбищных угодий — ключевой вопрос степного природопользования. От его грамотного решения во многом зависит сохранность окружающей среды: самих пастбищ, естественных (и искусственно созданных) водных источников, древесно-кустарниковой растительности речных пойм и т.п. Поскольку благосостояние кочев-

[2] Эта датировка принимается не всеми исследователями. Так, Т.И.Султанов считает, что кодекс был принят в 1670-е годы [Султанов, 1980, с. 254], С.Узбекулы называет 1684–1685 гг. [Узбекулы, 1998, с. 30].

[3] Галдан Бошокту-хан — правитель Джунгарского ханства (1671–1697), активный борец против цинской экспансии.

ника подвержено большему риску, чем оседлого земледельца, в отличие от которого он не может делать запасы зерна на случай неурожая, проблема сохранения качества среды приобретает для него кардинальное значение. Надо полагать, эта простая истина была хорошо известна не только каждому пастуху, но и представителям кочевого нобилитета. Поэтому наряду с принятием законов передел земли (или узаконение прежнего положения вещей, что бывает реже) входил в число первых важнейших актов нового правителя Степи. Ошибочное решение земельного вопроса могло привести к серьезным экологическим последствиям, не говоря уже о социальных, что мы рассмотрим ниже на примере Букеевской орды. Вновь обращаясь к аналогии с Монголией, укажем на следующее различие: Чингис-хан осуществил раздачу земель после того, как разбил своих противников, а Тауке сделал это в условиях опасности, грозящей со стороны джунгар, к тому времени уже успевших основательно потрепать казахские кочевья.

Заметим, что все суверены степей как на западе, так и на востоке Евразии поступали подобным образом, обретя власть и укрепив свое положение. Начало правления сильного лидера знаменовалось собранием старейшин и родоначальников, на котором принимались законы. Исследователи часто дискутируют на предмет того, использовались ли в таких случаях старые нормы права или вводились новые. Но как бы то ни было, крепкая власть, объединявшая государственное образование или даже зародыш будущей степной империи, нуждалась в четких и подчас весьма жестких законах. Иначе свойственный кочевому обществу сепаратизм быстро сведет на нет все усилия, направленные на государственное строительство.

Тауке, несомненно, обладал необходимыми лидерскими качествами. Перед лицом джунгарской угрозы он сумел объединить разрозненные казахские роды и склонить на свою сторону их предводителей. Сам факт принятия нового правового кодекса символичен и говорит о реальной власти хана. Вместе с тем эта власть еще не была в достаточной мере централизованной и прочной, что подтверждается, в частности, быстрым распадом ханства после смерти Тауке. В связи с этим трудно не согласиться с Н.А.Кисляковым в том, что вообще нормы адата были сильны там, где не сложилась крепкая государственная власть и где господствовали патриархальные отношения и институты. С развитием социально-экономических отношений на первое место выходит шариат [Кисляков, 1977, с. 11]. Некоторые установления последнего прослеживаются и в «Жеты Жаргы», например, определено наказание за богохульство (побивание камнями) и за принятие христианства [Султанов,

1980, с. 259], но многие исследователи высказывают справедливое сомнение в применимости этих норм на практике (см., например, [Фукс, 1981, с. 205])[4].

Напрашивается сравнение с монгольской Великой Ясой, авторство которой нередко приписывают непосредственно Чингис-хану, хотя более резонно считать последнего не автором, а кодификатором монгольского обычного права. Точно так же хан Тауке едва ли изобретал законы — он привел в порядок уже имевшиеся, хотя, возможно, привнес в них что-то новое. И подобно тому как Яса известна нам лишь фрагментарно, так и установления Тауке не дошли до современности полностью, ибо передавались изустно, хотя некоторые авторы, например С.З.Зиманов, приводят доказательства в пользу письменной фиксации этого законоуложения [Зиманов, 1989, с. 27]. По мнению ряда ученых, Яса также была записана, и если это так, то должна была пережить века во многих списках, чего, однако, не наблюдается. «Жеты Жаргы» известен более полно — как вследствие относительно недавнего составления (на 474 года позже Ясы), так и благодаря его применению (по крайней мере каких-то его частей) в судебной практике казахов вплоть до XIX в., а возможно и до начала XX в. При этом если монгольское право последовательно вытеснялось маньчжурским (хотя и не очень успешно), то адат так и не был окончательно заменен ни нормами шариата, ни законами Российской империи.

Учитывая, что все казахские ханы и султаны, включая и самого Тауке, являлись потомками Чингис-хана, есть основания для поиска в «Жеты Жаргы» реминисценций Великой Ясы[5]. Казалось бы, «Семь установлений» должны были воспроизводить Ясу если не дословно, то по сути или по крайней мере не вступать с ней в противоречие. К сожалению, как указывалось выше, оба правовых памятника в полном объеме не сохранились[6], что затрудняет их сопоставление.

Коренным отличием является отношение этих кодексов к религии. Яса к ней вполне индифферентна, запрещает монголам принуждать кого-либо к принятию той или иной веры и освобождает от налогооб-

[4] На несовместимость суда по шариату и народных традиций на примере туркмен указал А.Ломакин: «Если бы в Туркмении воры судились по шариату, слишком много было бы между ними людей безруких» [Ломакин, 1993, с. 109].

[5] Против мнения о заимствовании казахами у монголов в области права возражал А.Леонтьев [Леонтьев, 1890, с. 116, 117].

[6] Все имеющиеся в распоряжении историков положения Ясы еще в начале XX в. были сведены И.Я.Гурляндом [Гурлянд, 1904], а позже обстоятельно изучены В.А.Рязановским (см., например, [Рязановский, 1933]). В наши дни Яса всесторонне исследуется в Монголии, где недавно даже был основан институт «Их Засаг».

ложения служителей любого культа. «Жеты Жаргы» как будто стоит на страже ислама, что, однако, не может быть неожиданностью: в Золотой Орде, которой некогда принадлежали земли нынешнего Казахстана, ислам после 1313 г. был государственной религией. Другое дело, насколько реально он имел распространение при Тауке.

Философы, культурологи и особенно экологи часто обвиняют ислам наряду с авраамическими монотеистическими религиями — иудаизмом и христианством — в «экофобии», т.е. во враждебном отношении к окружающей среде. Доктрина названных вероучений антропоцентрична: человек, выражаясь современным языком, не есть продукт биосферы, но он ее владыка, поскольку она отдана ему в распоряжение Богом. В подобных концепциях нередко видят мировоззренческую «колыбель» глобального экологического кризиса, нависшего над Землей. В наши задачи не входит обсуждение этого вопроса[7]. Несомненно одно: в сложных природно-климатических условиях казахской степи человек был вынужден подстраивать свое хозяйство под природные ритмы, какую бы религию он ни исповедовал.

Говоря о кочевом землепользовании, нельзя не подчеркнуть двойственную природу его материальной основы — степи. Степь парадоксальна. С одной стороны, это естественная природная среда, сформировавшаяся задолго до человека и без его участия, с другой — ее можно расценивать как особый культурный ландшафт, исторически самый обширный на Земле. Степь представляется «Диким полем» лишь на первый взгляд. Даже просторы Казахстана, кажущиеся бескрайними, были достаточно давно обжиты человеком, а ко второй половине XIX в., если не раньше, там уже не оставалось ничейной земли. Чем сильнее становился пастбищный голод в связи с отчуждением земель под русские поселения и пашни, тем четче формулировались старые нормы адата, регулировавшие землепользование. Эта проблема породила в свое время обширную литературу; в советский период, особенно после Великой Отечественной войны, она стала предметом досконального изучения. Чтобы не повторять уже известные факты и суждения, мы затронем ее лишь в той мере, которая позволит рельефнее проявить экологическую подоплеку земельных отношений.

Для кочевого скотоводства казахских степей фактором огромной значимости была зима с ее сильными ветрами, снежными буранами,

[7] В последние годы появилось немало работ, авторы которых доказывают непричастность различных священных писаний к формированию «экофобных» настроений общества. По поводу ислама см., например, [Сахроков, Шилин, 2001; Ниязи, 2004].

лютыми морозами и оттепелями, чреватыми образованием на поверхности снега прочной ледяной корки, обрекающей стада на голодную смерть. В среднем каждые 10–12 лет повторялся сильный падеж скота (*джут*); по наблюдениям кочевников, обычно он приходился на год Зайца. Менее катастрофичная убыль стад случалась чаще[8]. Задача провести зиму с меньшими потерями скота потребовала для своего решения выработки соответствующих правовых нормативов, в первую очередь очерчивающих права на зимние пастбища — *кыстау*.

В.П.Курылев совершенно обоснованно считает, что в литературе встречаются прямо противоположные точки зрения по поводу их принадлежности [Курылев, 1998, с. 86]. Возможно, какая-то часть зимних пастбищ была закреплена за определенными владельцами-Чингисидами еще со времен единой Монгольской империи. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани писал в 1509 г.: «Когда казахи прибывают в места зимовья, то располагаются на протяжении реки Сейхун, и, может быть, длина берегов Сейхуна, на которых они оседают, превышает триста фарсахов. Когда они достигают берегов Сейхуна, то оказываются вблизи областей Туркестана, потому что Туркестан тоже доходит до берега Сейхуна. В каждом известном улусе есть [свой] полновластный султан из потомков Чингиз-хана, который со своим народом пребывает в какой-либо местности, старинном юрте. [Султаны] сидят там до сих пор еще со времени Ючи-хана и Шибан-хана и пользуются пастбищами. Точно так же они располагаются и занимают места по ясе [Чингиз-хана]» [Ибн Рузбихан, 1976, с. 94]. В этом отрывке особого внимания заслуживает упоминание Великой Ясы. Получается, что по крайней мере в начале XVI в. казахские ханы и султаны еще придерживались установлений Ясы относительно раздела пастбищных угодий и не меняли мест своих кочевий с тех пор, когда земли были поделены между Чингисидами — потомками хана Джучи (умер в 1227 г.). Однако это утверждение современника кажется слишком категоричным. Распад Золотой Орды и сложение казахской народности сопровождались расширением и переделом границ казахских кочевий.

В дальнейшем наблюдалась довольно четкая тенденция к «приватизации» зимников. Однако, чтобы предъявлять свои права на кыстау, владелец должен был сначала благоустроить его: «Неотъемлемое право на одиу и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего, как то: ямы для молодых

[8] В связи с этим можно отметить, что совершение какого-либо преступления во время стихийных бедствий квалифицировалось адатом как отягчающее обстоятельство [Культелеев, 1955, с. 207].

верблюдов и т.п. Но в прочих случаях как на все летнее, так и зимнее время право на местность не существует. А посему буде аул, имея несколько лет сряду и постоянно одно и то же место для зимовок, не может предъявлять претензии, если какие-либо дальние пришельцы расположатся на том месте и останутся зимовать» [д'Андре, 1948, с. 140].

На зимовках скот пасли раздельно, так как из-за скудости кормов совместный выпас был неэффективным. Кроме того, скот нередко приминал траву, а снег под копытами уплотнялся и смерзался, отчего после одного прогона пастбище уже не годилось для выпаса. К совместному выпасу прибегали лишь при угрозе джута, когда пастбища покрывались гололедом или сугробами [Масанов, 1995, с. 91–93, 100, 101]. Известно, что самостоятельная тебеневка овец возможна при высоте снежного покрова 10–12 см, а лошадей — до 30–40 см. Лошади могут разбивать копытами ледяную корку и, разгребая снег, делать подножный корм доступным для других пород скота, поэтому их пускали на пастбища первыми, но в нормальных условиях их отгоняли на специальные угодья и формировали из лошадей разных хозяев общие табуны (*кос*). В монгольских степях на зимних пастбищах кочевники всегда пользовались преимуществами совместного выпаса. Причина этого, видимо, экологическая: в отличие от Казахстана в Монголии зимой не бывает оттепелей и дождей, а снега обычно выпадает мало, что не страхует, конечно, монгольский скот от джута и, более того, иногда подвергает его опасности гибели от жажды (так называемый *черный джут*).

Между летними пастбищами границы были наименее четкими, между зимними — наиболее четкими. Субъектом обособленного пользования кыстау у кочевых казахов являлись семейно-родственные общины [Курылев, 1998, с. 107]. Но процесс дробления пастбищ на зимовках этим не ограничивался. Самые ценные участки, где скоту было легче добывать корм из-под снега или где снег сдувался ветрами, обнажая растительность, а также защищенные от буранов урочища могли переходить в распоряжение отдельных семей. Эти пастбища имели специальные названия: *кой-джер* (овечья земля), *кой-булюк* (овечий особняк), *ата-булюк* (дедовский участок) [Толыбеков, 1959, с. 357, 358; Курылев, 1998, с. 159]. Упоминание в этих названиях овец далеко не случайно. Ценность таких пастбищ заключалась прежде всего в том, что даже в самое тяжелое время зимы овцы могли найти там хороший корм, а они, как отмечалось выше, способны добывать его только при высоте снега не более 10–12 см. Кой-булюки строго охраняли от потравы не только чужим, но и своим скотом.

Таким образом, обособление угодий внутри общины происходило в основном за счет овечьих пастбищ. Однако в случае угрозы джута любой кочевник мог пасти скот на землях соседей [Шахматов, 1964, с. 173]. Насколько это было безвозмездно — вопрос спорный. По некоторым данным, хозяин мог сдать зимнее пастбище в аренду и получить до $^1/_{20}$ и даже $^1/_{10}$ части выпасаемого скота в зимы, когда случался джут. Так за два-три месяца бедняк мог стать состоятельным человеком, причем бай не мог принудить его уступить ему кыстау бесплатно [Материалы, 1886, с. 51, 52].

У кой-булюков известно еще одно наименование — *курук* (каз. *корык*, монг. *хориг*; в данном случае переводится как «запас») [Курылев, 1998, с. 159, 175, 227]. Это довольно любопытный случай применения термина, принадлежащего древней тюрко-монгольской культурной традиции. Институт курука, вероятно, известен всем кочевым народам Евразии. Он воплощался в праве стоящих у власти лиц объявлять запретными лучшие пастбища, самые богатые охотничьи угодья и пр.,[9] и сам термин в этом случае имеет значение «запретное, заповедник». Помимо экономического и политического значения эти заповедники играли и экологическую роль. Природопользование в них находилось под контролем хана или его доверенных людей, причем можно полагать, что владелец был заинтересован в сохранении и экономной эксплуатации природных ресурсов своего курука. Некоторые бывшие заповедники доныне сохраняют богатую флору и фауну, что напрямую связывается с их особым статусом в прошлом [Козлов, 1924].

Проведя краткий обзор прав кочевых феодалов на владение запретными угодьями, В.Ф.Шахматов пришел к следующему заключению: «Итак, *эти „запретные" пастбища никак нельзя считать земельной собственностью каганов*. Самое большее, о чем они могут свидетельствовать, это о праве преимущественного использования пастбищ, а скорее района охоты, главой складывающегося государства в качестве платы за выполнение им общественных (преимущественно военных) функций» [Шахматов, 1964, с. 26]. Факты, однако, говорят о полном запрете для кого бы то ни было, кроме самого владельца курука или лиц, которым он это позволял, входить на заповедные земли и осуществлять там в какой бы то ни было форме эксплуатацию природных ресурсов. Обычное право кочевников также признавало эту категорию земель, как и права ханов распоряжаться в них по своему усмотрению. Оно

[9] Назначению различных категорий заповедных земель мы посвятили специальную работу, см. [Дробышев, 2005].

предусматривало недопущение туда посторонних и ответственность последних перед ханом за нарушение заповедного режима.

Известный кочевниковед А.М.Хазанов объясняет существование ханских куруков так же, как В.Ф.Шахматов: «Несмотря на встречающиеся злоупотребления, в этом случае мы чаще имеем дело с отправлением общественно полезной функции управления и ее вознаграждением, чем со сколько-нибудь развитыми частнособственническими правами» [Хазанов, 2000, с. 225]. Фактически курук представляет собой общественный фоид на случай войн и стихийных бедствий [Хазанов, 2000, с. 225]. Приводимый этим автором в подкрепление своих мыслей пример с запретными (как стратегический резерв) пастбищами западнотюркского кагана Сулука (VIII в.) представляется весьма убедительным. Не менее наглядным примером является заповедник шаньюя (правителя) хунну Маодуня в горах Иньшань близ китайской границы, где войско пополняло мясные запасы охотой на зверя, заготовляло и чинило вооружение перед очередным набегом на Китай [Материалы, 1973, с. 39, 40].

Отрицая частную собственность у кочевников на земельные участки, А.М.Хазанов считает, что «можно говорить лишь о тенденции к установлению частной собственности на некоторые виды пастбищ, и то лишь применительно к отдельным кочевым обществам, как правило нового и новейшего времени, интегрированным с оседлыми обществами в одну систему, в которой кочевники политически оказываются в подчиненном положении», однако и там эта тенденция имеет серьезные ограничения [Хазанов, 2000, с. 223]. Обрисованная здесь ситуация вполне отвечает тому положению, которое сложилось в казахских кочевьях в результате их вхождения в российское подданство. Многочисленные архивные и опубликованные материалы подтверждают попытки присвоения в безраздельное владение участков общинных земель. Такие попытки не могли быть успешными по причине установления в Казахстане государственной собственности на землю после реформы 1867–1868 гг., но де-факто хозяева какое-то время пользовались выгодами частного землевладения.

Что касается упомянутого В.Ф.Шахматовым права преимущественного использования, то оно применялось по отношению к колодцам. В некоторых районах, например на Мангышлаке, грунтовые воды залегают на большой глубине — иногда до нескольких десятков метров. Поэтому выкопать там колодец — нелегкая задача, непосильная для одного человека. Обычно для этого нанимали людей, специализировавшихся на рытье колодцев. Но нанять их мог только состоятельный

скотовод. Он-то и обладал правом первым брать оттуда воду, причем колодец нередко получал его имя. Как справедливо отмечают большинство специалистов, это право автоматически распространялось и на пастбище вокруг, так как часть скота продолжала пастись, пока другую часть поили. Если кто-либо прикочевывал к колодцу раньше его хозяина, то был обязан незамедлительно освободить территорию при его появлении. Однако это не означало единоличного владения водой. В отсутствие хозяина любой кочевник мог поить свой скот из такого колодца и выпасать его около него. Отсутствие частной собственности на колодцы, по-видимому, связано не только с невозможностью контролировать их неприкосновенность (хотя их иногда искусно скрывали), но и с пережитками родового строя. В традиционных обществах, к которым можно отнести и кочевников Казахстана, элементарной социальной единицей являлась не личность и даже не отдельная семья, а род, и интересы индивидуума всегда оказывались подчинены интересам рода[10], хотя отсюда не следует полного пренебрежения к правам и потребностям личности.

Для естественных источников воды и летних пастбищ (*жайляу*) действовало «право первозахвата» — название, которое говорит само за себя. При перекочевках полагалось за день высылать вперед разведчиков, обязанность которых состояла в том, чтобы выяснить, свободно ли место, предназначавшееся для остановки, и если оно оказывалось занятым, шли дальше или останавливались по соседству. Достигнув колодца, оставляли метку (ставили копье, чертили на земле тамгу или связывали пучок травы). Никто не мог расположиться у колодца, если находил там такие метки. Но если разведчик, найдя колодец незанятым, уходил, не оставив метку, там мог расположиться другой аул, и претензии первого разведчика не принимались. А когда к колодцу одновременно приближались представители разных аулов, право пользоваться водой и соответственно пастбищем вокруг предоставлялось старшему по возрасту или общественному положению [Гродеков, 1889, с. 110, 111].

Однако на деле «право первозахвата» чаще всего было фикцией, так как богатые кочевники практически всегда приходили раньше

[10] «Личность находит защиту только у своего рода. За поступки его отвечает род. Очистительная присяга налагается не на оговоренную личность, а на другое лицо из его рода. Взыскание получает и платит за него не лицо, а род. При неуплате хуиа убивают не непременно убийцу, а любого человека из его рода. Невеста принадлежит не лицу, а роду» [Гродеков, 1889, с. 12]. (*Хуи/куи* — плата за убийство или причинение увечья. За мужчину размер куна составлял 1000 баранов, за женщину — 500.)

бедных[11]. Н.Э.Масанов убедительно показал, что в байском стаде преобладали лошади и овцы, лучше приспособленные к перекочевкам, а в бедняцком — крупный рогатый скот, более годящийся для оседлой жизни, поэтому богачи кочевали быстрее и дальше. У бедняков процесс кочевания, который назывался *тасмал*, заключался в челночном движении рабочего скота. На скот грузили часть скарба и перегоняли вперед, а на прежней стоянке погонщиков ждали люди с имуществом, оставленным на месте ввиду нехватки животных. Пройдя до следующей стоянки и разгрузив там поклажу, рабочий скот гнали обратно, забирали людей и вещи и вновь шли вперед. За день делали по нескольку таких переходов [Масанов, 1995, с. 172–174]. Естественно, богатый скотовладелец к тому времени был уже далеко и занимал лучшие угодья.

Прикочевавший к аулу или пригнавший к нему свой скот без разрешения подвергался строгому выговору бия и был обязан немедленно откочевать и отогнать скот, иначе его могли принудить к этому силой; на полученные же в результате побои и обиды он не имел права жаловаться [Загряжский, 1876, с. 170, 171; Самоквасов, 1876, с. 273]. Кодифицированное монгольское право налагало штрафы на тех, кто нарушал регламент кочевания, например: «Если кто расположится кочевьем, зная, что место занято, с того взять [три] девятка[12]. Если расположится, не зная, взять одну лошадь» [Восемнадцать законов, 2002, с. 40].

Границы казахских кочевий маркировали различным образом. Это могли быть заметные детали рельефа местности, постройки, могилы, приобретавшие особую значимость, если там покоились предки, и т.п. На скальные поверхности наносили тамги, складывали каменные пирамидки — *обо*. За повреждение обо налагался штраф [Материалы, 1886, с. 41]. Обычай обозначения границ каменными насыпями, несомненно, древний. Согласно Мирхонду, в 1425 г. Улугбек выступил в поход против моголов, правитель которых Шир-Мухаммед не оправдал его надежд и уклонялся от выражения покорности. В местечке Буралгу, на пути к равнине Абнш, Улугбек велел насыпать «сторожевой холм из

[11] У кочевых туркмен право, предоставлявшее членам общин пользоваться пастбищами свободно, А.Хайтлиев также считает фикцией, но по другой причине. Выпас был нерасторжимо связан с использованием дорогостоящих колодцев и водосборных ям, которые могли сооружаться только богачами. Как собственники колодцев, они держали в своих руках и пастбища [Хайтлиев, 1986, с. 18, 19].

[12] *Девяток* — распространенная в старой Монголии единица штрафа скотом. Один девяток состоял из четырех голов крупного скота и пяти мелкого.

камней, так называемую *обу*» [Бартольд, 1964, с. 108]. Под этим же именем известны кучи камней, насыпавшиеся кочевниками Монголии на перевалах, вершинах гор, у родников, священных деревьев и предназначавшиеся для совершения жертвоприношений местным духам- «хозяевам» (*эжинам*).

Летние пастбища, дороги, леса, озера, реки, рыбные и звериные промыслы были в общей собственности казахов [Материалы, 1886, с. 39], хотя существовал правовой механизм их «приватизации». Чтобы предъявлять претензии на тот или иной участок земли, полагалось сначала вложить в него свой труд — построить что-либо, прорыть арык, посадить деревья. Н.И.Гродеков писал, что в этом случае земля становилась частной собственностью [Гродеков, 1889, с. 102], но едва ли следует понимать эти слова буквально. Это правило действовало по крайней мере уже в начале XV в. Борак-оглан обосновывал Улугбеку свои требования на пастбищные угодья такими словами: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку» [Золотая Орда, 2003. с. 379]. Однако достаточно было постройке развалиться или деревьям засохнуть, и владелец лишался прав на единоличное пользование этой землей.

Нечто похожее можно обнаружить в монгольском, точнее, бурятском праве. Так, согласно Хоринскому уложению 1851 г., запрещалось захватывать землю, куда ранее была проведена оросительная канава [Обычное право, 1992, с. 108]. Как и у казахов, у бурят были пашни, а также частные сенокосы, за самовольное пользование которыми определялась мера наказания.

Для кочевой экономики важна сохранность степей от пожаров. В условиях засушливого климата и сильных ветров пожары могут распространяться очень быстро на многие километры, губя растительность, а иногда скот и имущество кочевников. В огне могут погибнуть и люди. Поэтому, например, в средневековой Монголии заметное количество статей в различных правовых установлениях было посвящено ответственности виновников пожаров. К сожалению, не всегда оговорено, имеется ли в виду чье-либо личное имущество или степь. По Закону Шести хошунов с «поджигающего что-либо» взимали одну лошадь [Восемнадцать законов, 2002, с. 42], а Великий Закон года Обезьяны (1620 г.) карал поджигателя штрафом в размере одного *пятка* [Восемнадцать законов, 2002, с. 58][13]. На последнюю статью ссылается

[13] *Пяток* — монгольская единица штрафа скотом, включавшая две головы крупного скота и три мелкого.

знаменитый монгольский правовой памятник «Их цааз» (1640 г.): «Кто по злому умыслу пустит пожар, с тем поступить по Великому уложению» [Их цааз, 1981, с. 22].

Обычное право казахов не предусматривало ответственности за непреднамеренный поджог степи, даже если тем самым был причинен кому-либо ущерб. Если же кто-то был уличен в умышленном поджоге, с него требовали возмещение убытков, а в случае гибели в огне человека виновный платил кун как за убийство. Если он не мог уплатить кун, то приговаривался к смерти [Самоквасов, 1876, с. 266].

Как и кочевники в других районах Азии, казахи иногда пускали по весне палы, чтобы лучше отрастала молодая трава. Например, на реке Чу выжигали старый сухой камыш, а вновь отросший камыш косили [Курылев, 1998, с. 225, 226]. Летние кочевки выжигали осенью, чтобы уничтожить личинок насекомых, не дающих животным покоя летом [Валиханов, 1985, с. 107]. Палы были запрещены на пашнях, сенокосах и вблизи построек [Гродеков, 1889, с. 158]. По сообщению д'Андре, за пал в степи ничего не взыскивается, даже если сгорят камыши на зимнике, но если пострадают посевы или заготовленное сено, учиняют иск [д'Андре, 1948, с. 140].

Выжигание степей, чтобы лишить скот или боевых лошадей противника подножного корма, издревле использовалось враждующими сторонами. Для оседлых народов это был способ держать кочевников на безопасном расстоянии. Так поступал, например, Лю Жэньгун — правитель китайской области Юйжоу, подвергавшейся в конце IX в. нападениям киданей. Из-за его действий каждую зиму у киданей погибало от бескормицы много лошадей. Желая сохранить пастбища, кидани подносили ему подарки [Материалы, 1984, с. 186]. Подобным образом, когда каган жуаньжуаней Анагуй пошел в 540 г. войной на Западную Вэй и переправился через Хуанхэ, императрица Чжоу-вэнь выжгла траву, чтобы он не мог продолжать поход на голодных лошадях [Материалы, 1984, с. 291].

Этот метод был взят на вооружение и царской Россией. Оренбургское генерал-губернаторство в 1740-х годах рекомендовало комендантам крепостей устраивать в степи осенние палы по левому берегу Яика, чтобы не допускать проникновения казахов в Волго-Уральское междуречье. Идея получила одобрение Коллегии иностранных дел, которая дала рекомендации выжигать степи по обе стороны реки «в пристойных местах» [Быков, 2003, с. 76].

Источники содержат также немало примеров выжигания степей самими кочевниками в борьбе друг с другом. В казахских степях это

явление получило широкое распространение в конце XVIII — начале XIX в. ввиду захвата лучших пастбищ власть имущими [Культелеев, 1955, с. 264]. Ограничимся здесь сведениями, которые сообщал в докладе для Екатерины II генерал-майор Я.В.Боувер по своим наблюдениям в Среднем жузе в 1795 г.: казахи «не имеют на линии верного на зиму кочевья, ибо места занимаются ими для сего не по наследству, а по общему согласию, но самопроизвольно. Перекочевав на оных зиму, возвращаются в степь, не дав знать, будут ли паки на зиму на те же места. От сего, кто прежде прибудет, тот и занимает лутчее кочевье, другие же, опоздав, не находят уже своих выгод и, злобствуя на первых, выжигают траву, лишая чрез то скот на зиму корму, вредят лесам, а иногда и селениям, на начальников же имеют негодование» (цит. по [Шахматов, 1964, с. 32]).

Итак, нельзя сказать, что землепользование у казахов четко регулировалось обычным правом и не вызывало конфликтов. Споры вокруг владения лучшими угодьями, очевидно, были всегда, а к концу XIX в. они только усилились из-за заселения кочевий русскими переселенцами. Это не могло не повлиять на состояние пастбищ и водопоев. Перевыпас вреден для степной растительности и почвенного покрова и может повлечь за собой опустынивание. Однако вряд ли деградационные процессы достигали где-либо в казахских степях такого размаха за столь короткий отрезок времени, как в Букеевской (Внутренней) орде.

Она была образована в 1801 г. в междуречье Урала и Волги и получила свое название по имени первого правителя — султана Букея (умер в 1815 г.); статус ханства приобрела в 1812 г. С трех сторон орда была замкнута казачьими станицами и военными пикетами, а с четвертой ограничивалась побережьем Каспия, причем оно уже было занято обширными дачами Юсуповых и Безбородко, приказчики которых требовали с казахов деньги или скот за разрешение устраивать там зимники и косить камыш. Н.Э.Масанов считает, что на ее территории можно наблюдать «классический пример опустынивания» [Масанов, 1995, с. 119]. Источники дают основание полагать, что вина за это лежит не столько на политической изоляции орды или на климатических факторах, сколько на внутренней политике хана Джангира, правившего в 1824–1845 гг. и стяжавшего славу просвещенного реформатора.

Джангир до совершеннолетия жил в доме астраханского губернатора Андриевского, где получил европейское образование и воспитание. Обучался в военном училище в Астрахани и в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. Присутствовал на коронации императора Николая I.

Бывал на Кавказе, в Казани. Имел звание генерал-майора русской армии и состоял почетным членом в научном обществе при Казанском университете. Он одним из первых собрал музейную коллекцию предметов быта и истории культуры казахов.

Став ханом, Джангир пытался переустроить социально-правовую структуру орды по российскому образцу. Кочевников он хотел превратить в крестьян, купцов, мещан и т.п. В 120 верстах к востоку от реки Ахтуба Джангир построил дворец по проекту и под наблюдением инженера Тареева. На дворцовой территории кроме жилых комнат были и хозяйственные постройки. Со временем вокруг дворца появились дома султанов и купцов. В 1851 г. в этом месте, получившем название «Ханская ставка», проживало около 400 человек [Шахматов, 1946, с. 43], а к 1888 г. население здесь выросло ровно до 1000 человек, из которых 397 были казахи [Харузин, 1889, с. 81]. Посетивший в 1828 г. орду с ревизией российский сенатор Энгель отменил значительную часть преобразований Джангира как не отвечавших казахским обычаям [Быков, 2002, с. 418, 419]. В то же время он предлагал узаконить права казахов на зимники, чтобы привязать их к земле, о которой они должны были заботиться. В качестве эксперимента было решено официально закрепить участки земли за постоянными пользователями, чтобы они могли кочевать только в пределах отведенных им земель[14]. Джангир осуществил этот план иначе — он не ограничился только пустующими зимниками [Зиманов, 1982, с. 56 и сл.].

В письме председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф.Генсу от 12 декабря 1830 г. Джангир спрашивал разрешения на раздачу участков земли султанам и старшинам во владение, дабы этой мерой способствовать их оседанию, как сам Генс ранее ему советовал. Очевидно, ответ был положительным, и с этого времени хан начал проводить новую земельную политику. Порядка 4500 тыс. десятин лучших земель досталось султанам, биям и ходжам фактически в частное владение. Земля уходила за взятки, за услуги или по родству. Из оставшихся 800 тыс. десятин удобной для пользования земли он много

[14] Аналогичную политику проводили в Монголии цинские власти, разделив участки между «знаменами» и запретив кочевникам переходить самовольно из одного «знамени» в другое. В случае плохого состояния пастбищ правитель «знамени» (*дзасак*) только в седьмом месяце мог представлять в Палату внешних сношений (*Лифаньюань*) просьбу о разрешении перекочевать на лучшие пастбища за пределами территории своего «знамени». Лифаньюань присылала чиновника для проверки дел, и лишь после его доклада императору дзасак мог получить разрешение. В другие месяцы было запрещено обращаться с такими просьбами [Ермаченко, 1974, с. 166].

продал или сдал в аренду. Всего с 1830 по 1845 г. Джангир раздал 1517 актов на владение землей в своей орде. Старшины тоже наделялись угодьями — формально для кочевания подведомственных им людей, но по существу земля становилась их собственностью.

В степи воцарился произвол. Простым скотоводам приходилось арендовать пастбища у новых хозяев, так как идти им было некуда, а те по своему желанию сгоняли с земли кого хотели. Передел земель сильно усложнил пользование водопоями: стало трудно перегнать скот к воде, не потравив по пути чьи-нибудь пастбища. Дело дошло и до раздачи ханом колодцев своим фаворитам. Затем Джангир начал передаривать и перепродавать участки, в том числе те, которые еще оставались за общинами. В совокупности это повлекло непрерывные споры между землевладельцами и рядовыми кочевниками.

Проблема усугублялась тем, что при Джангире в орде широкое развитие получил институт *тарханства*. Звание тархана присуждалось в степях лицам, особо отличившимся на ханской службе. Тарханы пользовались рядом преимуществ. В частности, им до девяти раз прощались правонарушения. Несложно представить, какую пользу мог извлечь тархан из своего положения, захватывая лучшие пастбищные земли и колодцы в обход закона.

Таким образом, произвольная продажа и раздача Джангиром земель своим родственникам и фаворитам в тех стесненных земельных условиях, в которых существовала Букеевская орда, не могли не повлечь за собой социально-экологический кризис, приведший в конце концов к вооруженному восстанию под предводительством Исатая Тайманова. Современники давали следующую оценку событиям, разворачивавшимся в орде: «Нужно сказать вообще, что правление хана Джангирв было очень тяжелое для киргизов (казахов. — *Ред.*)... Во-первых, он самопроизвольно установил с ордынцев какой-то небывалый денежный сбор под названием зекета[15] и согума[16], который исключительно поступал в его казну; а во-вторых, раздавал значительные участки ордынских земель своим родственникам и прочим близким к нему людям в дарственную собственность, а многие участки распродавал за деньги... Но когда появились собственники больших пастбищных пространств, то равномерность нарушилась и общие кочевья стеснились, что и было причиною бесконечных протестов и тяжб, вызывавших в орде волнения и беспорядки» (цит. по [Еренов, 1960, с. 145]). Эти

[15] *Зекет* — налог в размере одной овцы с юрты или с сотни овец.

[16] *Согум* — забой скота раз в год, обычно в конце осени — начале зимы, который сопровождался подношением упитанной скотины биям, султанам и пр.

беспорядки привлекли внимание русских властей. В качестве исправления положения предлагался передел земли и наделение казахов пастбищами пропорционально количеству скота [Шахматов, 1946, с. 43–54].

Реформаторская деятельность Джангира коснулась и законодательства. Он приказал составить кодекс «Нового обычного права» на основе различных религиозных нормативных источников, преимущественно мусульманских, но это новшество также не выдержало испытания временем [Зиманов, 1989, с. 22].

Традиционное выражение социального протеста у степняков — откочевка. Издавна в случае притеснений со стороны ханов их подданные могли самовольно оставить привычные кочевья и удалиться иной раз за сотни километров, где принимали покровительство более гуманного правителя. Степь в этом смысле — саморегулирующийся механизм. Совсем иная ситуация сложилась в Букеевской орде: покинуть ее было сложнее, так как требовалось разрешение российских пограничных властей, хотя казахи и уходили сотнями кибиток за реку Урал. Окруженные с трех сторон военными линиями и пикетами, а с четвертой — Каспийским морем, многие были вынуждены до поры терпеть произвол, а их стада тем временем вытаптывали степи и превращали их в искусственную пустыню. «Скот из года в год огромными массами „топтался“ на одних и тех же пастбищах. В результате эти пастбища, расположенные вплотную к пескам, истощались, вытаптывались и превращались в песчаные степи. Все современники и исследователи Внутренней орды свидетельствуют о том, что количество песков в орде к началу второй половины XIX века значительно увеличилось. Там, где раньше были прекрасные пастбища, через 20–25 лет образовалась безжизненная песчаная степь. Через несколько лет пески уже вплотную подошли к Ставке и стали засыпать ее немудреные строения» [Шахматов, 1946, с. 57]. По этой причине ставку даже предлагали перенести в другое место.

С 1830 по 1860 г. песками были занесены огромные пространства у морского побережья. А.Харузин заметил, что бедность почвы, отсутствие леса, наступление песков вкупе с другими обстоятельствами поставили степи Букеевской орды в практически безвыходное положение. В 1880-х годах казахи массово откочевывали за пределы орды. Степь обезлюдела: «Можно местами проехать 20, 30 и более верст, не встретивши ни одной кибитки, ни одной зимовки и лишь пустую, бесплодную, покрытую пересохшей полынью глинистую степь» [Харузин, 1889, с. 197]. Так закончилась попытка Джангира порвать с прежним

укладом жизни кочевников и отойти от веками шлифовавшихся правил землепользования, нашедших отражение в казахском обычном праве.

Хотя скотоводство было основой основ жизнеобеспечения казахского общества, аналогично другим кочевым народам евразийских степей, казахи охотились на диких зверей и птиц. Охота для большинства казахов-кочевников имела значение подсобного промысла. Очевидно, поэтому она не была детально регламентирована и оставила в адате незначительный след. Впрочем, были среди кочевников и профессионалы, получавшие с охоты немалый доход [Казахи, 1995; Султанов, 1982, с. 60, 61; Радлов, 1989, с. 298–300]. Травля волков и лисиц производилась либо на быстрых лошадях, либо на обыкновенных, но с беркутом или легавой собакой. Лучшим временем считалась поздняя осень, особенно первый снег, в котором зверь вязнет, а неподкованная казахская лошадь бежит легко.

По д'Андре, охотничьи угодья не были разделены не только между индивидуальными охотниками, но даже между казахскими родами и отделениями. «Каждый ордынец имеет право производить звериный промысел или охотиться во всех местах, где только ему заблагорассудится, несмотря, его ли род или отделение на тех местах имеет свои кочевки или зимовки, а посему занимающийся звериным промыслом или охотник имеет полное право ставить капканы, травить зверя собаками или соколом и стрелять, бить там, где только признает удобным, невзирая ни на соседство чужих аулов, ни на права, кои могли бы иметь на зверя другие промышленники или охотники. Одним словом, как степь служит общим достоянием ордынцев, так и звери или птица входят в общую их принадлежность» [д'Андре, 1948, с. 147]. Возможно, так было не всегда. Археологические материалы дают основания полагать, что в раннем средневековье территория между Аралом и Каспием была поделена между охотничьими коллективами, принадлежавшими к разным родам. Родовая собственность на охотничьи угодья и стационарные сооружения — так называемые стреловидные планировки — сохранялась здесь в IX–XIV вв. [Ягодин, 1998, с. 241].

Если в древности охота бывала облавной, то ко времени российской колонизации казахи и другие обитатели Средней Азии охотились преимущественно в одиночку или составляли небольшие временные коллективы. «Нечто похожее на артели представляют, впрочем, охотничьи товарищества, составляющиеся очень редко для охоты за сайгами, куланами, сурками и пр. В товарищества эти собираются 10–20 человек, которые избирают старшину — „отагосы", а затем делят добычу поровну между всеми членами или же по уговорам, разнооб-

разящимся в каждом отдельном случае. Для обыкновенной охоты за маралами, аркарами, за лисицами с беркутом и для рыбной ловли (на озере Зайсанском) никаких товариществ не составляется, и каждый ведет охоту сам по себе, на свою руку» [Материалы, 1886, с. 58].

Споры между охотниками каждый бий решал исходя из своего опыта и находчивости; общих правил не было, за немногими исключениями. Так, если зверь вырывался из капкана и был настигнут собаками чужого аула, загнан на лошади или застрелен посторонним казахом, то поступал в собственность последнего, даже если мог быть легко нагнан поставившим капкан охотником. Однако в случае, когда вырвавшийся зверь был пойман голыми руками или убит палкой пешими посторонними людьми и без помощи собак, он принадлежал охотнику. Чужой мог претендовать на добычу, ушедшую раненой от охотника, если загонял ее на лошади. Когда некто обнаруживал звериную нору и приступал к ее разрытию, он терял монопольное право на добычу, если в этот момент появлялся посторонний человек с намерением помочь достать зверя. Не имело значения, как долго первый наблюдал за норой и ее обитателями, хоть целую осень. Раздел добычи по извлечении ее из норы производился следующим образом: если оказывалась самка или детеныш, то их забирал охотник, а если самец, то он шел в пользу незваного пришельца. Наконец, если пришедший был не один, то зверь без различия пола должен был принадлежать старшему и более почетному из прибывших [д'Андре, 1948, с. 147].

Л.Ф.Баллюзек зафиксировал несколько иную трактовку этого правила. Если прискачет сразу несколько человек, то охотник отдавал трофей девице (замужним женщинам присутствовать на охоте не полагалось). Если девицы не было, то отдавал султану, а в случае отсутствия такового — аксакалу и т.д. по нисходящей. Это правило соблюдалось также при перекочевках, когда ехавшие впереди *кушбачии*[17] затравят зверя. Заяц добычей не считался [Баллюзек, 1948, с. 213, 214].

Убив кулана, охотник был обязан отдать мясо с его спины старшему из вышедших с ним на промысел либо мулле. Ему также вменялось в обязанность отдавать первую лису, попавшую в капкан или пойманную с собакой, любому, кто окажется рядом и предъявит на нее требование, в виде подарка и для успеха будущей охоты. В случае отказа охотник подвергался штрафу [Гродеков, 1889, с. 121, 122]. Поэтому здесь идет

[17] *Кушбачии* — руководители кочевания, вооруженные мужчины, скачущие впереди кочующих. По пути они промышляли охотой.

речь не просто о правилах приличия, а именно об обычном праве в узком смысле этого понятия [Мякутин, 1910, с. 95].

Известно и такое правило: первый добытый охотником зверь шел в пользу старика лишь тогда, когда охотник еще не успел приторочить свой трофей к седлу [Материалы, 1886, с. 43].

Обычай брать добычу из чужого капкана или уступать ее на охоте тому, кто окажется рядом, С.Л. Фукс находил типичным пережитком родового строя у казахов [Фукс, 1981, с. 49, 50]. Проводя параллель с монгольской культурой, этот пережиток придется считать очень устойчивым, так как у монголов родовой строй был изжит достаточно давно — еще в начале XIII в., но и там вплоть до современности полагалось одаривать пришедшего добычей, даже если это был не старик или знатный человек. Претендующий на добытое охотником просто должен был произнести слово *шорлог*, что выражало просьбу получить мяса «на вертел». Охотник отвечал: «Дам!» — и отрезал кусок мяса, передние или задние ноги животного. Не поделиться запрещала традиция, но не закон. Считалось, что тогда «путь для будущей охоты закроется». Однако ни в коем случае не отдавали голову с осердием: удача могла отвернуться от охотника [Вяткина, 1960, с. 172; Кара, 1993, с. 220–225]. У казахов и других тюркских народов Средней Азии тоже бытовало такое слово (*сыралыга, чыралга*), употреблявшееся в тех же ситуациях, что и среди монголов [Гродеков, 1889, с. 122, 126].

При выслеживании зверя по следу, а равно при охоте с соколом и беркутом, по д'Андре, общепринятых правил не было [д'Андре, 1948, с. 147, 148]. Л.Ф. Баллюзек привел два интересных примера того, как бий рассудил охотников. Один охотник преследовал волка и почти догнал его, когда из ближайшего аула появился другой всадник на свежей лошади, быстро нагнал и убил зверя. Первый преследователь утверждал, что добыча принадлежит ему, так как он утомил волка долгой погоней, на что второй возражал, что успех охоты был обеспечен быстротой его лошади. Тогда обратились к бию, и тот рассудил дело следующим образом: «Уступить зверя тому, кто своим преследованием утомил его настолько, что другой настиг его скоро и без особенного труда; или же, если этот другой скорое настижение им зверя приписывает не чему иному, как единственно быстроте своей лошади, то, дав лошадям обеих спорящих сторон дня три отдыха, пустить оных с надлежащей дистанции в состязание самым быстрым бегом. После чего той лошади, которая прибежит первая, отдать и зверя» [Баллюзек, 1948, с. 214]. По-видимому, в данном случае трудность составило то,

что волк не был ранен своим преследователем, иначе он должен был принадлежать второму всаднику.

В другом случае некто увидел лисий след на пороше и решил выследить лисицу, не зная, насколько она далеко. После долгого преследования след привел к норе, возле которой сидел человек, объяснивший, что он случайно заметил эту нору и, подозревая по свежему следу присутствие в ней зверя, намеревается достать его оттуда. Первый возразил, что он уже давно выслеживает лисицу — может быть, еще до того, как второй нашел ее нору, и поэтому добыча должна принадлежать ему. Однако второй ответил тем же: вполне возможно, именно он набрел на нору раньше, чем первый увидел ведущий к ней след. За решением обратились к тому же бию. Видя нежелание претендентов пойти на уступку и мирно поделить добычу, он аллегорически сказал спорящим, что признает за одним из них право на жилище, т.е. на нору, а за другим — на следы квартиранта, т.е. лисицы, и, таким образом, окончательное решение было: «Пусть следчик достает добычу так, чтобы не испортилось жилище, т.е. разложением у самого отверстия норы дыма, посредством которого вообще всеми охотниками принято доставать или выживать зверя из глубины норы, — причем если квартирант выйдет, то отдать его следчику, а если зверь задохнется от дыма и останется на дне жилища, т.е. не выйдет, то предоставить добычу тому, за кем признано право на нору». Поскольку нельзя было предвидеть, выйдет ли лисица или умрет в норе, спорящие согласились на миролюбивую сделку — копать нору сообща и, добравшись до зверя, разделить его между собой [Баллюзек, 1948, с. 214–215].

Капканы на зверя полагалось ставить вдали от кочевий, на таком расстоянии, куда не заходят ни скот, ни люди. Если капкан располагался близко от кочевья и в результате попадания в него пострадали человек или домашнее животное, то хозяин капкана был обязан отвечать сообразно последствиям, а если кто-то получил травму на далеком расстоянии, то ответственности не несли [Добросмыслов, 1904, с. 73, 74].

Отнять пойманную беркутом добычу считалось не воровством, а насильственным взятием подарка — *чыралга* (ср. монг. *шорлог*). Бий в таком случае присуждал вернуть отнятое хозяину беркута, но без уплаты штрафа. Однако присвоить дичь тайно значило совершить кражу, и за это полагался штраф [Гродеков, 1889, с. 161]. Похищение добычи из чужого капкана наказывалось несколькими ударами нагайки [д'Аидре, 1948, с. 147], а по Н.И.Гродекову, взявший из капкана лису вообще мог просто ее присвоить в соответствии с обычным правом, и это не квалифицировалось как воровство. Но брать сам капкан означало

совершить кражу. А если кто-то брал без разрешения и капкан, и лису, то на суде приговаривали вернуть капкан, но требовать с него лису никто не имел права [Гродеков, 1889, с. 121, 122]. Заслуживает внимания комментарий А.И.Мякутина к этому закону: право собственности на попавшего в капкан зверя охотник получает не ранее, чем возьмет его из капкана в свои руки, а до того зверь ему не принадлежит [Мякутин, 1910, с. 46].

В сборнике по обычному праву, опубликованном Д.Я.Самоквасовым, указывается, что за умышленную порчу чужих капканов или сетей виновный должен был заплатить их цену, и в народе он с тех пор считался нечестным, а за кражу — втрое больше. Втрое же платил укравший из капкана добычу [Самоквасов, 1876, с. 274]. Последнее находится в явном противоречии с изложенным выше, что обусловлено, скорее всего, неточностью сведений Самоквасова, которыми, как неоднократно подчеркивалось специалистами по адату, надо пользоваться с известной осторожностью.

Бурятское обычное право было менее снисходительным к нарушителям охотничьих правил: «Если кто будет охотиться на отданном во владение по закону кому-либо другому звероловном угодье или украдет зверя из поставленных кем-либо самострелов, капканов, ям, то приспособленное отобрать и отдать настоящему хозяину, а виновного проучить лозами» [Цыбиков, 1970, с. 56].

Еще строже в этом отношении было монгольское средневековое законодательство. Укравший попавшего в чужой капкан зверя должен был заплатить штраф в размере от одной до семи голов скота — в зависимости от ценности меха животного [Их цааз, 1981, с. 22]. Хотя правовые установления монголов, несомненно, уходят корнями в обычное право, Монголия пережила имперский период своей истории, окончательно не забытый, видимо, и в эпоху феодальной раздробленности и нашедший отражение в законотворчестве монголов.

По «Жеты Жаргы», стоимость раба приравнивалась к стоимости беркута или охотничьей собаки [Левшин, 1948, с. 21; Султанов, 1982, с. 257]. Впрочем, не приходится сомневаться, что хороший беркут ценился несоизмеримо выше невольника, если только последний не принадлежал к знатному роду и за него нельзя было получить богатый выкуп[18]. Монгольское законодательство приравнивало ловчую птицу по цене к лошади [Их цааз, 1981, с. 28]. Если убивший чужую охотничью собаку или птицу казах не имел рабов, он мог откупиться 15 кобылами [Самоквасов, 1876, с. 277]. Для сравнения: если кто-то

[18] Об этом см. [Симаков, 1998].

убивал без причины обычную собаку, он должен был дать хозяину такую же собаку или одного барана [Самоквасов, 1876, с. 276].

Говоря об отражении в казахском обычном праве вопросов кочевого хозяйства, нельзя не отметить такое специфическое явление, как *аламан* — набеги на соседей с целью грабежа. Адат был довольно снисходителен к налетчикам-сородичам. Грабеж в древности и средние века — неотъемлемый компонент жизнеобеспечения кочевого общества, позволявший компенсировать органическую нехватку в степи определенной продукции, если сделать это мирными способами почему-либо не удавалось или считалось нежелательным[19]. Он широко практиковался народами Центральной Азии еще с дохуннуских времен, а также тибетцами, арабами и другими народами и порой представлял собой важную часть внешней политики номадных обществ, позволявшую добиваться «подарков» и открытия приграничных рынков. Преследовать такие набеги в судебном порядке было нереально, но их приходилось упорядочивать, чтобы не сделать саморазрушительными по своим последствиям для самих же кочевников. Отношения с соседями должны были быть компромиссными, не доводящими до слишком жесткой реакции.

Важной составной частью обычного права казахов был поиск справедливости при помощи *барымты*, внешне напоминавшей грабительский аламан, но имевшей совершенно иные предпосылки и социальное значение. Когда вследствие тех или иных причин не удавалось взыскать с ответчика полагавшееся количество скота, закон позволял неудовлетворенной стороне взять его силой. С этой целью и организовывалась барымта — вооруженный набег на кочевье ответчика. Разрешалось, в зависимости от обстоятельств, угнать либо то количество скота, которое причиталось по решению бия, либо кратное число. Излишек, как правило, впоследствии возвращался хозяевам. Русские власти относились к институту барымты отрицательно, хотя порой сами прибегали к ней как к последнему средству обуздания своевольных кочевников. Правоведы подчас доказывали ее полезность в разрешении конфликтов [Словохотов, 1905, с. 49].

Скот, как для кочевника самое дорогое[20] и даже сакральное [Аргынбаев, 1975; Быков, 2003, с. 56], использовался при заключении

[19] Из недавних содержательных публикаций по теме заслуживает внимания монография Ю М.Ботякова [Ботяков, 2002].

[20] Не случайно, приветствуя друг друга, казахи сначала спрашивали о благополучии скота, а затем уже о людях. В отличие от имущества (*мульк*) скот назывался богатством (*даулет*).

клятв у казахов в XIX в. почти так же, как у монголов в XII в. Объединившись против общего врага, казахи клялись не изменять общему делу, не выдавать друг друга неприятелю, честно делить добычу и для освящения своего союза резали скотину, говоря: «Пусть будет убит, подобно этому животному, тот, кто изменит этому условию» [Гродеков, 1889, с. 223–224]. Когда несколько монгольскнх родов заключали военный союз против Чингис-хана и Ван-хана, они клялись «клятвой, крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и [при этом] говорят: „О Господь неба и земли[21], слушай, какую клятву мы приносим! Эти [самцы] — корень и мужское начало этнх животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 117]. Подобные клятвы приносили и другие народы, иногда убивая животных нарочнто жестоко и расчленяя их. Как правило, для этой цели употреблялся домашний скот, в редких случаях — дикие животные, например обезьяны у тибетцев в раннем средневековье. Смысл подобных действий заключался в магическом уподоблении животных родам клянущнхся людей. Как нарушение целостности костяка скотины препятствовало ее последующему возрождению в стаде ее хозяина, так и клятвопреступник лишался в дальнейшем связи со своим родом, не мог прнобщнться к сонму духов предков.

В так называемых традиционных обществах, где сильно родовое начало, человеческий коллектив нацелен на теоретически бесконечно долгое сохраненне привычного образа жизнн, включая природопользованне как его материальную основу. Соответственно он кровно заинтересован в том, чтобы качество среды его обитания не ухудшалось. Следование раз и навсегда заведенным правилам, обычаям и запретам позволяет избегать нзлишнего экспериментнрования, нередко сопряженного с большим риском, в том числе и в отношенни системы жизнеобеспечення — в данном случае кочевого скотоводства. На страже этих порядков стоит обычное право. С одной стороны, оно консервативно в силу консервативностн самого социума, с другой — приспосабливается к пронсходящим изменениям н порой демонстрирует гибкость, недостижимую писаным законом более развитых обществ. Столкновение разных правовых систем порождает конфликт, в котором

[21] Это выражение, приводимое Рашид ад-Дином, скорее всего, не соответствует словам средневековых монгольских кочевников, для которых не существовало единого божества, объемлющего и небо, и землю. Вероятно, в свидетели клятвы призывались обожествленные Небо — Тенгри и Земля — Этуген-эхэ.

обычное право чаще всего проигрывает, и при этом определенный урон терпит само общество, перестающее быть традиционным. И в Казахстане, и в Монголии насильственное вытеснение веками сложившихся норм природопользования различными законодательными нововведениями обернулось очень большими потерями как для окружающей среды, так и для экономики этих стран.

д'Андре, 1948 — Описание киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона. Отчет чиновника особых поручений Оренбургской пограничной комиссии д'Андре // Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. А.-А., 1948.

Аргынбаев, 1975 — *Аргынбаев Х.* Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.

Аристов, 1896 — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896, вып. III–IV.

Баллюзек, 1948 — *Баллюзек Л.Ф.* Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // Материалы по обычному праву казахов. Сб. 1. А.-А., 1948.

Бартольд, 1964 — *Бартольд В.В.* Улугбек и его время // Соч. Т. II. Ки. 2. М., 1964.

Ботяков, 2002 — *Ботяков Ю.М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб., 2002.

Быков, 2002 — *Быков А.Ю.* Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002.

Быков, 2003 — *Быков А.Ю.* Россия и Казахстан (XVII–XIX вв.) // Тюркологический сборник. 2002. М., 2003.

Валиханов, 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз // Собр. соч. Т. 4. А.-А., 1985.

Восемнадцать законов, 2002 — Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Текст, транслит., пер. А.Д.Насилова. СПб., 2002.

Вяткина, 1960 — *Вяткина К.В.* Монголы Монгольской Народной Республики // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. М.; Л., 1960, т. 60.

Гродеков, 1889 — *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I: Юридический быт. Таш., 1889.

Гурлянд, 1904 — *Гурлянд И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие // Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. Казань, 1904, т. XX, вып. 4–5.

Добросмыслов, 1904 — *Добросмыслов А.И.* Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904.

Дробышев, 2005 — *Дробышев Ю.И.* К типологии средневековых заповедников Центральной и Средней Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004. М., 2005.

Шахматов, 1946 — *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. А.-А., 1946.

Шахматов, 1964 — *Шахматов В.Ф.* Казахская пастбищно-кочевая община (вопросы образования, эволюции и разложения). А.-А., 1964.

Ягодин, 1998 — *Ягодин В.Н.* Проблемы палеоэкологии и палеоэкономики средневекового Арало-Каспия // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

И.В.ЗАЙЦЕВ
(Москва)

Кокандец в Стамбуле

(Из Коканда «прелестного» в «вилайет Исламбол»: две московские рукописи и кокандская миссия в Стамбул 1838–1840 гг.)

В двух московских книжных собраниях — Государственной публичной исторической библиотеке (ГПИБ) и Музее книги Научной библиотеки Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД — хранятся два манускрипта, тесно связанные между собой. Приведем их описание.

1. Кабинет Востока ГПИБ (инв. КВ 15283; шифр: Перс. яз. А-724) مجموعه الشعرا. Название сборника дано по колофону[1]. Рукопись представляет собой поэтическую антологию, содержащую стихи разных персидских поэтов (бейты некоторых из них помещены в известном «Саибовом Ковчеге») на фарси, расположенные в порядке рифм, а именно: Вакыфа, Джами, Дарвиша, Матина (Мухаммед Али-хан Матин), Сами, Шаика, Таида, Хайа, Урфи, Сайида, Иштиака, Мирзы Саиба, Хасана, Тавфика, Навида, Калима, Раджи, Мафтуна, Рафика, Иршада, Алима, Ишрата, Мавида, Баки, Ифсаха, Шакиба, Садика, Шавката, Лямии, Ашки, Шаджаата, Рагабада, Зухури, Мухлиса Каши, Аббаса, Мунира, Бидиля, Моллы Амина, Кабула, Карами, Шохрата, Хафиза. Назирн. Суфи, Махараджи Бахадыра. Устада. Фнтрата, Вахида, Шахиди, Шахн. Амира[2].

Точных аналогов водяным знакам бумаги основной части найти не удалось, но близкие к ним или их отдельные элементы встречаются на

[1] О названиях для поэтических сборников см. [Персидские, 1964, с. 12].

[2] К сожалению, *не имея под рукой текста антологии кокандской поэзии* («Маджмуа-йи шуара» Абд ал-Карима «Фазли» Намангани), мне сложно сказать, в какой степени текст этой антологии совпадает с текстом рукописи ГПИБ.

© И.В.Зайцев, 2006

османских документах 20–40-х годов XIX в., что не противоречит дате переписки манускрипта (см. ниже). Листы антологии имеют размер 17,2×23,6 см. Текст расположен в рамке, выполненной золотом. Размер рамки — 9,5×15,5 см. Поля: правое — 6 см, левое — 1,5, верхнее и нижнее — по 4 см. Почерк — неплохой *насталик*, имеются *хафизы*, по 13 строк на странице. Басмала отсутствует. Имена поэтов и названия поэтических форм выписаны красными чернилами.

Источник попадания в ГПИБ, скорее всего, покупка (на обороте обложки имеется слабо различимый оттиск печати *Могиз Магазин № 79* и чуть ниже цена — *250 р.*). Рукопись отреставрирована в ГПИБ и в настоящее время находится в хорошем состоянии (крышки переплета оригинальные, обтянутые кожей, корешок новый).

Рукопись украшена прекрасными и весьма незаурядными (по крайней мере на вкус автора, который не является специалистом-искусствоведом) миниатюрами в каджарском стиле. На некоторых листах оставлены чистые места для миниатюр, однако художник, вероятно, не смог или не успел заполнить их рисунком. Обороты листов с изображениями, как правило, оставлены чистыми, так как краска, впитываясь в бумагу, оставляла темные пятна на оборотах.

Согласно колофону (л. 265об.): сборник (این کتاب مجموعه الشعرا) был переписан в Стамбуле (Исламбуле — در ولایت اسلامبول) в 1255 г.х. (соответствует 1839-40 г.) Мухаммадом Рахимом Хоканди (محمد رحیم خوقندی). Нисба говорит о его среднеазиатском происхождении.

Рукопись экспонировалась на выставке «Исламская рукописная книга из московских собраний» (Государственный исторический музей, 17 августа — 20 сентября 2004 г.) [Исламская, 2004, с. 24, № 27, нл. — разворот с двумя миниатюрами на с. 59].

Эта рукопись ГПИБ не единственный манускрипт из московских коллекций, переписанный Мухаммадом Рахимом Хоканди.

2. В собрании МГИМО (№ 159 предварительного списка коллекции) хранится арабская рукопись مختصر الوقاية из библиотеки бывшего Лазаревского института (в старом каталоге рукопись числилась под № 9724х) — в колофоне на л. 139 сказано, что Мухаммад Рахим Хоканди сперва начал писать ее в Коканде, а закончил в Стамбуле (Исламбуле) в начале зу-л-када 1254 г.х. (начало 1839 г.), из чего можно заключить, что приехал он из Коканда в Стамбул ннкак не позднее 16 января 1839 г. (когда начался зу-л-када 1254 г.х.) и в следующем, 1255 г.х. все еще жил там. Переплет европейский, XIX в. (картон, оклеен мраморной бумагой, кожаный корешок, 15,5×25,7 см). На фор-

заце неуверенным (почти ученическим) почерком конца XIX — начала XX в. по-русски дано описание рукописи со ссылкой на другой номер Лазаревского собрания — № 9723 — ал-Викая. Листы 1–4 поздние, бумага европейская. Оригинальная часть — восточная, бумага среднеазиатская, грубая, неважная по качеству. Почерк *насталик*, чернила черные, 9 строк на странице, многочисленные пометки и комментарии на полях. Начало на л. 2об. оригинальной части. Названия разделов и книг даны красными чернилами, текст без рамки, занимает пространство приблизительно 8×18 см. Между листами 73 и 74 вложен листок с персидскими стихами на одной стороне (почерком *насталик*) и письмом на русском языке («Асан Иванович, по Вашему назначению я все исполнил: то есть: я к трем рублям сереб. еще прибавил семь рублей и $50^1/_2$ коп. То и прошу Вас оставить кому заблагоразсудится деньги, а я из суда (?) зайду». Подпись неразборчива — «Рашид» ?). Листы 142–145 чистые. Всего 149 листов оригинальных. На подплетенных листах европейской бумаги (л. [150–151]) стихи.

Почерки двух рукописей (ГПИБ и МГИМО) идентичны.

Личность переписчика (а возможно, художника и вероятного владельца) двух московских манускриптов, безусловно, заслуживает дальнейших изысканий, однако мне кажется возможным связать Мухаммада Раҳима «Кокандского» (Хоканди) с кокандским посольством в Стамбул 1838–1840 гг.

В Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA) хранятся несколько документов этого посольства. 1 джумада II 1254 г.х. (1 августа 1838 г.) был подписан указ (*ирade*) о подготовке церемонии приема кокандского посла и подарках (BOA, Hatt-ı Hümayun, Nu. 36563)[3].

Письмо кокандского правителя, датированное началом реджеба 1253 г.х. (1–10 октября 1837 г.), было написано на фарси и сообщало об отражении вражеского нападения на кокандские владения, прибытии иранского посла и выражало надежду на продолжение отношений (BOA, Hatt-ı Hümayun Tasnifi, Nu. 32100-E) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 16 (№ 25)]. Посольство привезло в Стамбул падишаху многочисленные подарки от кокандского хана: разнообразные материи и лошадей — перечень этих подарков также сохранился (BOA, Hatt-ı Hümayun, Nu. 32100-D) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 17 (№ 26)]. Кокандская миссия была довольно многочисленной: в списке подарков от османского двора членам посольства (1254 г.х./1839 г.) упомянуты сам посол, его

[3] Эти сведения я почерпнул из каталога выставки [Başbakanlık, 2004, с. 16 (№ 24-A)], см. также [Osmanlı, 1992].

сын, кетхуда, казначейский писарь и еще 41 сопровождающее лицо из свиты (BOA, Hatti-i Hümayun, Nu. 32100-A) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 18 (№ 27-C)]. Вероятно, в число этих лиц и входил Мухаммад Рахим.

Политическая причина посольства была весьма прозрачна. Коканд со всех сторон был окружен мощными противниками — Бухарой, русскими и Китаем[4]. В устной беседе посол высказал желание хана о присылке специалистов по артиллерии (BOA, Hatti-i Hümayun, Nu. 36565-A) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 18 (№ 27-B)].

При отъезде в том же, 1254 г.х. посольству были выданы подарки, а также деньги на дорожные расходы. В Коканд миссия увозила августейшее послание (*наме-йи хумайун*) падишаха хану, орден и саблю (BOA, Hatti-i Hümayun, Nu. 36550) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 18 (№ 27-D)].

За время пребывания посольства в Стамбуле там сменилась власть. 1 (по другим данным, 3) июля 1839 г. умер Махмуд II, и на престол вступил его сын Абдулмеджид. Абдулмеджид оповещал кокандского хана Мухаммеда Али о своем вступлении на престол специальным письмом, датированным 1255 г.х. (BOA, Name-i Hümayun Defteri, Nu. 11, с. 203, Hüküm Nu. 253) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 17 (№ 27)]. 2 ноября 1839 г. был обнародован так называемый Гюльханейский хатт.

По случаю предстоящего приема кокандского посла ему заранее было выдано 25 тыс. курушей (26 зу-л-када 1254/10 февраля 1839 г.) (BOA, Hatti-i Hümayun, Nu. 33181) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 17 (№ 27-A)].

Вероятно, после исполнения посольской миссии везир кокандского хана Сейид Бахадыр отправился в Мекку (в архиве Башбаканлык есть документ 1255/1840 г. относительно его возвращения из хаджа в Стамбул) (BOA. Hatti-i Hümayun, Nu. 36564) [Başbakanlık Devlet, 2004, с. 19 (№ 28)].

Как попали две рукописи Хокандн из Стамбула или Коканда в Москву, остается только гадать. Вероятно, ключ к разгадке кроется в загадочном «Асане Ивановиче», который упомянут во вложенной в рукопись МГИМО записке с текстом на русском языке, подписанной не менее загадочным Рашидом (?).

Это кокандское посольство в Стамбул было далеко не первым в истории связей двух стран в XIX в. В 1831 г. кокандский посол был отправлен в Стамбул через Хиву, минуя Бухару. На обратном пути ди-

[4] Об отношениях Коканда с Китаем в указанное время см. [Newby, 2005].

пломат умер в Иране от чумы. Та же участь постигла и большинство его спутников. П.И.Демезон писал об этом так: «Его сын и пять или шесть всадников, оставшихся от свиты, приехали 31 января[1] из Мешхеда в Бухару и остановились в караван-сарае Исмаил-Ходжа. Они везли с собой великолепную саблю, посланную султаном в подарок коканскому хану». Именно эта сабля чуть не стала причиной новой войны между Бухарой и Кокандом. Батур-хан (эмир Бухары Насрулла-хан, правивший в 1826–1860 гг.) пожелал посмотреть на нее и приказал сыну посла прислать ее ко двору. «Сын посла ответил, что хан просит у него невозможного, так как сабля находится в футляре, опечатанном печатью самого халифа, и он не может сломать печать, не рискуя остаться без головы по возвращении в Кокан. Хан, раздраженный отказом, повторил угрожающим тоном приказ передать ему саблю, которую он обязательно хочет видеть. На этот приказ сын посла ответил, что если хан имеет твердое намерение совершить над ним насилие и оскорбить коканского хана, его господина, и халифа (султана), сломав печать, то должен овладеть этой саблей силой, так как добровольно он не согласится отдать ее в чьи бы то ни было руки, кроме своего господина». Оскорбленный этим ответом, хан приказал выгнать посольство из города, передав сыну посла, что он может возвращаться в Коканд той же дорогой, какой ехал в Стамбул. «Все думали, что он вместе со своей свитой будет отдан в руки туркменов, и считали их уже мертвыми, пока не узнали, что они прибыли в Хиву». Этот поступок Батур-хана был неслыханным оскорблением для хана Коканда Мухаммеда-Али и фактически означал объявление войны. К ней и начали готовиться, и только невероятные усилия бухарского кушбеги, который живо описал хану все возможные несчастья, которые принесет война, смогли предотвратить неминуемый конфликт [Записки, 1983, с. 69–70].

Из «Тарих-и Шахрухи» мы узнаем и некоторые другие подробности этого посольства. Из Коканда в Стамбул с дарами были посланы шарбатдар Абд ар-Рахман (именно он и умер на обратном пути) и ахунд Дамулла Ер-Назар. Кроме сабли, о которой упоминал Демезон, посольство получило в Стамбуле от султана и другие подарки, в частности два обрезка ногтей и один волос пророка Мухаммада. По случаю счастливого возвращения посольства Мадали устроил всеобщий пир [Бейсембиев, 1987, с. 106–107; Ниязмухаммед, 1885]. Согласно османскому документу, послы выехали из Коканда 19 октября 1831 г.,

[1] В 1834 г., когда Демезон уже был в Бухаре.

в Стамбул прибыли 21 октября 1832 г., а приняты султаном при дворе 4 января 1833 г. [Bacqué-Grammont, 1972, с. 194, 198, 229] (через год, 31 января 1834 г., как мы уже знаем, они были в Бухаре).

Связи Коканда со столицей Османской империи не прерывались и после вхождения города в состав Российской империи. Некоторые кокандцы жили в Стамбуле и в конце XIX — начале XX в. (в основном это были купцы и *улемы*), наконец, многие через Стамбул совершали хадж. Так, в конце декабря 1880 г. выдающийся татарский просветитель, богослов и историк Шигабутдин Марджани, возвращаясь из Мекки, встретил в Стамбуле одного знакомого ему кокандца — мирзу Абдаррахима [Очерки, 2003, с. 70].

Бейсембиев, 1987 — *Бейсембиев Т.К.* «Та'рих-н Шахрухи» как исторический источник. А.-А., 1987.

Записки, 1983 — Записки П.И. Демезона // Записки о Бухарском ханстве. М., 1983.

Исламская, 2004 — Исламская рукописная книга из московских собраний / Islamic Manuscripts in Moscow Collections. Государственный исторический музей, 17 августа — 20 сентября 2004 г. Каталог выставки. Автор-составитель И.В Зайцев. М., 2004.

Ниязмухаммед, 1885 — *Ниязмухаммед б. Ашур Мухаммед.* Тарихи-Шахрохи. Казань, 1885.

Очерки, 2003 — Очерки Марджани о восточных народах. Вступит. ст., коммент., пер. с арабского, старотатарского языков и примеч. А.Н.Юзеева. Казань, 2003.

Персидские, 1964 — Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (краткий алфавитный каталог). Под ред. Н.Д.Миклухо-Маклая. Ч. I. М., 1964.

Bacqué-Grammont, 1972 — *Bacqué-Grammont J.-L.* Türân: Une description du Khanat de Khokand vers 1832 d'après le document ottoman // CMRS. 1972. XIII. № 2.

Başbakanlık Devlet, 2004 — Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü. Belgelerle Osmanlı Devleti — Türkistan İlişkeleri (16.–20. yüzyıl arası). 4–6 Ekim, Bişkek. Ankara, 2004.

Newby, 2005 — *Newby L.J.* The Empire and the Khanate. A Political History of King Relations with Khoqand, c. 1760–1860. Leiden–Boston, 2005 (Inner Asian Library. Vol. 16).

Osmanlı, 1992 — Osmanlı Devleti ile Kafkasya, Türkistan ve Kırım Hanlıkları Arasındaki Münasebetlere dair Arşiv Belgeleri (1687–1908). Ankara, 1992 (T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü Osmanlı Arşivi Daire Başkanlığı. Yayın № 3).

С.Г.КЛЯШТОРНЫЙ
(Санкт-Петербург)

Манихейский мотив в древнетюркской «Книге предзнаменований»

Рукопись *Irq bitig* («Книга предзнаменований») является письменным памятником, издавна привлекавшим внимание многих исследователей. Действительно, эта книга наполнена разнообразным культурным содержанием, требующим адекватной научной интерпретации. До недавнего времени, однако, многие вопросы, относящиеся к содержанию и даже точной дате составления и источникам рукописи *Irq bitig*, оставались непроясненными. Благодаря блестящему исследованию Дж.Р.Гамильтона теперь уже очевидно, что рукопись *Irq bitig* была закончена 17 марта 930 г. в манихейском монастыре Великого Облака (*taygüntan manystan*. кит. *tavung t'ang*). Ее автор или составитель, который был младшим клириком (*kičig di(n)tar*), посвятил свой труд старшему брату, военачальнику Ит Ачуку [Hamilton, 1975].

Принимая во внимание место создания памятника, вероисповедание его автора и его социальное положение, казалось бы, можно было обнаружить в книге следы манихейства. Однако в ней пока не выявлено никаких следов манихейского влияния или очевидных параллелей с манихейской письменной традицией, за исключением некоторых описаний, правда самого общего плана [Gabain, 1964]. Тем не менее один фрагмент из рукописи *Irq bitig* может оказаться в связи с этим интересным. Я имею в виду раздел XIX «Книги предзнаменований», в котором рассказывается о Белой Лошади. Вот текст этого фрагмента:

Aq (a)t q(a)rš(ï)sïn üč boluγta t(a)lulap(a)n (a)γ(ï)nka otügka ïdmïš tir. Qorqma, (ä)dgüti ötün: (a)ynma, (ä)dgüti y(a)lb(a)r tir. (A)nča biliŋ: (ä)dgü ol.

«Белый конь, избрав своего противника в трех состояниях бытия, принудил его к покаянию и молитве, говоря: „Не бойся! Молись

© С.Г.Кляшторный, 2006

хорошенько! Не страшись! Умоляй хорошенько! Так знайте – это хорошо!"».

Может показаться, что данный отрывок вообще лишен смысла, и это даже побудило сэра Дж.Клосона заметить: «Раздел XIX совершенно неясен» [Clauson, 1961]. Более двадцати лет назад я предпринял попытку выяснить значение этого фрагмента, предложив новое чтение имеем главного действующего лица. Вместо *aq at*, «Белый конь», я читал *aq ata* — «Белый отец», имея в виду манихейского священника, облаченного в белую одежду [Кляшторный, 1981]. Я предположил, что второе слово в именн было недостаточно четко написано или что мы имеем здесь дело с ошибкой переписчика, но это предположение было совершенно справедливо отвергнуто Петером Циме [P.Zieme's review, 1984].

Таким образом, вопрос остался нерешенным: ни в тюркском фольклоре, в котором лошадь всего лишь спутник или помощник главного героя, ни в манихейской традиции лошадь не предстает в качестве мудрого духовного наставника или религиозного учителя. В связи с этим очень трудно предложить более или менее убедительную трактовку цитнрованного мною выше фрагмента в целом.

Буддийские заимствования в манихейской литературе, как кажется, могут несколько расширить круг возможных интерпретаций данного текста: история о юном принце Бодисаттве, опубликованная В.Бангом, является примером одного из таких заимствований непосредственно из буддийской традиции [Bang, 1931]. В этой истории повествуется о том, что юный принц покинул дворец и отправился странствовать по улицам города на своем белом коне по кличке Кантака (или Чандака, это имя также фигурирует в тексте). Впервые в жизни принц увидел такие вещи, как болезнь, старость и смерть. Он просит своего коня объяснить ему смысл этих вещей, и конь, выступая в роли духовного наставника и учителя, рассказывает принцу о пороках человеческой жизни и цикле бытия.

Мы обнаруживаем изображение странствий принца Бодисаттвы на его белом коне по имени Кантака на одной из стенных росписей манихейского храма в Кочо (рис. 1). Х.-И.Климкайт, предпринявшй исследование этой сцены, убедительно доказал, что она относится к манихейской изобразительной традиции: почтительный жест (*vitarqa-mudrā*), который Бодисаттва делает левой рукой, полностью соответствует манихейскому ритуалу [Klimkeit, 1984].

Можно предположить, что буддийский образ принца Бодисаттвы, едущего верхом на белом коне по имени Кантака (его духовном наставнике), проникший в манихейскую письменную и изобразительную

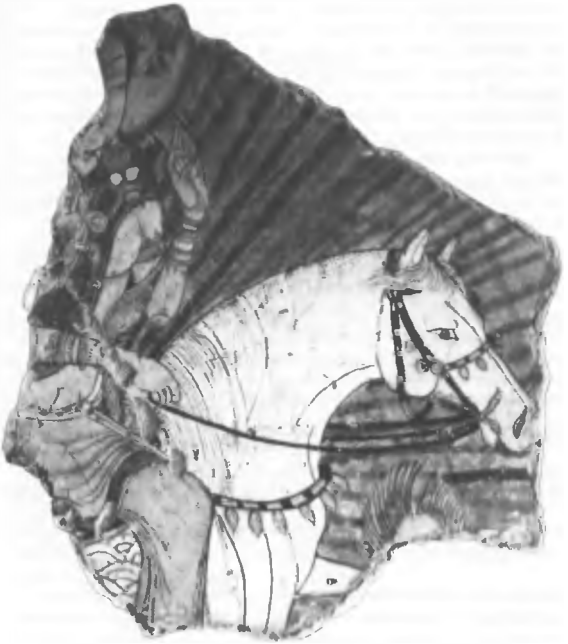


Рис. 1.
Принц Бодисаттва верхом на своем белом коне по кличке Кантака.
Фрагмент стенной росписи в Кочо
(Турфан, Восточный Туркестан), IX в. Высота — 27 см
(по: *Rowland B.* Zentralasien. Baden-Baden, 1970)

традиции, получил свое дальнейшее развитие в XIX разделе рукописи *Irq bitig*. В этой истории конь-наставник превращается в самостоятельный персонаж, отделенный от того, кого он, по-видимому, учит и кто конкретно не поименован в тексте отрывка. Этот конь призывает его молиться и каяться, для того чтобы одолеть врага (злые силы?), и эти наставления и призывы появляются в тексте наряду с обычной для тюркской космогонии трехчастной схемой мироустройства, наглядно демонстрируя всю сложность процесса развития манихейских идей в тюркском обществе.

Таким образом, если принять предложенную мной трактовку XIX раздела рукописи *Irq bitig*, то можно обнаружить следы присутствия несомненно манихейского (лишь ретроспективно буддийского) мотива в древнетюркской «Книге предзнаменований».

Кляшторный, 1981 — *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

Hamilton, 1975 — *Hamilton J.* Le colophon de l'Ïrq bitig // Turcica. Revue d'études turques. 1975. T. VII.

Gabain, 1964 — *Gabain A. von* Die alttürkische Literatur // Philologiae Turcicae Fundamenta. 1964.

Clauson, 1961 — *Clauson G.* Notes on the "Irq bitig" // Ural altaische Jahrbücher. 1961. XXXIII/3–4.

P.Zieme's review, 1984 — P.Zieme's review in "Orientalische Literatur Zeitung". 1984, 79/4.

Bang, 1931 — *Bang W.* Manichäische Erzähler // Le Muséon. 1931, t. XLIV.

Klimkeit, 1984 — *Klimkeit H.-J.* Das Pferd Kantaka — Symbol buddhistischer Erzähl- und Kunstelemente im zentralasiatischen Manichäismus // Aus dem Osten des Alexanderzeits. Festschrift für Klaus Fischer. Koln, 1984.

В.П.КОСТЮКОВ
(Челябинск)

Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»?

Одно из стержневых положений золотоордынской историографии — как отечественной, так и зарубежной — состоит в том, что установление монгольского господства над западной половиной Степи мало повлияло на ее демографию. Автохтонные племена и кланы кипчаков стали главным компонентом кочевого населения Золотой Орды и сравнительно быстро ассимилировали завоевателей. Параллельно со сплошной «кипчакизацией» той части Степи и ее периферии, которые оказались под властью Джучидов, кипчаки активно участвовали в этнических процессах во многих странах за пределами Золотой Орды — от Китая до Египта. Справедливость тезиса «кипчаки суть абсолютное большинство золотоордынского кочевого населения», сформулированного еще в первых опытах изучения Золотой Орды, по существу, никогда не ставилась под сомнение. Это неудивительно, учитывая экстраординарно солидный фундамент исторических, археологических, лингвистических и антропологических аргументов, на котором он покоится.

Однако когда автору в целях этнокультурной интерпретации археологических памятников с предполагаемой территории Улуса Шибана пришлось, по необходимости особо тщательно, проверять надежность отождествления его населения с кипчаками, появилась почва для сомнений. К немалому удивлению, ни в письменных сообщениях, которыми исследователи давно и привычно пользуются, ни в данных других источников, освещающих этническую проблематику Золотой Орды, должного подтверждения указанного тезиса найдено не было. Более того, обнаружилось, что многие находящиеся в научном обороте материалы часто прямо ему противоречат. Оценками и наблюдениями,

© В.П.Костюков, 2006

сделанными при рассмотрении основных доводов в пользу означенного тезиса, мне и хотелось бы поделиться в предлагаемой статье.

Первоочередного внимания заслуживают наиболее важные, так сказать, окончательные аргументы. В их ряду фрагмент из сочинения ал-Омари не имеет аналогов, поскольку без его воспроизведения не обходится ни одна работа, касающаяся этнического пейзажа Золотой Орды. Такая популярность во многом объясняется совершенством формы, в которой мысль ал-Омари была передана В.Г.Тизенгаузеном: цитирование становится привлекательным из одних эстетических побуждений[1]. Не обойтись без него и здесь, но в интересах последующего обсуждения знаменитую цитату придется привести в чуть более пространном, чем обычно, виде, позволив ал-Омари высказаться до конца: «В древности это государство было страною Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар), и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе, как мы сказали уже выше. Иногда же замечается большая или меньшая разница цвета (тела) вследствие другой (какой-нибудь) причины, помимо влияния страны» [Тизенгаузен, 1884, с. 235].

Если бы процитированный текст был единичным свидетельством этнических процессов в Золотой Орде, то требования критического анализа заставили бы любого исследователя сделать по меньшей мере два самоочевидных заключения. Во-первых, в рассказе нет ничего, что прямо указывало бы на количественное преобладание в государстве Узбека кипчаков над монголами (татарами) как на причину «кипчакизации». Среди причин приобретения монголами сходства с кипчакамн есть свойства земли или страны, брачные связи, фактор времени, но нет

[1] Чтобы ощутить вклад В.Г.Тизенгаузена в приобретение известности суждения ал-Омари, полезно посмотреть, как оно изложено Й.Марквартом, отличавшимся стремлением к буквальной точности перевода: «Кипчаки, которые прежде имели собственное государство, были побеждены. Поскольку победители поселились в этой стране и путем браков объединились с ее жителями, в сочетании с воздействием климата это привело к тому, что их внешность изменилась, так что в настоящее время оба народа внешне уже не различаются» [Маркварт]. Как видно, в переводе Й.Маркварта нет и тени стилевой изысканности, зато он явственно обнаруживает истинный смысл высказывания ал-Омари

многочисленности кипчаков. При этом автор особо подчеркивает роль, которую играли в описываемом процессе свойства земли. Речь, несомненно, идет о воздействии природной среды, «климата».

Во-вторых, ал-Омарн говорнт об уподоблении монголов кипчакам лишь в самом общем внде. Какне нменно черты и свойства восприняли монголы в земле кипчаков, автор не раскрывает. Упоминается лншь один прнзнак — цвет кожи, но при этом остается не вполнс ясным, относится ли это замечанне к сюжету об уподоблении монголов кипчакам или же просто представляет собой ремарку эрудита. Если слова о цвете кожи относятся все-таки к населению Золотой Орды, то не ясно, свелнсь ли перемены только к измененню пигментации или оно выделено лишь как одна нз многих сторон предполагаемой метаморфозы.

Нетрудно заметнть, что в словах ал-Омари нет данных об ассимиляцин монголов, как она в причинно-следственной и содержательной части трактуется исследователями и для доказательства которой эту цнтату обычно привлекают. Разумеется, ее можно ннтерпретировать в том смысле, что малочисленные монголы постепенно растворились в массе кипчаков, утратив свои физнческие черты, язык и традиции. К такому пониманню, кстати, подвигает нарочито мягкая характеристика завоевания: монголы «завладели» страной кнпчаков, а кипчаки «сделалнсь их подданнымн». Тем не менее и при столь дипломатичной оценке захвата Дешт-и Кипчака[2] необходима дополнительная аргументация. Следовательно, с точки зрення строгой критики умозаключение ал-Омарн само по себе исчерпывающим обоснованием тезиса о растворении монголов средн кнпчаков служить не может.

Но о чем в таком случае сообщает или намеревался сообщить автор? На мой взгляд, смысл рассуждения становнтся более рельефным на фоне общего восприятия и оценок ал-Омари государства Узбека. Прежде всего следует отметить, что цитата является органичной частью текста, значнтельная доля которого касается различных аспектов торговли людьми в Золотой Орде. Как раз после рассказа о самом свежем событни в этой актуальнейшей для мамлюкского Египта

[2] Ср. описание причины появления кипчаков в Египте современником ал-Омари, ан-Нувейри: «[Монголы] обрушились на них [кипчаков] и принесли им смерть, рабство и захват. В это время торговцы купили [этих пленников] и привезли их в [различные] страны и города» [Amitai-Preiss, 1995, с. 18]. Да и сам ал-Омари в главе о Чагатайском Улусе пишет, что Туркестан — «истинная родина тюрков», «страна героев» — первым стал жертвой натиска татар и подвергся яростному опустошению: «меч собрал там богатый урожай, и лишь немногие избежали его» [Lech, 1968, с. 132–133].

теме — доставке крупной партии рабов (в 1338 г.)[3] — ал-Омари и высказывается по поводу кипчаков и монголов. Рабы, привлекшие его вниманье, были приобретены купцом ал-Кербелаи, добравшимся до отдаленнейших, едва доступных иноземным купцам местностей — «Акчакермана и земли Булгарской». Ал-Кербелаи оказался в Золотой Орде в тот момент, когда ее население было обременено чрезвычайным налогом и многие были вынуждены продавать своих детей. Удачливый купец не только поведал о том, при каких счастливых обстоятельствах он скупил живой товар, но и дал ему самую высокую оценку, охарактеризовав привезенных рабов как «лучших и дорогих».

Позволительно допустить, что ал-Омари лично ознакомился с профессионально отсортированным на невольничьем рынке человеческим материалом, но, впрочем, и без того понятно, что сановник такого ранга прекрасно разбирался в тонкостях спроса и предложения этой отрасли коммерции. За доказательством далеко идти не нужно. Специфический интерес многих информаторов ал-Омари и его самого к населению Дешт-и Кипчака более чем наглядно проступает, например, в описании обитателей «земель Сибирских и Чулыманских»: «…несмотря на стесненную жизнь (их)… нет между (разными) родами *рабов* [курсив мой. — *В.К.*] красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их — совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые» [Тизенгаузен, 1884, с. 238–239].

Таким образом, знаменитый этюд о монголах и кипчаках, следуя непосредственно за рассказом ал-Кербелаи, либо навеян этим рассказом, либо, что вероятнее, прямо относится к сюжету рассказа, пред-

[3] Событие, надо думать, было неординарным, так как, по словам ал-Омари, тюрки Дешт и Кипчака продавали своих детей мужского пола неохотно, лишь будучи в крайности [Тизенгаузен, 1884, с. 241]. В правление Узбека недовольство Сарая или Каира политикой партнера выражалось введением запрета на вывоз рабов из Золотой Орды или их продажу в Египте [Тизенгаузен, 1884, с. 329, 523]. Наконец, Джанибек «приказал не возить (более) рабов в Египет» [Тизенгаузен, 1884, с. 263]. В источниках, по существу, нет фактов, которые подтверждали бы часто высказываемое мнение о регулярных масштабных поставках из Золотой Орды в Египет кипчакских рабов. Шесть невольников, присланных Узбеком египетскому султану в 717 г.х., характеризуются летописцем как необычно щедрый подарок [Тизенгаузен, 1884, с. 325]. Приводимые Ч.Гальпериным цифры покупки рабов на джучидской территории: «200 в 1262 г., 1300 в 1263 г. и еще больше в 1264 г.» [Halperin, 2000, с. 232] — на самом деле относятся к другому сюжету — прибытию из Ирана остатков джучидского корпуса. Крупные партии рабов поступали на рынок во время междоусобиц (например, в 667 и в 669 гг.х.), но об этнической принадлежности продаваемых в рабство пленных источники не говорят ничего, кроме того, что это жители «земель Татарских» и «Северных областей» [Тизенгаузен, 1884, с. 122–123].

ставляя собой его, так сказать, теоретическую обработку, причем, я думаю, не столько этнологическую, сколько политическую. «Лучшие и дорогие» юноши-рабы, надо полагать, должны были максимально соответствовать понятиям египтян о мужской красоте, идеал которой в то время воплощала тюркская элита египетского государства[4]. Поэтому рассуждение ал-Омари — это не научное осмысление свидетельств надежных информаторов и уж тем более не репортаж путешественника и очевидца, как нередко оно подается в литературе. Его действительный статус — ситуативное умозаключение, содержащее оценку качества доставленных в Египет рабов, в котором автору с бесспорным мастерством удалось соединить глубокую эрудицию и завидную политкорректность.

В труде ал-Омари среди народов державы Узбека упомянуты монголы, татары, тюркн, кипчакн, русские, ясы и черкесы. Кочевое население именуется, как правило, тюркамн, а термин «кипчаки» в качестве этнонима встречается лишь однажды — в рассматриваемом эпизоде. Важно, что своими познаниями о народах Золотой Орды ал-Омари обязан не только рассказам египетскнх купцов и послов. Среди его информаторов был человек, осведомленный в демографии Золотой Орды лучше, чем кто бы то нн было другой, — высокообразованный посол Узбека, уроженец Хорезма, шейх Ала ад-Дин ан-Номан. Однако в рассказах ан-Номана кипчаки вовсе не упоминаются. Состав населения государства Узбека он характеризует следующими словами: «...большая часть подданных этого царя — обитатели западной части Севера. Их несметное множество народов; самый многочисленный нз них Русские; потом, за ними, Тюркн Дешт-и Кипчака. Это большие племена, между которыми есть и мусульмане, и неверные» [Тизенгаузен, 1884. с. 241].

На первый взгляд «тюрков Дешт-и Кипчака» ан-Номана допустимо отожествнть с кипчаками, и тогда его сообщение стало бы веским аргументом в пользу нх многочисленностн. Однако у ал-Омари «тюрки» не равнозначны «кипчакам»: он весьма строго различает тех и других[5], более того, в годы его службы на посту государственного секретаря их

[4] Когда мамлюкский султан хотел похвалить своих тюркских воинов, он называл их «чистыми кипчаками» [Halperin, 2000, с. 232].

[5] Так, в главе о Чагатайском улусе ал-Омари называет его войско тюркским и в подтверждение самых лестных отзывов о нем позволяет себе повторить, ссылаясь на рассказ торговца рабами ас-Саллями, персидскую оценку золотоордынского войска, согласно которой боевая ценность кипчаков и тюрков Трансоксании соотносится как 1 к 100 [Lech, 1968, с. 117].

также хорошо различали в официальных документах. Это надежно засвидетельствовано сочинением ал-Мухибби, являющимся дополнением и исправлением письмовника ал-Омари. В нем сказано, что Узбек в дипломатической переписке с египтянами чествовался помимо прочих титулов султаном «Монголов, Кипчаков и Тюрков» [Тизенгаузен, 1884, с. 343]. Порядок расположения поименованных народов в этом списке имеет, несомненно, иерархический характер, не связанный с их численностью (в противном случае на первом месте, в соответствии с данными ан-Номана, должны были бы размещаться русские). О причинах, по которым кипчаки были поставлены письмоводителями на второе место после истинных хозяев Золотой Орды, будет сказано ниже. В краткости же списка, я полагаю, отразились не только тонкости дипломатического протокола, но и косвенно весьма ограниченный интерес египетских чиновников к деталям племенной номенклатуры царства Узбека.

Возвращаясь к отправной точке рассуждения ал-Омари, резонно предположить, что если бы среди тюркских племен Золотой Орды преобладали кипчаки или большинство кочевого населения являлось бы потомками кипчаков, то представители этого этноса среди рабов, привезенных ал-Кербелаи, как-то наличествовали бы. Однако их в этой партии, по всей вероятности, не было, почему и понадобилось разъяснять, как случилось, что доставленные в Египет подданные Узбека, хотя и не являются кипчаками или их потомками, тем не менее очень похожи на кипчаков. О том, кого предпочитали скупать работорговцы в Золотой Орде, можно судить по следующему замечанию ал-Омари: «Хотя они (Кипчаки) одержали верх над ратями Черкесов, Русских, Маджаров и Ясов, но эти народы похищают детей их и продают их купцам» [Тизенгаузен, 1884, с. 234]. Конъектура (Кипчаки) принадлежит В.Г.Тизенгаузену и не должна вводить в заблуждение читателя. Ясно, что речь здесь идет о детях завоевателей, т.е. монголов, и приведенных ими из восточной части Степи тюркских племен.

В неприкрытой симпатии ал-Омари к кипчакам нет загадки. В пространной вставке он повествует, что еще Айубиды стали усердно скупать невольников из Дешт-и Кипчака, вследствие их непревзойденности «по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству своих характеров», и формировать из них войско. Расходы вскоре целиком оправдались, потому что во всем исламском мире только мамлюки смогли дать отпор монголам. Монголы пытались внести раскол в египетское войско, апеллируя к расовой солидарности кипчаков, но те не

соблазнились посулами коварных «родичей и соплеменников» и, раз за разом побеждая монголов, избавили-таки мусульманские народы от угрозы полного порабощения. Если бы не стойкость и мужество кипчаков, подытоживает ал-Омари, то «пробрались бы всадники поклонников солнца до крайних пределов Запада и покорились бы все правители земли» [Тизенгаузен, 1884, с. 232–233].

Дифирамб небезосновательный, поскольку кипчаки, точнее, выходцы из Дешт-и Кипчака действительно спасли Египет. Масштабы этого подвига особенно впечатляют, если учесть горький опыт, вынесенный кипчаками из прежних столкновений с монголами, и вероятную степень деморализации после длинной череды избиений, начавшейся с 1216 г. Вместе с тем ясно, что для кипчаков Сирия и Египет были, по существу, последним рубежом, и поэтому среди причин их побед излишне предполагать некое нравственное или профессиональное превосходство над противником[6], еще меньше испорченным цивилизацией и обладавшим столь же простой и надежной солдатской натурой. Кстати, и сам ал-Омари достаточно объективен в оценке кочевых подданных Узбека: с одной стороны, это «тупоумный и жалкий народ», дурно питающийся и скверно одевающийся, допускающий продавать своих детей в рабство [Тизенгаузен, 1884, с. 231], а с другой — «тюрки этих стран — один из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана...»[7].

---

[6] Такое мнение высказывал Дж.М.Смит [Smith, 1984]. Но кипчакские предводители мамлюкского войска на совещании с султаном Кутузом решаются вступить в сражение с монголами, лишь убедив себя в отсутствии спасительной альтернативы: бежать дальше на запад уже нельзя (между Мисром и Магрибом «лютая пустыня и дальнее расстояние»), а в примирении с монголами проку нет — их обязательства и обещания не исполняются [Рашид ад-Дин, 1957, с. 51].

[7] В изложении Й.Маркварта, ал-Омари говорит о кипчаках так: «Тюрки-кипчаки отличаются от других тюрков, то есть в первую очередь каи-османов, отвагой, легкостью в беге, красотой, ростом, неутомимостью в походах и благородством» [Маркварт]. Высокую оценку тюркам Дешт-и Берке дает Ибн Арабшах, в начале XV в. побывавший в южных регионах Золотой Орды: «Это область исключительно Татарская, переполненная разными животными и Тюркскими племенами... Люди ее — мужи [в полном смысле], воины ее — [превосходные] стрелки. По языку это самые красноречивые Тюрки, по жизни — самые праведные, по челу — самые прекрасные, по красоте — самые совершенные... Нет в них ни лжи, ни обмана, нет между ними ни хитрости, ни лукавства» [Тизенгаузен, 1884, с. 459]. Все эти качества долгое время обеспечивали высокий спрос на дешевых рабов. По свидетельству Иеро Тафура, посетившего Каффу между 1435–1439 гг., «если среди рабов продается татарин или татарка, цена на них на треть больше, ибо с уверенностью можно сказать, что ни один татарин никогда не предавал своего хозяина» [Tafur, 1926, гл. XV].

Таким образом, позволительно сделать вывод, что рассуждение о восприятии монголами (татарами) отличительных черт кипчаков лишь разъясняет, почему привезенный купцом товар обладает теми же высокими потребительскими свойствами, какие отличают собственно кипчаков. Конечно, вряд ли у ал-Омари имелись основания всерьез полагать, будто только долгое пребывание в Дешт-и Кипчаке облагородило монголов настолько, что их можно сравнить с кипчаками. Ал-Омари слегка слукавил, но его лукавство понятно и извинительно, так как он жил в государстве, в котором кипчаки являлись военной и административной элитой: «из них были светила государевой свиты, председатели собраний, предводители войск и вельможи земли» [Тизенгаузен, 1884, с. 232], и до 1342 г. служил государственным секретарем при султане — кипчаке по происхождению. По замечанию И.Ю.Крачковского, обширный географический труд ал-Омари благодаря своим литературным достоинствам вполне мог быть книгой для чтения не только «специалистов», но и вообще образованных людей [Крачковский, 1957, с. 409]. Интерес к своему произведению со стороны властей предержащих автору было полезно предусмотреть еще и потому, что в пору написания книги он пребывал в опале[8].

Не менее важно, что придворная служба ал-Омари пришлась на период, когда прочность союза Золотой Орды и Египта подвергалась серьезным испытаниям. Сближение с Египтом обратившихся в ислам Хулагуидов привело к утрате одного из главных мотивов партнерства Каира и Сарая — священной борьбы против врагов ислама — и понуждало главу не вполне исламского государства Узбека и ан-Насира как к конкретным шагам, демонстрирующим заинтересованность в дружбе, так и к поиску дополнительных «идеологических» аргументов в пользу поддержания прежних связей. Именно через призму новых потребностей, вероятно, следует рассматривать целый ряд относящихся к этому времени фактов: показательно радикальные меры, предпринятые Узбеком для превращения ислама в государственную религию; небывалую интенсивность дипломатических контактов между Каиром и Сараем[9]; неожиданно щедрые подарки султану из столицы обычно ску-

[8] Из биографии ал-Омари известно, что в 1337 г. он был отстранен от службы и до 1339 г. находился под арестом, после чего вновь получил должность начальника султанской канцелярии. Согласно исследованию К.Леха, главы, посвященные Монгольской империи, были написаны в период с 1338–1339 по 1340–1341 г. [Lech, 1968, с. 40].

[9] С 1314 по 1340 г. в Египет прибыло не менее 12 посольств Узбека [Тизенгаузен, 1884, с. 265–268, 440], в то время как за всю 200-летнюю историю отношений Каир и Сарай обменялись лишь примерно 50 посольствами [Холл, 1962, с. 15].

поватых Джучидов: миссию блистательного ан-Номана, помимо прочего передавшего от Узбека деньги на содержание богомольцев и мусульманских обителей; замысловатую историю женитьбы султана на родственнице Узбека и попытку Узбека получить в жены дочь султана; осведомленность египтян о том, что «во всех владениях его (Узбека) с амвонов молились за султана Эльмелик-Эннасыра, после молитвы за царя их (Татар)» [Тизенгаузен, 1884, с. 198].

В ситуации, которая то и дело осложнялась не способствующими взаимопониманию инцидентами [Тизенгаузен, 1884, с. 523, 524], очень кстати пришлось дештское происхождение элиты египетского государства, которое сами египетские историки с полным основанием называли «тюркской державой», а его главу — «тюркским царем» [Тизенгаузен, 1884, с. 327, 385, 437]. Не случайно именно в этот период египетская сторона, как отмечено выше, официально именует Узбека султаном «Монголов, Кипчаков и Тюрков», намекая на этническую близость и родственность союзников. Упоминание кипчаков в титулатуре золотоордынских ханов, видимо, следует понимать так, что намеки ал-Омари на то, что кипчаки под властью монгольских ханов обрели второе рождение, являются не просто кабинетными упражнениями в диалектике, а практическим дипломатическим приемом[10].

Восприятие Улуса Джучи как государства, населенного в основном кипчаками, на мой взгляд, отчасти опирается еще и на конъектуры, внесенные В.Г.Тизенгаузеном в переводы сочинений ал-Омари и Ибн Баттуты. В самом деле, везде, где эти авторы, имея в виду кочевое население Золотой Орды, писали «они», переводчик, как правило, пояснял: (Кипчаки). Какими соображениями он руководствовался, избирая эту конъектуру, судить трудно, но ее неправомерность в отдельных случаях абсолютно очевидна. Например, в цитировавшемся выше фрагменте сочинения ал-Омари — «Хотя они (Кипчаки) одержали верх над ратями Черкесов, Русских, Маджаров и Ясов, но эти народы похищают детей их и продают их купцам» — вставка переводчика оставляет читателя в полном недоумении, как понимать это сообщение. То ли названные народы были покорены не монголами, а кипчаками, то ли монгольская армия состояла исключительно из кипчаков? Но и то и другое не соответствует действительности.

[10] В то же время султан ан-Насир, извещая посланников короля Франции о примирении с Хулагуидами и запугивая их солидарностью мусульман, подчеркивал родство мамлюков с иранскими монголами [Холи, 1962, с. 11; Ayalon, 1972, с. 122].

Еще более бросается в глаза некорректность такой же конъектуры в изложении формы дипломатической переписки султана с Хулагуидами: «...без прибавления слова „царское", вследствие неуважения их (Кипчаков) к нему (этому титулу)...» [Тизенгаузен, 1884, с. 248]. Ведь если признать ее сообразность контексту, то придется сделать совсем невероятный вывод о преобладании кипчаков и в хулагуидском Иране[11].

Ибн Баттута считается не менее, чем ал-Омари, солидным свидетелем кипчакизации Джучидского государства. Правда, сам он кочевых подданных Узбека называет тюрками, а кипчаки в его сочинении появились по преимуществу благодаря конъектурам В.Г.Тизенгаузена. Имя кипчаков у Ибн Баттуты встречается всего дважды. Они были первыми, кого путешественник встретил около Кафы: «...один из купцов, наших товарищей, отправился к тем в этой степи, которые принадлежат к народу, известному под именем Кипчаков — они христианской веры, — и нанял у них телегу»[12] [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. Еще раз кипчаков Ибн Баттута упоминает при перечислении обитателей Сарая: «В нем (живут) разные народы, как то: Монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ея); некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане; Кипчаки; Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане» [Тизенгаузен, 1884, с. 306]. Из второго отрывка видно, что кипчаки в согласии с характером уточнений о конфессиях населения государства Узбека, а также и с первым их упоминанием, вероятнее всего, отнесены к христианам. Во всяком случае, они определенно не причислены к мусульманам[13]. Поэтому слова Ибн Баттуты «Они (Кипчаки) ханефийского толку, и опьяняющий напиток у них дозволен» [Тизенгаузен, 1884, с. 284] следует отнести на счет тех жителей Золотой Орды, которые исповедовали ислам, но не кипчаков, как поясняет переводчик. В не меньшее заблуждение

[11] Рашид ад-Дин упоминает «несколько тысяч турок-кипчаков», живших вблизи Багдада. В 1264 г. один из приближенных Хулагу — Джелал ад-Дин, ввиду предстоящей войны с Берке, собрал их вместе «с женами, детьми, домочадцами, приверженцами, пожитками и добром» якобы для расселения «во владениях Дербента, Ширвана и Шемахи» в качестве передового отряда (*танмачи*), но вместо того увел в Египет [Рашид ад-Дин, 1957, с. 61, 62].

[12] Здесь нельзя определенно заключить, подразумевал ли Ибн Баттута, говоря «в этой степи», всю степь, «известную как Дешт-и Кипчак», или только крымскую степь.

[13] Так считает, в частности, П.Голден: «...кипчаки накануне их исламизации в глазах арабского путешественника в значительно большей степени идентифицировались с христианством, нежели с исламом» [Golden, 1998, с. 220].

вводит конъектура переводчика в констатации «строгости постановлений их (Кипчаков) за воровство» [Тизенгаузен, 1884, с. 282]: речь в данном случае идет, конечно же, о Ясе Чингис-хана, а не о степном обычном праве.

Примечательно, что Ибн Баттута в числе жителей Сарая не называет тюрков, но упоминает кипчаков. Можно было бы подумать, что эти этнонимы у него равнозначны, если бы не характеристика кипчаков как христиан и не определение тюрков как кочевников, а не горожан. Несколько отступая от порядка изложения, позволю себе заметить, что факт предоставления кипчаками путешественнику транспортных услуг и их упоминание рядом с другими этническими ассоциациями Сарая, по преимуществу купеческими, заставляет предположить активное участие кипчаков в обслуживании торговых путей. Подобная специализация естественна, если учесть несомненное проживание кипчаков в прибрежных районах — в Крыму и Приазовье. Оно прямо или косвенно фиксируется разнородными источниками, как ранними, так и сравнительно поздними.

Например, по представлениям египетских географов, отраженным в «Истории» ан-Нувейри, «место обитания кипчаков находится в горах и тростниковых зарослях по ту сторону прохода (Дербентского) от Ширвана, вблизи от Русского моря. Они владеют городом, именуемым Сурдак, по которому именуется и море. Там они запасаются всем необходимым, поскольку купцы привозят туда ткани и другие товары на продажу, а закупают там рабынь, рабов, шкурки бобра и черно-бурой лисы. По воле Аллаха многие из этого племени попали в Египет и Сирию (в качестве рабов). Это люди, которые подобны ангелам, когда их покоряют, но в бою подобны дьяволам» [Маркварт]. Кипчаков, вместе с русскими и аланами населяющих «местечко» Крым близ Судака, называет Ибн Абд аз-Захир, причем кипчаков в этом перечне ставит первыми, а при описании дальнейшего пути посольства их уже не упоминает [Тизенгаузен, 1884, с. 63]. Самого серьезного внимания заслуживает свидетельство хорошо осведомленного в географии Татарии Иоганна Шильтбергера, ограничивающего «страну Кипчак» территорией Крыма [Путешествия, 1866, с. 56, 57].

О том же говорят и позднейшие картографические материалы, локализующие страну Куман в Северо-Западном Приазовье. Эти данные, на мой взгляд, дополнительно проливают свет на причины широкой известности кипчаков — в немалой степени она была обусловлена их вовлеченностью в международную торговлю. В таком случае становятся более понятными и практическая необходимость «Codex

Cumanicus»[14], и совет Пеголотти при начале коммерческого вояжа в Китай нанимать в Тане помимо переводчика таких слуг, которые знают куманский язык (а явится желание взять временную жену, то тоже предпочесть такую, что знакома с куманским языком) [Yule, 1916, с. 151].

Нередко очевидцами вполне благополучной инкорпорации кипчаков в структуру государства Джучидов называют Карпини и Рубрука. На самом же деле если рассматривать их сообщения во всей полноте, то толкование исключительно в указанном смысле окажется едва ли возможным. У Карпини информации о коренном населении Дешт-и Кипчака немного. Она исчерпывается описанием границ и размеров «страны Команов»; подробностями проезда через «землю Кангитов»; упоминанием о «двух команах, бывших из числа Татар», которые по приказу Коренцы проводили его до Киева; «одного воина из Русскии, по имени Сангора», который «родом Коман, но теперь христианин»; указанием на то, что «Биссермины... говорили и доселе еще говорят команским языком, а закона держатся Сарацинского»; рассказом о разгроме татарами города, «который они сами поставили над русскими в земле Команов»; упоминанием кангитов и команов в числе более 40 земель, которые одолели татары; двумя короткими, но емкими замечаниями о судьбе завоеванных народов Дешт-и Кипчака. О кипчаках: «Этих Команов перебили Татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним». О канглы: «В этой земле [Кангитов. — *В.К.*], а также в Комании мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу... Эти люди были язычники... Их также истребили татары, и живут [они] в их земле, а те, кто остался, обращены ими в рабов» [Карпини, 1993, с. 50–51, 61, 63–64, 71–72].

[14] П.Голден пишет, что в домонгольское время «кипчакская гегемония охватывала и большую часть Крыма. Как и в других областях, их интересы в Крыму были преимущественно коммерческими... Благодаря политическому господству куманов, их язык стал lingua franca этого региона. Он распространился и среди других проживавших там народностей. Так, крымские армянское и караимское сообщества переняли этот язык и сохраняли его веками даже вдали от Крыма, который они вынуждены были покинуть в результате монгольского завоевания кипчакских земель, завершившегося в конце 30-х годов XIII в.» [Golden, 1992]. Показательно, что кипчакский язык в Крыму стал достоянием прежде всего тех народов, которые занимались торговлей. Учить язык кочующих племен купцам не было особой нужды, потому что в «степи», как отмечали средневековые путешественники, ничего купить нельзя. Зафиксированная в «Codex Cumanicus» загадка о птичьем молоке, которого «нет у тебя, нет у меня, нет в заоблачных горах, нет в каменных городах, нет даже у кипчаков», довольно метко характеризует кипчаков как купцов, у которых, казалось бы, должны быть любые товары.

Несколько больше данных о домонгольском населении Дешт-и Кипчака содержит сочинение Рубрука. В самом начале своей поездки пытливый францисканец узнал подробности страшной трагедии, разыгравшейся при захвате монголами Крыма: «...когда пришли Татары, Команы, которые все бежали к берегу моря, вошли в эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых...». Далее, рассказывая о своем пути к Сараю, Рубрук очерчивает территорию, которую занимали кипчаки: в степи, по которой он ехал, покинув Крым, «прежде пасли свои стада Команы, именуемые Капчат», в землях между Доном и Волгой «до занятия их Татарами жили Команы Капчат», и вообще степь от Дуная до Волги в прошлом «вся заселена была Команами Капчат». Правда, кипчаки (хотя в этой части записок о них и говорится как об уступивших степные просторы завоевателям) не остались для Рубрука совсем неведомым народом. После долгой езды по безлюдной местности он наконец прибыл к «становищам Команов», а в ставке Бату встретил «некоего Комана», окрещенного в Венгрии; этот человек, судя по тому, что именно у него Бату выяснял подробности о францисканцах, мог занимать видное положение при дворе хана [Рубрук, 1993, с. 79, 94, 97, 106].

Тем не менее много общаться с кипчаками Рубруку, похоже, не пришлось, во всяком случае, их погребальные обычаи описаны у него явно с чужих слов. Поскольку на этот счет в литературе существует прямо противоположное мнение, есть необходимость привести соответствующий фрагмент главы «Об их судопроизводстве, судах, смерти и похоронах» целиком:

«Возле погребения усопшего они ставят всегда один его дом, если он из знатных лиц, то есть из рода Чингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребения. Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища. Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили пред ним для питья кумыс, а для еды мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вы-

мощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади» [Рубрук, 1993, с. 88–89].

Погребальный обряд команов здесь, несомненно, охарактеризован Рубруком всего одним предложением, а все другие сюжеты иллюстрируют обычаи «татар» и «моалов», которых Рубрук, как и на других страницах своей книги, называет «они». Поскольку Рубрук еще долго после процитированного описания продолжает называть объект своего описания «они», традиционная интерпретация отрывка обязывает заподозрить автора в совершенно неожиданном и немотивированном переключении с монгольской темы на кипчакскую. В действительности строгость повествования, конечно же, не нарушена. Если обратить внимание, что в начале цитаты акцент сделан на описании погребений «богачей», то вставка об обычаях команов оказывается совершенно естественной, свидетельствуя об интересе, проявленном автором к «сокрытию сокровищ». Его информаторы не знали или не хотели сказать что-нибудь определенное о богатстве погребений монгольской знати и в то же время, очевидно, были убеждены в том, что могилы прежних хозяев Степи скрывают немалые сокровища. Для подобной уверенности было по меньшей мере одно веское основание — колоссальные размеры курганов, приписываемых новым населением команам. За таковые принимались те самые «усыпальницы Команов», о которых Рубрук говорит, живописуя свой путь от Крыма до Дона. Правда, видел он их с расстояния 2 лье (около 9 км), из чего следует, что речь здесь идет не о половецких, а о скифских «царских» курганах.

Следующий за коротким пассажем о погребальных обычаях команов рассказ об «одном недавно умершем» традиционно считается живой зарисовкой половецкого погребального ритуала. Это мнение обычно аргументируется секретностью монгольских захоронений: коль скоро погребение не может быть монгольским, то оно наверняка кипчакское. Между тем из текста сообщения Рубрука абсолютно очевидно, что секретность соотносится исключительно с практикой погребения монгольской знати — Чингисидов. Здесь же, как и выше, речь идет о захоронении «богача». Его состоятельность убедительно выявляется на контрасте между приводимыми Рубруком данными о весьма скромном рационе питания рядового населения Золотой Орды и экстраординарным количеством лошадей, сопровождающих покойного[15]. Поэто-

[15] Ср.: Карпини, описывая погребение «знатного лица», говорит лишь об одной лошади, чучело которой после похорон вывешивалось «на двух или четырех деревяшках» [Карпини, 1993, с. 28].

му никаких оснований считать этого «богача» половцем нет, тем более что даже отдаленные соответствия описанному Рубруком объекту до сих пор среди западнокипчакских и восточнокипчакских памятников не выявлены. Вместе с тем оно замечательно точно соответствует реалиям исследованных в урало-казахстанской степной зоне позднетюркских поминальных оградок. Эти сооружения являются культурным маркером выходцев из Центральной Азии, продолжавших в XIII в. придерживаться обрядов, отличавших от прочих народов их героических предков — алтае-телеских тюрков [Костюков, 1998].

Отправившись от Волги далее на восток, Рубрук на протяжении полутора месяцев ехал «через землю Кангле». О коренных жителях он говорит кратко и в прошедшем времени: «прежде там были некие Команы, называвшиеся Кангле», «по всей той земле и еще дальше, жили Канглы, какие-то родственники Команов», а «ныне живут Татары». Последнее находит отражение в подробностях путешествия по «земле Кангле»: Рубрук и его спутники часто останавливались во дворах «богатых Моалов», которые «ежедневно множатся и распространяются по пустыне, обширной как море», путешественникам пришлось оставить дорогу на восток, так как «Татары уже значительно опустились к югу» [Рубрук, 1993, с. 102, 107–109].

Как видно, в рассказах Карпини и Рубрука нет свидетельств многочисленности кипчаков или канглы в Улусе Джучи середины XIII в. Наоборот, оба автора говорят об этих народах в прошедшем времени, как о прежних обитателях Степи, ныне заселенной монголами и татарами. Характерно, что Карпини использует термин «Комания» только в географическом смысле: «И при выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар...» [Карпини, 1993, с. 72]. В оценке наблюдаемой этнической ситуации наши очевидцы делают явный акцент на смене населения, а не на политическом господстве монголов, на масштабной депопуляции, а не на «иге». В этом отношении показательна такая мелкая деталь: приверженность «Бессерминов» команскому языку Карпини расценивает как некий анахронизм[16].

Конечно, нельзя оставить без внимания слова Карпини об обращении в рабство части команов и канглы и о возвращении «весьма многих из бежавших». Последнее, впрочем, вполне объяснимо: когда возведение Гуюка на имперский престол стало делом практически решен-

[16] Для того чтобы считать этих «Бессерминов» исламизированными кипчаками, как это делает П.Голден [Golden, 1998, с. 224, 225]), нет должных оснований. Я думаю, что под «команским» языком Карпини, как и более поздние европейские путешественники, понимал язык тюрков.

ным, Бату пришлось серьезно позаботиться об увеличении своего войска. Но информация о возвращении кипчаков не имеет никаких количественных параметров. Карпини, по всей видимости, имел в виду остатки орды Котяна, бежавшей в Венгрию, а затем в Болгарию. По одним сведениям, в орде было 40 тыс. человек, по другим — 20 тыс. Какая часть половцев уцелела и сколько из уцелевших решились вернуться в родные степи, неизвестно. Но в любом случае маловероятно, чтобы возвратившиеся могли серьезно повлиять на этнический баланс в Золотой Орде и обеспечить численное превосходство кипчакам. Характерно, что, рассказывая о прибытии в Египет из Ирана остатков джучидского корпуса, арабские историки называют беглецов «Татарами», «Монголами», «Монголами и Бахадурами», но никогда «Кипчаками», хотя, казалось бы, кипчаки, будь они в большинстве в Улусе Джучи, да с учетом их расположенности к христианству, должны были абсолютно преобладать в корпусе.

Не менее важным, чем упоминание Карпини о возвращении беглецов, представляется замечание о лежащих в Дешт-и Кипчаке «подобно навозу» человеческих костях — убедительное свидетельство отсутствия в Степи людей, которые бы чувствовали себя обязанными погрести убитых соплеменников[17]. Нет нужды гадать, о чьих костях идет речь, ибо Карпини как раз здесь и говорит об истреблении татарами канглы, а равно и команов. Проезжавший через Среднюю Азию в то же время, что и Карпини, Смбат Спарапет тоже пишет, что видел там «несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары», при этом он называет убитых язычниками, а не сарацинами [Армянские источники, 1962, с. 65]. Сопоставляя известие Смбата Спарапета с данными Рашид ад-Дина, которые будут приведены ниже, резонно предположить, что эти горы были сложены из костей тюркских воинов хорезмшаха, т.е. кипчаков и канглы.

Столь же красноречива поведанная Рубруком крымская трагедия. Пусть это всего лишь локальный эпизод войны, но картина гибельного скопления смертельно напуганных, бросивших свои стада людей недвусмысленно иллюстрирует цели и характер кампании монголов в Дешт-и Кипчаке. Конечно, можно возразить, что сочинения европейских путешественников вообще грешат неприязнью к монголам, что уничтожение команов и канглы Карпини отмечает как бы мимоходом, а Рубрук об этом прямо вовсе не говорит. Но, во-первых, время и цели миссий францисканцев в Монгольскую империю не вызывали

[17] Косвенно на малочисленность автохтонного населения указывает использование русских и «их малюток» в качестве пастухов [Карпини, 1993, с. 94]

особой необходимости в сгущении красок, во-вторых, та же версия судьбы домонгольского населения Дешт-и Кипчака дана практически всеми авторами, которые жили в ту эпоху. Кроме того, разрешение вопроса о том, какое впечатление о характере завоевания Дешт-и Кипчака в действительности вынесли из своего путешествия Карпини и Рубрук, облегчается ясным и последовательным изложением автора, добросовестность которого не вызывает сомнений.

Роджер Бэкон, знавший положение дел на территории Монгольской империи как из отчетов путешественников, так и из личных бесед с Рубруком, записал следующее: «И эта земля вся принадлежала куманам, которые назывались каптаки; но тартары совершенно разорили ее и перебили куманов, кроме части их, бежавших в Венгерское королевство и ставших его данниками»; «аланов же не существует, ибо тартары вторглись в эту землю и вынудили куманов бежать до самой Венгрии; а куманы — язычники, и такими же были аланы, но они истреблены»; «тартары же населяют землю аланов и куманов от Дуная и далее, почти до самых отдаленных областей востока»; «и в этой земле (между Танаисом и Этилией. — *В.К.*) жили куманы, но тартары всех уничтожили, как и с другой стороны Танаиса, до самого Дуная, как говорилось»; «а вся эта земля тартарская от Танаиса до самой Этилии принадлежала куманам, которые назывались канглами, [но] они все были истреблены тартарами»; «далее, за Этилией, находится третье тартарское княжество; и ими уничтожены местные народы, а жили там куманы-канглы, как выше [говорилось]»; «Кумания была величайшей из земель. Ведь куманы обитали от Дуная до той самой земли, в которой пребывает император, и все они перебиты тартарами, кроме тех, которые бежали в Венгерское королевство» [Матузова, 1979, с. 212, 213, 215].

Аналогичную информацию содержат многие европейские источники периода монгольского штурма Европы. Император Фридрих II: «И вот, убивая и грабя... упомянутые татары пришли в обильно населенную местность куманов. И так как они не щадят своей жизни... [то] они наголову разбили [куманов]. А тех, кого не спасло бегство, сразил их кровавый меч» [Матузова, 1979, с. 142]. Тюрингский ландграф Генрих Распе: «Даже команы, люди воинственные, не смогли в земле своей выстоять против них, но двадцать тысяч команов бежали к христианам; и готовы они сражаться против каждого народа, кроме вышеупомянутого [т.е. татар]» [Матузова, 1979, с. 155]. Сплитский архидиакон Фома: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться. Если же они видят, что кто-либо из

них немного страшится и не бросается в исступлении навстречу гибели, они немедленно отрубают ему голову» [Фома Сплитский, 1997, с. 114].

Все процитированные авторы описывают финал драмы, но, как можно судить по рассказам Рашид ад-Дина о разгроме государства хорезмшахов, ее начало было не менее кровавым. Захватив Бухару, «[монголы] из [тюрков]-канглыйцев оставили в живых только по жребию; умертвили больше тридцати тысяч мужчин, а женщин и детей увели [с собою] рабами» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 206]. После взятия Самарканда «остаток населения и гарнизона цитадели они выгнали в степь, отделили тюрков от тазиков и всех распределили на десятки и сотни. По монгольскому обычаю тюркам они [приказали] собрать и закрутить волосы. Остаток [тюрков]-канлыйцев [в числе] больше тридцати тысяч человек и предводителей их... они умертвили» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 208]. Первым же в списке обреченных на уничтожение оказался Отрар, гарнизон которого, по-видимому, полностью состоял из кипчаков. Защитники города понимали, что инцидент 1218 г. оставил им мало надежды на снисхождение, и после того как монголы предали немедленной казни сдавшиеся 10 тыс. Караджа-хаджиба, 20 тыс кипчаков продолжали сражаться, пока не погибли до единого [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 198, 199]. Такая же участь постигла тюркские гарнизоны и других городов на южной окраине Дешт-и Кипчака, в частности Бенакета, Сыгнака и Ашнаса [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 199– 201][18].

За приведенными известиями отчетливо просматривается неуклонно осуществлявшееся избиение населения Дешт-и Кипчака. Такая политика была предопределена целым рядом причин. Первой среди них, видимо, нужно считать отказ кипчаков последовать благоразумному примеру уйгуров, кыргызов, карлуков и подчиниться стремительно набиравшей силу монгольской державе. Ввиду скудости источников оценка реальных возможностей кипчакских вождей отстоять свои позиции в Восточном Дешт-и Кипчаке и Средней Азии представляет собой едва ли разрешимую задачу[19]. Ясно лишь, что предоставление убежища меркитам, нападение на армию Джучи[20] и «отрарская траге-

[18] Во время среднеазиатской кампании население не менее трех десятков городов было подвергнуто «всеобщей резне» [Петрушевский, 1970, с. 115]. В первую очередь, как видно из вышеприведенных цитат, победители уничтожали наемных воинов, т.е. тюрков.

[19] Обстоятельный анализ политического состояния Дешт-и Кипчака накануне монгольского нашествия см. [Allsen, 1983; Golden, 1991].

[20] В литературе сложилось мнение о случайности столкновения хорезмийцев и монголов в 1216 г. Однако то, что известно о постановке разведки у монголов вообще и об организации карательной экспедиции против меркитов в частности, заставляет сомневаться, что два огромных войска могли быть в неведении относительно перемещений

дия» перевели отношения кипчаков с монголами в жестко конфронтационное русло. А когда для монголов стала очевидной роль кипчаков в обеспечении могущества государства хорезмшаха Мухаммеда[21], помимо мести появилась еще одна причина их методичного преследования. По словам ан-Насави, «кипчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, ибо в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кипчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для (их) полного уничтожения, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности войск» [Насави, 1973, с. 87].

Рядом с сообщением такого информированного автора, как ан-Насави, широко представленное в литературе мнение о родственных отношениях и даже «союзе мира и родства», издревле существовавших между «народом Чингис-хана» и кипчаками, выглядит шатким. Едва ли не единственным аргументом в его пользу служит известие Ибн Халдуна, будто бы Чингис-хан считал кипчаков однородцами, но оно, по всей видимости, было вынесено автором из окружения Тимура и потому является скорее фактом дипломатии, нежели этнологии. Тимур, нашедший своих предков среди сородичей Чингис-хана, таким образом мог намекать на свое родство с правителями Египта. Характерно, что в то время, когда Египтом управляли кипчакские султаны, золотоордынские ханы к подобной аргументации не прибегали. О том, что Чингисиды в противоположность хорезмшахам не стремились породниться с кипчаками, говорит простой факт — среди множества поименованных Рашид ад-Дином джучидских хатуней лишь одна происходит из кипчакского племени[22], а каких-либо сведений о женах кипчакских вождей в источниках нет и вовсе.

Что же касается время от времени адресовавшегося кипчакам напоминания — «мы и вы — одного рода», то, конечно, оно содержало долю истины, поскольку между монголами (на деле — тюрко-монголами) и кипчаками как носителями центральноазиатской кочевой

друг друга. Цель выхода армии хорезмшаха на север Степи, надо полагать, как раз и состояла в том, чтобы разгромить монгольский корпус, дерзко вторгшийся в кипчакские владения. Но результаты разрешения конфликта вряд ли могли удовлетворить вождей кипчаков, и, видимо, не зря ан-Насави возлагает вину за его продолжение на отрарского наместника.

[21] По мнению Р Ирвина, армия Хорезма не менее чем наполовину состояла из кипчаков [Irwin, 1986, с. 13].

[22] Турбарчин-хатун, одна из старших жен седьмого сына Орды — Хулагу [Рашид ад-Дин, 1960, с. 71].

культуры было больше общего, чем между кипчаками и их партнерами в политических альянсах — таджиками, аланами, арабами и т.д., принадлежавшими к иным культурным системам. Но эти уверения всегда оказывались лишь одной из уловок для внесения разлада в стан противника. И если, например, Джелал ад-Дину во время военных действий в Закавказье оказалось достаточным послать кипчакам хлеб-соль и напомнить им о прежних своих благодеяниях, чтобы они «немедленно свернули поводья и отошли в сторону», оставив своих союзников — грузин, армян, аланов, абхазов и др. [Рашид ад-Дин, 1960, с. 28], то монгольским военачальникам обращение к родственным чувствам всегда приходилось дополнять либо угрозами, либо подарками.

В повествовании Рашид ад-Дина об иранской кампании есть любопытный эпизод: в багдадском передовом отряде был кипчак по имени Карасонкур, а некий Султанчук, родом хорезмиец, состоял в монгольском езеке. Он послал Карасонкуру письмо: «Мы-де с тобою одной породы. Я после долгой беготни по немощи и нужде подчинился, примкнул к служению его высочеству, и меня жалуют. Пожалейте и вы свою жизнь, сжальтесь над своими детьми и покоритесь, дабы ваши семьи, жизнь и достояние были пощажены этим народом» [Рашид ад-Дин, 1957, с. 40]. Нельзя не обратить внимание на доводы, приводимые Султанчуком, и на обстоятельства его собственного подчинения монголам — «после долгой беготни по немоши и нужде». И то и другое весьма показательно и типично.

Уговоры Султанчука тем не менее не возымели желаемого действия, а вот Джэбэ и Субэдэй в 1222 г. были более убедительны и успешны, подкрепив ссылки на родство богатыми подарками. Но, как известно, тотчас после разгрома аланов монголы набросились на не в меру меркантильных и доверчивых «родичей» и «перебили всех, кого нашли» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 229]. Наличие материального стимула, естественно, оставляет без ответа вопрос о том, насколько большое значение придавали сами кипчаки апелляциям к родственным чувствам[23]. Вряд ли такие чувства вообще могли возникать у кипчаков в период монгольского натиска. По свидетельству ан-Насави, воины хорезмшаха из числа гурцев и афганцев «жаловались друг другу, что эти тюрки считают, что татары не из рода людского, они не знают страха, так как мечи не оставляют на них следа, и они не отступают, ибо на них не

[23] Ч.Гальперин, впрочем, пишет, что в 1222 г. кипчаки поверили монгольской пропаганде «в первый и последний раз» [Halperin, 2000, с. 235].

действуют копья» [Насави, 1973, с. 121][24]. Монголы же, преследуя кипчаков, искавших спасения среди других народов, начисто забывали родственную терминологию и никогда не называли кипчаков иначе как своими «рабами» и «конюхами».

Еще одна побудительная причина, обусловившая направление и характер монгольских завоеваний, заключалась «в стремлении приобрести большие необитаемые пространства земли» [Сафаргалиев, 1960, с. 93]. В случае с кипчаками это желание, возможно, подогревалось еще и тем, что когда Джучи «увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [Тизенгаузен, 1941, с. 14]. Трудно не согласиться с замечанием В.А.Гордина, что здесь смертный приговор хозяевам земли написан почти в стихах. Действительно, хотя Джучи, как передает Джузджани, и был противником тотального истребления населения завоеванных территорий, на кипчаков его милосердие вряд ли распространялось, ведь этот спор в семье Чингис-хана шел прежде всего о судьбе оседлого населения. Впрочем, даже если допустить, что Джучи и в самом деле проявлял снисхождение к обитателям Дешт-и Кипчака, его участь должна была стать суровым уроком для наследников, поскольку, как полагают многие исследователи, именно «мягкотелость» Джучи стала причиной его смерти.

Согласно рассказу такого глубокого знатока летописей и степной истории, как Абу-л-Гази, обретение монголами Восточного Дешт-и Кипчака привело к фактической замене его населения: после окончания среднеазиатской кампании «Джучи с приданными ему нукерами пошел в Дешт-и-Кипчак. Кипчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил всех попавших ему в руки кипчаков, те из них, которые спаслись, ушли к иштякам... Джучи-хан, взяв в плен всю кипчакскую молодежь, поселился в кипчакском юрте. Из монгольской страны он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кипчакский юрт» [Кононов, 1958, с. 44].

Точно так же Абу-л-Гази обрисовывает и судьбу канглы: «Чингиз-хан, во время нашествия на Телаш, всех живших там Канглиев захватил и истребил все юрты. Канглиев ныне уже нет, как и народа того, который составлял царство Хорезмское. Скитавшиеся в этом царстве

[24] Тот же ужас кипчаков перед монголами отмечает Матфей Парижский: «Даже команы, люди воинственные... готовы сражаться против каждого народа, кроме вышеупомянутого (т.е. татар. — *В.К.*)» [Матузова, 1979, с. 155].

Канглии в последующее время соединились между собою и представляют в себе остаток прежде бывшего поколения» [Абулгази, 1906, с. 34–35].

Таким образом, справедливо признать, что рассмотренные источники не дают оснований для оценки завоевания Дешт-и Кипчака как легкого кровопускания, к тому же, по распространенному мнению, якобы коснувшегося только кипчакской аристократии[25]. Все они солидарно повествуют о массовом истреблении рядового населения, за которым отчетливо видна целенаправленная политика, обусловленная, как показано выше, целым рядом причин. Кипчаки явились для монголов, пожалуй, наиболее упорным из всех противников: между первым столкновением и окончательным их разгромом прошло почти четверть века. Для того чтобы сломить сопротивление этого, бесспорно, свободолюбивого и мужественного народа, в конечном счете понадобилась общеимперская акция, значимость которой подчеркивалась намерением Угэдэя лично возглавить западный поход. Длительное ожесточенное противоборство оставляло кипчакам мало надежды на примирение. Если бы не прагматизм монгольской военной доктрины да не раскол в стане Чингисидов, последовавший за смертью Угэдэя, когда Бату пришлось обеспокоиться срочным укреплением своих сил, решение кипчакской проблемы, вероятно, могло принять самые крайние формы.

Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов, что часть сведений об уничтожении населения Дешт-и Кипчака исходит от авторов, враждебных монголам и потому склонных преувеличивать бедствия монгольских завоеваний. Точно так же ясно, что отдельные известия принадлежат авторам, писавшим спустя значительное время после монгольской экспансии, опираясь на не вполне беспристрастные оценки событий. Иными словами, в детальном анализе нуждается, конечно же, любое сообщение, независимо от того, как оно освещает рассматриваемую здесь тему. Однако такая задача вряд ли может быть исчерпывающе решена в формате статьи. К тому же предпринятое здесь

[25] Действительно, Юлиан предупреждает венгерского короля Белу IV, что «во всех завоеванных странах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление», но ведь далее он говорит о рядовом населении то же самое, что и другие современники европейского похода монголов: «Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить, а умереть скорее» [Аннинский, 1940, с. 87–88].

обращение к источникам не имеет цели доказать абсолютную ничтожность или заведомо меньшую в сравнении с любой другой этнокультурной единицей долю кипчаков в массе кочевого населения Золотой Орды. И уж тем более не ставится, да и не могла ставиться, цель доказать полную смену населения Дешт-и Кипчака в монгольское время. Подобное намерение было бы абсурдным.

Сохранение части домонгольского населения Дешт-и Кипчака является данностью, не нуждающейся в специальном подтверждении: некоторые группы кипчаков покорились без сопротивления и, будучи почти всегда на переднем крае, все же сумели уцелеть, другие бежали, а после окончания «семилетнего похода» по тем или иным обстоятельствам предпочли вернуться под руку Джучидов.

Вместе с тем такие факторы, как экстраординарная продолжительность борьбы и ее ожесточенность[26], вырисовывающиеся масштабы потерь и бегства, методы использования военнопленных и практика переселений, несомненно коснувшаяся кипчаков[27], заставляют усомниться в том, что покорившиеся сразу или смирившиеся «после долгой беготни» (Рашид ад-Дин) могли обрести роль ведущего этноса Золотой Орды.

При отсутствии в письменных источниках ясных и неоспоримых свидетельств многочисленности кипчаков необходимым становится хотя бы краткий обзор косвенных аргументов. К ним относятся прежде всего общеупотребительность термина «кипчак» в современной Золотой Орде литературе, малочисленность монголов, выделенных во владение Джучи, быстрая утрата золотоордынскими монголами своего

[26] Достоин внимания эпизод из биографии Субэдэя в «Юань-ши», в котором Чингис-хан распорядился казнить «рабов» Юрия Кончаковича, выдавших своего хана монголам и за то отпущенных Субэдэем в качестве «вольного народа» [Храпачевский, 2004, с. 500]. По мнению Р.П.Храпачевского, когда положение Чингис-хана упрочилось, он отказался от прежнего правила предавать смерти простолюдинов, изменивших «природным ханам», пусть даже последние были его врагами [Храпачевский, 2004, с. 93], однако, как видно, для рядовых кипчаков в 1223 г. было сделано исключение. Не менее показателен финал упорной охоты 20-тысячного корпуса Менгу и Бучека за Бачманом — «его схватили, и уничтожили его войско», «его сообщников истребили» [Тизенгаузен, 1941, с. 24; Рашид ад-Дин, 1960, с. 38].

[27] В частности, Субэдэю все-таки было позволено набрать армию из обоков «меркитов, найманов, кирей, канглов и кипчаков» [Allsen, 1983, с. 13; Храпачевский, 2004, с. 500, 501]. Т.Олсен полагает, что эта армия, включавшая представителей кипчакского племени ольбери, воевала на восточных фронтах вплоть до финальной кампании против Северного Китая. Примечательно, что она оказалась не слишком надежной. В феврале 1232 г. кипчаки дезертировали и перешли к неприятелю, услужливо предложив ему план разгрома монголов [Allsen, 1983, с. 14].

языка, а также ряд аргументов археологического и антропологического профиля.

Использование летописцами для обозначения Золотой Орды наименований «Кипчак», «царство Кипчакское», «земли Кипчакские», «страна Кипчаков» и т.п. считается одним из наиболее надежных доводов. Однако, как убедительно показала на примере персидских летописей А.А.Арсланова, в золотоордынское время «привычный географический термин „Дешт-и Кипчак" стал употребляться некоторыми персидскими историками с оттенком, придающим ему название государства. Последнее приобрело черты своеобразной историографической традиции, которая закрепилась и сыграла в дальнейшем свою роль в исторических исследованиях, опиравшихся на сведения этих источников» [Арсланова, 1990, с. 11]. Другими словами, вышеназванные термины в персидских источниках утратили этническое содержание, превратившись в территориально-государственное определение.

Аналогичная тенденция, обусловленная присущим средневековым авторам обыкновением удревнять этнонимию, прослеживается также в арабских сочинениях. И хотя она осложнена здесь еще и кипчакским происхождением мамлюкских султанов, все же нетрудно заметить, что и в арабских сочинениях в подавляющем большинстве случаев термин «Кипчак», используемый для обозначения Улуса Джучи, имеет исторический, а не этнографический оттенок. В частности, для ал-Омари владения потомков Джучи это чаще всего «Хорезм и Кипчак», в то время как владения Хулагуидов — «Иран», «Ирак и Аджем», а владения Чагатаидов — «Трансоксания» и «Туркестан».

Необходимо отметить, что указанный феномен архаизации в европейских источниках не проявился, причиной чему, надо полагать, была лучшая осведомленность европейцев о переменах, происшедших в Команнии. Ее название в европейских сочинениях прочно замещается термином «Татария» в различных его модификациях[28]. По той же причине с началом монгольской кампании в Восточной Европе имя половцев практически полностью исчезает со страниц русских летописей[29]. Новые хозяева Половецкой земли именуются татарами, а их государство Ордою. И лишь в Куликовском цикле повествований половцы

[28] Приведенная А.Н.Поляком ссылка на Мандевиля (ок. 1300 — 1372), обозначившего «царство Команию» как «самое большое на свете» [Поляк, 1964, с. 42], учитывая зависимость этой части сочинения *нигде не путешествовавшего «сэра Джона»* от Карпини, не может быть принята.

[29] Заслуживает упоминания сообщение Ипатьевской летописи (под 1253 г.) о половецком хане Тегаке, бывшем в союзных отношениях с Даниилом Галицким и, следовательно, тоже не подчинившемся монголам [ПСРЛ, 1962, стб. 802–818].

вдруг появляются вновь. Согласно Троицкой и некоторым другим летописям, возникшим на ее основе, Мамай собрал «всю землю половечьскую и татарьскую...» [ПСРЛ, 1965, с. 57], а в «Сказании о Мамаевом побоище» Сергий велит Дмитрию пойти «на поганыя половцы» [Повести, 1959, с. 52]. Реанимация этнонима, бывшего в полном забвении почти полтора века, была вызвана, скорее всего, актуализацией героической тематики со свойственным средневековой литературе клишированием апробированных образцов описания военного противостояния. Красноречивое подтверждение тому — дефиниция поединщика, с которым сражался Пересвет, как «злого печенега» [Повести, 1959, с. 68, 69].

Другим веским аргументом, обосновывающим преобладание кипчаков в Золотой Орде, считается ничтожное количество коренных монголов, переданных Чингис-ханом Джучи. Рашид ад-Дин сообщает, что Джучи, точно так же как Угэдэю, Чагатаю и Кулькану, досталось всего четыре тысячи человек [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 274–276], а в «Сокровенном сказании» говорится о девяти тысячах, пришедшихся на долю Джучи [Сокровенное сказание, 1941, § 242]. По мнению многих исследователей, скромность обеих цифр сама по себе снимает всякие вопросы относительно предопределенности этнических процессов и конечного торжества кипчаков.

На мой взгляд, рассматриваемый аргумент и делаемые на его основе выводы не бесспорны. Во-первых, без должного внимания остается заключительная часть сообщения Рашид ад-Дина о «четырех тысячах» Джучи, в которой он пишет: «В настоящее время *большая часть войск Токтая и Бояна есть потомство этих четырех тысяч* (курсив мой. — *В.К.*), а что прибавилось к ним за последнее время, то — из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним. [Кроме того,] во время междоусобиц среди дальних и близких родичей часть также должна была уйти туда [во владения Токтая и Бояна]» [Рашид ад-Дин, 1952б, с. 275][30]. Хотя в цитате идет речь о войске, по сути это характеристика этнического состава Золотой Орды (в первую очередь его кочевого сегмента) на начало XIV в. Попутно отмечу: это характеристика, оставляющая кипчакам гораздо более скромное место в этническом ландшафте золотоордынского Дешт-и Кипчака и тем самым радикально отличающаяся от привычной интерпретации высказывания ал-Омари.

[30] Вассаф говорит, что четыре личные тысячи Джучи к тому времени, когда они перешли под начало его старшего сына Орды, составляли «более одного тумана живого войска» [Тизенгаузен, 1941, с. 84].

Во-вторых, следует допустить, что в отношении сыновей Чингисхана доля размером в четыре тысячи воинов (примерно 20 тыс. человек) имела в известной степени символический смысл, задавая административно-племенную структуру выделяемых улусов. Как известно, позже в моногольских государствах такая структура станет едва ли не универсальной: четыре нечингисидских эмира будут образовывать при хане подобие «государственного совета», представлявшего интересы четырех крупных массивов населения, объединенных на этнической основе. Так, по информации поздних авторов, Бату, наделяя улусами своих братьев по окончании западного похода. Шибаиу передал омаки кушчи, найман, карлык и буйрак, Тукай-Тимуру — минг, тархан, ушун и ойрат, в то время как домен самого Бату, возможно, составили омаки кыйат, мангыт, салджиут и коигрят [Шамильоглу, 2001, с. 24].

В-третьих, буквальное истолкование доли Джучи оставляет без ответа, так сказать, прагматические вопросы: можно ли было поручать ему реализацию амбициозных планов экспансии на запад со столь ничтожным контингентом надежных воинов и много ли было шансов у «четырех тысяч» уцелеть в «кипчакском море»? В-четвертых, как уже отмечалось исследователями, в перечне «тысяч» Джучи нет «лесных народов», подчиненных им в 1207 г. и составивших его первый улус [Лубсан Данзан, 1973, с. 183].

Наконец, в-пятых, племенная номенклатура золотоордынского и постзолотоордынского Дешт-и Кипчака не дает ни малейших оснований полагать, что ее моногольский компонент исчерпывался племенами сиджиут, кингит и хушин, названными в числе «четырех тысяч». Одновременно она не обнаруживает сколько-нибудь заметного присутствия кипчакских родоплеменных имен[31].

С сожалением нужно признать, что перспективного метода для исчисления реальной доли монголов в Улусе Джучи на основе письменных данных сейчас нет. В этой ситуации в качестве весьма условного ориентира можно выставить свидетельство брата Юлиана: «Татары... говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю» [Аннинский, 1940, с. 90]. Аналогичная пропорция получилась у Р.П.Храпачевского, попытавшегося учесть все доступные данные для подсчета

[31] Например, в списке родов и племен, входивших в Узбекский Улус в 30–60-е годы XV в., значатся: алчин, барак, буркут, дурман, ички, йджан, каанбайлы, карлук, кенегес, конграт, кыйат, кипчак, куйун, курлаут, кушчи, маджар, мангыт, мисит, найман, ойрат, таймас, тангут, тубай, тубай-туман, туман, туман-минг, уйгур, уйсун, украш-найман, утарчи, хытай, чат, чинбай, чубурган, шадбаклы, шункарлы [Султанов, 1982, с. 15, 16].

численности армии, подготовленной для западного похода: «...соотношение монголов с тюрками, финноуграми и прочими народами (в основном северокитайскими) в составе армии Бату и Субэдэя было... примерно как один к двум» [Храпачевский, 2004, с. 181]. По окончании похода неджучидские царевичи вернулись в свои улусы, но увели ли они с собой всех воинов, в экстраординарном порядке набранных для европейской кампании, неизвестно[32]. Согласно подсчетам Н.Ц.Мункуева, исполнение приказа Угэдэя отправить в западный поход старших сыновей всех моголов обеспечивало формирование армии численностью в 139 тыс. человек [Мункуев, 1970, с. 369]. Почти такой же оставалась численность джучидской армии и к 1256 г., когда в соответствии с имперской разнарядкой (по два человека с каждого десятка) в Иран были отправлены три тумена во главе с Кули, Тутаром и Балаканом [Рашид ад-Дин, 1960, с. 81].

Непрезентабельность кипчакской этнонимии в различных списках дешт-ских племен иногда объясняют целенаправленным социальным и политическим инжинирингом: монголы реструктурировали кипчакские племена, преобразовывая их в новые военные и племенные группировки с монгольскими названиями. В результате раскассирования и переселений кипчаки утратили собственную этноним ию и стали называться именами тех моигольских племен, в нутагах которых им было определено кочевать. Что же до кипчаков, сохранивших свое племенное название, то это, видимо, те счастливцы, которым монголы милостиво оставили небольшую часть прежних владений. Подтвердить эти, несомненно, остроумные предположения какими-либо ссылками на источники, увы, невозможно.

Кроме того, даже оставаясь в статусе сугубой гипотезы, они встречают трудноразрешимые логические препятствия. Во-первых, при подобном течении этногенетических процессов резонно было бы ожидать полного господства монгольской этнонимии, чего на самом деле нет. Следовало бы ожидать также, что племена с монгольскими именами станут наиболее крупными племенами, но и это труднодоказуемо. Во-вторых, совершенно не ясно, какими мотивами руководствовались Джучиды, осуществляя или допуская массовую «запись» в монголы кипчаков. Можно понять стремление крепостных стать господами, но где здесь интересы господствующего этноса? Слова Ибн Баттуты «монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ея)» следует

[32] Мобилизованная по такому же раскладу для завоевания Ирака армия, как известно, осталась в распоряжении Хулагу, но политическая ситуация в Монгольской империи уже отличалась от ситуации 1242 г., когда Бату получил известие о смерти Угэдэя.

понимать так, что Золотая Орда была этнически жестко стратифицированным государством, подобным юаньскому Китаю, и в ней вряд ли приветствовалось этническое самозванство.

Ссылки на Рашид-ад Дина, на мой взгляд, не вполне корректны. Его довольно едкое разъяснение, почему тюрки (и не только тюрки[33]) стали именовать себя татарами, а позже — монголами, не подразумевает, что тюркские роды и племена стали менять свои названия на названия татарских или монгольских родов и племен и подправлять свою генеалогию, предавая забвению предков. Эту замену Рашид ад-Дин совершенно определенно относит к обобщающим, надплеменным, ставшим престижными этнонимам и не приводит ни одного примера, который бы заставлял думать иначе.

Как указание на многочисленность и влиятельность кипчаков в Золотой Орде нередко расценивается любое замеченное в источниках упоминание этнонима «кипчак», к каким бы историческим периодам и районам Степи оно ни относилось. Особое внимание оказывается примерам удачной карьеры кипчаков в Китае и Трансоксании. Их привлекательность заключается в возможности экстраполяции на Золотую Орду: уж если кипчаки имели такой политический вес вдали от своего отечества, то в Золотой Орде он был им просто гарантирован. Но, как уже отмечалось выше, в Китае кипчаки (в большинстве — на положении рабов) оказались в начале 1220-х, после рейда корпуса Джэбэ и Субэдэя, и сомнительно, чтобы с тех пор их карьера как-то зависела от политической и этнической ситуации в Улусе Джучи.

Судя по имеющейся информации, лишь много десятилетий спустя кипчаки становятся заметным элементом юаньской администрации. В интервале от начала монгольского наступления на Китай по 1259 г. в китайских источниках И. де Рахевилцем идентифицированы всего четыре видных кипчака, а за все годы монгольского господства — около 60 [Halperin, 2000, с. 240]. Среди помещенных в «Юань ши» 209 биографий главных военачальников только 12 принадлежат кип-

[33] Соответствующее место в сочинении Рашид ад-Дина: «Так как внешность, фигура, произношение, язык, обычаи и манеры их были близки у одних с другими и хотя в древности они имели небольшое различие в языке и обычаях, ныне дошло до того, что монголами называют народы Хитая и Джурджэ, нангясов, уйгуров, кипчаков, туркмен, карлуков, калачей, всех пленных и таджикские народности, которые выросли в среде монголов. И эта совокупность народов для своего величия и достоинства признает полезным называть себя монголами» [Рашид ад-Дин, 1952а, с. 103].

чакам [Чхао, 1995, с. 51], что, учитывая другие данные[34], предполагает более сдержанные оценки величины кипчакского компонента в юаньской армии.

Едва ли большей была доля кипчаков в Чагатайском Улусе[35]. Хотя часть его территории составляли земли, населенные прежде кипчаками, в обширной тимуридской литературе обнаруживаются лишь отдельные упоминания о кипчаках.

Довольно часто отношения между Золотой Ордой и такими государствами, как Египет, Венгрия, Болгария, рассматриваются через призму родства правящих династий указанных стран с кипчакским большинством Золотой Орды. Об использовании фактора «этнической близости» монголами говорилось выше. Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что обращение к теме родства, будучи дежурным приемом моигольской дипломатии, само по себе, без материального стимула, оказывалось недостаточным для завоевания доверия кипчаков. Но оно, видимо, нередко и не преследовало этой цели, выполняя провокационную роль: контакты между монголами и кипчаками, становясь известными союзникам последних, заставляли их сомневаться в надежности моигольских «родичей» и ослабляли или вовсе расстраивали союз. Иногда эксплуатация фактора родства обретала более изощренную форму. Так, перед среднеазиатской кампанией были изготовлены фальшивые письма тюркских военачальников хорезмшаха Мухаммеда к Чингис-хану, заставившие хорезмшаха «разъединять их союз и рассеивать их сборище», что предопределило сокрушительное поражение Хорезма [Насави, 1973, с. 77, 78]. Венгерско-половецкий альянс тоже был разрушен не без участия монгольской дипломатии. Бату не только пугал Белу IV тем, что половцам будет гораздо легче избежать его гнева, нежели венграм, но и, по всей видимости, позаботился о том, чтобы усилить возникшие у венгров сомнения в надежности половцев (по Д.Синору, основанием для подозрений в измене могло послужить внешнее сходство монголов с кумаиами [Sinor, 1999, с. 13]).

Союз Золотой Орды и Египта против хулагуидского Ирана в качестве свидетельства силы кипчакского фактора эксплуатируется особенно интенсивно — вплоть до утверждения, что «кипчакские узы

[34] Так, знаменитый полководец Тутуха был начальником только одного из 12 гвардейских корпусов, сформированных из кочевых племен [Кадырбаев, 1997, с. 126]. Его отец Баньдуча, представитель ханской династии, перешедший к моиголам с подчиненными ему людьми, в армии Хубилая командовал всего лишь сотней кипчаков.

[35] Кипчак Сары-Бута, ставший доверенным лицом Тимура, был предводителем лишь одного из 40 племен (впрочем, вероятно, замыкавшего первую дюжину самых влиятельных из них) [Уложение, 1992, с. 139].

оказались сильнее монгольской солидариости» [Sinor, 1999, с. 23]. В отечественной литературе мотивация тесных золотоордынско-египетских связей кровной заинтересованностью мамлюкских султанов в добрых отношениях со своими родичами уже характеризовалась как явное преувеличение [Закиров, 1966, с. 36]. Действительно, в замечании ал-Омари, что мамлюкские султаны «чувствуют склонность к своим родичам и хлопотали об увеличении числа их, так что Египет заселился и стал охраняемым ими со всех сторон» [Тизенгаузен, 1884, с. 232], речь идет о предпочтениях в комплектовании армии, а не о сотрудничестве с Золотой Ордой, которое стимулировалось причинами более основательными, нежели мнимое родство с хозяевами Дешт-и Кипчака или заинтересованность в скупке соплеменников. Выше цитировался рассказ Рашид ад-Дина о том, как бывшие соратники султана Джелал ад-Дина, попрятавшиеся было «по сторонам», когда монголы двинулись в Сирию, все же дерзиули сопротивляться [Рашид ад-Дин, 1957, с. 51].

Решившись «по необходимости» на войну с монголом Хулагу, египетские кипчаки вскоре обрели нечаянного союзника в лице монгола Берке, который с самого начала выступал против похода, во главе которого был поставлеи Хулагу. Трудно сказать, что больше беспокоило Берке — назревающая угроза политическим интересам Джучидов или судьба его единоверцев на Ближнем Востоке, но предотвратить поход, в котором монголы сполна использовали взаимиую враждебность христиан и мусульман, он не смог. Когда же конфликт с Хулагу перешел в воениую фазу, естественным союзником Берке стал мусульманский Египет. Надо полагать, союз, замешанный на принципе «враг моего врага — мой друг» и на религиозной экзальтации Берке, состоялся бы независимо от происхождения египетских султанов, и как было показано выше (при анализе популярного высказывания ал-Омари), кипчакская тема появилась в арсенале египетско-золотоордынской дипломатии лишь с утратой главных мотивов дружбы.

Что касается проявлений этнической симпатии в отиошениях Золотой Орды с Венгрией и Болгарией, то действительно убедительным фактом такого рода мог бы стать, иапример, массовый исход теснимых церковью и местной аристократией половцев в Золотую Орду, чего, как известно, не случилось[36].

Отдельного рассмотреиия требуют те письменные известия, которые используются для этнической идентификации археологических памятиików золотоордынского времени. В частиости, из отмечаемой

[36] О численности венгерских половцев, бежавших в 1282 г. к Ногаю и в 1285 г. принявших участие в золотоордынском набеге на Венгрию, ничего не известно.

Карпини, Рубруком, Джузджани и другими авторами секретности места монгольских погребений делается вывод, что все или почти все известные погребения второй половины XIII — XIV в. являются кипчакскими. Но названные авторы, говоря о тайне места захоронения и мерах по ее обеспечению, ясно показывают, что имеют в виду исключительно ритуалы, сопровождавшие похороны Чингисидов и других «важных лиц»[37]. Следовательно, в массе рядовых захоронений золотоордынской эпохи, совершенных по языческому обряду, целесообразно и перспективно искать и выделять погребения, несущие черты монгольской погребальной традиции. Не исключено, что такая работа, проведенная на максимально полной выборке погребений, позволит уточнить и расширить комплекс типических монгольских признаков и тем самым даст возможность предметнее судить об удельном весе монгольского компонента в Улусе Джучи[38].

Уже цитировавшееся выше предупреждение брата Юлиана о репрессивной политике монголов в отношении «князей и вельмож», внушающих малейшие сомнения в лояльности, прочно осмыслено как указание на поголовное истребление кипчакской аристократии и расказнивание рядовых кочевников по монгольским племенам. В археологии оно напрямую связывается с наблюдениями, согласно которым половецкая традиция устанавливать в святилищах каменные изваяния умерших вождей с приходом монголов резко обрывается. Предполагается, что с тех пор половцы могли лишь тайком чествовать усопших предводителей, скрывая их изображения в глубоких ямах, причем по бедности и приниженному положению они нередко были вынуждены

[37] Карпини: «Когда же он умрет, то, если он из знатных лиц, его хоронят тайно в поле...» [Карпини, 1993, с. 28]. Рубрук: «Возле погребения усопшего они оставляют всегда один его дом, если он из знатных лиц, то есть из рода Чингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребение» [Рубрук, 1993, с. 102]; Джузджани: «У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место его украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, до (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения)» [Тизенгаузен, 1941, с. 16].

[38] В фонде золотоордынских погребальных памятников урало-казахстанской степной зоны комплексом черт, интерпретируемых как монгольские (северная и северо-восточная ориентировка, отсутствие останков коня, включение в состав инвентаря элементов конской сбруи и пр.), характеризуются около 20% погребений [Костюков, 1997].

делать вместо полноценных каменных изваяний деревянные. Однако в последнее время появились исследования, с одной стороны, доказывающие, что закапывание изваяний было нормой завершающего этапа поминального цикла и практиковалось половцами в домонгольское время, а с другой — дающие примеры сооружения святилищ с каменными изваяниями по меньшей мере до конца XIII в. [Гуркин, 1998; Нарожный, 2003].

Новые факты и интерпретации овеществления половецкого культа предков в золотоордынское время, на мой взгляд, удовлетворительно разрешают те вопросы, которые возбуждал традиционный подход. Они свидетельствуют о том, что численность половцев действительно резко сократилась, но никаких ограничений в сфере культа, бросающих тень на знаменитую религиозную толерантность монголов, покорившиеся (не говоря о верившихся, надо полагать, со своими вождями) не испытывали. Существенный вклад в затухание половецкого культа предков могли внести фиксируемая с домонгольского времени христианизация половцев, а в золотоордынское время — исламизация, хотя приобщавшиеся к мировым религиям кочевники, как правило, очень медленно расставались с языческими верованиями и обрядами.

Заметную устойчивость в археологической литературе приобрело отнесение к специфически кипчакским такого признака, как применение в надмогильных конструкциях камня. Оно обосновывается прежде всего тем, что в восточноевропейской степи использование камня в сооружении курганов стало обычным с приходом половцев, а в золотоордынское время количество каменных курганов значительно увеличилось. Приверженность же кипчаков к камню в погребальной обрядности связывают с якобы присущим им культом камня.

В принципе с предположением о твердом предпочтении, которое кипчаки отдавали камню при возведении курганов, можно согласиться. Но при этом, во-первых, следует брать в расчет, что использование камня в погребальных обрядах существенно зависело от природных условий. Наиболее наглядный пример — практически полное отсутствие каменных курганов XII–XIV вв. на огромной территории, включающей Волго-Уральское междуречье и правобережье Волги, т.е. как раз там, где в домонгольское и монгольское время должны были обитать кипчаки. Во-вторых, кипчаки, конечно же, не были монопольными носителями рассматриваемой традиции. И сами монголы, и значительная часть перемещенных ими в Дешт-и Кипчак тюркских племен вышли из регионов, для которых в средневековье характерны именно каменные надмогильные сооружения.

Следует отметить, что после захвата монголами Дешт-и Кипчака здесь резко сокращается количество погребений с восточной ориентировкой, которая с достаточным основанием считается одним из важнейших признаков кипчакской погребальной обрядности домонгольского периода и которая сохраняется в половецких погребениях в Венгрии еще и в XIV в. [Golden, 1998, с. 202]. Предлагаемое в литературе объяснение смены восточной ориентировки на преимущественно западную исламизацией кипчаков, ввиду приведенных выше письменных свидетельств о религии кипчаков, а также данных о времени, этапах и масштабах исламизации золотоордынских кочевников и общих закономерностей ее отражения в погребальной обрядности, представляется не слишком убедительным.

Для доказательства неизменности этнической основы Дешт-и Кипчака в монгольское время приводятся также данные антропологии. Главный факт, предоставляемый исследованием больших антропологических серий, — доля монголоидного компонента по сравнению с предшествующим временем существенно не увеличилась; главный вывод — местное население в основном сохранилось. При этом подразумевается, что немногочисленные переселенцы были монголоидами, в то время как кипчаки — европеоидами.

Между тем, как демонстрирует одна из немногих специальных работ, посвященных этнической интерпретации антропологических материалов золотоордынского времени, выделение комплекса антропологических признаков кипчаков даже без учета возможной расовой гетерогенности различных кипчакских групп представляет собой крайне сложную проблему [Алексеев, 1985]. Кроме того, для получения убедительных результатов такого рода исследований необходимо существенное приращение информации об антропологическом облике населения домонгольского Дешт-и Кипчака, а также восточных регионов Степи предмонгольского и монгольского времени. До сих пор нет выполненных на больших выборках работ, в которых антропология домонгольского населения тех или иных местностей сравнивалась бы с антропологией золотоордынского населения.

Наконец, важнейшим аргументом в пользу утверждения о многочисленности кипчаков и конечном их триумфе считается быстрая тюркизация золотоордынских монголов, особенно наглядно выразившаяся в утрате ими своего языка. Ведущая роль кипчаков в победе тюркской культуры запечатлена, в частности, в том, что языки почти всех крупных тюркских народов, сформировавшихся на постзолотоордынском пространстве, получили общее наименование кипчакских.

Оговорюсь сразу: любые вопросы о степени родства тюркских языков, их роли в сложении разнообразных контактов и взаимовлияний, языковой ситуации в домонгольском Дешт-и Кипчаке, лексическом составе литературных памятников золотоордынского круга, механизмах смены языка и многом другом — о всем том, что учитывается в лингвистических классификациях, находятся за пределами моей компетенции. Вместе с тем не является секретом, что классификации, выделяющие кипчакскую группу, исходят из бесспорности тезиса об абсолютном преобладании кипчаков в Золотой Орде и прямой генетической связи с ними современных тюркских народов, населяющих Дешт-и Кипчак. Здесь мне кажется уместным сомнение Н.З.Гаджиевой в корректности тесного увязывания языковых фактов с историей народов, «в то время как сами сведения по истории тюркских народов и языков, содержащиеся в тех или иных источниках, требуют тщательной проверки» [Гаджиева, 1980, с. 109].

Хотелось бы обратить внимание также на то, что многие тюркологи, затрагивая проблемы языковой ситуации в Золотой Орде, воздерживаются от одиозначных этнических определений[39].

Решительным противником тезиса о кипчакской природе языка, возобладавшего в Улусе Джучи, как известно, был видный исследователь казахского языка С.Аманжолов. Критикуя такие сентенции, как «кипчакское объединение племени послужило осиовой образования казахской народности», «в X–XIII вв. существовала единая основа группы кипчакских языков», «единый казахский язык формировался (в X–XIII вв.) как крупнейший язык кипчакской группы», С.Аманжолов указывал, что их авторы «условное деление тюркских языков лишь по некоторым признакам (по классификации В.В.Радлова и др.) на северо-западные, иначе кипчакские, и др. превращают в безусловное, действительное»[40],

[39] Так, В.Г.Гузев, поясняя, что «литературным языком Джучиева улуса, т.е. Золотой Орды, был среднеазиатский литературный тюркский язык», находит необходимым сделать следующее замечание: «О языке ярлыка золотоордынского хана Тохтамыша великому князю Ягайлу (1392/93) В.В.Радлов писал: „...ярлык Тохтамыша писан западным татарином, знавшим хорошо официальный язык ханских канцелярий, но тем не менее писавшим с сохранением большей части особенностей родного своего говора". К этому выводу В.В.Радлов пришел после тщательного анализа „лексического и грамматического материала языка ярлыка", поэтому утверждение А.Н.Самойловича о том, что рассматриваемый ярлык написан „на местном кипчакском языке", выглядит некоторым огрублением точки зрения В.В.Радлова» [Гузев, 1972, с. 238–239].

[40] Причем, видимо, следует говорить не только об условности названия «кипчакская группа тюркских языков» в схеме А.Н.Самойловича, но и об определенной условности самой классификации, построенной на фонетическом и морфологическом принципах. Использование других методов, например метода глоттохронологии, выявляет иную

что «так называемые кипчакские письменные памятники (грамматика Абу-Хаяна, словарь Ибн-Муханны, Кодекс Куманикус и т.д.), по последним данным науки, оказались, скорее всего, относящимися к языку огузской группы, а не кипчаков», что «многие казахские племена (аргыны, дулаты, уйсуны, канглы, найманы, кытаи, кереи, алшыны и др.) до монгольского нашествия (XIII в.) не жили в Дешт-и Кипчаке, они жили в пределах гор Алтая, Тарбагатая и Ала-Тау. Следовательно, их диалекты оформились в пределах тюркского каганата. Они представляют большинство» [Аманжолов, 1997, с. 156]. Сопоставив численность различных казахских племен в конце XIX в. (Старший жуз — всего около 71 тыс. семейств, среди них кипчаков — несколько сот семейств; Средний жуз — около 160 тыс. семейств, в том числе кипчаков — 13,5 тыс.; Младший жуз — около 160 тыс. семейств, из них кипчаков — несколько сот семейств), С.Аманжолов заключил: «Если даже все племена казахов в XII–XIV вв. назывались кипчаками, иначе тюрками (см. надпись на Селенгинском камне), как это было с названиями „татар", „монгол" или „узбек", мы не можем сказать, что собственно кипчакское племя в период образования казахского народа сыграло ведущую роль. Наоборот, ныне мы можем утверждать, что племенной диалект кипчаков Средней Орды подвергся влиянию диалектов более многочисленных племен (аргынов, алшынов, найманов, киреев и др.)» [Аманжолов, 1997, с. 109–110].

Иби Арабшах, хорошо знавший Золотую Орду по собственным впечатлениям, о населении Дешт-и Кипчака и его языке писал следующее: «У Тюрков [разные] племена и наречия, как у Арабов» [Тизенгаузен, 1884, с. 457–458]. Надо полагать, слова очевидца заслуживают доверия, тем более что даже современные тюркские языки, по мнению специалистов, по похожести скорее напоминают диалекты. Поэтому европейским купцам и миссионерам, начинавшим свои путешествия в Крыму, кипчакский язык обеспечивал возможность общения практически на всей территории Монгольской империи. Одни, как цитировавшийся выше Пеголотти, нанимали переводчиков или знающих язык слуг, другие, как францисканский миссионер Пасхалий, начинали с изучения «чамаиского» языка и уйгурского письма, «ибо этот язык и письмо наиболее употребительны во всех царствах и империях татар, персов, халдеев, медов, а также в Катае» [Купцы, 1996, с. 134].

Языковые процессы, протекавшие в Дешт-и Кипчаке в золотоордынское время, определялись в первую очередь преобладанием тюрков,

конфигурацию близости и удаленности различных тюркских языков, в которой кипчакский фактор едва ли заметен [Дьячок, 2001].

среди которых кроме кипчаков было множество других не менее многочисленных племен, говоривших на едва начавших расходиться языках. В то же время направление и скорость процессов зависели не только от степени фертильности тюрков и монголов, но и от других факторов, в совокупности облегчавших победу тюркского языка: близость культур и развитый билингвизм, отсутствие у монгольского языка литературной традиции, огромная роль Средней Азии как культурного центра, потребности государственного строительства, в частности, принятие ислама в качестве государственной религии.

В заключение следует отметить, что главная цель предпринятого здесь обзора аргументов состоит в том, чтобы вновь привлечь внимание коллег к данным источников, ибо они в большинстве плохо согласуются с утвердившимся в науке взглядом на Золотую Орду как на государство кипчаков. Конечно, имя «Золотая Орда» имеет беллетристический оттенок, но предлагаемое ему на замену название «Кипчакское ханство» вызывает еще большие сомнения. И не только потому, что кипчаки ни до ни после монгольского вторжения не создали своей государственности, но и потому, что этнический состав Улуса Джучи был гораздо более мозаичным, чем декларируется названием «Кипчакское ханство». 25-летние усилия монголов, направленные на покорение кипчаков, было бы более справедливо охарактеризовать как демографическую катастрофу, а не легкую встряску, всего лишь «приостановившую» политический и культурный рост кипчаков. Разумеется, было бы неправильно утверждать, что доля кипчаков в массе кочевого населения Золотой Орды была абсолютно ничтожной, а их роль в этнических процессах, протекавших в Золотой Орде, была меньшей в сравнении с любой другой этнокультурной единицей. Вопрос о племенном составе Улуса Джучи, очевидно, должен решаться отдельно для каждого региона с привлечением всех доступных источников. Но, для того чтобы начать такого рода исследования, необходима критическая оценка сложившейся практики сведения этнических процессов в масштабах всего Улуса Джучи единственно к «кипчакизации». Вероятно, она могла иметь место в некоторых частях Золотой Орды, но в целом утрата монголами своей этнической идентичности и усиление элементов тюркской культуры, наблюдаемые в золотоордынское время на периферии Дешт-и Кипчака, являлись следствием преобладания тюркоязычных племен, в массе которых кипчаки не выделялись ни особой многочисленностью, ни влиятельностью.

Абулгази, 1906 — Родословное дерево тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана. Казань, 1906.

Алексеев, 1985 — *Алексеев В.П.* О расселении монголоидов на Северном Кавказе в эпоху средневековья // Культурное наследие Востока. Л., 1985.

Амаижолов, 1997 — *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алматы, 1997.

Аннинский, 1940 — *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. II. М.; Л., 1940

Армянские источники, 1962 — Армянские источники о монголах. М., 1962.

Арсланова, 1990 — *Арсланова А.А.* Кипчаки и термин «Дешт-и Кипчак» (по данным персидских источников XIII–XIV вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990.

Гаджиева, 1980 — *Гаджиева Н.З.* К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

Гузев, 1972 — *Гузев В.Г.* О ярлыке Мехмеда II // Тюркологический сборник. 1971 М., 1972.

Гуркин, 1998 — *Гуркин С.В.* Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР // Донская археология. 1998, № 1. Ростов-на-Дону

Дьячок, 2001 — *Дьячок Т.М.* Глоттохронология тюркских языков (предварительный анализ) // Наука. Университет. Материалы 2-й науч. конф. Новосибирск, 2001.

Закиров, 1966 — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.

Кадырбаев, 1997 — *Кадырбаев А.Ш.* За пределами Великой степи. Алматы, 1997

Карпини, 1993 — *Джованни дель Плано Карпини.* История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Кононов, 1958 — *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958.

Костюков, 1997 — *Костюков В.П.* Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. канд. дис. Уфа, 1997.

Костюков, 1998 — *Костюков В.П.* О хронологической позиции поминальных оградок Южного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Крачковский, 1957 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. 4. М.; Л., 1957.

Купцы, 1996 — Купцы и миссионеры Западной Европы в Кульдже // Каспийский транзит. Альманах «Арабески истории». Т. 1. Вып. 5–6. М., 1996

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи. М., 1973.

Маркварт — *Маркварт Й.* О происхождении народа куманов. Пер. А.Немировой // http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml

Матузова, 1979 — *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.

Мункуев, 1970 — *Мункуев Н.Ц.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Нарожный, 2003 — *Нарожный Е.Н.* О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Насави, 1973 — *Шихаб ад-Дин ан-Насави Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.

Петрушевский, 1970 — *Петрушевский И.П.* Поход моигольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-моголы в Азии и Европе. М., 1970.

Повести, 1959 — Повести о Куликовской битве. М., 1959.

Поляк, 1964 — *Поляк А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.

ПСРЛ, 1962 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962.

ПСРЛ, 1965 — Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. М., 1965.

Путешествия, 1866 — Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Одесса, 1866.

Рашид ад-Дин, 1952а — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1952б — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1957 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III. Баку, 1957.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960.

Рубрук, 1993 — *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.

Сафаргалиев, 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сокровенное сказание, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. М.; Л., 1941.

Султанов, 1982 — *Султанов Т.И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М., 1982.

Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.

Тизенгаузен, 1941 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.

Уложение, 1992 — Уложение Тимура // Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992.

Фома Сплитский, 1997 — *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997.

Холи, 1962 — *Амин аль-Холи.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

Храпачевский, 2004 — *Храпачевский Р.П.* Военная держава Чингис-хана. М., 2004.

Чхао, 1995 — *Чхао Чху-Чанг.* К вопросу о составе иародиостей армии Моигольской империи XIII–XIV вв. // Идель. Казань, 1995, № 5–6.

Шамильоглу, 2001 — *Шамильоглу Ю.* Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.

Allsen, 1983 — *Allsen Th. T.* Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // Archivum Eurasiae medii aevi. Wiesbaden, 1983, № 3.

Amitai-Preiss, 1995 — *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks: The Mamluk-Ilkhanid War, 1260–1281. Cambridge, 1995.

Ayalon, 1972 — Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan. A Reexamination (Part C) // Studia Islamica. 1972, No. 36.

Golden, 1991 — *Golden P.B.* The Qipcaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation in the Steppes // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Los Angeles, 1991.

Golden, 1992 — *Golden P.B.* "The Codex Cumanicus" // Monuments of Central Asia. Istanbul, 1992 (http://eurasia-research.com/erc/002cam)

Golden, 1998 — *Golden P.B.* Religion among the Qipchaqs of Medieval Eurasia // Central Asiatic Journal. The Hague; Wiesbaden, 1998. Vol. 42.

Halperin, 2000 — *Halperin Ch.* The Kipchak Connection: The Ilkhans, the Mamluks, and Ayn Jalut // Bulletin School of Oriental and African Studies. L., 2000. Vol. 63.

Irwin, 1986 — *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: The Early Mamluk Sultanate, 1250–1382. Carbondale, 1986.

Lech, 1968 — *Lech K.* Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-abşar fi mamalik al-amşar. Wiesbaden, 1968.

Sinor, 1999 — *Sinor D.* The Mongols in the West // Journal of Asian History. Bloomington, 1999. Vol. 33, № 1.

Smith, 1984 — *Smith J.M.* Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure? // Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.), 1984. Vol. 44, № 2.

Tafur, 1926 — *Pero Tafur.* Travels and Adventures 1435–1439. Ed. and transl. by M.Letts. L., 1926 (http://chass.colostate-pueblo.edu/history/seminar/tafur/tafur3.htm).

Yule, 1916 — *Yule H.* Cathay and the Way Thither. Vol. 3. L., 1916.

Д.В.ЛИСЕЙЦЕВ
(Москва)

Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия

На протяжении длительного времени, с конца XV в. до конца XVIII в., одним из главных внешнеполитических партнеров Российского государства являлось Крымское ханство. Крымский юрт, находясь в вассальной зависимости от Османской империи, к началу XVII в. оставался последним полностью независимым от Москвы осколком Золотой Орды. В течение трех столетий близкое и опасное соседство Крыма было для России фактором, создававшим постоянную напряженность на ее южных рубежах. Даже в периоды мирных и союзнических взаимоотношений между двумя державами сохранялась опасность самовольных набегов татарских мурз и царевичей на русские окраины. Та же опасность постоянно довлела над украинскими владениями Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, исторического соперника Московской державы.

Это обстоятельство отчасти стало причиной долговечности Крымского ханства, правители которого умело пользовались противоречиями между двумя христианскими державами, вступая в зависимости от обстоятельств в союз то с одной, то с другой из них. И православное Московское государство, и католическая Речь Посполитая были заинтересованы в том, чтобы обезопасить собственные земли от нападений кочевников-мусульман и направить их против своего противника. Ни в Москве, ни в Кракове не могли строить внешнеполитическую линию без учета позиции крымских ханов. В результате в степной зоне к северу от Черного моря, где соприкасались владения российских царей, польских королей и крымских ханов, сложилась особенная система взаимоотношений между мусульманским и христианскими государствами. Взаимное религиозно-идеологическое недоверие и не-

© Д.В.Лисейцев, 2006

приятие удивительным образом сочетались в ней с готовностью к продиктованному соображениями политической выгоды союзу с «неверными», или «погаными».

«Христиане и мусульмане больше времени боролись со своими единоверцами, чем воевали друг с другом... Два полюса — религиозное предубеждение и мирный прагматизм — создают... эвристические рамки, в которых можно анализировать средневековые христианско-мусульманские отношения», которые «неизменно оказываются где-то посередине между этими двумя крайностями» [Гальперин, 2001, с. 65–66]. Представляется, что эта мысль Ч.Гальперина, американского исследователя так называемого «фронтира» (т.е. линии соприкосновения противостоящих религиозных систем в рамках одного общества), вполне применима и для характеристики взаимоотношений между Московским государством и Крымским ханством.

Отметим, что одной из характерных особенностей наступавшего Нового времени было ослабление влияния религиозных соображений на реальную внешнеполитическую линию европейских и азиатских государств. Религиозные лозунги слышатся в войнах вплоть до наших дней, но начиная с XVI–XVII вв. они все в большей степени становятся лишь лозунгами. «Христианнейшие короли» Франции отнюдь не гнушались состоять в союзе против своих единоверцев с султанами Османской империи, а персидский шах с готовностью пользовался услугами англичан-христиан для реорганизации своей армии с целью разгрома мусульманской Турции. Политический прагматизм приводил к союзу или диалогу державы, разделенные не только религией, но и тысячами километров.

Для Московского государства, являвшегося на протяжении столетий крайним восточным форпостом христианства на границе сначала языческой, а затем и мусульманской степи, способность и готовность к подобному компромиссу были жизненной необходимостью. На Руси никогда не забывали разницу между христианством и исламом, и в народном творчестве тех времен татары оставались «погаными». Нельзя было забыть и о длительном периоде зависимости от Золотой Орды, о которой постоянно напоминали сами крымские ханы. Они претендовали на восстановление выплаты Москвой «ордынского выхода». И тем не менее Российское государство не стремилось свести свои взаимоотношения с Крымским ханством исключительно к непримиримой борьбе. Готовность к диалогу с Крымом во многом облегчалась тем, что Московское государство само по себе являлось «фронтирным». Татары составляли значительную часть населения Московской Руси, особенно

со второй половины XVI в., когда в ее состав были включены земли Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. При этом сложно найти среди государств Средневековья и Нового времени другую державу, где столь же успешно уживались бы представители христианства и ислама. На наш взгляд, эта особенность Московского государства в значительной степени облегчала его правительству проблему выбора между религиозным лозунгом и политической выгодой.

В связи с этим представляется интересным подвергнуть анализу взаимоотношения между Московским государством и Крымским ханством в эпоху Смуты начала XVII в., когда прагматические соображения должны были безусловно доминировать над идеологическими. Глубокий кризис, охвативший Россию, был усугублен вмешательством в ее внутренние дела сопредельных держав, в наибольшей степени — Речи Посполитой. События развивались настолько неблагоприятно для Московского государства, что вековой спор между двумя славянскими странами вполне мог разрешиться окончательным торжеством католической Польши. С одной стороны, угроза потери национальной и религиозной независимости диктовала Москве поиск любых средств для предотвращения этой опасности, а с другой — победа Речи Посполитой в корне изменила бы баланс сил в Восточной Европе, что было крайне невыгодно для Крымского ханства, существовавшего именно за счет сохранения этого равновесия. Иначе говоря, логика событий подталкивала Московское государство и Крым к заключению военного союза; религиозный фактор в данном случае должен был отойти на второй план.

Проблемы, связанные с историей Крымского ханства и его взаимоотношениями с Россией, стали предметом специального рассмотрения еще в XIX в. Не преследуя цель дать подробную историографию указанной проблематики, кратко остановимся лишь на характеристике некоторых исследований, имеющих непосредственное отношение к теме настоящей статьи. Одной из фундаментальных работ, до сих пор не утративших своего научного значения, стало исследование В.Д.Смирнова [Смирнов, 1887]. В нем рассматривается история Крымского ханства со времени его возникновения до XVIII столетия, освещены вопросы внутреннего устройства, охарактеризована политическая деятельность крымских ханов. Особое внимание историка привлек вопрос о взаимоотношениях Крымского ханства с Османской империей. Истории дипломатической миссии А.Лодыженского и П.Данилова, отправленной в Крым от незадолго до того избранного царем Михаила Романова, была посвящена работа А.А.Сергеева [Сергеев, 1913].

Связи Московского государства с Крымским ханством в первой половине XVII в. рассматривались в монографии А.А.Новосельского, которая до настоящего момента остается самым обстоятельным исследованием русско-крымских отношений в XVII в. [Новосельский, 1948]. Неоспоримыми достоинствами указанной работы являются широкий круг привлеченных автором источников, рассмотрение «татарского вектора» внешней политики Московского государства (включавшего связи с ногайскими улусами и Крымским ханством) в комплексе, а также во взаимосвязи с другими внешнеполитическими направлениями и событиями российской Смуты. Однако А.А.Новосельский наибольшее внимание уделил проблемам военного противостояния Московского государства и татарских держав, дипломатические же связи оказались на втором плане и изложены автором менее подробно. Многие моменты в русско-крымских отношениях эпохи Смуты, как показывают источники, изложены неверно (в частности, по мнению А.А.Новосельского, контакты Московского государства с Крымским ханством были прерваны в 1607 г.).

Несколько позже названной выше монографии увидела свет статья А.А.Новосельского, посвященная особенностям формуляра и содержания документации Посольского приказа по связям Московского государства и Крымского ханства в XVII в. В этой работе автор убедительно показал, что статейные списки составлялись русскими дипломатами непосредственно в ходе посольства, а отнюдь не в Посольском приказе, как предполагали некоторые исследователи [Новосельский, 1961]. Данный вывод позволяет дать высокую оценку информативности и достоверности материалов делопроизводства Посольского приказа, выступающих основным источником при изучении не только русско-крымских отношений, но и всей внешней политики Московского государства XVI–XVII вв.[1].

С монографией А.А.Новосельского тематически перекликается исследование польского историка М.Хорна «Экономические последствия татарских набегов на Червонную Русь в 1605–1633 гг.» [Horn, 1964]. В указанной работе автор свел воедино разрозненные сведения о набегах крымских татар на владения Речи Посполитой в первой трети XVII в.

[1] Нельзя, однако, согласиться с другим выводом исследователя, согласно которому в Посольском приказе статейные списки могли лишь переписывать, не подвергая переработке и редактированию. Практика редактирования статейных списков, как показано в исследовании Н.М.Рогожина, в Посольском приказе употреблялась достаточно активно начиная с XVI в. [Рогожин, 1994, с. 149–151].

Значительный вклад в изучение русско-крымских отношений внесла статья Н.С.Захарьиной, посвященная контактам Москвы с Крымским ханством во время правления Василия Шуйского [Захарьина, 1980]. В данной работе опровергнуто, преимущественно с опорой на описи архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг., ошибочное предположение А.А.Новосельского о прекращении дипломатических контактов между Московским государством и Крымским ханством в царствование Василия IV. Подтвердив факт обращения российского правительства к хану Казы-Гирею за помощью против сторонников Лжедмитрия II, автор тем не менее подчеркивает грабительский характер походов татар на Русь и вслед за А.А.Новосельским делает вывод о том, что обращение за помощью в Бахчисарай лишь ускорило падение Василия Шуйского, поскольку реальной помощи Московскому государству татарские отряды не оказали [Захарьина, 1980, с. 138; Новосельский, 1948, с. 72].

Новому для отечественной историографии аспекту в истории Крымского ханства была посвящена статья В.Е.Возгрина, в которой исследуются дипломатические контакты Крыма со Шведским королевством в конце XVI — XVII в. [Возгрин, 1978]. В этой работе рассмотрены попытки Швеции заключить военный союз против России в конце XVI столетия, а также против Священной Римской империи в 30-е годы XVII в. Период Смуты, когда сложилась реальная возможность русско-шведско- крымского военного союза, В.Е.Возгрин им не рассматривался. Интересный материал по истории Крымского ханства содержится в монографии В.Е.Возгрина «Исторические судьбы крымских татар» [Возгрин, 1992]. Основной темой исследования стало рассмотрение внутреннего устройства Крымского ханства; внешняя политика Крыма описана менее детально, в связи с чем оказался обойден вниманием вопрос о характере русско-крымских отношений в начале XVII в.

Политика Османской империи и Крымского ханства в начале XVII в., в том числе в отношении российско-польского конфликта, изучалась в статье Б.Н.Флори [Флоря, 1998]. Не приняв в целом вывода А.А.Новосельского о враждебной по отношению к Руси направленности политической линии Крыма, историк тем не менее пришел к мысли о грабительском характере действий крымцев на Руси в эпоху Смуты и опасном для Московского государства нейтралитете ханов в русско-польской войне.

Взаимоотношения России с Крымом в разгар Смутного времени (1604–1614) рассматривались также в статье автора настоящей работы [Лисейцев, 2000б].

Основной материал по интересующей нас теме удается почерпнуть в делах Посольского приказа, большая часть которых сохранилась в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Документы по связям Московской державы с Крымским ханством содержатся в фонде 123 «Сношения России с Крымом». В столбцах данного собрания за рассматриваемый период, согласно описи, находятся 53 единицы хранения 1604–1606, 1607, 1613–1619 гг. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 1, 2; 1605 г., д. 1; 1606 г., д. 1, 2; 1607 г., д. 1, 2; 1613 г., д. 1; 1614 г., д. 1–5; 1615 г., д. 1–9; 1616 г., д. 1–7; 1617 г., д. 1–8; 1618 г., д. 1–7; 1619 г., д. 1–9]. Из них одно дело (об отправлении в Крым посланника А.Мелентьева, 1605 г.) числится выбывшим [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1605 г., д. 1], а выписка об обмене посольствами между Российским государством и Крымским ханством в 1617–1631 гг. относится к более позднему времени [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1617 г., д. 8]. Кроме того, следует отметить, что в дело о приезде в Москву крымского посла Мустафы-мурзы в 1614 г. были ошибочно включены несколько листов, относящихся к прибытию в Москву того же дипломата в 1618–1619 гг., поскольку в них идет речь о событиях февраля 1619 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 5, л. 111–114]. Четыре последних листа этого дела, следовательно, должны быть включены в состав соответствующего дела 1618 г. (между седьмым и восьмым листами) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1618 г., д. 5, л. 7–8]. Всего сохранился 51 столбец, освещающий русско-крымские отношения в 1604–1619 гг. Помимо столбцов во второй описи фонда 123 отмечены две шертные[2] грамоты крымских ханов 1614–1615 гг. [РГАДА, ф. 123. оп. 2. д. 33. 34], представляющие собой поздние выписки из столбцов.

Значительная часть документов по связям Московского государства с Крымским ханством в начале XVII в. к настоящему моменту утрачена. В деле реконструкции первоначального состояния корпуса материалов по связям Московского государства с иностранными державами большое значение имеет использование описей архива Посольского приказа, составленных в 1614 и 1626 гг. Не сохранились до наших дней упомянутые в «Описи архива Посольского приказа 1626 года» две книги: первая из них содержала сведения о миссии посланников в Крым В.Пургасова и Д.Радцова в 1613 г., во второй были объединены материалы об отправлении к крымскому хану А.Лодыженского и П.Данилова в 1613 г., Волконского и П.Овдокимова в 1614 г., а также наказ Г.Ромодановскому, посланному в 1614 г. на «посольский раз-

[2] Шерть — клятва на Коране.

мен»[3] [Опись, 1977, л. 362–362об.]. Сведения, содержавшиеся в книге 1613–1614 гг., восполняются сохранившимися столбцами [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1613 г., д. 1; 1614 г., д. 1, 2]; материалы посольства В.Пургасова и Д.Радцова утрачены полностью. Не сохранились также три тетради 7124–7125 гг. (1616–1617), в которых были записаны расходы приставов при крымских дипломатах [Опись, 1977, л. 362об.–363].

Крупные документальные потери имеются и в столбцах по связям с Крымом. К 7112 г. (1603/04) относилось три столбца: о приезде посланника А.Хрущова; о доводном деле иа князя Ф.Борятинского; о пребывании в Москве крымского посла Мустафы-мурзы. За 7113 г. (1604/05) утрачен столбец об отпуске и приезде посланника А.Мелентьева. Потеряи столбец 7114 г. (1605/06) об отправлении в Крым посланников А.Воейкова и З.Языкова. За 7116 г. (1607/08) в описях упомяиуто пять утрачеиных столбцов: о приезде крымских гонцов Сеит-Казыя и Ахмет-Калифы; о приезде из Крыма служилого татариина Б.Сабанина и гонца Сеит- Казыя [Описи, 1960, л. 324об.–325об.]; об отправлении в Крым посланников С.Звягина и Д.Витовтова; столбец о челобитье крымского гонца Хедыр-улана и отпуске С.Звягиина и Д.Витовтова; о иаказе И.Язвецову, отправленному к крымским татарам, пришедшим на помощь к Василию Шуйскому [Опись, 1977, л. 469–470]. 7118 годом (1609/10) было датировано четыре столбца: два столбца об отпуске в Крым посланника А.Шеншина; столбец о приходе крымских татар на помощь против «воров» и «литовских людей»; об отпуске и приезде гонца В.Пургасова. К 7121 г. (1613) относился столбец об отправлении в Крым послаников В.Пургасова и Д.Радцова и возвращении их с крымским гонцом Аллаш-богатырем. Упомянутый в описи под 7122 г. (1613/14) столбец об отправлеиии в Крым посланников А.Лодыжеиского и П.Данилова и возвращении П.Даиилова с послом Алей-мурзой сохранился лишь частично (утрачены материалы о возвращении П.Данилова с Алей- мурзой) [Описи, 1960, л. 326, 326об.; РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1613 г., д. 1]. За 7123 г. (1614/15) не сохранился упомянутый в описи столбец о приезде в Москву крымского гонца Ибрагим-паши-мурзы [Описи, 1960, л. 327].

Таким образом, за период 1604–1615 гг. утрачеио ие меиее 21 едииицы храиения по связям Московского государства с Крымом — 2 книги, 3 тетради и 16 столбцов. Кроме того, столбец 1613–1614 гг. сохранился не полиостью. Следовательно, мы должны коистатировать,

[3] Установившийся в практике российско-крымских дипломатических контактов обычай замены одних послов другими, производившейся в пограничных русских городах.

что за интересующий нас период утрачено около четверти дел Посольского приказа по связям Московского государства с Крымским ханством в период Смуты.

Некоторые сведения об этих взаимоотношениях можно почерпнуть в материалах по связям с другими державами, а также в разрядных книгах [Белокуров, 1907; Разрядная книга, 1976] и нарративных источниках — записках современников (русских и иностранных очевидцев событий), в частности в «Новом летописце» и сочинениях Конрада Буссова и Исаака Массы [Новый летописец, 1998; Буссов, 1998; Масса, 1997]. Особо следует отметить труд шведского историографа второй половины XVII в. Ю.Видекинда, не являвшегося свидетелем событий начала XVII в., но имевшего доступ к шведским государственному и частным архивам и сохранившего для нас благодаря этому ряд интересных известий о взаимоотношениях России, Швеции и Крыма в период Смуты [Видекинд, 2000]. Таким образом, исследователи обладают, на наш взгляд, вполне солидной источниковой базой, позволяющей составить верное представление о развитии и характере взаимоотношений между Московским государством и Крымским ханством в период Смутного времени начала XVII в.

К началу XVII в. в отношениях Московского государства с Крымским ханством наступил период стабильности. Правительство Бориса Годунова могло быть спокойно относительно безопасности южных рубежей страны. По данным А.А.Новосельского, в конце XVI столетия набеги татар на Русь прекратились практически полностью, поскольку крымский хан Казы-Гирей в связи с началом войны между Османской империей и империей Габсбургов был вовлечен в военные действия в Венгрии [Новосельский, 1948, с. 37–42]. В немалой степени способствовало временному прекращению крымских набегов продвижение русских укрепленных пунктов в глубь степи, активизированное правительством Бориса Годунова после набега Казы-Гирея в 1591 г. (это был последний случай, когда крымским татарам удалось дойти до Москвы). В 1592 г. была заложена крепость Елец, затем последовало строительство Валуек (1593 г.), Белгорода (1596 г.), Оскола (1598 г.), Царева-Борисова (1600 г.). По всей вероятности, крымскую сторону должен был впечатлить и знаменитый поход Бориса Годунова к Серпухову в 1598 г., который стал демонстрацией готовности Московского государства вести борьбу с Крымом. В 1601 г. в Крым было отправлено посольство князя Г.К.Волконского и дьяка М.Огаркова; результатом этой миссии стало принесение крымским ханом Казы-Гиреем шерти

царю Борису в 1602 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 27]. В наказах русским послам и приставам при иностранных дипломатах в начале XVII в. об отношениях России с Крымом предписывалось говорить, что хан, стесненный русскими городками в степи, стал полностью покорен Борису Годунову [РГАДА, ф. 32, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 132–133; ф. 35, оп. 1, д. 42, л. 100–102]. Данная информация, безусловно, была далека от действительности, но тем не менее подобные заявления российских политиков свидетельствуют о том, что в отношениях между Москвой и Бахчисараем установилось по меньшей мере устойчивое перемирие.

Имеются основания высказать предположение о том, что связи Московского государства с Крымским ханством в начале XVII столетия не только имели мирный характер, но и шли к заключению военного союза. Документация Посольского приказа позволяет предполагать, что у царя Бориса Годунова и хана Казы-Гирея имелись планы совместных действий (наиболее вероятно — против Османской империи). В ноябре 1603 г. через земли Речи Посполитой к российской границе близ города Чернигова прибыл митрополит Тырновский Дионисий, заявивший о том, что он является посланником от императора Священной Римской империи Рудольфа II Габсбурга. Митрополит сообщил черниговским воеводам, что он приехал «для твоего, государева... великого тайново дела, о чом ты, государь... писал и посылал к цысарю; да и листы деи к тебе, ко государю... от цысаря есть, да в тех же де листах к тебе, ко государю... писал цысарь, а к нему де, к цысарю, писал царь крымской, а к нему де, крымскому царю, писал ты, государь...». Далее митрополит сообщил, что император согласен с каким-то предложением Годунова, просит прислать к нему грамоту, а сам император, в свою очередь, обещал отправить послание к хану. К сожалению, суть совместных планов России, империи Габсбургов и Крымского ханства не была раскрыта: протокола переговоров о «великом тайном деле», состоявшихся 1 июля 1604 г. в Москве, не сохранилось [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 4–6, 79–84]. Однако эта скупая информация, случайно сохранившаяся в воеводской отписке, достаточна для того, чтобы высказать некоторые соображения относительно внешнеполитических планов Московского государства в начале XVII в. и места Крымского ханства в этих планах.

В 1593 г. империя Габсбургов вступила в войну с Османской империей за обладание Венгрией. Военные действия продолжались до 1606 г. Москва не могла остаться в стороне от этого конфликта, несмотря на то что русские дипломаты регулярно декларировали отсут-

ствие заинтересованности в происходивших в отдалении от российских границ событиях, периодически заявляя: «А в недружбе и в дружбе крепкой с цесарем быти не за што: земля его нигде с великого государя нашего землею не сошлася» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1618 г., д. 2, л. 225]. В условиях конфликта двух империй — христианской и мусульманской — российское правительство склонялось к союзу с первой.

После начала имперско-турецкой войны из Москвы в Стамбул ни царем Федором, ни его преемником Борисом Годуновым не было послано ни одной дипломатической миссии (за исключением гонца, отправленного в 1595/96 г. к задержанному в Турции российскому посланнику) [Лисейцев, 2002б, с. 169, 170]. При этом контакты с империей Габсбургов поддерживались достаточно активно: в Москве принимали имперских посланников, а в Праге, где преимущественно находился двор Рудольфа II, побывали в конце XVI в. два российских посольства. В 1595 г. с меховой казной к императору прибыло посольство М.И.Вельяминова и А.И.Власьева; в 1599–1600 гг. при дворе Рудольфа II находилась миссия, возглавляемая судьей Посольского приказа думным дьяком А.И.Власьевым [Флоря, 1968, с. 63–75; Лисейцев, 2003а, с. 57–59]. Московское правительство прилагало определенные усилия к созданию Османской империи условий международной изоляции. В частности, в течение трех лет (1595–1598) острым моментом во взаимоотношениях между Россией и Англией был вопрос о возможной экономической помощи турецкому султану от английской королевы. В 1598 г. королеве Елизавете пришлось официально заверить правительство Бориса Годунова в отсутствии активных торговых контактов между Англией и Турцией [Phipps, 1983, с. 18–20].

Параллельно с этим шли переговоры между Россией и Персией, одним из основных вопросов в которых, по всей видимости, была возможность совместных действий против турецких войск на Кавказе. При посредничестве московского правительства был заключен военный союз между Персией и Священной Римской империей, и в 1603 г. персидский шах Аббас I Великий начал войну против Османской империи [Бушев, 1976, с. 396; Лисейцев, 2000в, с. 169, 170]. Позиция Москвы была четко сформулирована в наказе русским послам, отбывшим весной 1604 г. в Грузию: они должны были заявить, что покойный царь Федор «с турским Мурат-салтаном в дружбе и в любви быти не похотел и посланников его без дела отпустил»; у царя Бориса с султаном Мехмедом «ссылка никакова не бывала, а хочет… государь наш… быти в дружбе и в любви, и в соединенье з братом своим с Аббас-шаховым величеством, и с Рудельфом-цесарем римским, и с ыными

христьянскими государи» [РГАДА, ф. 110, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 103–105]. Одновременно с этой миссией на Кавказ было отправлено стрелецкое войско, уже осенью 1604 г. сражавшееся в Дагестане против вассала турецкого султана — тарковского шамхала, а также участвовавшее совместно с грузинами в столкновении с турецкими войсками. Фактически это могло означать вступление Московского государства в войну с Османской империей. В 1604 г. Борисом Годуновым был организован поход запорожских казаков на причерноморские владения Турции, казаки едва не дошли до Стамбула [Лисейцев, 2002б, с. 171; Ульяновский, 1993, ч. 1, с. 94, 95]. Как видно, позиция Москвы в конфликте между Священной Римской империей и Турцией была вполне определенной.

При этом не следует забывать, что Стамбул имел весьма серьезное средство давления на Москву — таковым являлось Крымское ханство. Поэтому активные действия антитурецкого характера были возможны лишь при условии нейтрализации Бахчисарая. Вернемся к тексту отписки черниговских воевод от ноября 1603 г. В ней сообщается о некой внешнеполитической инициативе Бориса Годунова: «…о чом ты, государь… писал и посылал к цысарю». Возможно, речь шла о посольстве А.И.Власьева 1599–1600 гг. Главной задачей миссии был поиск возможностей совместных действий против Речи Посполитой, но не исключено, что параллельно мог вестись и разговор о союзе против Османской империи. Отметим также, что в конце 1603 г., когда митрополит Тырновский Дионисий прибыл к российским рубежам, на территории империи Габсбургов — в городе Любеке находился все тот же Власьев, вступивший в контакт с имперскими дипломатами (во всяком случае, им весной 1604 г. были доставлены в Москву грамоты от императора Рудольфа и эрцгерцога Максимилиана) [Лисейцев, 2003а, с. 62, 63]. Далее в отписке воевод сообщалось, что «к тебе, ко государю… писал цысарь, а к нему де, к цысарю, писал царь крымской, а к нему де, крымскому царю, писал ты, государь». Данная фраза позволяет восстановить последовательность событий следующим образом: Борис Годунов о чем-то писал крымскому хану Казы-Гирею, что повлекло за собой отправление грамоты из Бахчисарая к императору Рудольфу. Сам факт дипломатической переписки турецкого вассала Казы-Гирея с противником своего сюзерена позволяет высказать предположение об антитурецком характере российско-имперско-крымских переговоров начала XVII столетия. По всей видимости, результатом русско-имперских консультаций в Праге в 1600 г. стало решение предпринять попытку привлечь на свою сторону крымского хана.

Сама идея не была совершенно оригинальной и беспочвенной — в Европе в конце XVI в. планы вовлечения Крымского ханства в антиосманскую коалицию рассматривались вполне серьезно. Рассчитывать на содействие Крыма можно было прежде всего потому, что хан Казы-Гирей тяготился зависимостью от султана и, кроме того, опасался возможности своего низложения, поскольку в Стамбул из Бахчисарая бежал калга — наследник ханского престола [Иванич, 1999, с. 161; Новосельский, 1948, с. 47].

Предложение совместных действий против Османской империи, по всей видимости, было передано крымскому хану в 1601 г. прибывшим из Москвы русским посланником князем Г.К.Волконским. В 1602 г., как указывалось выше, Казы-Гирей шертовал царю Борису Федоровичу. К этому же времени следует отнести установление контактов между императором Рудольфом II и Казы-Гиреем. Во всяком случае, в том же 1602 г. хан со всей своей ордой самовольно покинул театр боевых действий в Венгрии [Смирнов, 1887, с. 455, 461]. Роль российской дипломатии в организации этого демарша крымского хана определяется словами из наказа приставу при имперском гонце, прибывшем в Россию летом 1604 г. На возможный вопрос гонца об ухудшении русско-крымских отношений пристав должен был ответить, что царь Борис потребовал, чтобы Казы-Гирей «турскому не вспомогал, и на цесареву землю войной сам не ходил, и людей не посылал, и Казы-Гирей... государю нашему на том правду дал, на Куране шерть учинил... И ныне царскому величеству то ведомо учинилось, что Казы-Гирей царь на своей правде не устоял... И государь за ту его неправду [послал] на его крымские улусы бояр своих воевод со многою ратью» [РГАДА, ф. 32, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 84]. Следовательно, мы можем утверждать, что в первые годы XVII в. московская дипломатия активно воздействовала на Крымское ханство с целью вовлечь его в антитурецкую коалицию. В этом направлении правительству Бориса Годунова удалось достичь определенных успехов.

Мирная полоса в русско-крымских отношениях внезапно прекратилась на рубеже 1603–1604 гг. Отправленные осенью 1603 г. в Бахчисарай российские посланники князь Ф.П.Борятинский и дьяк Д.Бохин, согласно жалобам крымского хана, вели себя чрезвычайно заносчиво, почему и были высланы из Крыма «без дела». Весной 1604 г., по возвращении посольства Борятинского в Москву, русская армия стала подтягиваться к южным рубежам, так как возникла угроза татарского набега [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 27; Описи, 1960, л. 325; Разрядная книга, 1976, с. 215, 216]. Одной из причин осложнения в

отношениях с Бахчисараем стало появление в Польше претендента на российский престол, именовавшего себя «чудесио спасшимся царевичем Димитрием Ивановичем». В Посольском приказе о деятельности «расстриги» было хорошо известно. Знали в Москве и о внешнеполитических контактах, которые налаживал из Кракова самозваный царевич. Правительство Бориса Годунова было осведомлено о том, что Лжедмитрий отправил в Бахчисарай своего представителя, который должен был сообщить о появлении самозванца и предложить крымскому хану совершить набег на русские земли. Позднее русские послы на переговорах обвиняли польскую сторону: «Да государь ваш и вы, паны рада, в ту ж пору накупали иа государство государя нашего крымского Казы-Гирея царя». Реакцией на это известие стало отправление в сентябре 1604 г. в Польшу русского посланника Постника Огарева с грамотой, содержавшей упреки польскому правительству за попытки вызвать крымский иабег на Россию [РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 26, л. 77–77об.; РИО, 1912, с. 179].

Факт уведомления крымского хана о появлении в Польше претендента на российский царский венец был подтвержден осенью 1604 г. крымским гонцом в Москве. Этот гонец — Ян-Ахмет-Челибей в начале сентября находился в Москве. 28 ноября, когда войско самозванца уже вступило в пределы Московского государства, он сообщил в Посольский приказ: «Де то подлиино ведою. Дмитреем называют царя Ивана сын, а мы де того не ведаем. прямо ли он царя Ивана сыи или непрямо». Кроме того. Ян-Ахмет-Челибей рассказал о том, что самозванец был благосклонно принят польским королем [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 126–141]. Лжедмитрий был принят королем Сигизмундом III в марте 1604 г., крымский гонец отбыл в Москву в августе того же года. Следовательно, весной или летом 1604 г. польские сторонники самозваица отправили ко двору Казы-Гирея известие о появлении претендента на российский престол.

В условиях готовившегося вторжения армии Лжедмитрия вопрос о позиции крымского хана был чрезвычайно важным и для самозванца, и для царя Бориса. Этой причиной, по всей видимости, объясняется отправление в начале 1604 г. из Москвы в Бахчисарай гонца Александра Хрущова. В крымских делах сохранились лишь самые общие сведения о миссии Хрущова: официально он был отправлеи в Крым после выдворения оттуда посольства Ф.П.Борятинского (следовательно, весной 1604 г.) с целью сообщить хану о желании царя быть с ним в дружбе, братстве и любви, а также предложить прислать в Москву крымских послов. Из Бахчисарая А.Хрущов был отпущен в конце июля — начале

августа 1604 г., вместе с ним в Москву был отправлен крымский гонец Ян-Ахмет-Челибей (А.А.Новосельский ошибочно указал, что миссия Хрущова была ответом на посольство Ян-Ахмет-Челибея) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 1, 2, 5, 6, 27, 40; Новосельский, 1948, с. 48]. Представляется, что основной задачей русского гонца была попытка добиться отказа крымского хана от поддержки Лжедмитрия.

Отношения между Россией и Крымским ханством в течение 1604 г. становились все более натянутыми. В мае в наказе русским посланникам, отправленным в Грузию, было записано, что Борис Годунов крымских послов «отпустил без дела, а дела с ними никакого не учинил» [РГАДА, ф. 110, оп. 1, 1604 г., д. 1, л. 99]. В июне имперскому гонцу сообщили о готовности царского войска идти на Крым. В августе того же года воеводы, находившиеся с войском в Ливнах, узнав о приближении крымского гонца, устроили впечатляющую демонстрацию российской военной мощи: «...лутчим цветным и конным, и нарядным велели ездити близко посольские дороги по-праву и по-леву толпами, а не полком, а которые... под ними лошади похуже, тем велели ездити вдали, а пешим... людем велели ходити потому ж... толпами... В вечеру велели огни класти многие, накинули на всякого человека по огню розклести для того, чтоб рати твоеи, государевы, станы были явны». Ожидаемого эффекта воеводам добиться удалось: в Москве крымский гонец поинтересовался причиной столь необычного многолюдия в Ливнах и получил ответ, что «государь... со многими своими ратьми изготове противу крымскова царя Казы-Гирея». Интересно, что в ответ гонец Ян-Ахмет-Челибей заявил, что и у хана войско собрано для похода, «а такую де смуту учинил промежи великих государей наших один человек». При этом гонец сказал, что Казы-Гирей готов отправить на помощь царю своих людей и даже сам пойти на государева «недруга» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 1, 2, 7, 8].

Очевидно, крымский дипломат подразумевал под «недругом», учинившим смуту в русско-крымских отношениях, самозванца. В его словах нельзя не заметить противоречие: с одной стороны, он говорил о «смуте» между Крымским ханством и Московским государством, а с другой — сообщал о готовности хана двинуть орду против врагов Бориса Годунова. Думается, связано это было с тем, что к августу 1604 г. Казы-Гирей еще не определил свою позицию относительно назревавшего в России конфликта и собранные им войска, в зависимости от обстоятельств, могли поддержать либо царя, либо самозванца.

Прибывший в Москву 3 сентября 1604 г. Ян-Ахмет-Челибей, несмотря на взаимные уверения дипломатов в дружественных намере-

иниях государей, так и не был отпущен из России при Борисе Годунове. Причиной этому была выжидательная тактика крымского хана. За две недели до смерти царя Бориса, 27 марта 1605 г., крымский гонец вновь был на приеме в Посольском приказе, просил отпустить его к хану и получил отказ: посольский дьяк сослался на опасную «шатость» в северских городах [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 154–159]. Отпустить Ян-Ахмет-Челибея весной не решились, ожидая, что Казы-Гирей может воспользоваться весенним временем для совершения набега на русские земли.

В обстоятельствах начавшейся Смуты позиция крымского хана была одинаково важна и для Бориса Годунова, и для самозванца. В случае оказания Казы-Гиреем помощи Борису Годунову поход самозванца мог завершиться крахом в самом начале, так как его силы были бы зажаты между годуновской армией, надвигавшейся с севера, и татарскими ордами, пришедшими с юга. Выступление татар на стороне Лжедмитрия должно было в значительной степени облегчить продвижение его отрядов к Москве. Однако привлечение «бусурманских» отрядов могло значительно снизить авторитет «царевича Димитрия» среди русских людей. В частности, известно, что Лжедмитрий отклонил предложение помощи от иогайского бия Иштерека, «не хотя видети во христианстве разорения» [Попов, 1869, с. 228]. Следовательно, в 1604–1605 гг. Борис Годунов был заинтересован в поддержке Казы-Гирея; Лжедмитрия мог устроить и нейтралитет Крымского ханства. В сложившихся обстоятельствах хан предпочел занять выжидательную позицию, что в конечном счете было более выгодно самозванцу, нежели Борису Годунову.

В то самое время, когда в Москве находился Яи-Ахмет-Челибей, завязались переговоры между Лжедмитрием и ханом Казы-Гиреем. В нашем распоряжении имеются упоминания об отправке самозванцем во время борьбы с Борисом Годуновым гонца в Бахчисарай. В частности, в грамоте от 11 мая 1605 г. Лжедмитрий сообщал своему будущему тестю Юрию Мнишеку о том, что им посланы немалые деньги татарам и перекопскому царю, дабы привлечь их на свою сторону [BC, TN, t. 100, № 40, с. 220]. Есть и другие источники, подтверждающие факт вступления Лжедмитрия в переговоры с Казы-Гиреем в период борьбы за престол. В 1606 г., уже после воцарения Лжедмитрия, крымский гонец в Москве упомииал о том, «как ты, государь, идучи на отца своего престол Российскаго государства, послал ис Путимля в Крым х Казы-Гирею царю гонца своего Костянтина Ширкова» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1606 г., д. 2, л. 3]. По всей видимости, самозванец отправил гонца

в Крым после разгрома его войск царскими воеводами под Добрыничами, когда Лжедмитрию пришлось бежать в Путивль. Потерпев поражение, «Димитрий Иванович» предпринял попытку склонить на свою сторону крымского хана. В этом случае отправление К.Ширкова в Крым следует датировать февралем–апрелем 1605 г. (в конце января 1605 г. Лжедмитрий пришел в Путивль, в начале мая выступил в поход на Москву). Константин Ширков был задержан ханом и отпущен лишь в конце 1605 г., после получения в Бахчисарае известия о воцарении Лжедмитрия.

В целом можно констатировать, что в дипломатической борьбе за Крым правительство Бориса Годунова потерпело поражение, не получив в ходе войны с Лжедмитрием поддержки татарских отрядов. Что же касается крымского хана, то он, желая возместить убытки от вынужденного невмешательства в дела Московского государства, совершил в августе 1605 г. крупный набег на земли Речи Посполитой. В универсале короля Сигизмунда III от 28 апреля 1606 г. в связи с этим нападением сообщалось о «забрании многих жителей в тяжкую поганскую неволю» [Horn, 1964, с. 12, 64].

По вопросу о взаимоотношениях Московского государства с Крымским ханством в период правления Лжедмитрия в отечественной историографии господствует мнение о стремлении самозванца развязать войну с Крымом. Это мнение базируется на данных ряда нарративных источников начала XVII столетия. Так, голландец Исаак Масса сообщил в своем сочинении, что самозванец якобы «отправил посла в Крым объявить хану, что он должен возвратить московскому царю все подати, которые Московское государство прежде принуждено было уплатить хану, а не то он обреет хана и весь его народ наголо, как мех, который он ему посылает и который был начисто обрит, совсем наголо; но гонец, отправленный с этим, не возвратился». Приписывает Лжедмитрию желание начать войну против крымского хана также немецкий наемник Конрад Буссов. Те же сведения встречаются и у келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына: Лжедмитрий якобы послал крымскому хану «дары бесчестны, сделав шубу от кож свиных». Подтверждает данные о подготовке самозванцем совместной с Польшей войны против татар и анонимный автор «Нового летописца»: «А про войну крымскую сказал послам, что со всей ратью на весну готов, и послал на украйну, в град Елец, с нарядом и всякими запасами, и рати повелел быть всем готовыми» [Масса, 1997, с. 53, 56, 105; Буссов, 1998, с. 20; Новый летописец, 1998, с. 307; Новосельский, 1948, с. 50]. Как представляется, источники вполне согласованно указывают на напря-

жеиный характер русско-крымских отношений времеии царствования «Димитрия Ивановича».

Соответственно, и исследователи истории взаимоотношений между Москвой и Бахчисараем, опираясь иа данные приведеиных выше источников, приходят к мнению о том, что в 1605–1606 гг. Московское государство и Крымское ханство стояли на грани воеиного конфликта. Поддержал мнение о воеиных планах Лжедмитрия в отношении Крыма и А.А.Новосельский [Новосельский, 1948, с. 48, 49]. К тому же мнению пришел современный исследователь правления самозванца А.В.Лаврентьев, который, проанализировав появление в титуле Лжедмитрия слов «Татарских царств… государь», сделал вывод о том, что это было «не только подтверждением наследственных прав иа присоединенные ранее государственные образования, но и своего рода политической программой», которая подразумевала поход иа Крым с целью присоединения его к Московскому государству. Развивая данную мысль, автор сообщает о том, что идея похода на Крым окончательно оформилась в окружении Лжедмитрия уже в октябре 1605 г., вследствие чего крымские гонны были задержаны в России. Ультиматум в Бахчисарай был отправлен в начале 1606 г., а весиой 1606 г. русские войска под командоваиием боярина Ф.И.Шереметева выступили иа Крым. Мнеиие о подготовке Лжедмитрием похода против Крымского ханства разделяется и украиским исследователем В.И.Ульяновским [Лаврентьев, 2001, с. 15, 21–23, 120, 124, 125, 128; Ульяновский, 1993, ч. 2, с. 27].

Итак, при рассмотрении иарративных источиików XVII столетия складывается впечатление о стремлении Лжедмитрия напасть на Крым. Сразу следует отметить, что данные источников, сообщающих о военных планах Лжедмитрия, не вполне достоверны. Сочинение Авраамия Палицыиа и «Новый летописец» по времени своего написания отстоят от описываемых событий иа 20–25 лет — срок вполне достаточный для того, чтобы авторы могли вольно или иевольно ошибиться при изложеиии фактов времеии самозванца. Произведеиия И.Массы и К.Буссова, иапротив, писались практически «по горячим следам», но и их информация заставляет усомииться в своей достоверности. Так, в частности, Масса, помимо планов войиы против Крыма приписывает Лжедмитрию замысел завоевания Швеции и Дании, что никак ие соответствует действительности [Масса, 1997, с. 99]. Конрад Буссов же, похоже, не вполне отчетливо представлял себе систему взаимоотиошеиий между Османской империей и ее вассалом — Крымским ханством. В обоих случаях, когда Буссов пишет о военных приготовлениях Лжедмитрия, ои смешивает владения хана и турецкую крепость Азов:

«...татарский царь... покинул свой главный город Азов и ушел в степи»; «Дай Бог, чтобы я также завоевал когда-нибудь Азов в Татарии и также взял в плен татарского хана» [Буссов, 1998, с. 53, 56]. Как видим, не вполне понятно, с кем собирался воевать Лжедмитрий — с крымским ханом или с турецким султаном.

Уязвимы и выводы исследователей русско-крымских отношений XVII столетия. В частности, А.А.Новосельский, сообщая о готовности самозванца начать войну против Крыма, приводит при этом лишь факты, свидетельствующие о подготовке похода на турецкую крепость Азов [Новосельский, 1948, с. 48, 49]. Как показывают документы, Лжедмитрий действительно готовил войну против Османской империи [Floria, 1981, с. 73–80; Лисейцев, 2002б, с. 171, 172]; вопрос же о попытке вторжения в Крым остается открытым.

Не позволяет сделать вывод об антикрымских планах самозванца и изменение в титуле Лжедмитрия. Сокращенный вариант нового «царского именованья» содержал оборот «всех Татарских царств и иных многих государств, Московской монархии подлеглых, государь, царь и обладатель» [Лаврентьев, 2001, с. 15]. Даже в таком написании титул можно толковать двояко: как претензию Лжедмитрия быть царем всех татарских царств (и Крыма в том числе), а также как простое сведение под словами «всех Татарских царств» земель Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Касимовского царства и Ногайской орды, действительно «Московской монархии подлеглых». Ясность в данный вопрос вносит более развернутое написание титула Лжедмитрия, в котором после слов «всяких Татарских царств» следует перечисление этих царств — Казанского, Астраханского и Сибирского, — сохранившееся в документации польского дипломатического ведомства в связи с прибытием в Краков посольства от Лжедмитрия I [BC. TN. t. 100, № 90, с. 389, 391].

Таким образом, отмеченное А.В.Лаврентьевым изменение в титулатуре Лжедмитрия нельзя считать «политическим манифестом», свидетельствующим о желании покорить Крым. При этом отметим, что именно так трактовали новый титул противники самозванца. Гонец Степан Ушаков, отправленный из Москвы в Бахчисарай в 1607 г. от Василия Шуйского, должен был заявить хану, что «расстрига» «Московское государство с Казы-Гиреем царем и с Крымом ссорил, хотел ити войною на Азов и на Крым, и к царю Казы-Гирею в своей грамоте писался высоко: всех татарских царств государем» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1607 г., д. 2, л. 29]. Ошибочно и утверждение об отправлении русских войск под командованием боярина Ф.И.Шереметева весной

1606 г. в поход против Крыма: согласно разрядным записям, весной 1606 г. войска под его командованием выступили не к Крыму, а вниз по Волге, имея целью, по всей вероятности, вторжение в Дагестан для ведения боевых действий с вассалом Османской империи — Тарковским шамхальством [Белокуров, 1907, с. 85, 86; Лисейцев, 2002б, с. 171].

Уязвимость сведений нарративных источников делает совершенно необходимым обращение к делопроизводству Посольского приказа, документы которого составлялись одновременно с развитием международных отношений и были лишены того идеологического налета, который свойствен повествовательным источникам. Материалы российского внешнеполитического ведомства позволяют представить картину взаимоотношений между двумя державами иначе. В начале своего правления самозванец всячески демонстрировал свое расположение к ханскому гонцу Ян-Ахмет-Челибею, прибывшему в Москву еще при Годунове. 8 июля 1605 г. Лжедмитрий I велел судье Посольского приказа А.Власьеву принять гонца и сообщить ему о намерении нового государя быть с ханом в дружбе и любви. После венчания на царство, 21 июля 1605 г., самозванец дал крымским гонцам аудиенцию и вновь пообещал поддерживать с ханом дружественные отношения, как при прежних московских государях, «а смотря по его правде, и свыше прежнего»; кроме того, было обещано отправить в Крым посланника с извещением о восшествии Дмитрия Ивановича на престол. 13 сентября 1605 г., спустя год после прибытия в Москву, миссия Ян-Ахмет-Челибея в сопровождении приставов и четырех толмачей Посольского приказа была отпущена из столицы [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 167–171, 173–182, 210].

С извещением о воцарении Лжедмитрия в Крым был отправлен Афанасий Мелентьев-Курлаков. В описи фонда 123 РГАДА, составленной в конце XVIII в., значится дело об отправлении в Крым этого дипломата, датированное 14 сентября 1605 г. До наших дней это дело не сохранилось; в наличии имеется другое дело об отправлении этого же посланника в Крым, относящееся к марту–апрелю 1606 г. В «Описи 1626 года» также упоминаются два дела об отправлении А.Мелентьева в Крым: первое датировано 7113–7114 (1605–1606) гг., второе — 7114 г. [Опись, 1977, л. 468об.]. Датировка утраченного дела, указанная в описи конца XVIII в., совпадает со временем отпуска из Москвы крымских гонцов. Однако Ян-Ахмет-Челибей не выехал из Московского государства: его задержали в Мценске, а затем перевели в Новосиль [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 216, 325]. Мелентьев же, вероятно, отправился в Крым с целью добиться размена гонцов: в обмен на

Ян-Ахмет-Челибея хан должен был отпустить задержанного в Крыму гонца Лжедмитрия — К.Ширкова (этим, а вовсе не военными планами Лжедмитрия объясняется задержание в России крымских дипломатов). Содержание гонцов в южных городах было чрезвычайно скудным: пристав в своей отписке в Посольский приказ в декабре 1605 г. сообщал: «А татаровя, государь, добре голодны, и лошади у них стоят без сена»; в январе 1606 г. крымцы собрались было возвращаться в Москву, чтобы просить об увеличении кормового содержания [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1604 г., д. 2, л. 281, 323]. Однако вести дело к разрыву с Крымом Лжедмитрий не торопился.

Получив от Мелентьева известие о воцарении Лжедмитрия, хан отпустил гонца в Москву вместе с Ширковым, а также со своим гонцом Аллаш-богатырем, который должен был поздравить нового государя с воцарением. Аллаш-богатырь вместе с русскими гонцами прибыл в Москву в конце января 1606 г.: 9 февраля Лжедмитрием ему была дана аудиенция, а уже 5 марта гонца отпустили из столицы. В Новосиле Аллаш-богатырь присоединился к находившемуся там Ян-Ахмет-Челибею [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1606 г., д. 1, л. 2, 5, 8, 10–11]. В марте 1606 г. самозванец распорядился отправить в Крым с официальным извещением о своем воцарении того же А.Мелентьева и подьячего Д.Радцова. Приехав 21 марта 1606 г. в Новосиль, Мелентьев сообщил находившимся там крымским гонцам Ян-Ахмет-Челибею и Аллаш-богатырю, что его отправили известить хана о восшествии на престол Дмитрия Ивановича, а также «о дружбе и любви напомянуть» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1606 г., д. 2, л. 1, 9].

Как видим, цель миссии в изложении Мелентьева вполне миролюбива и никак не напоминает об ультиматуме с оскорбительными дарами для хана. Можно предположить, что Лжедмитрий планировал начать войну с Османской империей и надеялся привлечь на свою сторону крымского хана, тяготившегося зависимостью от Стамбула. Данную дипломатическую линию можно считать продолжением политики Бориса Годунова, тем более что самозванец вполне мог быть осведомлен об аналогичных планах своего предшественника, поскольку Посольский приказ и при Борисе Федоровиче, и при «Димитрии Ивановиче» возглавлял один и тот же человек — думный дьяк Афанасий Иванович Власьев. Власьев был участником тайных переговоров с митрополитом Тырновским Дионисием при Годунове и числился одним из самых горячих приверженцев Лжедмитрия [Лисейцев, 2000а, с. 76, 77].

В начале апреля 1606 г. посольство Мелентьева вместе с Яи-Ахмет-Челибеем и Аллаш-богатырем покинуло пределы Московского госу-

дарства [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1606 г., д. 2, л. 10]. Спустя месяц Лжедмитрий был убит. Российские послы, по всей вероятности, представляли уже убитого государя. Неизвестно, до или после получения в Крыму известия о гибели самозванца было отпущено в Москву посольство А.Мелентьева. Можно лишь предположить, что в столицу миссия вернулась до иаступления осени 1606 г., поскольку в описях 1614 и 1626 гг. дела об этом посольстве датированы 7114 г., завершившемся 31 августа 1606 г. В Москве посольство Мелентьева оказалось уже при Василии Шуйском, «после Розстригина извода». Вместе с миссией Мелентьева в Москву прибыл новый ханский гонец — Хедир-Улан [Описи, 1960, л. 325; Опись, 1977, л. 468об.; РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1607 г., д. 2, л. 77; ф. 138, оп. 1, 1613–1617 гг., д. 1, л. 44].

Интересна позиция правительства Речи Посполитой в отношении Крымского ханства и Московского государства в период царствования Лжедмитрия. После упоминавшегося выше крымского иабега на польские земли в августе 1605 г. в сентябре того же года в Крым выехал польский посол — секретарь короля Сигизмунда III Олешко Флориан. Согласно сохранившейся ииструкции, дипломат должен был настраивать хана на военные действия против Российского государства, в частности предложить разрушить построеиные в коице XVI в. в степи русские крепости. Помимо прочего, Флориан иапоминал Казы-Гирею о том, что по прежиим договорениостям хаи обязался за помиики воевать против Московского государства и любого иного иедруга польского короля. Одиовременно с этим иачало действовать польское посольство, возглавляемое Станиславом Витовским, в Стамбуле [BC, TN, t. 100, № 133, c. 543; Polski słownik, 1978, c. 758, 759; Historia, 1982, c. 125].

Выехавшие в Москву в иачале 1606 г. польские послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский, согласно составленной для них ииструкции, должны были содействовать выступлеиию русских войск против Крыма. С этой целью они были уполиомочеиы сообщить Лжедмитрию о том, что многие мурзы ие желают подчиияться Казы-Гирею, а ханский брат уже собрал против хана дальние орды. Поляки предлагали русскому царю оказать помощь противнику хана людьми, оружием, порохом и казной с целью свержеиия Казы-Гирея. Практически одиовременно с этим, в апреле 1606 г., польский посол Адам Стадиицкий, отправлеииый в Стамбул, получил предписаиие добиваться восстановления дружеских взаимоотношеиий между Османской империей и Речью Посполитой и просить султана прекратить крымские иабеги на Польшу. В своей реляции от октября 1606 г. польский посол Станислав Витовский сообщал, что визирь дал ему обещание: если хотя

бы копыто татарского коня ступит на польскую землю, то турки отправят в Крым против Казы-Гирея ханского брата, дадут ему людей и возведут его на престол. Вскоре после этого, 15 ноября 1606 г., из Стамбула в Польшу с турецким послом Мехмет-чеушем была послана султанская грамота, в которой сообщалось о запрете крымским татарам ходить в набеги на Речь Посполитую [ВС, TN, t. 101, № 19, с. 143–145; t. 102, № 51, с. 323; № 55, с. 349].

Как видно, польская дипломатия активно стремилась столкнуть Московское государство и Крымское ханство, чтобы обезопасить свои собственные земли в условиях затянувшейся войны со Швецией. Однако вплоть до конца 1607 г. усилия польских посланников были бесплодны: в 1606–1607 гг. крымский царевич Сафат-Гирей вновь совершал нападения на Польшу, а в конце 1607 г. крымцы подвергли разорению львовские, галицкие и теребовльские земли. Отправленный в январе 1607 г. в Крым польский посол О.Флориан лишь к концу года сумел заключить польско-крымское перемирие, длившееся, по данным польских исследователей, до 1612 г. [Новосельский, 1948, с. 48; Horn, 1964, с. 12; Polski słownik, 1978, с. 759]. Речь Посполитая не была единственной державой, стремившейся использовать крымские отряды против Московского государства. Имеется информация о том, что в период царствования Лжедмитрия I планы антирусского союза с Крымом рассматривались в Швеции при дворе Карла IX [Ульяновский, 1993, ч. 2, с. 20].

Воцарение Василия Шуйского изменило русско-крымские отношения. Речи о запланированном самозванцем походе на Азов более быть не могло. Обстоятельства, при которых новый царь вступил на престол, делали вполне вероятным военный конфликт с Речью Посполитой. Кроме того, к концу 1606 г. вопрос о вступлении Московского государства в антитурецкую коалицию был снят: в ноябре 1606 г. между империей Габсбургов и Османской империей был заключен Сиваторокский мирный договор. В этих условиях для Москвы оставалось важным сохранить мирные отношения с Бахчисараем, но уже с перспективой совместных действий против Речи Посполитой.

Вскоре после своего воцарения Василий IV направил к хану Казы-Гирею посольство, возглавляемое ясельничим Андреем Матвеевичем Воейковым и подьячим Посольского приказа Захарием Языковым. Согласно «Описи 1614 года», посольство А.Воейкова отправилось в Крым еще до наступления осени 1606 г., поскольку в описи отпуск посланников был датирован 7114 г. Датировку отправления миссии Воейкова можно несколько уточнить: она была отправлена после

8 июня 1606 г. — к этому дню был составлен наказ посольству в Польшу, причем в наказе было написано, что Василий Шуйский еще не успел отправить своих дипломатов ни в одно государство, кроме Персии [Описи, 1960, л. 325об.; РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 26, л. 126об.]. Документация, связанная с отправлением этого посольства, утрачена. Отсутствие материалов миссии Воейкова заставило А.А.Новосельского прийти к неверному выводу о том, что указанное посольство было отправлено в Крым лишь в начале 1607 г. и погибло в пути, не дойдя до Крыма [Новосельский, 1948, с. 51]. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить судьбу миссии иначе.

Летом 1606 г. посольство отбыло из Москвы и беспрепятственно доехало до Бахчисарая. По имевшимся к апрелю 1607 г. в Посольском приказе сведениям, Казы-Гирей принял русских посланников «любительно» и отпустил «со всем з добрым делом, не задержав, и своих гонцов с ними вместе к ним послал». Таким образом, можно предположить, что А.М.Воейков был отпущен из Крыма в конце 1606 г. «Опись 1614 года» позволяет установить имена крымских гонцов, отправленных ханом в Москву, — Сеит-Казый и Ахмет (Магмет)-Калифа [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1607 г., д. 1, л. 6; Описи. 1960, л. 325об.]. На обратном пути посольство было захвачено сторонниками самозваного царевича Петра возле Валуек: «...воры-казаки, которые были в совете с Вором, с ростригою з Гришкою Отрепьевым... посланника ясельничего Ондрея Воейкова и подьячего Захарья и Казы-Гиреевых царевых гонцов переимали и, приведчи их в Путивль, государевых посланников Ондрея и Захарья побили, а царевых Казы-Гиреевых гонцов посажали по тюрьмам». Указанная информация была получена в Посольском приказе, вероятно, от станичного головы Б.Сабанина, сопровождавшего миссию Воейкова. В апреле 1607 г. Сабанин находился в Москве и был представлен отпускаемым в Крым ханским гонцам [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1607 г., д. 1, л. 9, 20–21]. Сабанин, по всей видимости, бежал из плена (поскольку ему были известны не только обстоятельства пленения посланников, но и их дальнейшая судьба). Таким образом, первая миссия, отправленная Василием Шуйским в Крым, достигла места своего назначения, но погибла на обратном пути.

Во второй половине 1606 г., как было отмечено выше, в Москву возвратилось отправленное в Крым Ждемитрием посольство А.Мелентьева. Вместе с ним прибыл крымский гонец Хедир-Улан. Гонец привез с собой ханскую грамоту и на переговорах сообщил о радости Казы-Гирея по поводу вступления на престол царя Василия и желании хана быть другом царских друзей и врагом его врагов. 22 апреля 1607 г.

Хедир-Улану дана была очередная аудиенция, во время которой он попросил отпустить его в Крым, поскольку хан отправил его всего на 40 дней, а он «зажился» в России. В отпуске Хедир-Улану отказали, объясняя его задержку сначала ожиданием возвращения А.Воейкова, а затем неспокойной обстановкой в Северской земле. В Москве после этого он оставался еще не менее года и был отпущен в Крым лишь в 1608 г.

Получив информацию о гибели посольства Воейкова, Посольский приказ начал подготовку новой миссии в Крым. Гонцом был назначен Степан Михайлович Ушаков, которому прежде уже случалось ездить в Крым в свите российских дипломатов. Из Москвы он выехал 24 апреля 1607 г. Миссия Ушакова интересна тем, что она является единственной из российских посольств 1604–1612 гг., наказом которой мы обладаем в данный момент. Значительная часть наказа отражает реалии Смутного времени. Помимо обычного разведывания взаимоотношений Крыма с другими державами Ушаков должен был вызнавать, «что говорят про Ростригу: подлинно ль ведают, что он убит, и что слух у них про Илейку, что называет Петрушкою, и присылка от тех воров в Крым не бывала ли?». Гонец должен был дискредитировать противников Василия Шуйского, сообщив хану о военных планах Лжедмитрия и нападениях «воров» на крымские улусы; в этих же целях Ушакову было предписано сообщить о захвате бунтовщиками ханских гонцов, отправленных с Воейковым. Все проблемы, связанные с осуществлением русско-крымских контактов, гонец должен был объяснить препятствиями, которые чинят люди самозванца.

Российскому дипломату надлежало сообщить хану, что Смута в Московском государстве уже прекратилась, мятежные города «добили государю челом», все соседние государи хотят мира и дружбы с Россией. Если хан предложит свою помощь против «воров», Ушакову следовало отказаться, ссылаясь на завершение Смуты. Особо следовало препятствовать возможному выступлению крымских отрядов в набег или на помощь к мятежникам: по наказу гонец должен был заявить, что хану «в том прибыли никакие не будет, разве того, что з государем нашим в недружбе учинитца».

В целом же Ушакову велели действовать по обстоятельствам: «Будет царевы ближние люди учнут говорити в розговорех сердито и похвальио, и дела доброво не почает, и... говорити безстрашно и надежно, а будет... учнут говорити гладостью несердито, и ему говорити по государеву приказу, и смотря по тамошнему делу, также пословно и гладко, чтоб государеву делу порухи не было». В интересах дела Ушаков мог

даже отступить от традиционного церемониала — ему разрешено было в случае крайней необходимости встать перед ханом на колени [РГАДА, оп. 1, 1607 г., д. 2, л. 7, 14, 20–24, 29, 31–33, 37, 60].

Документы, связанные с пребыванием Ушакова в Крыму и возвращением его в Россию, не сохранились. На этом основании А.А.Новосельский сделал вывод о том, что этот гонец не сумел добраться до Бахчисарая. Отправление миссии Ушакова Новосельский считал последней (до 1613 г.) и неудачной попыткой установить контакты между Московским государством и Крымским ханством: «После неудавшейся попытки Ушакова связь московского правительства с Крымом прервалась надолго вследствие начавшихся татарских нападений, восстаний на московской украйне и открытой польской интервенции. Царь Василий уже не имел возможности внести изменения в свою политику по отношению к Крыму» [Новосельский, 1948, с. 53–54]. Как будет показано ниже, миссия Ушакова не была последней в ряду российских посольств в Крым в эпоху Смуты; косвенные указания источников позволяют также сделать вывод о том, что Ушаков в 1607 г. все же побывал в Крыму.

Согласно «Описи 1626 года», в архиве Посольского приказа хранился «Столп крымской 115 году: отпуск в Крым Степана Ушакова, да и выписка по челобитью ево за крымскую службу, 115-го году, и служилых стаинчых татар, которые с ним были в Крыму». Среди сохранившихся документов удалось обнаружить сделанную в 1613 г. в Посольском приказе выписку об увеличении жалованья служилым татарам Б.Сабанину и И.Девлекозину по возвращении из Крыма, куда их отправили с Ушаковым в 1607 г. [Опись, 1977, л. 468об.–469; РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1618 г., д. 2, л. 2]. Следовательно, мы не имеем оснований считать поездку российского гонца к хану Казы-Гирею в 1607 г. неудавшейся.

Вскоре после отправления С.М.Ушакова в Крым в Москву прибыл посланник Казы-Гирея — Сеферь. Дело о приезде этого крымского дипломата не сохранилось, нет сведений о нем и в описях архива Посольского приказа, составленных в XVII в. Факт приезда этого дипломата в Москву не отмечен ни в одном исследовании о русско-крымских отношениях. Единственное упоминание о ханском после Сефере нам удалось обнаружить в книге по связям России с Польшей 1607 г. В сентябре 1607 г. навстречу польским посланникам, ехавшим в Москву, отправили пристава. В наказе приставу был предусмотрен возможный вопрос поляков о русско-крымских связях. В этом случае пристав должен был сообщить, что в Москве находится крымский го-

нец Хедир-Улан, а «после Семеня дия» в столицу пришел крымский посланник Сеферь [РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 27, л. 43, 43об.]. Данное указание позволяет нам установить примерное время приезда ханского посланника в Москву: Семенов день Русская православная церковь празднует 1 сентября. Следовательно, его прибытие следует датировать первой половиной сентября 1607 г.

Нам неизвестно, с какими предложениями Казы-Гирей отправил Сеферя к Василию Шуйскому. Можно лишь предположить, что Сеферь был послан в Москву после получения в Бахчисарае известия о захвате людьми самозваного царевича Петра гонцов Сеит-Казыя и Ахмет-Калифы. Что же касается перехваченных мятежниками крымских дипломатов, то они прибыли в Москву в конце 1607 или в начале 1608 г., после годичного пребывания в плену. В «Описи 1614 года» упоминаются два столбца, посвященные приезду этих гонцов в Москву (оба датированы 1607/08 г.). Кроме того, в той же описи была зафиксирована «грамота к царю... Василью Ивановичю... от крымского Казы-Гирея царя, з гонцом с Магмет-Калифою» [Описи, 1960, л. 172об., 325об.]. Можно утверждать, что в столице они оказались не раньше октября 1607 г. (в упомянувшемся выше наказе приставу при польских посланниках от сентября 1607 г. о них не говорится). Перехваченные под Валуйками крымцы были доставлены в Путивль к самозванцу Петру; скорее всего, он взял их с собой в поход на Тулу, а в конце 1607 г., после сдачи Тулы Василию Шуйскому, гонцы попали в Москву. Когда Сеит-Казый и Ахмет-Калифа были отпущены обратно к хану — неизвестно, вероятнее всего в 1608 г., вместе с Хедир-Уланом и Сеферем.

Во второй половине царствования Василия Ивановича Шуйского (начиная с 1608 г.) в связи с осложнением внутренней ситуации в стране московское правительство начало пересматривать свои отношения с Крымским ханством. Если в 1607 г. гонцу в Крым предписали отключить возможные предложения хана оказать помощь против «воров», то в 1608 г. посланники к Казы-Гирею Степан Звягин и подьячий Дей Витовтов должны были сами от лица Василия Шуйского просить татарской помощи против русских мятежников.

А.А.Новосельский отрицает факт обращения Василия Шуйского к крымскому хану за помощью. Приход в пределы Московского государства отрядов крымских мурз он объясняет исключительно их желанием пограбить русские земли; царь же Василий, не имея возможности оказать крымцам сопротивление, был вынужден делать вид, что татары пришли к нему на помощь по его просьбе. Указания польских доку-

ментов и Авраамия Палицына на то, что Василий IV просил помощи у хана. Новосельский ставит под сомнение, ссылаясь на тенденциозность этих источников [Новосельский, 1948, с. 54, 55]. Однако данные об обращении московского правительства за помощью к Крымскому ханству имеются и в таких нейтральных источниках, как «Опись архива Посольского приказа 1626 года» и разрядные записи. В описи упоминается «Выписка, как в прошлом, во 116-м году царь... Василей Иванович... посылал в Крым х Казы-Гирею царю Степана Звягина да подьячего Дея Витофтова, чтоб он на полских и на литовских и на руских воров вспоможенье учинил, и как крымские татарове з Богатырь-Гиреем князем приходили на Лопасну, и что им послано государева жалованья, и как оии пошли назад» [Опись, 1977, л. 587об.–588]. В той же описи указаны два столбца, содержащие сведения об отпуске в Крым миссии Звягина; в архиве Посольского приказа хранился также «наказ, каков дан при царе Василье Ивану Язвецову во 116-м году, за рукою дияка Василья Телепнева, как посылан от царя Василья х крымским людем... з грамотою, которые приходили на помочь иа литовских людей и на руских воров и в ту пору воевали иа Резани пронские. и михайловские, и резанские места». По данным Н.С.Захарьиной, крымцы пришли в рязанские земли уже в начале августа 1608 г. [Описи, 1960, л. 469–470; Захарьина, 1980, с. 134].

Как видим, утраченные материалы делопроизводства Посольского приказа недвусмысленно свидетельствуют о том, что в 1608 г. Василий Шуйский просил у крымского хана помощи и получил ее. Просьба о военной помощи была передана посредством посольства С.Звягина и Д.Витовтова; с ними, вероятно, были отпущены находившиеся в Москве крымские дипломаты. Хан немедленно отправил в пределы Московского государства свои орды. У Василия IV имелись осиования быть довольным результатами действий его посланников: по возвращении миссии в Москву (это произошло в 7117 (1608/09) г.) Дей Витовтов был произведеи из подьячих в дьяки [РГАДА, ф. 141, оп. 1, 1618 г., д. 2, л. 12].

Итак, крымские отряды пришли в русские (рязаиские) земли по просьбе Василия Шуйского уже в 1608 г. (А.В.Лаврентьев ошибочно предположил, что понесеиный крымцами в ходе венгерской войны урон был столь значительным, что первый крупный отряд татар появился в пределах Московского государства лишь летом 1610 г. [Лаврентьев, 2002, с. 77]). Нужно оговорить, что помощь хана отнюдь не была бескорыстиой: за участие в борьбе с «ворами» татары выговорили себе выплату крупных денежных сумм; помимо того, они могли, при-

крываясь борьбой с мятежниками, безнаказанно грабить русские земли. Следует также помнить, что гибель Московского государства неизбежно привела бы к усилению Речи Посполитой, что было невыгодно Крымскому ханству.

В следующем, 1609 г. на Русь пришли уже более крупные татарские силы. В опубликованных С.А.Белокуровым «Разрядных записях за Смутное время» указано: «Того же году [1609 г.] июля в 17-й день приходили к Москве крымские царевичи и стояли за Окою рекою; и послан от государя к царевичем за Оку з дары и с речью воевода князь Григорей Костянтинович Волкоиской, а велено ему царевичю объявить, что будут к ним от государя бояре и воеводы: князь Иван Михайлович Воротынской да князь Борис Михайлович Лыков, да околничей Ортемей Васильевич Измайлов... А провожать послан воеводу князь Григорья Волконского с Москвы для воров с ратными людми столиик и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской» [Белокуров, 1907, с. 98–99]. Переговоры велись между российской делегацией, возглавляемой боярином князем И.М.Воротыиским, и предводителем крымского войска Богатырь-Гиреем Дивеевым. В обмен на крымскую помощь против «воров» русская сторона обязалась заплатить одномоментно 30 тыс. рублей, а затем ежегодно выплачивать по 20 тыс. рублей. Одиако реальной помощи, согласно документам 1614 г., крымские отряды Василию Шуйскому не оказали: не лойдя четырех верст до табора Лжедмитрия II, Богатырь-Гирей увел свою орду восвояси [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 2, л. 154–164].

А.А.Новосельский высказал сомнение в том, что крымцы в 1609 г. приходили на Русь для помощи правительству Василия Шуйского, предположив даже, что Бахчисарай координнровал свои действия с королем Сигизмундом, поскольку крымское нападение на русские земли совпало с началом осады поляками Смолеиска [Новосельский, 1948, с. 69–70]. Источники, однако, показывают, что крымские отряды действовали по согласованию с российскими властями и появились в русских землях по меньшей мере двумя месяцами раньше начала русско-польской войны.

Осенью 1609 г. из Москвы в Бахчисарай был отправлен еще одии русский дипломат — гоиец Воии Пургасов. В «Описи 1614 года» упомянут «столп 118-го году, отпуск и приезд Воиии Пургасова» [Описи, 1960, л. 326]. Отправлеиие Пургасова в Крым имело в качестве побудительной причиины вторжеиие армии польского короля Сигизмунда III в Россию в сентябре 1609 г. В этих условиях Василию Шуйскому виовь потребовалась помощь крымского хана (около 1609 г. им

стал Селамет-Гирей). Сведения о миссии В.Пургасова в Крым удается обнаружить в наказе, составленном для отправленного в конце марта 1610 г. в Ногайскую Орду посланника П.Вражского. Призывая ногайцев оказать помощь царю Василию, Вражский должен был сообщить, что Селамет-Гирей отправил против «воров» свои отряды во главе с калгой Джанибек-Гиреем, а также прислал к Василию Шуйскому свою грамоту с Воином Пургасовым. Предполагались совместные действия Московского государства, Крымского ханства и Швеции против Речи Посполитой. Следовательно, в конце 1609 г. с предложением антипольского союза в Крым был отправлен русский гонец, вернувшийся с положительным ответом хана ранее марта 1610 г. В то же время Посольский приказ начал работу по вовлечению в альянс Ногайской Орды [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1610 г., д. 1, л. 15–18; Лисейцев, 2002а, с. 133].

Усилия по созданию союза Московского государства, Швеции, Крымского ханства и Ногайской Орды предпринимались не только правительством Василия IV. В процессе переговоров с Вражским летом 1610 г. ногайский бий Иштерек сообщил, что в 1609 г. крымский хан Селамет-Гирей присылал к нему своего посла Бектемира-мурзу с предложением принять участие в совместном походе против польского короля на помощь Василию Шуйскому. Иштерек принял предложение хана, и весной 1610 г. объединенные силы крымцев и ногайцев совершили крупный набег на польские земли. При этом крымский хан не стеснялся вести двойную игру: 21 апреля — 9 мая 1610 г. под Смоленском у Сигизмунда находился крымский гонец с уверениями в дружбе [Новосельский, 1948, с. 62, 70, 71; Захарьина, 1980, с. 136; Флоря, 1998, с. 57].

В это самое время полным ходом шли переговоры о создании альянса России, Швеции, Крымского ханства и Ногайской Орды. План совместных действий этих держав в общих чертах нашел отражение в наказе посланнику в Ногайскую Орду, выехавшему из Москвы в марте 1610 г.: «А оборонятися будет Литве не успеть, потому что в то ж время, помогаючи великому государю нашему, пойдут на польскую и на литовскую землю со многими ратьми с одиу сторону крымской Салямет-Гирей царь, а з другую свейской Карлус король, и в такой войне вашим ратным людем чаяти во всем прибытку великого» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1610 г., д. 1, л. 1, 17–18].

В направлении создания антипольского союза действовала также шведская дипломатия. Шведский историограф XVII столетия Юхан Видекинд, повествуя о событиях февраля–марта 1610 г., сообщает о приезде в Москву шведского посла Петра Петрея, который имел

инструкции от короля Карла IX от 10 ноября 1609 г. Вместе с Петреем прибыли в Москву некие татары: «с собой он привел несколько человек татар, для которых и получил проезжую грамоту, так как они должны были отправиться к крымскому хану и поднять его против поляков в Литве». Далее Видекинд уточнил данную информацию: указанные татарские мурзы возвращались вместе с Петром Петреем из Швеции, куда они приезжали в качестве послов, в Крым через Московское государство. Шведская миссия, судя по всему, имела целью заключение трехстороннего русско-шведско-крымского союза против Речи Посполитой. Видекинд в своем сочинении указывает: «В то время [в 1610 г.] можно было надеяться, что они [татары], поддерживая Шуйского, нападут на Литву. Дело в том, что мурзам... которые были посланы к королю шведскому и возвращались с Петром Петреем через Московию, Шуйский дал поручение переговорить с их царем, и они, по-видимому, отчасти подали ему надежду» [Видекинд, 2000, с. 100. 111. 580].

Информация о том, как и когда крымские дипломаты очутились при дворе Карла IX, отсутствует. Мы можем лишь высказать некоторые предположения. Известно, что еще в 1607 г. Швеция предприняла попытку создать антипольский военный альянс в составе Швеции, Московского государства и Османской империи, для чего в Москву был отправлен шведский дипломат Стефан Лемний. Лемний был задержан в Москве до 1608 г. и отпущен обратно лишь после прибытия в Москву нового шведского гонца — Петра Петрея. Известно также, что именно с момента прибытия в Россию Петрея летом 1608 г. начались переговоры о создании русско-шведского союза [Шаскольский, 1950, с. 47]. Тогда же, в 1608 г., как указывалось выше, в Крым было отправлено посольство С.Звягина и Д.Витовтова. Учитывая тяжелую внутреннюю обстановку в стране и приближение военного конфликта с Речью Посполитой, российская дипломатия вполне могла поручить миссии Звягина начать с ханом переговоры и о возможном заключении союза со Швецией.

Вероятно, хан отреагировал на данное предложение положительно, результатом чего и стало отправление в 1609 г. через русские земли крымского посольства в Швецию, о возвращении которого в начале 1610 г. сохранил уникальные данные Видекинд. Сведения, содержащиеся в его труде, позволяют нам уточнить данные В.Е.Возгрина, который предположил, что с конца XVI столетия до 30-х годов XVII в. Шведское королевство не предпринимало попыток установить контакты с Крымским ханством, поскольку «Карл IX был слишком озабочен укреплением своего положения в государстве... чтобы проводить сколь-

ко-нибудь активную внешнюю политику» [Возгрин, 1978, с. 321]. Как видим, внешнеполитические планы Стокгольма включали помимо союзных отношений с Московским государством вовлечение в борьбу против Речи Посполитой также Крымского ханства.

Итак, источники свидетельствуют о том, что начиная по меньшей мере с 1609 г. проходило постепенное оформление антипольского альянса Московского государства, Швеции, Крымского ханства и Ногайской Орды, заинтересованность в котором проявляли все перечисленные державы. Уже с 1609 г. на территории России по приглашению Василия Шуйского действовали шведские отряды генерала Якова Понтуса Делагарди и крымские орды Богатырь-Гирея Дивеева; в 1610 г. к ним должны были присоединиться люди ногайского мурзы Бек-Магмета.

Формирование коалиции активно продолжалось в 1610 г. В апреле–мае 1610 г. Василий Шуйский отправил свое последнее посольство в Крым. Во главе этой миссии был поставлен Артемий Шеишин. Вместе с ним к крымскому хану была отправлена казна (вероятно, деньги, которые следовало выплатить по договору 1609 г., заключенному между И.М.Воротынским и Богатырь-Гиреем). В «Описи 1614 года» упомянуты два столбца, содержащие сведения об отпуске в Крым в 1610 г. А.Шеншина [Описи, 1960, л. 326]. Однако это посольство не сумело добраться до Крыма. Уже 6 июня 1610 г. в Ногайской Орде ногайцы спрашивали у русского посланника П.Вражского, не посылал ли Василий Шуйский в этом году свое посольство в Крым. Вражский сообщил, что на момент его отъезда уже готовилось такое посольство. В ответ ногайцы сказали: «Им подлинно ведамо, что приехали с крымской стороны их ногайские люди, которые ездили на крымскую сторону для добычи… и ныне де они многие меж собою бранятца, а попрекают деи друг друга, что меж собою друг друга заделили посольскою казною, которой шел с Москвы в Крым, и они деи ево погромили» [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1611 г., д. 1, л. 7об.]. Как видно, вовлечение Ногайской Орды в антипольский союз вовсе не означало прекращения ногайских набегов на Русь, но совершались они по-прежнему отдельными мурзами без ведома бия Иштерека. А.А.Новосельский предположил, что в данном случае речь шла о погибшем в 1607 г. посольстве А.М.Воейкова [Новосельский, 1948, с. 62]. Однако, как указывалось выше, посольство Воейкова было уничтожено не ногайцами, а русскими «ворами», причем уже на обратном пути из Крыма. Кроме того, ногайцы в июне 1610 г. явно говорили о недавних событиях, поскольку добыча трехлетней давности вряд ли могла быть причиной «брани» летом 1610 г.

Процитированное указание ногайского столбца является уникальным: других сведений о посольстве А.Шеишина в источниках нет. Интересно также, что вместе с Шеишиным в Крым ехали крымские послы, о которых в русских документах не упоминается. Скорее всего, это были возвращавшиеся из Швеции крымские посланники, о которых писал в своем труде Ю.Видекинд. Судьба миссии Шеншина до конца неизвестна. Н.С.Захарьина предположила, что посольство, несмотря на нападение ногайцев, добралось до Крыма, доставило туда «казну», вследствие чего крымцы вновь пришли летом 1610 г. на помощь к царю Василию. В качестве аргумента исследовательница приводит следующие соображения. В 1613 г. глава посольства Артемий Шеишин подал царю Михаилу челобитную, в которой просил о вознаграждении за «осадное сидение» в Москве, но при этом не упомянул о том, что в 1610 г. был ограблен ногайцами [Захарьина, 1980, с. 137]. Действительно, участники посольств, пострадавшие во время миссий, обыкновенно били челом о вознаграждении их «за изрон». Однако в данном случае текст челобитной не дает основания сделать вывод о том, что миссия достигла Бахчисарая, поскольку Шеншин об этом факте своей биографии не упоминает, хотя в челобитных начала XVII в. изложение «послужного списка», свидетельствующего о верности челобитчика государю, было обычным делом.

Необходимо отметить и тот факт, что в архиве Посольского приказа, согласно «Описи 1614 года», имелись лишь материалы об отъезде посольства Шеншина в Крым, статейный список миссии отсутствовал [Описи, 1960, л. 326, 326об.]. Это также позволяет предположить, что Шеншину не удалось добраться до Крыма. Приход же крымских отрядов летом 1610 г. объясняется договоренностью, достигнутой между И.М.Воротынским и Богатырь-Гиреем Дивеевым в июле 1609 г.

Уже после разгрома посольства А.Шеншина в Московское государство вновь пришли крымские отряды, отправленные помогать Василию Шуйскому. А.А.Новосельский отметил, что данный приход татар в русские земли совпал со временем похода польской армии на Москву, на основании чего вновь сделал вывод о координации действий крымцев и поляков [Новосельский, 1948, с. 69, 70]. Источники, однако, показывают, что и в этот раз, как в 1609 г., крымские татары бились на стороне Московского государства. Упоминание о приходе в 1610 г. крымских татар на помощь московскому правительству есть в «Описи 1614 года», где упомянут «столп 118-го году, как приходили на помочь на руских воров и на литовских людей крымские люди» [Описи, 1960, л. 326]. Согласно разрядным записям, царевич Джани-

бек-Гирей и Араслан-мурза Сулешев со своими людьми пришли под Серпухов летом 1610 г., незадолго до свержения Василия Шуйского. Навстречу к ним были посланы с войсками князь Б.М.Лыков и А.В.Измайлов, «и царевич и мурзы на бой к вору не пошли, воротились назад» [Разрядная книга, 1976, с. 256; Белокуров, 1907, с. 19, 55].

Несколько иначе рисует подробности этого татарского похода «Новый летописец»: «В то же время пришли под Москву к царю Василию на помощь царевичи крымские. Царь же Василий послал к ним бояр своих князя Ивана Михайловича Воротынского, да князя Бориса Михайловича Лыкова, да окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Они же встретились с ними в Серпуховском уезде и были у царевичей, и от государя им честь воздали, и встали тут с царевичами, а мурзы пошли на Вора и сошлись с Вором в Боровском уезде на реке Наре. И был тут сильный бой, едва Вор усидел в таборах. Татары же бились с ним и пришли к царевичам. Царевичи же пошли опять за Оку, а сказали, что истомил их голод, стоять невозможно» [Новый летописец, 1998, с. 343].

В данном случае оба источника — и разрядные записи, и «Новый летописец» — не вполне точны. Прежде всего неверно указание разрядов, согласно которому «царевич и мурзы на бой к вору не пошли»: польский гонец Ян Гридич, следовавший в июле 1610 г. в Москву, стал свидетелем военной стычки татарского отряда с людьми Лжедмитрия. Согласно «Дневнику Сапеги», бои тушинцев с татарами имели место 20 и 21 июля [Polak, 1995, с. 153]. «Новый летописец», описывающий события 20-летней давности, также содержит серьезную ошибку: согласно разрядным записям, И.М.Воротынский в 1610 г. на переговоры с татарами не ездил — он возглавил русскую сторону на переговорах с крымцами в 1609 г., как отмечалось выше. По прошествии 20 лет в памяти составителя «Летописца» слились воедино события татарских походов 1609 и 1610 гг.

По данным А.А.Новосельского, в походе 1610 г. принял участие помимо Джанибек-Гирея и Араслан-мурзы Сулешева также и Кантемир-мурза, предводитель Белгородской Орды, злейший враг Речи Посполитой, прозванный поляками «кровавым мечом». Новосельский истолковал данный факт как событие, выгодное для Польши, поскольку белгородцы ушли в поход и не тревожили польских земель, а союзником Москвы Кантемир, по мнению историка, быть не мог ввиду отсутствия у него общих с Василием Шуйским интересов [Новосельский, 1948, с. 71]. Однако, на наш взгляд, Кантемир-мурза и был отправлен в поход на помощь русскому царю именно в силу своей враждебности

по отношению к Речи Посполитой, которая, безусловно, вполне могла быть основанием для союза с Московским государством. По данным анонимного польского источника 1610 г., 40-тысячный корпус крымских татар лишь немного не успел на помощь российско-шведскому войску под Клушино [Andrusiewicz, 1999, с. 288; Żółkiewski, 1998, с. 67].

17 июля 1610 г. Василий Шуйский был низложен. Спустя месяц бояре заключили с гетманом С.Жолкевским договор об избрании царем польского королевича Владислава. Последний шаг, учитывая напряженные отношения Крыма и Речи Посполитой, привел к продолжительному (почти в три года) перерыву в русско-крымских дипломатических контактах. В английских делах, правда, можно найти упоминание о том, что Второе ополчение К.З.Минина и Д.М.Пожарского якобы поддерживало связи с крымцами. 10 августа 1612 г. шотландцу Якову Шаву на переговорах было заявлено: «В Польской и в Литовской земле иа Волыни и на Подолье воевали турские и крымские люди без выходу... И ныне турские и крымские воинские люди в Польской и в Литовской земле воюют и вперед по нашей ссылке крымские люди Польскую и Литовскую землю хотят воевати и до конца пустошити» [РГАДА, ф. 35, оп. 1, д. 45, л. 32–32об.]. Однако данное указание сомнительно: вероятно, ополченцы стремились преувеличить степень своих внешнеполитических успехов. Интересно также, что слова о контактах с Крымом не были сразу написаны в тексте, они являются вставкой, помещенной на обороте листа. Вряд ли, имея в своем распоряжении столь весомый аргумент, как союзные отношения с крымским ханом, русские дипломаты забыли бы сразу упомянуть о нем. Позднее, в 1613 г., русские посланники в Крыму напоминали хану, что прежде между Москвой и Бахчисараем постоянно поддерживались связи, «а без ссылки никоторой год не бывало, а ныне уж ссылки не было три годы» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1613 г., д. 1, л. 6].

Следует сказать несколько слов о политике крымского хана в отношении Московского государства в период междуцарствия. Б.Н.Флоря охарактеризовал политическую линию крымского хана в отношении Московского государства в эти годы как недальновидную, поскольку усиление Речи Посполитой было невыгодно для ханства, а Крым при этом никак не противодействовал попыткам Сигизмунда III подчинить Россию. Начало нападений крымцев на польские земли Б.Н.Флоря связывает с возобновлением летом 1612 г. польско-турецкого конфликта из-за влияния на дунайские княжества, сообщая об участии татарских отрядов в разгроме польской армии С.Потоцкого у Сасова Рога 19 июля 1612 г.; за этим последовал набег татар под предводительством хана

Джанибек-Гирея на Украину, в ходе которого отдельные их отряды доходили до Житомира [Флоря, 1998, с. 57–59].

Следует, однако, отметить, что крымские набеги на польские земли начались еще до начала польско-турецкой войны: до битвы у Сасова Рога татары дважды — в феврале и апреле 1612 г. — ходили в набег на Червонную Русь [Horn, 1964, с. 12]. Перерыв в антипольских действиях крымцев, таким образом, составил не более полутора лет — с июля 1610 г. по февраль 1612 г. При этом необходимо помнить, что во второй половине 1610 г. в Бахчисарае сменился хан: после Селамет-Гирея ханом стал его брат Джанибек-Гирей. В этой ситуации новому хану следовало прежде всего утвердить свою власть в Крыму, чем, вероятно, и объясняется перерыв в крымских набегах на польские земли. Отметим также, что в 1610–1612 гг. ситуация в Московском государстве была такова, что даже сами подданные русских царей не всегда могли определиться в своих политических пристрастиях и по нескольку раз переходили из одного лагеря в другой. Царем официально был провозглашен польский королевич Владислав; борьба с польским владычеством в сердце России началась лишь в феврале–марте 1611 г.

При этом ядро Ополчения, осаждавшего в 1611–1612 гг. польский гарнизон в Кремле, составляли бывшие тушинские войска под предводительством князя Д.Т.Трубецкого и атамана И.М.Заруцкого. Напомним, что именно против тушинцев по призыву московского правительства незадолго до того ходил в поход во главе крымских отрядов, будучи еще калгой, Джанибек-Гирей. К числу активных противников свергнутого царя Василия Шуйского относился и другой лидер Первого ополчения — П.П.Ляпунов.

Таким образом, в политической путанице периода «междуцарствия» было трудно сориентироваться самим русским людям. Безусловно, еще сложнее было разобраться в той ситуации крымскому хану, поэтому упрек ему в политической недальновидности вряд ли справедлив.

Вскоре после освобождения Москвы от поляков дипломатические контакты между Московским государством и Крымским ханством были возобновлены. Сразу после восшествия на престол Михаила Федоровича Романова в Крым для оповещения об этом событии хана Джанибек-Гирея был отправлен гонец Воин Пургасов, вместе с которым выехал подьячий Дмитрий Радцов [РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1613–1617 гг., д. 1, л. 42; ф. 141, оп. 1, 1618 г., д. 2, л. 8, 13, 42, 94, 95]. Эта миссия была первой из числа посланных с целью официально известить об избрании нового московского государя. Документация, связанная с поездкой Пургасова в Крым, не сохранилась, имеются лишь упоми-

нания о ней в описях архива Посольского приказа [Описи, 1960, л. 326об.; Опись, 1977, л. 362].

По отдельным указаниям в сохранившихся делах можно в общих чертах представить историю этой миссии. По всей видимости, Пургасов выехал в Крым уже в марте 1613 г.; во всяком случае, документация миссии была к этому времени уже подготовлена: золотописец Посольского приказа М.Быков в поданной в апреле 1613 г. челобитной упоминал, что он прописывал золотом государеву грамоту в Крым. Хан вскоре отпустил В.Пургасова в Москву, а вместе с ним отправил с поздравлениями своего гонца Аллаш-богатыря. Кроме того, хан Джанибек-Гирей пообещал отправить калгу с войсками на польские земли. Возвращение миссии Пургасова в Москву следует датировать июнем 1613 г.: в наказе, составленном в это время для русских посланников в Империю, было сказано, что перед их отъездом в столицу пришли ханские гонцы с поздравлениями Михаилу Федоровичу. После прибытия в Москву В.Пургасова и Аллаш-богатыря Джанибек-Гирей прислал в Москву еще одного гонца — Мустафу-мурзу, который был отпущен обратно в Крым относительно быстро — с посольством А.Лодыженского в октябре 1613 г.; Аллаш-богатырь оставался в Москве около года, до июля 1614 г. [Сухотин, 1915, с. 9, 10; РГАДА, ф. 32, оп. 1, 1613 г., д. 1, л. 81; ф. 123, оп. 1, 1613 г., д. 1, л. 52, 53; 1614 г., д. 2, л. 65, 66].

После обмена гонцами пришла очередь дипломатов более высокого ранга. 24 октября 1613 г. в Бахчисарай отправились посланники Амвросий Лодыженский и «старый» подьячий Посольского приказа Петр Данилов. Согласно наказу, они должны были настаивать на оказании ханом помощи против поляков, дискредитировать противников московского правительства (короля Сигизмунда III и И.М.Заруцкого); предполагалось, что в Крыму будут высказаны претензии на Казань и Астрахань. Глава посольства А.Лодыженский, кроме того, был снабжен тайным наказом, в котором говорилось о цене, которую царь готов был заплатить за нападение татар на Польшу, — от 20 до 40 тыс. рублей. В мае 1614 г. из Крыма был отпущен П.Данилов (вместе с ним в Москву пошел крымский гонец Алей-мурза). Сам Лодыженский остался в Бахчисарае для ведения дальнейших переговоров, в Москву он вернулся 22 августа 1614 г., после посольского размена [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1613 г., д. 1, л. 24–27, 46–50, 67–76, 82, 83].

Посольский размен происходил в Ливиах, во главе русской делегации стоял князь Г.П.Ромодановский, татарскую возглавлял Ахмет-паша Сулешев. Из Крыма в Москву отправился А.Лодыженский в со-

провождении ханских послов Мустафы-мурзы и Магмет-Челибея; из Москвы в Бахчисарай был отпущен с послами Г.К.Волконским и П.Овдокимовым крымский гонец Алей-мурза. Размен был осуществлен в июле–августе 1614 г. 30 октября Волконский отправил в Москву весть о том, что хан Джанибек-Гирей принес шерть царю Михаилу Федоровичу. Из Посольского приказа в Крым к Волконскому в начале 1615 г. был отправлен толмач Тимофей Баубеков. В апреле 1615 г. на смену Г.К.Волконскому выехали посланники Исаак Спешнев и Богдан Нестеров (размен состоялся в июле). Данная миссия находилась в Крыму около полугода. В конце августа 1615 г. к Спешневу из Посольского приказа отправили с грамотой переводчика Семена Аидреева, а в начале 1616 г. толмача Куремшу Черетаева. В декабре 1615 г. на смену Спешневу в Бахчисарай был отправлен посланник Федора Челюсткина [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 1, л. 42, 47; д. 3, л. 19, 64; д. 5, л. 40; 1615 г., д. 1, л. 1, 78; д. 2, л. 73, 130, 159; д. 3, л. 1, 18; 1616 г., д. 1, л. 39].

К Федору Челюсткину, представлявшему в Бахчисарае московское правительство более года (с начала 1616 г. до весны 1617 г.), Посольский приказ дважды отправлял с грамотами станицы служилых татар: станицу Сунчалея Беляева (август 1616 г.) и станицу Зянгилдея Исенева (ноябрь 1616 г.). В апреле 1617 г. в Крым был отправлен новый посланник, сменивший Челюсткина. — Амвросий Лодыженский, который прожил в Крыму почти три года. К Лодыженскому, так же как и к его предшественнику, из Посольского приказа отправляли дипломатических курьеров. В грамоте, посланной в Бахчисарай в апреле 1617 г. с Иваном Енбулатовым, хана призывали совершить нападение на владения Сигизмунда III. Присылали к Лодыженскому с грамотами и других курьеров: Тулубая Бавкеева (август 1617 г. и май 1618 г.) и Кирилла Байберина (ноябрь 1617 г.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 39, 149, 162; д. 4, л. 169, 170; д. 5, л. 53; д. 7, л. 28; 1617 г., д. 2, л. 13, 23; д. 3; д. 4, л. 1, 67, 79, 83; д. 5, л. 59; 1618 г., д. 1, л. 81, 86].

В свою очередь, крымский хан Джанибек-Гирей также отправил в Москву ряд дипломатических миссий, поскольку был заинтересован в совместных с Россией действиях против Польши, а также стремился получить «поминки» из Москвы. 12 сентября 1614 г. в Москву прибыли крымские послы Мустафа-мурза и Магмет-Челибей. В декабре 1614 г. Москвы достиг крымский посол Ибрагим-паша-мурза. Документация его посольства не сохранилась; по всей вероятности, ему было поручено сообщить царю о ханском шертовании. В июне 1615 г. в Москву с вестью об отпуске из Бахчисарая русского посла Г.К.Волконского приехал крымский гонец Исмаил-ага, в августе 1615 г., после очеред-

иого размена — посол Булат-Улан и гонец Уссейн. Перечисленные крымские дипломаты добивались в Москве возобновления выплаты традиционных «поминков» хану и его приближенным. В октябре 1615 г. Посольский приказ принимал нового гонца, Ислам-агу, прибывшего от Джанибек-Гирея с предложением вести совместную борьбу против Речи Посполитой [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 5, л. 40; 1615 г., д. 4, л. 7, 18, 19, 65, 81; д. 6, л. 11, 19. 25; д. 7, л. 1, 16; д. 8, л. 25]. Прерванные в Смутное время дипломатические отношения между Московским государством и Крымским ханством возвращались в свое прежиее русло.

В феврале 1616 г. в Москве принимали крымского гонца Аллашбогатыря, прибывшего с сообщеиием о предыдущих набегах татар на польские земли. Около середины 1616 г. хан прислал в Россию своего нового посла — Аллабердея, отпущенного в Крым в августе 1616 г. (документация этой миссии не сохранилась, имеются лишь косвенные упоминания об этом дипломате). В июле 1616 г. в Москву приехал крымский посол Магмет-ага. Он прибыл от Джанибек-Гирея с предложением начать совместные военные действия против ногайского бия Иштерека. Предложение было принято, но сам Магмет-ага был задержан в России до весны 1617 г. Связано это было, возможно, с времеиным прекращением крымских набегов на Польшу и задержанием в Бахчисарае русского послаиника Ф.Челюсткина. В марте 1617 г. в Посольском приказе принимали крымского гонца Апсемет-Халифу, в конце 1617 г. — посла Шебан-агу, а следом за ним — гонца Рамазан-Мустафу, которые передали просьбу крымского хана продолжать борьбу против Речи Посполитой [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 192; 1616 г., д. 2, л. 5; д. 4, л. 1. 69. 155; д. 5, л. 53; д. 6, л. 1; 1617 г., л. 1, л. 18, 22, 23, 48; д. 6, л. 52; д. 7, л. 1, 13, 41; д. 8, л. 1].

Нападения крымцев на русские земли с 1612 г. практически прекратились (если не считать отдельных мелких набегов, как, иапример, появление татар в 1613 г. под Курском). В то же время крымцы активно ходили войной на земли, подвластные Речи Посполитой. В конце августа — начале сентября 1613 г. татары совершили большой набег под Теребовль; в 1614 г. Богатырь-Гирей Дивеев снова напал на Польшу, он же подверг весной 1615 г. разграблению Правобережиую Украину. В августе и сентябре 1615 г. Галицию, Подолию и Львовщиiу опустошал сам Джанибек-Гирей. Позднее в своей грамоте к польскому королю крымский хан сообщил, что во время того набега на каждого из его воинов пришлось по 80 пленных; данная информация была подтвержденa королевским универсалом от 10 октября 1615 г. В 1616 г. крымский натиск на польские земли несколько ослаб: в феврале–марте

произошел лишь один мелкий набег татар на Червонную Русь. После этого в нападениях крымцев на Речь Посполитую наступил перерыв почти в полтора года [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1613 г., л. 1, л. 52, 53; Новосельский, 1948, с. 75, 86; Horn, 1964, с. 12, 64]. Связано это было, однако, не с осложнениями в русско-крымских отношениях и не с успехами польской дипломатии в Крыму.

В 1616 г. Османская империя вступила в войну с Персией, и султан приказал своему вассалу Джанибек-Гирею идти с войсками в Закавказье. Хан повел свою орду против персов, поскольку имел на то и свои причины: персидскими войсками на Кавказе командовал давний соперник Джанибек-Гирея в борьбе за верховную власть в Крыму — внук хана Казы-Гирея царевич Шагин-Гирей [РГАДА, ф. 35, оп. 1, кн. 4, л. 219об.; Новосельский, 1948, с. 87; Мальбахов, Дзамихов, 1996, с. 194]. В связи с участием Крымского ханства в войне между Османской империей и Персией татарские набеги на Речь Посполитую временно прекратились. Но уже с середины 1617 г. крымские татары возобновили нападения на владения короля Сигизмунда III: на тот год пришлось три набега на Волынские земли, которые начались с мелкого нашествия «крымчаков» в июне, за чем последовали два крупных набега в августе и сентябре; побывали татарские разъезды также под Каневом и Белой Церковью [Новосельский, 1948, с. 87; Horn, 1964, с. 12]. Интересно, что указанные действия татар совпали во времени с началом похода королевича Владислава на Москву.

Кульминация в обострении отношений Московского государства, Крымского ханства и Речи Посполитой наступила в 1618 г., когда войска польского королевича Владислава достигли стен Москвы и едва вторично не овладели российской столицей. В условиях, когда польское войско медленно, но неуклонно приближалось к Москве, российская дипломатия вновь обратилась к крымскому хану за помощью. В июне 1618 г. в Крым отбыло посольство Степана Хрущова и Семена Бредихина. Они должны были смеинть в Бахчисарае Амвросия Лодыженского и доставить хану Джанибек-Гирею «поминки» (размеры «поминок» — «мягкой казны» — оцениваются «Новым летописцем» в сумму 10 тыс. рублей). Вместе с посольством Хрущова в Крым отпустили находившихся в Москве крымских дипломатов Шебан-агу и Рамазан-Мустафу.

Однако эта миссия не смогла достигнуть места назначения. На соединение с войском королевича Владислава, шедшего к Москве от Смоленска, с юга следовало запорожское войско гетмана Сагайдачного. Русские и крымские дипломаты в начале июля 1618 г. находились в

городе Ельце, когда к нему подступили отряды запорожцев. Послы (как русские, так и крымские), предварительно уничтожив дипломатическую документацию, приняли участие в обороне острога. Город был взят штурмом. Хрущов и Бредихин оказались в плену. Позднее они были доставлены казаками в лагерь королевича Владислава и подвергнуты пыткам в присутствии литовского канцлера Льва Сапеги.

Не посчастливилось и крымским дипломатам. По данным «Нового летописца», в Ельце в составе свиты Шебан-аги и Рамазан-Мустафы было около 50 крымских татар. Из них «иных взяли живых, а многих перебили». Последние данные подтверждаются материалами Посольского приказа: вскоре после падения Ельца в Москве получили сведения о том, что гонец Рамазан-Мустафа взят в плен, а посол Шебан-ага «убит на деле». Разумеется, российская дипломатия не могла не воспользоваться полученной информацией: в августе 1618 г. с извещением о захвате людьми польского короля «поминков», российских посланников и шедших с ними крымских дипломатов к хану был послан служилый татарин Айгилдей Бинюков [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1618 г., д. 2, л. 1, 92; д. 3, л. 89; д. 4, л. 43–48, 51; д. 7, л. 1. 63: Новый летописец, 1998, с. 398].

В те же самые дни в пределы Московского государства прибыли, один за другим, два новых крымских дипломата. В июле 1618 г. в Посольском приказе велись переговоры с крымским гонцом Ибрагим-мурзой. Месяц спустя, в августе 1618 г., в Тулу приехал ханский посол Мустафа-мурза. Однако к тому времени земли к югу от Москвы оказались под контролем запорожских казаков, поэтому приять Мустафу-мурзу в Москве смогли только в январе 1619 г., когда между Московским государством и Речью Посполитой уже было подписано Деулинское перемирие [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1614 г., д. 5, л. 110–114; 1618 г., д. 3, л. 34, 44, 57; д. 5, л. 7, 45]. По той же причине до 1619 г. не было возможности отправить новое посольство ко двору Джанибек-Гирея.

Хан, несмотря на перерыв в дипломатических контактах с Москвой и отсутствие «поминков», тем не менее продолжал войну против Польши. 1618 год ознаменовался самыми мощными набегами крымских татар на земли Речи Посполитой. В течение полугода татары совершили четыре больших нападения на Червонную Русь, разорив галицкие, львовские, перемышльские и теребовльские места. Набеги последовали, соответственно, в мае, июне, июле и в конце сентября — начале октября. При этом действия крымцев носили несколько иной характер, нежели прежде. Очевидец событий бельзский воевода Адам

Прусиновский с горечью отмечал в 1618 г., что если татары ранее приходили в набеги на день-два, то теперь стоят «как у себя дома, по нескольку недель». Кроме того, с самого начала XVII в. татарские отряды никогда не проникали так глубоко на территорию Червонной Руси: их разъезды достигли окрестностей городов Перемышля, Санока и Бельза [Horn, 1964, с. 12, 24].

Учитывая эти факты, вряд ли можно согласиться с точкой зрения А.А.Новосельского, который, исходя из ошибочных представлений о враждебности политики Крыма по отношению к Москве и даже наличия «польско-татарской коалиции», утверждал, что «для Московского государства было большой удачей, что в 1618 г. оно встретилось в последнем, решающем столкновении лишь с одними польскими силами... русское правительство не создало новой ситуации, а лишь воспользовалось изменением отношений между Турцией и Польшей» [Новосельский, 1948, с. 45, 79, 87–88]. Факты свидетельствуют о том, что в течение десятилетия (1608–1618) крымские татары выступали скорее как союзники России и их политика носила ярко выраженную антипольскую направленность. Крымские татары практически не ходили на русские земли в набеги. В то же время они довольно часто разоряли польские владения, что, безусловно, было выгодно Московскому государству. Разумеется, помощь Крыма не была безвозмездной: поддержка хана недешево обходилась московской казне. Как отмечалось выше, в 1609 г. крымцы оценили свое участие в борьбе против врагов царя Василия в 30 тыс. руб. единовременно и по 20 тыс. в год в дальнейшем; в конце 1613 г. московское правительство готово было заплатить за крымский набег на польские земли от 20 до 40 тыс. руб. По данным А.А.Новосельского, только за 1614–1618 гг. из Москвы в Бахчисарай в качестве «поминков» было отправлено около 40 тыс. руб. [Новосельский, 1948, с. 437]. Кроме того, поддерживая в условиях Смуты Россию, ханы преследовали и собственные политические интересы: их не устраивало чрезмерное усиление Речи Посполитой. Появляясь в пределах Московского государства в качестве союзников, крымские татары одновременно подвергали русские земли грабежам.

По приблизительным подсчетам А.А.Новосельского, за 1607–1617 гг. татарами (крымцами и ногайцами) было угнано из Московского государства в плен около 100 тыс. человек [Новосельский, 1948, с. 436]. Эти цифры кажутся нам несколько преувеличенными, поскольку автор исходил из ошибочных представлений о враждебном характере вторжений крымцев в 1609–1610 гг. и переоценивал масштабы ногайских вторжений. Даже если принять приводимую Новосельским цифру в

100 тыс. плеиных за десятилетие, то у нас не будет оснований для вывода об антироссийской направленности политики Крымского ханства в эпоху Смуты. Например, современники оценивали численность полона, угнанного ханом Девлет-Гиреем в результате одного лишь набега на Москву в 1571 г., в 150 тыс. человек.

Нельзя утверждать и того, что татарские нападения на русские земли были более активными, чем на окраины Речи Посполитой: если вследствие татарских набегов население Московского государства за первую половину XVII в. сократилось на 150–200 тыс. человек, то за те же годы из Польши было угнано в плен около 300 тыс. жителей [Валишевский, 1989, с. 224; Новосельский, 1948, с. 436; Horn, 1964, с. 94].

После завершения российско-польской войны подписанием 1 декабря 1618 г. Деулинского перемирия союз с Крымом перестал быть для Московского государства насущной потребностью. В течение 1619 г. Москву посетили (помимо прибывшего еще летом 1618 г. посла Мустафы-мурзы) четыре крымских гонца: в мае Ибрагим-мурза; в июне Резеп-мурза; в сентябре–октябре проходили переговоры с гонцом Сеиф-Уланом; в октябре приехал гонец Аллаш-богатырь [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1617 г., д. 8, л. 1, 2; 1619 г., д. 3, л. 23, 24, 110; д. 4, л. 1, 4; д. 6, л. 18, 19; д. 8, л. 1, 3, 79]. В ответ Посольский приказ снарядил в Крым двух гонцов, которые должны были доставить дополнительные инструкции пребывавшему в Бахчисарае послу Амвросию Лодыженскому: курьерские функции были возложены в апреле 1619 г. на служилого татарина Зянгилдея Исенева, а в декабре — на служилого татарина Богдана Исенчурина. Несмотря на подписание русско-польского перемирия, в грамотах, которые они привезли Лодыженскому, содержались предписания побудить хана к набегу на литовские земли [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 1, 43; д. 9, л. 69].

Подведем итоги рассмотрению истории взаимоотношений между Московским государством и Крымским ханством в эпоху Смуты. Необходимо отметить высокую интенсивность обмена дипломатическими миссиями между этими державами. За 16 лет (1604–1619) в Москве было принято 27 миссий (послов, посланников и гонцов) из Бахчисарая; такое же количество дипломатических представителей было отправлено из России в Крым. Таким образом, связи между Московским государством и Крымским ханством в годы Смуты осуществлялись при посредстве более чем полусотни миссий. Некоторые из посольств в условиях Смуты не смогли до конца выполнить возложенные на них задачи: в 1607 г. на пути из Крыма погибла миссия Воейкова, в 1610 и 1618 гг. по дороге в Бахчисарай были перехвачены посольства

Шеншина и Хрущова. Перерыв в контактах между Москвой и Бахчисараем продолжался лишь в период «междуцарствия» и длился менее трех лет.

Столь активный обмен посольствами подразумевал наличие в центральном российском дипломатическом ведомстве большого количества переводчиков с татарского языка. В эпоху Смуты в Посольском приказе служили более 100 переводчиков и толмачей; не менее половины из них владели татарским языком. Кроме того, в штате Посольского приказа состояли служилые татары и иовокрещены, которые сопровождали российские миссии в мусульманские страны. Эта группа служащих была представлена этническими татарами, численность их в начале XVII в. достигала 40 человек [Лисейцев, 2003а, с. 159; Лисейцев, 2003б, с. 33–35]. Обеспеченность российской дипломатической службы столь обширным штатом лиц, профессией которых являлось поддержание исключительно мирных контактов с азиатскимн странами, проистекала из многоиациональности Московского государства. Полиэтничность, в свою очередь, стала одним из факторов, способствовавших победе Москвы в дипломатической схватке за Крымское ханство с Речью Посполитой.

Белокуров, 1907 — *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.

Буссов, 1998 — *Буссов К.* Московская хроиика 1584–1613 гг. // Хроннки Смутного времени. М., 1998.

Бушев, 1976 — *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976

Валишевский, 1989 — *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1989.

Видекинд, 2000 — *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000.

Возгрин, 1978 — *Возгрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Кн. IX. Л., 1978.

Возгрин, 1992 — *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

Гальперин, 2001 — *Гальперин Ч.* Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология. Самара, 2001.

Захарьина, 1980 — *Захарьина Н.С.* Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607–1610 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинев, 1980.

Иванич, 1999 — *Иванич М.* Участие казачьих отрядов в австро-турецкой войне 1593–1606 гг. // Место России в Европе. Материалы международной конференции. Будапешт, 1999.

Лаврентьев, 2001 — *Лаврентьев А.В.* Царевич–Царь–Цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001

Лаврентьев, 2002 — *Лаврентьев А.В.* Собирался ли Лжедмитрий I воевать с Карлом IX? (Внешнеполитические планы Самозванца и Швеция. 1605–1606 гг.) // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002

Лисейцев, 2000а — *Лисейцев Д.В.* Афанасий Иванович Власьев // Дипломатический вестник. 2000. № 5.

Лисейцев, 2000б — *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские отношения в эпоху Смуты // Россия XXI. 2000. № 1.

Лисейцев, 2000в — *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские дипломатические контакты и «кавказский вопрос» в начале XVII века // Россия XXI. 2000. № 5.

Лисейцев, 2002а — *Лисейцев Д.В.* Русско-ногайские отношения в эпоху Смуты // Orientalistica Juvenile. Сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. Вып. III. М., 2002.

Лисейцев, 2002б — *Лисейцев Д.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // Отечественная история. 2002. № 5

Лисейцев, 2003а — *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.

Лисейцев, 2003б — *Лисейцев Д.В.* Служилые татары и новокрещены Посольского приказа в начале XVII века // Эхо веков. 2003. № 1/2 (30/31).

Мальбахов, Дзамихов, 1996 — *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996

Масса, 1997 — *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Новосельский, 1948 — *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948.

Новосельский, 1961 — *Новосельский А.А.* Разновидности крымских статейных списков XVII века и приемы их составления // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961.

Новый летописец, 1998 — Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998.

Описи, 1960 — Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.

Опись, 1977 — Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977.

Попов, 1869 — *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Разрядная книга, 1976 — Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976

Рогожин, 1994 — *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994.

РИО, 1912 — Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 137. СПб., 1912.

Сергеев, 1913 — *Сергеев А.А.* Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 г. Симферополь, 1913.

Смирнов, 1887 — *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887

Сухотин, 1915 — *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столбцы Печатного приказа). М., 1915.

Ульяновский, 1993 — *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. I, 2. Киев, 1993.

Флоря, 1968 — *Флоря Б.Н.* Русско-австрийские отношения на рубеже XVI–XVII вв. (Посольство Афанасия Власьева в Империю) // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славянско-германские отношения. М., 1968

Флоря, 1998 — *Флоря Б.Н.* Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998.

Шаскольский, 1950 — *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.

Andrusiewicz, 1999 — *Andrusiewicz A.* Dzieje wielkiej smuty. Katowice, 1999.

Floria, 1981 — *Floria B.* Rokosz Sandomierski a Dymitr Samozwaniec // Odrodzenie i reformacja w Polsce. T. XXVI. Warszawa, 1981.

Historia, 1982 — Historia dyplomacji polskiej. T. II: 1572–1795. Warszawa, 1982.

Horn, 1964 — *Horn M.* Skutki ekonomiczne najazdów tatarskich z lat 1605–1633 na Ruś Czerwoną. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964

Phipps, 1983 — *Phipps G.M.* Sir John Merrick English Merchant — Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, Mass., 1983.

Polak, 1995 — *Polak W.* O Kreml i Smoleńszyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995.

Polski słownik, 1978 — Polski słownik biograficzny. T. 23. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1978.

Żółkiewski, 1998 — *Żółkiewski S.* Początek i progres wojny moskiewskiej. Kraków, 1998.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов
ВС. TN — Библиотека князей Чарторыйских, теки Нарушевича

И.Е.ПЕТРОСЯН
(Санкт-Петербург)

К вопросу о социальном составе джелялийской смуты
(конец XVI — начало XVII в.)

Знаменитым в турецкой истории восстаниям «джеляли»[1] посвящено несколько специальных работ (см., например, [Тверитинова, 1946; Akdag, 1963; Griswold, 1983]). О них упоминают также многие авторы, посвятившие свои исследования истории Турции [Cook, 1972; Lewis. 1973; Shaw, vol. I; Faroqhi, 1977; Inalcık, 1985; Faroqhi, 1987; Петросян, 1990; Еремеев, Мейер, 1992, и др.]. И это понятно: «джелялийская смута» явилась одним из важнейших событий социальной истории Османского государства. Этим термином принято называть серию почти непрерывных антиправительственных выступлений в Анатолии второй половины XVI — начала XVII в., сопровождавшихся разбоями, грабежами и захватами крупных крепостей мятежниками.

Причины этих восстаний историки видят в демографических процессах, в увеличении налогового бремени податного населения, которое привело к обнищанию крестьян, а также в кризисе административной и военной систем государства. Следует особо отметить, что примерно в последней трети XVI в. Османская империя достигает пика своего политического и военного могущества. С этого времени прекращается ее территориальное расширение, начинается разложение военно-ленной системы, придворного войска яничар и придворных сипахи (alti bolük halkı). Стратификация османского общества теряет свою жесткость, становясь размытой, обретает некоторую мобильность, и эта эпоха перемен сопровождается социальной смутой и нестабильно-

[1] Названы так по ставшему нарицательным имени предводителя анатолийского восстания середины XVI в. Джеляля.

© И.Е.Петросян, 2006

стью[2]. Свой вклад в эту смуту вносит и усилившееся в XVI в. политико-религиозное противостояние Османского и Сефевидского государств.

Новая волна социальных возмущений накрывает Османскую империю в самом конце XVI в., после знаменитой битвы при Керестеше (венг. Мезёкёвешд) в 1596 г., во время которой с театра военных действий дезертируют тысячи ленников-сипахи, военнообязанных должностных лиц и представителей придворного войска капыкулу. В результате устроенной после сражения проверки (yoklama) из дефтеров были вычеркнуты многие не явившиеся на военную службу либо дезертировавшие лица (firârî), лишившиеся, таким образом, своих ленов или жалованья. Значительную часть провинившихся составляли анатолийские сипахи. В анатолийских землях в это время скапливается критическая масса недовольных — лишившихся своих ленов мелких сипахи, разорившихся крестьян, бывших наемных солдат (*секбан*), должностных лиц, потерявших место службы в столице либо в провинции, и т.д., готовых в любой момент выступить против правительства или влиться в любое антиправительственное движение. Самыми знаменитыми фигурами среди мятежников этого периода явились Кара Языджи и его брат Дели Хасан. Однако следует отметить, что лично ни тот ни другой не участвовали в битве при Керестеше.

При рассмотрении социального состава антиправительственного движения Кара Языджи главное внимание историков было обращено именно на эти группы бунтовщиков. Однако социальная база недовольных была еще более широкой. В своей работе, специально посвященной выступлениям Кара Языджи и Дели Хасана, А.С.Тверитинова указала также на участие в них кочевников [Тверитинова, 1946, с. 59], не остановившись на анализе этой социальной группы. Нам представляется, что в связи с общей оценкой джелялийской смуты факт участия в восстании кочевников заслуживает особого внимания, тем более что это позволяет объяснить некоторые исторические «странности» движения Кара Языджи и Дели Хасана, удивлявшие как османских хронистов, так и современных исследователей. В этом отношении особый интерес представляет описание войска мятежников-джеляли, оставленное Ибрахимом Печеви, османским чиновником, автором «Истории» и участником некоторых из интересующих нас событий. Чтобы понять содержание этого отрывка и адекватно его интерпретировать, следует кратко охарактеризовать антиправительственное выступление

[2] Прекрасный анализ всех перечисленных явлений дан в уже упомянутых работах Ю.А.Петросяна, Д.Е.Еремеева и М.С.Мейера.

Кара Языджи, которое после его смерти продолжил его брат Дели Хасан.

Как уже указывалось выше, важным пусковым механизмом возобновления мятежей в Анатолии послужили события осени 1596 г., когда после битвы при Керестеше во время австро-турецкой войны (1593–1606) был издан указ о лишении ленов или жалованья около 30 тыс. человек. Некоторые из дезертировавших (firârî) или не явившихся на военную службу были схвачены и казнены, а имущество их конфисковано [Selânikî, л. 294а–294б; Peçevî, т. II, с. 205; Na'îmâ, т. I, с. 165; Uzunçarşılı, 1951, т. III, ч. I, с. 77–80]. Проверка, предшествовавшая этой акции и давно не практиковавшаяся, явилась попыткой правительства навести порядок в армии, ставшей малодисциплинированной и потому часто терпящей поражения. Эта акция произвела устрашающий эффект и внесла страх и нервозность в высшие слои общества, о чем мы можем судить по сообщению османского историографа Мустафы Селяники. К сожалению, он не описывает того, что творилось в связи с лишением ленов и конфискациями в Анатолии, но зато сообщает об опечатывании домов в Стамбуле, принадлежавших не явившимся в поход или покинувшим армию до срока высоким должностным лицам. Он живописует плач детей и жен провинившихся, пишет о том страхе, который произвела эта акция, и в то же время не забывает отметить, что многие, предупрежденные заранее, сумели спрятать самые ценные вещи [Selânikî, л. 294а–294б]. Конфискованное было передано в пользование другим людям; историк Селяники замечает, что и сам попал в число облагодетельствованных [Selânikî, л. 294б].

Оставшиеся без средств к существованию анатолийские ленники-сипахи и воины-капыкулу начали сбиваться в отряды, открыто не подчинявшиеся местным властям. Многие из них влились в отряды Кара Языджи, хотя история его мятежа стоит несколько особняком. Он не был дезертиром, но тем не менее тоже пострадал от действий правительства. Многие историки, писавшие во время, близкое к тем событиям, упоминают его как секбана (наемного стрелка), командира секбанов (sekban bölükbaşı), субаши (порученца) при бейлербее, каймакама (заместителя) санджакбея[3]. Секбаны, или стрелки, владевшие огнестрельным оружием (*тюфенк*), нанимались правительством для участия в военных походах. По их окончании они возвращались в родные места и нередко сколачивали банды, жившие разбоем, — явление, характерное для последней четверти XVI в. [Akdag, 1963, с. 138–140].

[3] Обзор сообщений османских источников по этому вопросу мы находим в работе А.С.Тверитиновой (см.]Тверитинова, 1946, с. 53]). Ср.]Griswold, 1983, с. 24 и сл.].

Многие из секбанов нанимались на службу к провинциальным правительственным чиновникам, а если тех смещали с должности, то стрелки также попадали в группы, жившие разбоем, или сами становились бандитами.

Если верить османским источникам (а у нас нет оснований не доверять им в этом вопросе), Кара Языджи перебывал на всех перечисленных выше ролях; в какой-то момент он был командиром секбанов [Тверитинова, 1946, с. 53 (со ссылкой на сообщения Мустафы Селяники, Кятиба Челеби и Карачелебизаде)]. Мустафа Акдаг уточняет эти сведения и пишет, что Кара Языджи был командиром секбанов в санджаке Тарсус [Akdağ, 1963, с. 192]. Сразу же после «великого бегства» с фронта мы встречаем Кара Языджи уже в роли каймакама в одном из сивасских санджаков[4]. Акдаг полагает, что этим сивасским санджаком была Малатья [Akdağ, 1963, с. 192], где Кара Языджи исполнял свои обязанности вместо ушедшего на войну санджакбея. Однако он лишился должности каймакама, так как на нее указом правительства был назначен другой человек. Отказавшись подчиниться приказу властей, Кара Языджи, если верить Печеви, убил прибывшего нового чиновника, а затем из страха наказания отдал приказ своим людям «поднять знамя восстания» [Peçevî, т. II, с. 252; ср. Тверитинова, 1946, с. 54].

Вскоре Кара Языджи приобретает славу одного из видных бунтовщиков юго-восточной части Анатолии. Во всяком случае, Мустафа Акдаг, использовавший в своей работе о джелялийской смуте многие недоступные нам документы, приводит, в частности, вывод одной весьма любопытной докладной записки, посланной в Стамбул кадием Малатьи. В документе говорится следующее: «Докладывают, что в связи с тем, что мятежники (*джеляли*) и разбойники, овладевшие Малатьей, совершают насилия и грабеж, был издан высочайший указ о том, чтобы для отражения и подавления этих разбоев набрать 150 подходящих и храбрых добровольцев-джигитов, имеющих лошадей и необходимую одежду, и назначить из числа старших среди [них] агу[5], кетходу[6], кятиба[7] и чавуша[8]. В результате агой был назначен всем известный разбойник из числа пограничного люда (serhadlü taifesinden), известный под именем Кара Языджи. Последний самовольно набрал

[4] Начало антиправительственных действий Кара Языджи османский современник событий Ибрахим Печеви описывает под 1007/1598-99 г. [Peçevî, т. II, с. 252].

[5] Название старшего должностного лица в военных и гражданских структурах османского общества.

[6] Староста (старшина) в подразделении.

[7] Писарь.

[8] Младшее должностное лицо в подразделении (унтер-офицер).

добровольцами верных ему разбойников из турков и курдов, которые отказываются подчиняться прибывающим на свою должность эмирам и совершают разбои. Без оглядки на священные законы шариата они набросились на безвинных окрестных мусульман: некоторых из них поубивали, имущество разграбили, а стада угнали. На этом их бесчинства не закончились — они становятся все сильнее» [Akdag, 1963, с. 192].

Этот документ (№ 75) был обнаружен М.Акдагом среди дел турецкого архива Başbakanlık в папке, помеченной 1011–1013/1602-03 — 1604-05 гг. Турецкий ученый сразу же обратил внимание на упоминание в документе Кара Языджи и задался вопросом, является ли он тем же самым человеком, что и знаменитый анатолийский мятежник. В конце концов Акдаг ответил на этот вопрос утвердительно, разобравшись попутно и с датировкой процитированного документа. Он обратил внимание на то, что большинство документов в этой папке, как и документ, о котором идет речь, не имеет даты. Более того, среди них есть бесспорно относящиеся к более раннему или более позднему периоду. На этом основании турецкий ученый сделал предположение, что документ № 75, скорее всего, относится к более раннему времени — возможно к 1006/1597-98 г. [Akdağ, 1963, с. 192], потому что именно в это время Кара Языджи собрал вокруг себя людей и поднял мятеж в районе Малатьи.

Если эта гипотеза Мустафы Акдага верна (а выглядит оно весьма правдоподобно), то мы получаем сведения, частично освещающие ранний период деятельности Кара Языджи (после потери им должности каймакама Малатьи). В документе он уже назван «известным разбойником», имеющим в своем подчинении турков и курдов; бунтовщиком, возглавляющим разбои и грабящим местное население. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что Кара Языджи имел не только отряд готовых подчиняться ему людей, но и неких влиятельных покровителей, которые назначили «разбойника» бороться с разбоями в районе Малатьи. Такое сочетание несовместимых вещей могло быть возможным лишь в том случае, если Кара Языджи обладал неким авторитетом среди «турок и курдов».

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что район Малатьи (верхнее течение Евфрата) являлся областью компактного проживания многих курдских и отчасти туркменских племен, и именно в этой среде, как показывает документ, Кара Языджи стал предводителем. Означает ли это, что сам он своим происхождением был связан с племенной верхушкой? Скорее всего, да. В свете этого

предположения весьма праздоподобным выглядит одно утверждение османского историка Хусейна Хюсамеддина, впервые отмеченное (без комментариев) А.С.Тверитиновой. Часто пользовавшаяся его многотомной «Историей Амасьи», она вслед за ним привела очень интересный факт о том, что Кара Языджи был сыном одного из знатных людей племени кылыджлы из Урфы [Тверитинова, 1946, с. 53 (со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 348)]. М.Акдаг включил в свою работу это сообщение Хюсамеддина (и также без комментариев)[9], указав, что Кара Языджи был «сыном некоего Али, представителя кочевого племени кыльджлы из района Урфы» [Akdağ, 1963, с. 191]. Уильям Грисволд, собравший весь доступный ему материал о Кара Языджи, вовсе не упоминает этот факт, видимо, считая его несущественным. Между тем указание на Урфу, в районе которой, согласно этому сообщению, проживал кыльджлы Али, отец Кара Языджи, очень симптоматично, так как население северо-западной части санджака Урфы даже еще и в начале XX в. целиком состояло из туркмен (см. [Отчет о поездке, 1907, с. 200]). К сожалению, этноним кылыджлы в известной мне литературе отсутствует. Можно предположить, что это было небольшое племенное образование, возможно смешанного происхождения. Известно, например, что в состав туркмен влилось много курдских племен, с ними ассимилировавшихся, и часть туркмен на востоке Анатолии была курдизирована (осталось лишь тюркское название). Проследить историю того или иного туркменского племени Анатолии бывает очень сложно из-за частых перегруппировок племен и их распада, в результате которых возникали новые племена с новыми названиями [Еремеев, 1971, с. 97–99].

Акдаг, который считает самым важным проследить карьерный путь Кара Языджи, отмечает, что Кара Языджи был записан в состав придворного войска сипахи (altı bölük halkı), имевшего статус капыкулу[10], и служил мухафызом (пограничником) в Дамаске или другой пограничной крепости на юго-востоке Турции. Джелялийская смута застала его в районе Малатьи, где он, согласно процитированному документу, был назначен бороться с разбойничьими отрядами («…так как он был представителем сословия капыкулу», — замечает Акдаг [Akdağ, 1963, с. 193]). Турецкий исследователь не объясняет, почему Кара Языджи был внесен в реестр придворного конного войска капыкулу. Между

[9] Акдаг делает лишь одно замечание по этому вопросу, а именно, что происхождение Кара Языджи «несущественно».

[10] Тот же автор утверждает, что большую часть джелялы, сплотившихся вокруг Кара Языджи, составляли выходцы из altı bölük halkı [Akdağ, 1963, с. 194]. Однако, как мы увидим ниже, это не соответствует действительности.

тем принадлежность к знатному племенному роду это объясняет. Хотя изначально туда зачислялись представители знатных семейств нетурецкого происхождения (garib yigitler), со временем (начиная со второй половины XVI в.) в ряды придворных сипахи стали принимать и турок. Важно отметить также и то, что представителей alti bölük halkı правительство привлекало к делам финансового ведомства: они были писарями при сборе налогов [Uzunçarşılı, 1964, с. 564–565]. Не отсюда ли прозвище нашего героя — Языджи (Писарь)[11]? Кроме того, вместе с янычарами придворные сипахи входили в состав пограничных гарнизонов, но сипахи имели более высокий социальный статус, чем янычары. Этот статус, а также связи с местной администрацией, скорее всего, помогли Кара Языджи занять пост каймакама. Определенную роль в разрыве со службой сипахи сыграло, вероятно, полученное им увечье. Весьма информированный венецианский консул в Алеппо Винченцо Дандоло описывает Кара Языджи как смуглолицего человека небольшого роста «с увечной левой рукой» [Griswold, 1983, с. 25 (это сообщение Дандоло, которое цитирует автор, относится к 27 февраля 1602 г.)].

Как нам представляется, и службой в составе alti bölük halkı, и высокими связями Кара Языджи был обязан своей принадлежности к племенной знати. К тому же он не был беден, так как на одном из этапов своей карьеры мог нанять 300 стрелков, чтобы помочь санджакбею Яффы сохранить свою должность и не допустить занять ее новому назначенному правительством чиновнику [Griswold, 1983, с. 26]. Знатное происхождение и связи в племенной среде способствовали той легкости, с какой Кара Языджи за короткое время мог собирать вокруг себя значительное число сподвижников. Все говорит за то, что Кара Языджи имел отношение к племенной верхушке, в которой пользовался значительным авторитетом.

Вообще, фактор участия кочевников в восстаниях конца XVI в. недооценивается, между тем как источники прямо указывают исследователям на его значение. Так, например, Кучибей Гёмюрджинский пишет, что «вышли из повиновения шайки арабов и туркмен» [Смирнов, 1873, с. 145]. Почти то же сообщает в «Фезлеке» и Кятиб Челеби, утверждая, что в восстании Кара Языджи приняли участие племена курдов и туркмен [Тверитинова, 1946, с. 59 (со ссылкой на Kātib Çelebî, т. I, 1286/1869-70, с. 127)].

[11] Сохранились сведения, что Кара Языджи какое-то время служил писарем при бейлербее Алеппо [Griswold, 1983, с. 25].

Туркменские, курдские и арабские племена Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии всегда причиняли беспокойство османскому правительству. Стремление сильных вождей к независимости от центральной власти, их открытое неподчинение и грабежи, желание контролировать важные караванные пути региона порождали антагонизм между племенной верхушкой и османским правительством, власть которого в провинции в этот период ослабла. Политика чиновников, неспособных полностью контролировать ситуацию, обычно сводилась к умиротворению наиболее влиятельных предводителей племенных образований: часто их в благодарность за лояльность назначали на высокие административные посты. (Характерно, что этим в конце концов завершилось дело и с восстанием, поднятым Кара Языджи, о чем будет сказано ниже.) В качестве примера можно привести назначение в 1592 г. бейлербеем сирийского Триполи весьма агрессивного и непокорного туркменского вождя из района Акки — Юсуфа Сейф-оглу [Griswold, 1983, с. 74]. Но и эти меры не всегда приводили к желаемому результату. Силы были неравны. В Сирии, например, насчитывалось порядка десяти династических племенных образований, стремившихся ускользнуть от административного контроля османов.

Особенно показательным в этом смысле являлось племенное династическое семейство курдского рода Джанбуладов. Во второй половине XVI в. Джанбулад ибн Касим получил от османского правительства в наследственное владение (*оджаклык*) сирийские санджаки Килис и Ма'арра, а в 1581 г. один из сыновей Джанбулада — Хусейн был назначен правителем богатого торгового города Алеппо. И он, и его брат Хабиб Джанбулад-оглу продолжали владеть своим оджаклыком до тех пор, пока в 1583 г. власти не отобрали у них их оджак и не передали его другому племенному вождю — Дев Сулейману. Однако с помощью войска, в которое входили, в частности, и нанятые секбаны, Хусейн изгнал из своего оджаклыка Дев Сулеймана, что лишний раз продемонстрировало слабость османской власти среди племенных образований этого региона.

Хусейн Джанбулад-оглу интересен для нас и своими связями с Кара Языджи. Имеется арабское известие о том, что, когда в 1007/1598-99 г. Кара Языджи со своими людьми направлялся через Сидон и Триполи в Алеппо, Хусейн Джанбулад-оглу зазвал его к себе в Килис, чтобы, как предполагают, заручиться его лояльностью (среди людей Кара Языджи в качестве стрелков-секбанов служили воины Дев Сулеймана) [Griswold, 1983, с. 86–87, 89]. Указание на то, что в отряде Кара Языджи были люди Дев Сулеймана, говорит о том, что для борьбы с осман-

ским правительством Кара Языджи привлекал в свои ряды представителей тех племенных образований, которые были в конфликте с людьми, обладавшими реальной властью в регионе. Во время пребывания Кара Языджи в Килисе его люди учинили там такие беспорядки, что на борьбу с ними алеппский бейлербей Хаджи Ибрахим-паша был вынужден послать войско. Кара Языджи сразу поспешил удалиться, направившись в местность северо-западнее Урфы (в район Самсата), где, как было указано выше, компактно проживали туркменские племена.

К 1599 г. войско Кара Языджи настолько окрепло, что смогло захватить крепость Урфы; однако благодаря сделке, заключенной с посланными против него правительственными войсками, бунтовщик и его люди смогли беспрепятственно покинуть крепость [Тверитинова, 1946, с. 67]. Винченцо Дандоло утверждал, что у Кара Языджи было много друзей среди сирийских арабов, особенно среди дамасцев, участвовавших в осаде Урфы [Griswold, 1983, с. 31]. Через некоторое время после этих событий Кара Языджи получил от правительства пост санджакбея Амасьи [Тверитинова, 1946, с. 67]. Такое странное отношение к повстанцу могло объясняться лишь страхом перед возможными последствиями его антиправительственного выступления, в котором приняли участие племена Юго-Восточной Анатолии. Что могло вызывать этот страх? На наш взгляд, правительство испугалось известий о политических притязаниях Кара Языджи. Как сообщает весьма осведомленный османский историограф Мустафа Селяники, Кара Языджи объявил себя потомком «шахского рода». Он заявил, что во сне ему явился Пророк Мухаммад, который возвестил, что «правосудие и государство» принадлежат ему. От Мустафы Селяники мы знаем также, что в осуществление своей власти Кара Языджи рассылал указы (*хюкмы*) с тугрой Халим-шаха Победоносного [Selaniki, л. 375а].

Содержание одного из таких указов, изданного после очередной победы Кара Языджи над правительственными войсками (при Кайсери — 1009/1600-01), приводит османский придворный историограф Мустафа На'има. В указе читаем: «Я полностью освободил от [уплаты] всех налогов держателя сего благородного указа, человека по имени Мехмед, который является одним из жителей Кайсери. Во время [моей] битвы с сердаром[12] Хаджи Ибрахим-пашой[13], разбитым [мной] с помощью Всевышнего Аллаха, он с полным чистосердечием пере-

[12] Главнокомандующий.

[13] Хаджи Ибрахим-паша во главе войска был послан правительством в Анатолию для борьбы с Кара Языджи.

шел от османов на нашу сторону. И я вручил ему сей августейший указ (hükm-ü humāyūn), повелев следующее: „Поскольку сии земли полностью выведены из-под [правления] османов и высшая власть (saltanat) над ними, без сомнения, принадлежит мне, в соответствии с изданным мною повелением и указом, не берите с вышеозначенного [Мехмеда] никаких налогов и сборов и не налагайте [на него никаких других]. Любого [человека], не подчинившегося сему указу, ожидает наказание. Знайте [также], что всякий, кто держит в руках сей священный указ, обязан действовать согласно его августейшему содержанию. Да будет известно, что [сей указ] написан в середине реби' уль-эввеля 1009 года (конец сентября 1600 г. — *И.П.*)"» [Na'īma, т. I, с. 237–238].

Этот документ, приводимый На'имой, недвусмысленно указывает на то, что вскоре после начала восстания амбиции Кара Языджи переросли притязания обычного главаря шайки разбойников, коих в то время в Анатолии было предостаточно. Он объявил себя правителем подконтрольной ему территории и вторгся в область налоговых прав османской династии. Такого рода амбиции могли привести в движение огромные массы непокорного кочевого населения Малой Азии и всех недовольных правительством. Уже не раз османские султаны сталкивались с этой опасностью и с огромным трудом отводили ее от себя. В попытке объявить себя правителем (шахом) обвинялся, например, шейх Бедреддин Симавна-оглу, возглавивший крупное восстание в Румелии в начале XV в. ([Новичев, 1960, с. 78]; см. также [Golpinarlı, 1966]). Главарь другого крупного восстания, вспыхнувшего в 1527 г., Календер Челеби (Календер Шах), по сообщениям источников, также намеревался основать собственную династию [Новичев, 1963, с. 111; Uzunçarşılı, 1964, с. 310, 346–347]. В обоих восстаниях заметными факторами являлись мусульманская неортодоксия и влияние суфизма. Наконец, в восстании Календер-оглу, вспыхнувшем в 1604 г. в Анатолии, также проглядывало стремление его руководителя покончить с властью османской династии в Малой Азии. Так, в письме одному из сообщников Календер-оглу сообщал: «Если [нам] поможет Всевышний, мы вместе с нашими бесчисленными храбрыми воинами покончим с этим дряхлым старцем (османской династией. — *И.П.*) и принудим османов отказаться [от земель] от Скутари до сей долины...» [Fezleke, л. 119б]. Судя по тому, что, спасаясь от преследования, Календер-оглу на время нашел убежище в сефевидском Иране [Uzunçarşılı, 1951, с. 113], можно полагать, что как он сам, так, по-видимому, и его сподвижники отличались шиитскими симпатиями, характерными для многих суфийских тарикатов Анатолии.

В стремлении объявить себя независимым правителем Кара Языджи, по свидетельству источников, зашел настолько далеко, что организовал некую копию османского двора, где были введены должности чавуша, чашнигира, мютеферрика и военный корпус солаков, янычар, аджеми огланов, а также бёлюк сипахи (реплика на alti bölük halkı). Им также были назначены кадии, учреждены пост нишанджи, недавшего печатью с его тугрой, должность великого везира [Selāniki, л. 375а]. Также в подражание османскому двору Кара Языджи завел у себя «ич огланов»[14] [Peçevī, т. II, с. 271].

Поддержка анатолийскими кочевниками подобного рода самозванцев грозила огромными неприятностями османскому правительству. Обычно вызывавшееся экономическими причинами недовольство кочевников, весьма подверженных влиянию суфийской пропаганды странствующих дервишей, выливалось в антиправительственные восстания, с которыми было трудно бороться. Одно из таких восстаний произошло незадолго до выступления Кара Языджи. Весной 1596 г., во время подготовки к летней военной кампании, в которой должен был принять участие султан Мехмед III, в Караманский вилайет были отправлены эмиссары для сбора провианта и скота. Значительную долю населения этих мест составляли кочевники-туркмены, основой хозяйственного уклада которых являлось скотоводство. Реквизиция скота для нужд армии вызвала у них сильное недовольство, так как скотозаготовки производились в период резкого обнищания сельского населения Анатолии. На султанском совете, состоявшемся 19 декабря 1595 г. в присутствии Мехмеда III, было констатировано полное разорение райи (податного населения, основную часть которого составляли крестьяне) [Selāniki, л. 249б]. Это подтверждается, в частности, и наблюдением Мустафы Али, османского чиновника и знаменитого литератора рассматриваемого периода. Посланный в сентябре 1595 г. с инспекционной поездкой в Центральную Анатолию, он был потрясен увиденным. По его словам, в одной из деревень, за которой в реестре числилось около 500 коров, осталась пара обессилевших животных, которых он называет «лежачими трупами». Он пишет также о затронувшем местность падеже скота [Mustafa 'Alī, л. 479а–479б], что не могло не отразиться на материальном положении кочевников.

В период заготовки скота весной 1596 г. недовольством кочевников воспользовался один из предводителей туркменского племени давудлу. По сообщению Мустафы Селяники, собрав своих сторонников, он

[14] В османском государстве — молодые люди, воспитанники двора, исполнявшие роль пажей.

объявил о том, что является потомком «последнего» сельджукского султана — Алаэддина Ферамурза[15]. Он также провозгласил, что восстановит справедливость, попранную османской династией, вставшей на «путь насилия и вражды» [Selaniki, л. 264a]. А.С.Тверитинова, процитировавшая этот отрывок из хроники Селяники, дала не совсем точный перевод текста с приведенными словами инсургента. Согласно ее переводу, он «требовал» справедливости, в то время как употребленный здесь глагол vedad etmek следует переводить иначе. Вождь восстания заявлял, что он «восстановит справедливость» ('adl vedad ederim), что в корне меняет оценку целей мятежника. (Претензия на царское происхождение и обещание справедливого правления были обычными у лиц, пытавшихся заручиться поддержкой анатолийских кочевников и объявить войну османской династии.) Бунтовщики отняли у султанских эмиссаров набранный для нужд похода скот и намеревались также захватить казну, посланную из Египта в Стамбул [Selaniki, л. 264a][16].

Следует отметить, что «политические» лозунги с опорой на историческую память, хорошо сохранявшуюся в консервативной кочевнической среде, имели наибольший успех в периоды острого экономического неблагополучия, как это было в данном случае, или при ослаблении центральной власти, неспособной обеспечить политический контроль над кочевниками.

Племенная среда, консолидированная «общей исторической памятью», консервировала и воспроизводила многие установки социального поведения, традиции и обычаи. В значительной степени это касалось и племенного руководителя или вождя племенного объединения. Кочевники Анатолии не были просто «разбойниками» (eşkiya), как их квалифицировали османские хронисты, находившиеся на совершенно иной ступени культурного развития. Разбои и грабеж составляли естественную часть жизни кочевников, и степень авторитета их вождей во многом зависела от их способности обеспечивать соплеменников богатой добычей, быть щедрыми по отношению к своему ближайшему окружению. Интересно, что такой модели поведения следует и Кара Языджи, описываемый наблюдателями как человек,

[15] Имеется в виду сельджукский султан Алаэддин Кей Кубад III, сын Ферамурза, жившего при византийском дворе. В 1296 г. Алаэддин Кей Кубад был объявлен ильханидом Газан-ханом правителем Румского султаната [Uzunçarşılı, 1961, с. 20]; см. подробно также [Cahen, 1988].

[16] Нельзя не отметить попутно, сколь долго сохранялась в Караманском вилайете политическая память о государственности Румского султаната.

щедро одаривавший своих сподвижников награбленным [Griswold. 1983, с. 38 (со ссылкой на венецианские дипломатические сообщения)].

Влиянием племенных традиций следует, по-видимому, объяснить и избрание после смерти Кара Языджи (февраль 1602 г.) главой мятежников его брата Дели Хасана [Тверитинова, 1946, с. 74 (со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 351)][17]. Хюсамеддин, пользовавшийся многими неизвестными нам источниками, приводит в данном случае весьма интересные подробности. Он пишет, во-первых, что повстанцы были недовольны стремлением Кара Языджи стать единоличным правителем и отказывались ему подчиняться, предпочитая «демократическую» форму правления (cumhurî bir şekil ve tarzı kabul ederek). Кроме того, он сообщает, что избрание нового лидера, Дели Хасана, произошло в результате долгих споров и пререканий [Тверитинова, 1946, с. 74]. Употребление терминов cumhurî, а также şura («совет») в рассказе Хюсамеддина о мятежниках начала XVII в. представляется А.С.Тверитиновой чем-то несуразным, и она объясняет это влиянием современной этому автору «националистической концепции» [Тверитинова, 1946, с. 74]. Однако объяснение может быть совсем иным. По сути, речь может идти о попытке возврата к принципам демократии, характерным именно для племенного быта, при котором особую роль играет совет старейшин.

Теми же имеющими древние корни обычаями можно объяснить еще один факт, связанный со смертью Кара Языджи[18], удививший культурных турок. Соратник Кара Языджи — Шахверди, перешедший после его смерти на сторону правительства, рассказал, что тело Кара Языджи было расчленено его сподвижниками на 40–50 частей, затем тайно захороненных по отдельности. Сделано это было, по объяснению Шахверди, для того чтобы османы не смогли найти труп мятежника и подвергнуть его публичной казни [Peçevî, т. II, с. 253]. Присутствовавший при этом рассказе османский историк Печеви пишет, что слушатели были поражены таким объяснением и заявили, что «ни один османец не совершает такой казни и не прикасается к разлагающемуся трупу», на что Шахверди ответил: «Таково было [общее] решение» [Peçevî, т. II, с. 254]. На самом деле то, что так удивило образованных слушателей, было отголоском весьма древних обычаев тюркских кочевников, которые старались не допустить надругательст-

[17] Печеви пишет, что люди Кара Языджи «поставили» (geçirdiler) вместо него его брата Дели Хасана [Peçevî, т. II, с. 254].

[18] Хюсамеддин пишет, что раненый Кара Языджи был умерщвлен своими соратниками [Тверитинова, 1946, с. 74, со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 351].

ва врага над телом умершего (убитого) соплеменника, ибо такое надругательство считалось среди них тягчайшим оскорблением (см. подробно [Мокрынин, 1986]).

Таким образом, можно утверждать, что весьма сильным элементом в социальном составе мятежников Кара Языджи являлись кочевники, обеспечивавшие сплоченность его войска и в некотором смысле идейное единство. На наш взгляд, мы имеем прекрасную иллюстрацию этого в одном из пассажей «Истории» Ибрагима Печеви, оставившего подробное описание внешнего вида мятежников, сильно его поразившее.

Как известно, преемник Кара Языджи — Дели Хасан, успешно продолживший вооруженную борьбу своего почившего брата, был наконец укрощен властями с помощью обычного средства — он был назначен султаном на пост бейлербея Боснии. В этом качестве Дели Хасан вместе со своими воинами прибыл в 1603 г. в ставку главнокомандующего турецким войском (*сердара*) в Венгрию. Печеви рассказывает об этом как очевидец, со многими подробностями.

«Прибыв в Эдирне, [Дели Хасан отдал приказ] раздать жителям города бессчетное число [суконных] плащей, шорных изделий, козьих попон для лошадей, холщовых сумок и всякого другого добра, обложив [горожан взамен этого] податью в несколько юков акче[19]. Затем точно так же он обложил податью [жителей] Филибе[20], Софии и других городков, лежавших на его пути [в ставку], при этом было совершено множество притеснений. Многоопытный же сердар[21] с добычей османского войска расположился на [лагерной] стоянке в Фёдваре[22]. Подойдя к этой стоянке, [войско Дели Хасана] присоединилось к султанской армии. Мир еще не встречал воинов подобного вида и такого разнобоя. У кого-то к стремени была подвешена верблюжья попона, у другого вместе с двумя рядами амулетов на голой спине висел цимбал[23]. У некоторых были крупные наголо [обритые] головы, у других — длинные, как у женщин, волосы, с двух сторон ниспадающие на грудь. У одних головы были прикрыты лоскутами [ткани], у других же ноги были голы от колена до ступни. Они держали в руках тростниковые пики с прикрепленными к их концам флажками из белой тряпицы

[19] Один юк равнялся 100 000 акче (акче — мелкая серебряная монета, вес и проба которой менялись в разные периоды османской истории).

[20] Современный город Пловдив в Болгарии.

[21] Имеется в виду командующий турецким войском в Венгрии Лала Мехмед-паша.

[22] Современный город Фёлдвар в Венгрии.

[23] В тексте — zil (греч. kymbalon), старинный музыкальный инструмент с плоским деревянным корпусом трапециевидной формы и металлическими струнами.

[длиной] в две пяди[24], наподобие тех повязок, какими прикрывают чресла. Что же до повадок и действий всех этих людей, то передать их словами нет никакой возможности» [Peçevi, т. II, с. 270–271].

Из приведенного описания вырисовывается следующая картина: во-первых, становится ясным, что у воинов Дели Хасана в избытке имелись награбленные вещи, имевшие отношение к экипировке конников, и они были насильственно выменяны ими на деньги, которые требовались для покупки пропитания (прямые грабежи на европейской территории тогда были невозможны). Во-вторых, описание тростниковых пик указывает на присутствие в войске Дели Хасана курдов; именно для них были характерны тростниковые копья [Стенин, 1892, с. 283]. Наконец, самое важное: упоминание воинов как с обритыми головами, так и с длинными волосами прямо указывает на присутствие в войске Дели Хасана дервишей — абдалов и календеров[25]. Отличительной чертой календеров, которые впервые появились в Дамаске в 1213 г., была бритая голова [Тримингэм, 1989, с. 277]. Абдалы, напротив, носили длинные, до плеч, волосы [Brown, 1968, с. 93]. Их изображение, воспроизведенное из турецкого альбома, мы находим в книге Клары Хедьи и Веры Зимани, посвященной истории и культуре средневекового Османского государства (см. [Hegyi, Zimanyi, 1986, ил. 64–65, со ссылкой на альбом, хранящийся в Парижской национальной библиотеке]).

Известно, что именно у кочевников исключительным влиянием пользовались так называемые бродячие дервиши, представители тарикатно не оформленных суфийских орденов. В средние века их называли абдалы, календеры, торлакн и ишыки, и они без всякого почтения относились к обрядам и обычаям ислама [Тримингэм, 1989, с. 276], сохранив в своих внешне мусульманских учениях реликты очень древних пластов религиозного языческого прошлого тюрков. (Примечательно, что в описании Печеви упомянуты воины, носящие строго запрещенные в исламе языческие амулеты.) Считавшиеся среди кочевников святыми, странствующие дервиши делали то, что представители официального ислама считали для себя невозможным, — вызывали дождь, лечили болезни, обеспечивали плодородие [Ménage, 1979, с. 59–60]. Они принимали активное участие в восстаниях анатолийских

[24] Пядь — мера длины (17,78 см); таким образом, флажок был длиной около 40 см.

[25] Я считаю своим долгом поблагодарить проф. О.Ф.Акимушкина за консультацию по вопросу о возможности атрибутировать воинов с указанной внешностью как дервишей.

кочевников на протяжении всей османской истории, придавая этим восстаниям особую, идеологическую окраску. Популярным лозунгом неизменно оставалась борьба с несправедливостью властей с заметными уравнительными тенденциями. Как видим, такого рода дервиши находились и в войске Дели Хасана.

За рамками данного исследования остается вопрос, являлся ли Кара Языджи духовным лидером (шейхом) тех дервишей, которые приняли участие в его восстании. Для решения этого вопроса, к сожалению, нет достаточных исторических данных. Однако высока вероятность того, что как дервиши, так и рядовые кочевники в составе его войска видели в своем лидере не просто военного предводителя и основателя новой династии, но и духовного лидера. Во всяком случае, известна широко распространенная практика обретения светскими вождями власти религиозного главы (особенно это было характерно в среде кочевников). Мы знаем, к примеру, что таким главой считался Календер Челеби, возглавивший восстание (1527 г.) в Центральной Анатолии, сторонниками которого были многие абдалы и календеры [Inalcik, 1995, с. 195]. В его восстании приняли участие многие вожди племен [Uzunçarşılı, 1964, с. 347].

Вообще парадигму анатолийских восстаний XVI в. отличало нечто общее — это всегда был протест против конкретных «несправедливых» действий правительства (в случае с Календером имело место отнятие тимаров у значительного числа сипахи в провинции Дулькадыр, где был очень силен кочевнический элемент), протест, подкрепляемый противоречием между мусульманской ортодоксией властей и неортодоксальными воззрениями (с сильным уклоном в шиизм) народных тарикатов. Последнее обстоятельство, как и в случае с восстанием Кара Языджи, имело особое значение, так как лидер восстания становился больше чем просто предводитель недовольных. Он обретал авторитет духовного лидера среди своих воинов, порождая особую идейную сплоченность мятежников, на базе которой могли возникать его далеко идущие политические планы.

Еремеев, 1971 — *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

Еремеев, Мейер, 1992 — *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Мокрынин, 1986 — *Мокрынин В.П.* По следам прошлого. Фрунзе, 1986.

Новичев, 1960 — *Новичев А.Д.* Крестьянское восстание в Турции в начале XV века // Проблемы востоковедения. 1960, № 3.

Новичев, 1963 — *Новичев А.Д.* История Турции. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.) Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

Отчет о поездке, 1907 — Отчет о поездке по Азиатской Турции Генерального штаба подполковника Томилова в 1904 году. Часть первая. Район Багдадской железной дороги от Аданы до Мосула. СПб., 1907.

Петросян, 1990 — *Петросян Ю.А.* Османская империя: Могущество и гибель. М., 1990.

Смирнов, 1873 — *Смирнов В.Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Стенин, 1892 — *Стенин П.А.* Восток. Страны креста и полумесяца и их обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрение Левантского мира. СПб., 1892.

Тверитинова, 1946 — *Тверитинова А.С.* Восстание Кара Языджи и Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946.

Триминггэм, 1989 — *Триминггэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. под ред. и с предисл. О.Ф.Акимушкина. М., 1989.

Akdağ, 1963 — *Akdağ M.* Celâli isyanları (1550–1603). Ankara, 1963.

Brown, 1968 — *Brown J.P.* The Darvishes or Oriental Spiritualism. Ed. with an Introduction and Notes by H.A.Rose. L., 1968.

Cahen, 1988 — *Cahen Cl.* La Turquie pré-ottomane. Istanbul; P., 1988 (Varia Turcica, VII).

Cook, 1972 — *Cook M.A.* Population Pressure in Rural Anatolia. 1450–1600. L., 1972.

Faroqhi, 1977 — *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the sixteenth century // Turcica. IX/1. P., 1977.

Faroqhi, 1987 — *Faroqhi S.* Political tensions in the Anatolian countryside around 1600. An attempt at interpretation // Turkische Miszellen. Robert Anhegger Festschrift. Armağanı. Mélanges. Istanbul, 1987 (Varia Turcica, IX).

Fezleke — *Katib Çelebî.* Fezleke. Рукопись С 537 из коллекции СПб. филиала ИВ РАН.

Gölpınarlı, 1966 — *Gölpınarlı A.* Simavna Kadısıoğlu Şeyh Bedreddîn. İstanbul, 1966.

Griswold, 1983 — *Griswold W.J.* The Great Anatolian Rebellion. 1000–1021/1591–1611. B., 1983.

Hegyi, Zimányi, 1986 — *Hegyi K., Zimányi V.* Az osmán birodalom Európában. Budapest, 1986.

Husameddin, т. III — *Amâsyalı 'Abdî-zâde Hüseyn Hüsameddin.* Amasya tarihi. T. III. İstânbul, 1330/1928.

Inalcık, 1985 — *Inalcık H.* Military and fiscal transformation in the Ottoman Empire. 1600–1700 // Studies in Ottoman Social and Economic History. L., 1985.

Inalcık, 1995 — *Inalcık H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L., 1995.

Kâtib Çelebî, т. I, 1286/1869-70 — Fezleke-yi Kâtib Çelebi Mustafa 'Abdallâh Hâcî Halifa. T. I. İstânbul, 1286/1869-70.

Lewis, 1973 — *Lewis B.* Ottoman Observers of Ottoman Decline. Islam in History. Ideas, Men and Events. L., 1973.

Ménage, 1979 — *Ménage V.L.* The Islamization of Anatolia // Conversion to Islam. N.Y.; L., 1979.

Mustafa ʿAli — *Mustafā ʿAlī*. Künh al-ahbar. Рукопись из коллекции Венской национальной библиотеки (микрофильм СПб. филиала ИВ РАН).
Na'îmâ, т. I — *Na'îmâ Mustafâ*. Tarîh. T. I. İstanbul, 1280/1863-64 (3-е изд., без указания места и года издания).
Peçevi, т. II — *Peçevî İbrâhîm*. Tarîh. T. II. İstanbul, 1283/1866-67. СПб.
Selâniki — *Selânikî Mustafâ*. Tarîh. Рукопись С 565 из коллекции филиала ИВ РАН.
Shaw, vol. I — *Shaw St. J.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280–1808. N. Y.; L., 1976.
Uzunçarşılı, 1951 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. T. III. Ч. I. Ankara, 1951.
Uzunçarşılı, 1961 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. T. I. Изд. 2. Ankara, 1961.
Uzunçarşılı, 1964 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. T. II. Изд. 2. Ankara, 1964.

Р.Ю.ПОЧЕКАЕВ
(Санкт-Петербург)

Особенности формирования и эволюции правовой системы Улуса Джучи

Правовая история Улуса Джучи на сегодняшний день изучена довольно слабо. Большинство историков использовали источники по истории права Улуса Джучи при изучении его политической, экономической и социальной истории, поэтому чаще всего ограничивались просто упоминанием факта их существования или цитатами из них (см., например, [Греков, Якубовский, 1998, с. 95–107; Саблуков, 1896, с. 14–18; Сафаргалиев, 1996, с. 321, 363–364, 501; Федоров-Давыдов, 1973, с. 31, 34 и сл.]). Исключение составляет ряд исследований золотоордынских ярлыков, но авторы ставили своей целью дать их источниковедческий или лингвистический анализ, а не правовую характеристику (см., например, [Беляев, 1850; Березин, 1864; Вашари, 2001; Григорьев, 1876; Григорьев, Григорьев, 2002; Григорьев, 2004; Радлов, 1889; Самойлович, 2000а; Самойлович, 2000б; Усманов, 1979а; Усманов, 1979б]). Только А.А.Зимин, подготовивший в середине XX в. публикацию ханских ярлыков русской церкви, снабдил ее так называемым «историко-правовым комментарием», который вряд ли можно считать действительно таковым: он представляет собой лишь толкование некоторых непонятных сегодня терминов, встречающихся в русском переводе указанных ярлыков [Памятники, 1955, с. 463–491].

В свою очередь, историки права, не работая с юридическими памятниками, в основном базируются на данных исследований по русско-ордынским отношениям. Поэтому в работах юристов, освещающих историю права Улуса Джучи, порой можно наткнуться на утверждения о том, что в Золотой Орде существовали «суды… иргучи, действовавшие на основе Корана» [Исаев, 1996, с. 28] или что источником права

© Р.Ю. Почекаев, 2006

Золотой Орды являлось… «Сокровенное сказание» [История, 2000а, 59]! Кроме того, историки права склонны отождествлять право Улуса Джучи со средневековым монгольским обычным правом (см., например, [История, 2000а, с. 58–59; История, 2000б, с. 92–93; История, 2003, с. 53]).

Между тем система права Улуса Джучи представляет собой весьма интересный историко-правовой феномен — пример органичного сочетания монгольских и тюркских элементов, права обычного и исходящего от государства, к тому же испытавшего значительное влияние исламской правовой традиции. Первое впечатление, которое возникает при попытке представить правовую систему Улуса Джучи, — это, и в самом деле, ее сходство с правовой системой великой Монгольской империи. Конечно же, это никакое не совпадение, ибо Улус Джучи, изначально являясь составной частью империи, унаследовал и ее правовую систему. Тем не менее система права Улуса Джучи отнюдь не идентична правовой системе Монгольской империи: многие элементы последней заняли в праве Улуса Джучи иное место и развивались по-другому, что объясняется особенностями политического развития и культурных (в том числе и правовых) традиций коренного населения этого государства. Особенно четко эти различия заметны при рассмотрении отдельных элементов правовой системы Улуса Джучи в процессе их эволюции.

Торе (*тӧрӱ, тура*) — наверное, самый загадочный для современного исследователя институт права Улуса Джучи. Первые упоминания о нем относятся еще к эпохе тюркского каганата: это понятие в значении «закон, право» зафиксировано, например, в надписях Йоллыг-тегина 732 и 735 гг., высеченных на каменных стелах: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков…» (цит. по [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 85]). В легендарной же традиции создание торе принято связывать с Тюрком — мифическим родоначальником тюркских племен [Трепавлов, 1993, с. 40].

Правовые воззрения тюрков, их отношение к закону (собственно торе) и законности отражены в поэме Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»). Закон прямо противопоставляется насилию: «Для блага закон, а не сила угодней», «Насилие — пламя, что насмерть сожжет, Закон — это благо живительных вод!»; следование ему является залогом благоденствия государства и народа: «Где вла-

стен закон, там безбеден народ», «Цветут при законе страна и весь мир» [Баласагуни, 1990, с. 87, 169, 210].

Законы исходили от правителя, который и устанавливал их, и являлся гарантом справедливости. При этом справедливость проистекала из закона и в какой-то мере отождествлялась с законом и самим монархом. Правителю принадлежат слова: «Я — знак Справедливости, правды закон»; «Я правлю народом, подвластен мне он, Сильна моя власть, мое слово — закон»; «Для власти во всем справедливость — основа, И власть лишь во прааде жива и здорова» [Баласагуни, 1990, с. 123, 124]. Таким образом, хотя формально закон считался олицетворением воли Неба и стоял выше воли правителей («Закон правит миром — о том не забудем» [Баласагуни, 1990, с. 469]), но фактически правовые нормы устанавливались именно правителями: не случайно в указанной поэме мудрые советники постоянно призывают монарха «установить закон», «даровать закон», «ввести закон». Именно поэтому торе у тюрков ассоциировалось с именами конкретных правителей, которые и возглашали волю Неба своим подданным.

У монголов значение торе существенно изменилось. Прежде всего, оно перестало подлежать каким бы то ни было изменениям. Более того, монгольские ханы, в отличие от каганов древних тюрков, не имели права толкования торе: это право перешло к другой категории племенных предводителей — *бэки* [Почекаев, 2004, с. 536–537]. Таким образом, в монгольском средневековом обществе торе превратилось в «правовую фикцию» [Мэн, 1873, с. 10, 21]: формально оно считалось неизменным и незыблемым, но фактически значение его конкретных положений зависело от усмотрения привилегированного сословия, обладавшего полномочиями толковать право. Полагаю, это свидетельствует о более низкой ступени развития права у монголов того времени, чем у более ранних тюрков.

Исследователи на основании косвенных тюркских и монгольских источников полагают, что торе регулировало сферу государственного и административного права кочевых племен, в частности разделение на крылья, порядок выдвижения на административные и военные должности, соправительство, порядок ведения войны и распределение доходов и трофеев [Трепавлов, 1993, с. 41]. Но по мере укрепления в Монголии ханской власти и формирования новой, «имперской» системы права торе утеряло ряд практических (государственно-правовых) аспектов и сохранилось лишь в виде некоего «сакрального права», олицетворявшего Высший порядок, соблюдение которого гарантировало мир и благополучие в государстве, — своего рода «естественного

права» [Скрынникова, 2001, с. 143; Doerfer, 1963, с. 264]. Логическим завершением эволюции торе у монголов стала его трансформация из правового института в идеологический: уже при великом хане Хубилае (1260–1294) торе стало означать принцип «великого правления» [Белая история, 2001, с. 73, 88, 89], т.е. политическую, а не юридическую категорию. Показательно, что и в современном монгольском языке слово *төр* означает «строй, режим, порядок, государство, власть, династия», но не «право» [Большой, 2001, с. 245; Хамфри, Хурэлбатор, 2004, с. 464; Doerfer, 1963, с. 264].

Совершенно иное значение торе приобрело в Улусе Джучи. Прежде всего, оно продолжало ассоциироваться с конкретными правителями — в соответствии с древнетюркской правовой традицией, но в отличие от монгольской. Так, имеется сообщение, что во второй половине XIII в. «тура Бату» действовала даже в Улусе Чагатая [Аноним, 1973, с. 128]; в более поздних источниках сообщается, что Едигей «установил тонкие обычаи (тура)» [Тизенгаузен, 1941, с. 136]. Последние упоминания о торе в государствах западных Чингисидов встречаются в XVI в.

Как и в Монгольской империи, уже на начальном этапе развития Улуса Джучи конкретные нормы торе уступили правообразующее значение новым источникам — ясам, ярлыкам, а сами трансформировались в довольно абстрактные правовые идеи, принципы права. В государствах Джучидов XVI–XVIII вв. торе превратилось в право самих представителей правящей династии на верховную власть и стало ассоциироваться с харизмой рода Чингис-хана, обозначая самих представителей рода. Впервые термин *торе* в таком значении упоминается, очевидно, в письме золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (см. [Султанов, 1975, с. 54, 56, 57]). Впоследствии казахские султаны, бухарские эмиры, среднеазиатские ходжи прибавляли к своему имени приставку «торе», означавшую принадлежность к роду Чингисидов и, соответственно, право на трон [Doerfer, 1963, с. 265]. Таким образом, положения торе в Улусе Джучи стали нормами-принципами, практически — «доктринальным» источником права: законодатели, опираясь на него, ссылались не на конкретные положения, а на некую совокупность правовых идей, следование которым обеспечивало благоденствие государства и народа. Следовательно, в соответствии с теорией «чистого права» торе можно охарактеризовать как «основные нормы» — те, на которые опираются при установлении непосредственных правил поведения. Сами же эти «основные нормы» являются не установленными, а «предустановленны-

ми», т.е. как бы изначально существующими [Кельзен, 1994, с. 146, 151].

Интересно отметить, что в конце XVII в. крымский хан Мурад-Гирей (1678–1683) предпринял попытку восстановить роль торе как основного источника права: он отменил действие шариата и объявил торе единственным действующим законодательством и даже ввел должность верховного судьи — *торе-баши* [Бахрушин, 1993, с. 332]. Однако на основании имеющихся сведений невозможно сказать, видел ли хан в торе нормы непосредственного действия или же только символ выхода из-под власти турецкого султана. В любом случае его реформа не оказала влияния на дальнейшее развитие права Крымского ханства, поскольку очень скоро хан-преобразователь был свергнут.

Йосун, обычное право монгольских племен, нередко связывают с торе [Doerfer, 1963, с. 265, 555], что вполне объяснимо: и торе, и йосун являлись древним обычным правом кочевых племен и существовали еще задолго до эпохи Чингисидов. Но если торе регулировало государственное устройство и взаимоотношения между людьми и Небом, то сферой действия йосунного права были более «земные» отношения: брак и семья, побратимство и др. Таким образом, йосунное право представляло собой совокупность частноправовых норм, сформировавшихся стихийно и действовавших на уровне отдельных монгольских племен, — обычное право в классическом понимании этого термина. В отличие от более позднего законодательства Чингис-хана и его преемников нарушение йосунного права не влекло наказания со стороны государства: кара следовала по воле Неба, и потому нарушения йосунных обычаев следовало избегать [Эгль, 2004, с. 505, 506]. Все споры в сфере семейного, наследственного права и т.п. решались на уровне племенных предводителей, а не государственной власти (см., например, [Крадин, 1995, с. 55]).

В отличие от универсального торе йосунные нормы оставались сугубо национальными: монгольские племена, пришедшие в Дешт-и Кипчак вместе с Джучи и Бату в 1220–1230-е годы, принесли с собой и свои национальные обычаи, которые не распространялись на местное население Улуса Джучи — народы Средней Азии, Поволжья, Северного Кавказа. Частноправовые отношения последних регулировались либо мусульманским правом — шариатом, либо местным обычным правом, которое с распространением ислама в этих регионах стало обозначаться арабским термином «адат». Адат являлся аналогом монгольскому йосуну [Сюкияйнен, 1986, с. 18; Doerfer, 1963, с. 556] и точно так же распространялся на отдельные племена. Позднее разновидно-

стью этого вида права у казахов и калмыков стал *занг* — термин, аналогичный йосуну или адату, но позаимствованный из китайской правовой традиции [Doerfer, 1975, с. 202, 203].

В соответствии с современной теорией права обычное право может действовать как на всей территории государства, так и в определенных местностях, но для включения в систему источников права оно должно быть санкционировано, т.е. официально признано государством (см., например, [Поляков, 2001, с. 505, 506]). Таким образом, сложно сказать, могут ли йосун и его аналоги с формальной точки зрения считаться источниками права Улуса Джучи, раз государство в систему отношений внутри племен не вмешивалось. Но рассматривать систему средневекового права исключительно с помощью современных категорий и подходов было бы методологической ошибкой, поэтому при анализе роли йосуна в системе права Улуса Джучи следует принять во внимание два момента.

Во-первых, в средние века обычай и писаный правовой акт обладали равной юридической силой и нередко взаимозаменяли и дополняли друг друга. Во-вторых, современные исследователи понимают под обычным правом не только систему санкционированных государством обычаев, но и самостоятельный исторический тип права — «архаическое (традиционное) право» [Ковлер, 2002, с. 137]. Подобный подход представляется вполне оправданным, поскольку позволяет отразить своеобразие правовой системы Улуса Джучи, в которой право, исходящее от государства и носящее всеобщий характер, органично сочеталось с правовыми обычаями отдельных племен.

Йосунное право по мере упадка Улуса Джучи весьма существенно расширяло сферу действия. Например, венецианский дипломат второй половины XV в. Иосафат Барбаро сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает с другим ссору… то оба — а если их было больше, то все — поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: „Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились“. Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: „Вы будете свидетелями!“ Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю…» [Барбаро, 1996, с. 135–136]. Таким образом, в указанный период нормы обычного права фактически стали преобладать над государст-

венными законами: центральное правительство уже не имело возможности обеспечивать применение установленного им права, и население все чаще стало прибегать к племенным обычаям даже при решении вопросов, которые прежде регулировались властными предписаниями.

Наиболее характерный пример доминирования обычного права над законом — это правовое развитие Казахского ханства в XVI–XVIII вв. Казахи, представляя собой конфедерацию самостоятельных племен, управлявшихся биями, лишь номинально повиновались своим ханам и все споры решали на основании санга или адата [Степной закон, 2000, с. 76; Doerfer, 1975, с. 202]. Только самые могущественные ханы имели возможность воспользоваться своей законной привилегией — правотворчеством, но и им приходилось действовать в соответствии с реалиями своего времени. Так, хан Тауке (1680–1715) предпринял попытку создания единой правовой системы для всех казахов. Для этого он, согласно преданию, созвал из всех трех жузов бнев, бывших знатоками права, и вместе с ними выбрал ряд положений, одинаково приемлемых для всех племен [Султанов, 2001, с. 230–232]. Фактически его законы «Жети Жаргы» («Семь установлений») являлись не установленным сверху правом (как в Монгольской империи или Золотой Орде), а лишь результатом адаптации правовых обычаев к новой политической обстановке. По сути это была кодификация казахского обычного права, в ходе которой ряд устаревших норм был отменен, а оставшиеся представляли собой политический и юридический компромисс между различными племенами. Тем не менее еще сто лет спустя, в середине XIX в., русские чиновники имели возможность увидеть законы Тауке в действии и даже зафиксировали их [Левшин, 1996, с. 367–373; Султанов, 2001, с. 233–239].

Таким образом, один из наиболее древних и, можно сказать, архаичных элементов права Улуса Джучи, унаследованный от древних кочевников, оказался наиболее живучим у ряда правопреемников Золотой Орды. Это также можно объяснить особенностью правового развития этого государства и позволяет отнести его правовую систему к семейству традиционного права, отдельные представители которой существуют и поныне [Давид, Жоффре-Спинози, 2003, с. 25–28].

Яса (*йасак*, *дзасак* и т.д.), в отличие от двух предыдущих источников права Улуса Джучи, не сформировалась стихийно, а создавалась целенаправленно уполномоченными государственными органами [Вернадский, 1999, с. 134]. Создание ясы традиционно приписывается Чингис-хану, который повелел преемникам не изменять и не отменять ее [Рашид ад-Дин, 1952, с. 232; Тизенгаузен, 1941, с. 141; Juvaini, 1997,

с. 189, 256]. Но нет оснований полагать, что Чингис-хан был единственным создателем ясы. Во-первых, понятие *яса* (монг. *засаг*) употреблялось у монголов еще до возникновения великой Монгольской империи, обозначая распоряжения, исходившие от племенных вождей и древнемонгольских ханов (ср. [Билэгт, 1999, с. 103; Эгль, 2004, с. 499]). Во-вторых, источники (Джувейни, Рашид ад-Дин) сообщают, что преемники Чингис-хана — великие ханы также издавали ясы. Таким образом, можно говорить как минимум о трех разновидностях яс: 1) нормативные постановления Дочингисовой эпохи, исходящие от племенных вождей и ранних ханов; 2) постановления Чингис-хана, собранные в более или менее окончательной редакции к 1225 г. (так называемая Великая яса); 3) постановления преемников Чингис-хана. Две последние разновидности применялись и в Улусе Джучи.

Ряд исследователей полагают, что яса представляла собой адаптированный монголами вариант тюркского права торе (см., например, [Хамфри, Хурэлбатор, 2004, с. 464]). С этим нельзя согласиться, поскольку торе и яса в Улусе Джучи существовали одновременно еще в XIV–XV вв.: «Узбек постоянно требовал от них обращения в правоверие и ислам и побуждал их к этому. Эмиры же отвечали ему на это: „Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдем в веру арабов?“»; «Так как Идигу установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (ясак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадибек тайно хотел уничтожить его» [Тизенгаузен, 1941, с. 136, 141].

Кроме того, важно отметить, что яса являлась системой писаных норм, установленных государством, т.е. позитивным правом, законом в современном юридическом понимании, и в качестве такового даже в какой-то степени противопоставлялась обычному праву торе [Doerfer, 1963, с. 265; 1975, с. 71].

Была ли яса в Улусе Джучи основным источником права? Некоторые исследователи считают, что очень скоро она была вытеснена местными обычаями и шариатом [Березин, 1864, с. 24, 38; Rachewiltz, 1993, с. 103]; однако ссылки на ясу встречаются в исторических источниках и документах Улуса Джучи на разных этапах его существования. Например, в наиболее древнем из известных нам ханских ярлыков — ярлыке Менгу-Тимура русскому духовенству (1267) есть фраза: «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и от черньцовни дани ни иного чего ни хотять ни возьмуть баскаци, княжи писци, попдужники, таможници, а возьмуть ине по велицеи язе извиняться и

умруть» [Памятники, 1955, с. 468]. Упоминания «ясыка» встречаются в сочинениях персидских историков XIV–XV вв. — «Продолжении Сборника летописей» и «Анониме Искандера», цитированных выше. Интересно отметить, что еще в начале XVI в. на законы Чингис-хана ссылался потомок Джучи — Мухаммед Шейбани, который был фанатичным мусульманином, а в молодости даже дервишем ордена накшбандийа и к тому же правил в Мавераннахре, где духовенство к тому времени уже около ста лет боролось с политическим и правовым наследием монголов: «Дело кончилось тем, что [хан]... [велел] поступать по установлению Чингиз-хана» [Исфахани, 1976, с. 60].

При сравнительном анализе эволюции ясы в Монголии и Улусе Джучи вырисовывается довольно загадочная картина. В Монголии начиная с XIV в. яса не фигурирует среди источников права [Рязановскнй, 1931, с. 24, 38–40]. В то же время она успешно применяется в Золотой Орде на протяжении всего времени существования этого государства и даже после его падения. В чем причина этого парадокса? Дело в том, что яса представляла собой «наднациональное» имперское законодательство, основным предназначением которого было регулирование взаимоотношений многочисленных народов, входивших в Монгольскую империю. Естественно, с распадом империи яса оказалась неактуальна для монголов, и они вернулись к своему обычному праву, а Улус Джучи сохранял характер многонационального государства вплоть до распада, и потому нормы ясы оставались в нем востребованными.

Однако яса, являясь в Улусе Джучи важным источником права, имела сравнительно невысокую социальную ценность по причине установленного Чингис-ханом запрета изменения и отмены ее положений. Поскольку уже во второй половине XIII в. Улус Джучи фактически вышел из подчинения великим ханам, ясы последних довольно быстро устарели: в Улусе Джучи развивались общественные отношения, неизвестные первым монгольскнм ханам и, соответственно, не предусмотренные ясами. Но правители Улуса Джучи нашли способ устранения пробелов в своем праве с помощью ярлыков.

Ярлыки, пожалуй, наиболее известный в отечественной истории элемент правовой системы Золотой Орды. При Чингис-хане и его ближайших преемниках по наиболее значимым государственным вопросам издавались ясы, а ярлыки посвящались текущим и частным делам, представляя собой преимущественно административные распоряжения и жалованные грамоты: «Когда Повелитель мира Каан назначил Чормагуна в Четвертый климат, он издал ярлык, предписывающий пред-

водителям и баскакам доставлять ему налоги и оказывать содействие Чормагуну...» [Juvaini, 1997, с. 482], «Всем эмирам и меликам, которые были у каждого из них в подчинении, он (Гуюк. — *Р.П.*) пожаловал ярлыки и пайцзы, и им были доверены дела» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 120]. Таким образом, ярлыки как бы вводили положения яс непосредственно в действие ([Doerfer, 1975, с. 76]; ср. [Rachewiltz, 1993, с. 102]).

В отличие от яс ярлыки продолжали применяться в Монголии и после распада империи. Правда, в источниках того времени ярлыки упоминаются значительно реже, чем в имперский период, и преимущественно в связи с деятельностью ханов, боровшихся за укрепление верховной власти. Например, монгольская хроника XVII в. «Алтан Тобчи» сообщает о ярлыках Элбэг-хана (1392–1399), Мандухай-хатун (1480-е годы), Тумена Дзасагту-хана (1558–1592) [Алтан Товч] (ср. [Лубсан Данзан, 1973, с. 257, 278, 290]). Традиция издания ярлыков сохранилась и в Джунгарском ханстве XVII–XVIII вв. [Их цааз, 1981, с. 30–32; Рязановский, 1931, с. 67–69], и даже в Монголии эпохи Богдо-хана (1911–1924) [Сэнгэдорж, 2002, с. 67].

Но гораздо большее значение ярлыки приобрели в Улусе Джучи, где они оставались фактически единственным источником права, оперативно отражавшим изменения в социальной и политической сферах. Правители Улуса Джучи не претендовали на титул великих ханов и потому не имели права отменять или изменять ясы Чингис-хана и его преемников, равно как и издавать свои собственные. Но уже Бату (1227–1256) получил привилегию издавать ярлыки: «Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели» [Тизенгаузен, 1941, с. 15]. Его преемники, вскоре принявшие ханский титул, пользовались этим правом весьма широко. Их указы существенно корректировали, уточняли и дополняли законодательство, унаследованное от Монгольской империи, и фактически стали доминирующим источником права Улуса Джучи, оттеснив на второй план торе и ясы, хотя формально обладали меньшей юридической силой и опирались на ясу и торе [Rachewiltz, 1993, с. 103]. Подобная роль ярлыков позволяет говорить о создании системы права, отличной от таковой в Монгольской империи, уже на раннем этапе существования Улуса Джучи.

Г.В.Вернадский в своем исследовании, посвященном Великой ясе, говорит о «местных ясах» [Вернадский, 1999, с. 133], однако упоминаний о таковых в источниках мы не находим — вместо них фигу-

рируют именно ярлыки. Особенностью ярлыков, как отмечал еще И.Н.Березин, было то, что в отличие от яс великих ханов они действовали только в течение жизни или правления хана [Березин, 1864, с. 42], поэтому каждый новый хан, вступая на трон, либо подтверждал пожалования, сделанные его предшественником, либо отменял их. Поэтому каждый хан при восшествии на трон издавал ярлыки, являвшиеся собственно законами, а в еще большем количестве — пожалования ордынским сановникам, землевладельцам, чиновникам, купцам, духовенству, не менее многочисленные акты о назначении на должность, о пожаловании земельных владений и т.п. [Усманов, 1979б, с. 73].

Безусловно, жалованные и инвеститурные грамоты являлись наиболее многочисленным видом ярлыков, однако в период расцвета Улуса Джучи (вторая половина XIII — середина XIV в.) немалую часть могли составлять и ярлыки общенормативного характера: ханы в этот период проводили преобразования в административной сфере, осуществляли денежные реформы, активную торговую политику. В результате «Великой замятни» (ордынской смуты 1357–1381 гг.) и борьбы между Тохтамышем и Едигеем (конец XIV в.) ханская власть пришла в упадок, и правотворческая деятельность монархов свелась к выдаче жалованных и суюргальных грамот, чтобы привлечь как можно больше сторонников из влиятельных племенных вождей [Федоров-Давыдов, 1973, с. 124, 125, 154].

Сохранилось большое количество ярлыков Крымского ханства, которое считалось главным наследником Золотой Орды. Исследователи крымских ярлыков отмечают как значительное сходство в делопроизводстве Орды и Крымского ханства, так и существенные различия, которые стали проявляться особенно заметно после признания Крымским ханством зависимости от Османской империи. Крымское делопроизводство приобрело черты османской дипломатики — от формы до содержания: в ярлыках стали использоваться турецкие термины и формулировки; нередко ярлыки даже составлялись на турецком языке. Вместе с тем правотворческая деятельность Крымского ханства вплоть до его упразднения в 1783 г. характеризовалась определенной самобытностью [Усманов, 1979б, с. 82]. В частности, крымские ханы продолжили традицию золотоордынских Джучидов подтверждать или отменять ярлыки своих предшественников. Сохранились также и основные типы издаваемых грамот — ярлыки тарханные, суюргальные, льготные, а также общенормативного характера.

До нас дошло и несколько казанских ярлыков, несмотря на то что Казанское ханство в гораздо большей степени унаследовало правовую

традицию мусульманского Поволжья, а не кочевых монголов [Сафаргалиев, 1996, с. 501; Худяков, 1996, с. 689]. Известно, что в административной системе Казанского ханства до его падения в 1552 г. сохранялось разделение страны на округа с даругами во главе (см., например, [Галлямов, 2004, с. 249 и сл.]); вполне вероятно, что эти даруги, как и в Золотой Орде, утверждались с помощью ярлыков. Таким образом, ярлыки в Улусе Джучи действовали гораздо дольше, чем большинство других источников права, унаследованных от Монгольской империи.

Значение членов ханского рода — особенно ханш и наследников трона — в политике Улуса Джучи проявлялось, в частности, в том, что они имели право издавать собственные правовые акты, которые по статусу отличались от ханских: они назывались не ярлыками, а *ӱгэ* или *битик* [Doerfer, 1975, с. 156–157; Григорьев, 2004, с. 47–48]. В более поздние периоды в поздних государствах Джучидов различия в форме выражения воли хана и его родственников стираются. Турецкий автор XVII в. Хюсейн Хезарфенн сообщает: «Каждый из них (братьев хана. — *Р.П.*) самостоятелен в проведении своей политики, и на своих приказах, которые называются „ярлыки", они ставят свою тугру и миндалевидную печать» [Хезарфенн, 1990, с. 266]. Ряд таких ярлыков, принадлежавших не только ханам, но также их женам и наследникам трона, сохранился до нашего времени [Усманов, 1979б, с. 36, 53, 143, 144, 188]. Таким образом, в поздних государствах Чингисидов ханы утратили монополию на издание ярлыков, позволив издавать их своим супругам и наследникам трона. К этой же группе правовых документов можно отнести и акты правителей отдельных областей Улуса Джучи, принимавшихся ими в рамках своей компетенции. И если ханские ярлыки не должны были противоречить принципам торе и нормам яс, то эти акты, в свою очередь, опирались на ханские ярлыки и вводили их положения в действие (см., например, [Григорьев, Григорьев, 2002, с. 173, 174]).

Еще одним источником права Улуса Джучи, унаследованным от Монгольской империи, стала судебная практика решения споров. Формирование этого источника права традиционно приписывается Чингис-хану, который «повелел: „Пусть записывают в Синюю роспись Коко Дефтер-Бичик, связывая затем в книги… судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности"» [Козин, 1941, § 203].

Формально опираясь на торе, ясы великих ханов и ярлыки ханов Улуса Джучи, судьи зачастую de facto руководствовались и собственным усмотрением, что превращало их решения в самостоятельный источник права. В ярлыках, которыми судьи назначались на должность, им предписывалось оформлять свои решения в виде специальных грамот — *ярғу-наме* [Греков, Якубовский, 1998, с. 104], которые, вероятно, служили прецедентами при последующих разбирательствах. В монгольских аймаках и хошунах еще в XVIII в. составлялись сборники судебных дел [Жамцарано, Турунов, 1920, с. 3]. Есть основания предполагать, что подобная практика сохранилась и у наследников Улуса Джучи: например, у казахов фиксирование решений судов биев продолжалось и после реформы суда, осуществленной российской администрацией к концу XIX в. [Степной закон, 2000, с. 20 и сл.].

Нередко в правовую систему государств Чингисидов включают весьма своеобразный источник права — *билики*, нравоучительные изречения Чингис-хана и его преемников. Некоторые авторы даже полагают, что билики Чингис-хана составляли часть Великой ясы [Хара-Даван, 1991, с. 136–141], впрочем, большинство историков, занимавшихся вопросами монгольского права, отвергают это утверждение. Согласно источникам, авторами биликов был не только Чингис-хан и монгольские великие ханы, но и другие влиятельные Чингисиды — в частности, Джучи и Чагатай [Рашид ад-Дин, 1960, с. 87, 102]. Это позволяет сделать предположение, что применение биликов могло иметь место и в Улусе Джучи.

Интересно мнение Т.И.Султанова относительно роли биликов в системе права: он предлагает считать их своего рода «процессуальным правом», предписывающим порядок следствия и судопроизводства, — в отличие от ясы, определяющей меру наказания за преступления [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 190, 191]. Однако фактически билики представляли собой, собственно, даже не обязательные для исполнения правовые предписания, а скорее морально-этические нормы рекомендательного характера. При этом они учитывались монгольскими законодателями, поскольку апеллировали к авторитету Чингис-хана, считавшегося создателем и Монгольской империи, и имперской системы законодательства, а также к авторитету его преемников [Doerfer, 1965, с. 417; Скрынникова, 1997, с. 43]. Таким образом, не включая билики в состав официальных правовых норм, следует отнести их к категории так называемых «доктринальных» источников права, т.е. к памятникам юридической мысли: билики Чингис-хана

были предметом преподавания, а их знание высоко ценилось среди монголов [Кляшторный, Султанов, 2004, с. 191].

Широко распространено мнение, что с принятием Золотой Ордой ислама одним из ее главных источников права (если не основным) становится мусульманское право — шариат. Однако следует иметь в виду, что шариат действовал на территории Поволжья еще в X в. (а в Хорезме мусульманские традиции были еще древнее) и монгольское завоевание не повлекло отмены его норм. В течение первого столетия Улуса Джучи шариат обладал приблизительно таким же статусом, что и рассмотренное выше йосунное право: его нормами пользовалось только мусульманское население для решения частных споров.

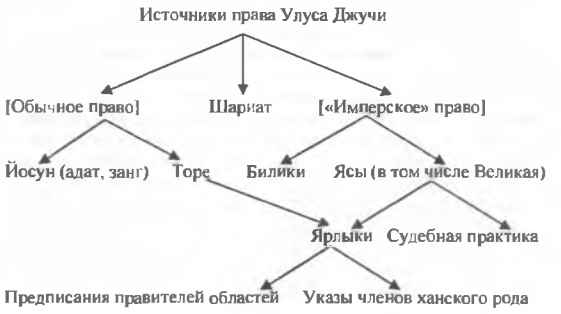
Но после обращения правящей верхушки Улуса Джучи в ислам при хане Узбеке (ок. 1320 г.) шариат получил признание в качестве официального источника права и вошел в правовую систему как составная часть. В администрации Улуса Джучи появляются визири, наибы, муфтии, наряду с традиционным монгольским судом-заргу также учреждаются суды кади, разбиравшие дела по законам шариата. Характеристику подобного суда мы находим у Ибн Баттуты: «...каждый день кади приходит в его (наместника Хорезма. — *Р.П.*) приемную и садится на отведенное ему сиденье; вместе с ним [являются] правоведы и писцы. Насупротив его садится один из старших эмиров, при котором восемь [других] старших эмиров и шейхов тюркских, называемых аргуджи [яргучи]; к ним люди приходят судиться. Что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же [дела] решают эти эмиры» [Ибн Баттута, 1988, с. 76].

Мусульманское право не только являлось самостоятельным элементом правовой системы Улуса Джучи, но и оказало существенное влияние на другие ее элементы, в частности на ярлыки: из них исчезает неотъемлемая часть прежних ханских грамот — формула «Силой вечного Неба» [Григорьев, 1978, с. 24 и сл.], на смену которой приходит традиционное для мусульманского общества «богословие»: «Надеюсь на Бога и уповаю на благость и милость Его», «Во имя всемилостивого, всемилосердного Бога. Нет Бога, кроме Бога Единого, а Мухаммед посланник Божий» (ярлык Тохтамыша 1381 г. и пайцза к нему [Григорьев, Ярлов, 1844, с. 3–4]). Кроме того, в ярлыках отразились и изменения в административном устройстве Улуса Джучи после принятия ислама: наряду с даругами и военачальниками разного уровня в качестве адресата ярлыков начинают фигурировать и представители мусульманской администрации — хакимы, саиды, вакилы и др. [Сафаргалиев, 1996, с. 501].

Однако шариат не вытеснил другие источники права: монгольские и тюркские элементы правовой системы Улуса Джучи продолжали действовать и много лет спустя после «революции» Узбека. В связи с этим возникает вопрос: по каким же критериям определялась подведомственность того или иного лица или спора нормам права степного или мусульманского? Ответ может дать обращение к историческим параллелям.

В отчете арабского дипломата Ибн Фадлана (первая четверть X в.) есть интересное сообщение о судопроизводстве в Волжской Булгарии, впоследствии ставшей центральным регионом Улуса Джучи: правитель области, разбирая спор, спрашивает его участников, хотят ли они суда «справедливого или лживого» (вероятно, под «лживым судом» мусульманин Ибн Фадлан подразумевает обычное право булгар-язычников), и последние выбирают вариант, который чреват для них менее тяжкими последствиями [Ибн Фадлан, 1996, с. 24]. Несомненно, такая практика могла сохраниться и в Улусе Джучи, поскольку она вообще характерна для государств, в которых сосуществовали различные системы права. Например, христианские короли Испании, завоевав мусульманские области, сохранили за местным населением право жить по своим обычаям и решать споры на основе шариата; но если мусульманский закон предусматривал чрезмерно суровое наказание за проступок, мусульмане нередко прибегали к королевскому, христианскому правосудию [Варьяш, 2001, с. 96].

Таким образом, можно представить систему права Улуса Джучи в виде схемы:



После распада Улуса Джучи правовое развитие при его наследниках пошло двумя путями.

Первый — возврат к кочевым традициям. Он стал уделом государства кочевых узбеков, Казахского и Тюменского ханств, Ногайской Орды. Шариат в них действовал лишь формально, уступив ведущую роль обычному праву. Объяснить подобное явление можно тем, что при возврате к кочевому строю объективно отпадала необходимость в существовании характерных для оседлого общества государственных и административных институтов, а соответственно, и мусульманского права (ср. [Трепавлов, 2001, с. 550, 551]). Так, еще во второй половине XVIII в. современники отмечали, что астраханские татары исповедуют «мугаметанский закон», а «прочие же ногайцы утопают в невежестве и мешают потому в обряды веры своей многие языческие суеверия» [Георги, 1776, с. 43–44]. Это позволяет предположить действие у них обычного права даже в столь поздние времена, когда шариат, казалось бы, окончательно вытеснил «языческие» традиции.

Второй — переход к мусульманскому праву. Его избрали Астраханское, Казанское и Крымское ханства. Для них характерен фактически полный отказ от «языческого» права и господство мусульманских правовых институтов. Шариат стал господствующим и единственным источником права, и любая попытка отхода от него вызывала решительное противодействие. Выше уже был приведен пример о попытке крымского хана Мурад-Гирея восстановить действие торе: он отказался от шариата и даже отменил должность кади-аскера. В ответ крымское духовенство спровоцировало народное возмущение, и хан был вынужден вернуться к шариату, а затем даже отречься от трона [Бахрушин, 1993, с. 332, 333].

Выбрав один из путей развития, преемники Улуса Джучи утратили сложную многоуровневую систему права. Тем не менее общее представление о праве «золотого века» у них сохранилось, превратившись в *адат-и Чингизийе*: для преемников Золотой Орды, исповедовавших ислам, все источники права, кроме шариата, видимо, слились в некую правовую абстракцию, ассоциировавшуюся с Чингис-ханом и его потомками. Впрочем, «адат-и Чингизийе», скорее всего, представлял собой не источник права, а идеологическую и политическую категорию, символизировавшую правопреемство от Чингис-хана и его потомков.

Отождествление с Чингис-ханом немусульманских источников права имело в государствах Чингисидов давнюю и широко распространенную традицию. Так, например, уже в отчете Бенедикта Поляка, посетившего Монгольскую империю в 1245–1247 гг., есть фраза: «Согласно

некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]...» [Ц. де Бридиа, 2002, с. 116]. Персидские источники говорят о *тора-чингизханиа* и «йосунах Чингис-хана» [Doerfer, 1963, с. 264, 265, 555], приписывая основателю Монгольской империи даже создание обычного права. В.П.Юдин довольно подробно рассмотрел политологический, этический и даже религиозный аспекты этой традиции, назвав ее «чингизизмом» [Юдин, 1992, с. 15–17] (ср. [Измайлов, 2004, с. 102]).

Анализируя эволюцию системы права Улуса Джучи, следует сказать о ее роли в истории еще одного своеобразного правопреемника Золотой Орды — России. В период монгольского владычества влияние джучидского права на развитие русской правовой системы выражалось лишь в действии на территории Руси ханских ярлыков; никакие другие источники ордынского права на Руси не действовали ни прямо, ни опосредованно.

Гораздо сильнее влияние джучидского права на русское проявилось уже после ликвидации зависимости Руси от Орды. Наиболее ярким его отражением стало преобладание среди русских правовых источников единоличных великокняжеских грамот, а затем — царских указов: прежде такие акты были в русском законодательстве скорее исключением. Влияние ханских ярлыков отразилось на форме и содержании княжеских грамот: для подчеркивания своего сюзеренитета русские великие князья использовали те же формулировки, что и ордынские ханы в ярлыках самим князьям. Например, в грамоте Ивана III к ногайскому бию Ямгурчи обращение выглядит так: «Великого князя Иваново слово Емгурчею князю. Слово наше то...» [Усманов, 1979а, с. 232–233]. Это прямое заимствование аналогичной формулы из ханских ярлыков, тем более что и употреблялась она по отношению к нижестоящим по статусу адресатам — чаще всего татарским правителям, для которых московский князь считался сюзереном. Важно иметь в виду, что это не было простым копированием: после прекращения зависимости от Золотой Орды, хан которой на Руси традиционно титуловался «царем», великие князья московские, в свою очередь, приняли «освободившийся» царский титул, и использование причитающейся царю атрибутики стало одним из признаков преемственности власти Москвы от Орды (см., например, [Горский, 1996, с. 205–212]).

Еще одно подтверждение влияния золотоордынского права на русское — появление в конце XIV в. в русской законодательной практике актов, которые прежде просто не могли появиться, — тарханных грамот. Предмет регулирования этих актов (предоставление льгот и при-

вилегий) не был нов на Руси и вряд ли был позаимствован из Орды: название «льготная грамота» имеет явно древнерусское происхождение. Но в XIV в. на смену этому русскому термину приходит название «тарханная грамота», применявшееся со времен Дмитрия Донского [Соболева, 1991, с. 148 и сл.]. Интересно, что тарханные грамоты, первоначально жаловавшиеся князьями своим подданным русского происхождения, впоследствии стали выдаваться преимущественно представителям народов Поволжья — татарам, башкирам и др. и использовались вплоть до XIX в. [Шапшал, 1953, с. 304–306, 313].

Другой вид грамот, прямо позаимствованных из Орды, — шертные грамоты, даже название которых является прямой калькой с термина *шарт-наме* — шертный ярлык. М.А.Усманов переводит этот термин просто как «договор» [Усманов, 1979б, с. 279]; В.В.Трепавлов и И.А.Зайцев подчеркивают, что шерть (шертная грамота) была не межгосударственным, а персональным договором между правителями и потому, как и ханские ярлыки в Золотой Орде, утверждалась новым правителем после вступления его на престол [Зайцев, 2004, с. 163, 164]. Если тарханные грамоты выдавались русскими правителями преимущественно подданным бывшей Золотой Орды, то шертные грамоты, в свою очередь, использовались московскими князьями и царями преимущественно в сношениях с наследниками Золотой Орды — Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, Ногайской Ордой, Сибирским юртом. Шертные грамоты являлись весьма существенной частью системы источников русского права XV–XVII вв. Также в грамотах московских царей к крымским ханам, персидским или индийским шахам, ногайским биям и др. проставляется тугра, являвшаяся неотъемлемым атрибутом ярлыков позднеордынских и крымских ханов и султанов: последние *мохаббат-наме* (договорные ярлыки) русских царей, украшенные тугрой, относятся к 1695 г. — времени правления Ивана и Петра Алексеевичей [Фаизов, 2002, с. 27–29, ил. 69, 71–73].

Подобное следование джучидской законодательной практике делало Русское государство в глазах его восточных соседей преемником традиций Улуса Джучи — его права, государственного устройства, территориальных владений. По мнению ряда ученых, ногайцы и некоторые другие народы бывшего Улуса Джучи стали считать, что Россия следует «адат-и Чингизийе» и поэтому имеет законное право на сюзеренитет над бывшими владениями золотоордынских ханов. В результате ногайцы даже в официальных документах стали именовать «белого царя» потомком Чингис-хана, от которого не было зазорным признать зависимость [Bennigsen, Veinstein, 1980, с. 58, 63] (ср. [Тре-

павлов, 2004, с. 283]). Это имело для России весьма полезные последствия, когда московские цари начиная со второй половины XVI в. стали активно собирать под своей властью бывшие владения Джучидов.

Алтан Товч — Алтан Товч. http://server3001.freeyellow.com/jagdag/zev/index.htm.

Аноним, 1973 — «Аноним Искандара» // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.

Баласагуни, 1990 — *Юсуф Баласагуни.* Благодатное знание / Пер. С.Н.Иванова. Л., 1990.

Барбаро, 1996 — *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Мир Льва Гумилева. «Арабески истории». Каспийский транзит. Т. II. М., 1996.

Бахрушин, 1993 — *Бахрушин С.В.* Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. III. Симферополь, 1993.

Белая история, 2001 — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. Улан-Удэ, 2001.

Беляев, 1850 — *Беляев И.Д.* О монгольских чиновниках, упоминаемых в ханских ярлыках // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. М., 1850.

Березин, 1864 — *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. СПб., 1864.

Билэгт, 1999 — *Билэгт Л.* Род и племя в устной истории монголов // Археологийн суудлал. Т. XIX. Улаанбаатар, 1999.

Большой, 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. III. М., 2001.

Варьяш, 2001 — *Варьяш И.И.* Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001.

Вашари, 2001 — *Вашари И.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса, данные итальянским городам Кафа и Тана // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001.

Вернадский, 1999 — *Вернадский Г.В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // *Вернадский Г.В.* История права. СПб., 1999.

Галлямов, 2004 — *Галлямов Р.Ф.* Чувашская административная даруга Казанского ханства: постановка проблемы, территориальный и этимологический аспекты // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004.

Георги, 1776 — *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. СПб., 1776.

Горский, 1996 — *Горский А.А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. 1996. М., 1996.

Греков, Якубовский, 1998 — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Григорьев, Ярцов, 1844 — *Григорьев В.В., Ярцов Я.О.* Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Зап. Одесского общества истории и древностей. 1844, № 1.

Григорьев, 1876 — *Григорьев В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // *Григорьев В.В.* Россия и Азия. СПб., 1876.

Григорьев, 1978 — *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.

Григорьев, 2004 — *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев, Григорьев, 2002 — *Григорьев А.П., Григорьев В.П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Давид, Жоффре-Спинози, 2003 — *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2003.

Жамцарано, Турунов, 1920 — *Жамцарано Ц., Турунов А.* Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сб. трудов Гос. иркутского университета. Вып. 6. Иркутск, 1920.

Зайцев, 2004 — *Зайцев И.А.* Астраханское ханство. М., 2004.

Ибн Баттута, 1988 — *Ибрагимов И.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Ибн Фадлан, 1996 — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.

Измайлов, 2004 — *Измайлов И.Л.* Ислам и язычество в Улусе Джучи: проблемы и дискуссии // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004.

Исаев, 1996 — *Исаев И.А.* История государства и права России. М., 1996.

История, 2000а — История государства и права России / Ред. Ю.П.Титов. М., 2000.

История, 2000б — История государства и права России / Отв. ред. С.А.Чибиряев. М., 2000.

История, 2003 — История отечественного государства и права. Ч. I / Ред. О.И.Чистяков. М., 2003.

Исфахани, 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани.* Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976.

Их цааз, 1981 — Их цааз: Памятник монгольского феодального права XVII в. М., 1981.

Кельзен, 1994 — *Кельзен Г.* Динамический аспект права // Конституция и власть: сравнительно-исторические исследования. М., 1994.

Кляшторный, Султанов, 2004 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Ковлер, 2002 — *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л., 1941.

Крадин, 1995 — *Крадин Н.Н.* Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995.

Левшин, 1996 — *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, гор и степей. Алматы, 1996.

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М., 1973.

Мэн, 1873 — *Мэн Г.С.* Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873.

Памятники, 1955 — *Памятники русского права*. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. М., 1955

Поляков, 2001 — *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001

Почекаев, 2004 — *Почекаев Р.Ю.* Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Радлов, 1889 — *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // ЗВОРАО. Т. III. СПб., 1889.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960.

Рязановский, 1931 — *Рязановский В.А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.

Саблуков, 1896 — *Саблуков Г.* Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Изв. Общества истории, археологии и этнографии. Т. XIII. Казань, 1896

Самойлович, 2000а — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к ярлыку Тимур-Кутлуга // *Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000.

Самойлович, 2000б — *Самойлович А.Н.* Несколько поправок к переводу и изданию ярлыков Тохтамыш-хана // *Самойлович А.Н.* Избранные труды о Крыме. Симферополь, 2000.

Сафаргалиев, 1996 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) М., 1996

Скрынникова, 1997 — *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана М., 1997.

Скрынникова, 2001 — *Скрынникова Т.Д.* Сакральное право средневековых монголов // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций. М., 2001.

Соболева, 1991 — *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991

Степной закон, 2000 — Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000

Султанов, 1975 — *Султанов Т.И.* Письмо золотоордыиского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975.

Султанов, 2001 — *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чии из-хана. Алматы, 2001.

Сэнгэдорж, 2002 — *Сэнгэдорж Т.* Земельное право Монголии: традиции и обновление // Государство и право. 2002, № 5.

Сюкияйнен, 1986 — *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. М., 1986.

Тизенгаузен, 1941 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941.

Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993.

Трепавлов, 2001 — *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов, 2004 — *Трепавлов В.В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004.

Усманов, 1979а — *Усманов М.А.* Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джучиева Улуса // Актовое источниковедение. М., 1979.

Усманов, 1979б — *Усманов М.А.* Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979

Фаизов, 2002 — *Фаизов С.* Югра и Вселенная. Мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. Москва; Бахчисарай, 2002.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Хамфри, Хурэлбагор, 2004 — *Хамфри К., Хурэлбатор А.* Значение термина *toru* в монгольской истории // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Хара-Даван, 1991 — *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста, 1991

Хезарфенн, 1990 — *Хюсейн Хезарфенн.* Телхис эль-бейан фи каванын-и ал-и осман (Изложение сути законов османской династии) // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990

Худяков, 1996 — *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996.

Ц. де Бридиа, 2002 — «История Татар» Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая монгольская империя». СПб., 2002.

Шапшал, 1953 — *Шапшал С.М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В.А.Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953.

Эгль, 2004 — *Эгль Д.* Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.

Юдин, 1992 — *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая ... // *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме. А.-А., 1992.

Bennigsen, Veinstein, 1980 — *Bennigsen A., Veinstein G.* La Grande Horde Nogay et le commerce de steppes pontiques (fin XVe siècle — 1560) // Turkiye'nin sosyal ve ekonomik tarihi, 1071–1920. Ankara, 1980.

Doerfer, 1963 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I. Wiesbaden, 1963.

Doerfer, 1965 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II. Wiesbaden, 1965.

Doerfer, 1975 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd IV. Wiesbaden, 1975.

Juvaini, 1997 — *Juvaini Ata-Malik.* The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997.

Rachewiltz, 1993 — *Rachewiltz I. de.* Some Reflections on Chinggis Qan's Jasagh // East Asian History. 1993, № 6, December.

В.В.ТРЕПАВЛОВ
(Москва)

Власть и управление в тюркском кочевом обществе
(по эпическим сказаниям народов Южной Сибири)

История политического развития кочевников традиционно изучается главным образом по данным письменных источников, которые отражают преимущественно политическую конкретику соответствующей эпохи. Для историко-социологических обобщений требуется или сопоставлять множество сходных фактов из разновременных и разноязычных текстов, или заведомо рисковать, принимая каждый единичный факт за адекватное воплощение общей закономерности. Между тем общества номадов Евразии были в основном бесписьменными, поэтому на первый план в них выдвигались устные способы передачи и хранения информации. В условиях господства патриархальной психологии общественное мнение в степи ориентировалось на ценности прошлого, на «завещанные предками» порядки. А о порядках этих, т.е. о принципах социальной регламентации, узнавали, очевидно, из двух главных источников — норм обычного права, жестко регулировавшего повседневную жизнь, и из сказаний о легендарных предках-героях, служивших примером для подражания, — другими словами, из героического эпоса.

Героический эпос создавался и бытовал на протяжении многих поколений, и каждая историческая эпоха накладывала свой отпечаток, добавляла детали к основной сюжетной канве. Поэтому ко времени письменной фиксации эпические произведения оказывались хронологически и композиционно многослойными. За период существования героического эпоса описанные в нем события отразили множество своих исторических, реальных прототипов. Так эпический улус стал

© В.В.Трепавлов, 2006

воплощением сонма реальных улусов, эпические богатырь или хан — усредненным эквивалентом тысяч исторических богатырей и ханов. Соответственно ситуации и отношения между персонажами точно так же синтезируют свои действительные прообразы. В героическом эпосе мы имеем дело с «типовыми, устойчивыми явлениями, сторонами жизни, ситуациями, которым свойственна повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи» [Путилов, 1976, с. 233].

Таким образом, тюрко-монгольский эпический фольклор чрезвычайно ценен не только своим происхождением из среды кочевников (в отличие от абсолютного большинства письменных источников), но и интегративным характером содержащейся в нем информации. Последнее обстоятельство позволяет историку избрать еще один, сравнительно экономный путь для поиска постоянных характеристик кочевнических политических структур.

Интегральность эпических персонажей связана с одной особенностью фольклорной «пралитературы». Эту особенность исследователи называют по-разному: формулизацией традиций, концептуализацией ролевого поведения, персонификацией общественных явлений и др. [Мелетинский, 1963, с. 446; Путилов, 1975, с. 8; Львова и др., 1989, с. 212]. Суть ее заключается в том, что все образы и сюжетные коллизии не индивидуальны в принципе, но лишь являются символами, обобщенными формулами соответствующих общественных явлений. При этом некая историческая основа у эпических персонажей и событий когда-то в прошлом, вероятно, имелась, однако в народно-художественной интерпретации она предельно абстрагировалась и в конечном счете оторвалась от конкретной первоосновы. Богатырский эпос изображает прошлое народа всегда в масштабах героической идеализации. В этом смысле содержание эпоса «исторично» в широком понимании, поскольку оно отражает национальное «прошлое, как оно отражалось в сознании и памяти самого народа». На трансформацию первичных сюжетов влияли не только особенности развития устных текстов во времени, но и ход социальной истории данного народа и даже природно-ландшафтные условия его существования, смена или неизменность среды обитания [Львова и др., 1989, с. 41].

Именно историчность отличает героический эпос от других «примыкающих» к нему жанров устного народного творчества — прежде всего от богатырской сказки и мифа. В отличие от первой сказочная фантастика не превалирует в развитии сюжетных линий эпоса, в нем господствует «монументальный реализм, благородный и трезвый»

[Жирмунский, 1974, с. 83]; сказочные же мотивы присутствуют как пережитки более ранней стадии бытования фольклора (ведь богатырская сказка предшествовала богатырскому эпосу; см. [Жирмунский, 1974, с. 389–393]). Те же черты отличают его, эпос, и от мифа. И все же как раз «этноцентризм», присущий мифу, сохраняется и в эпосе. Миф, как правило, составлял тайну и собственность определенного рода, племени, он не рассказывался чужеродцам и иноплеменникам [Золотарев, 1964, с. 29]. Почти столь же замкнутыми в рамках определенной общности оставались и богатырские эпические сказания, с той существенной разницей, что помимо «этнического» (родового, племенного) ограничения могло подключаться и социальное: произведения данного жанра посвящались представителям высших страт и изначально бытовали в основном в их среде, лишь позднее становясь всенародным достоянием.

В социальной адресности заключался и социальный смысл героического эпоса. Запечатлев события эпохи разложения родового строя и генезиса ранней государственности, он предлагал слушателям мощные идеологические мотивации. В первом случае (разложение родового строя) — идею борьбы за семью, а фактически против рода (эпос «догосударственной эпохи», по В.Я.Проппу); во втором случае — выражение идеалов государства (эпос «создающегося и крепнущего государства») [Пропп, 1958, с. 57, 59, 60].

В центре исследования ранней государственности логично оказывается фигура государя как средоточия общественных отношений власти и управления. Да и рассматривать его деятельность легче, поскольку в источниках, в том числе в героическом фольклоре, верховным сюзеренам посвящена подавляющая часть информации.

Для подробного разбора эпической концепции ханской власти попробуем воспользоваться материалами тувинских и хакасских сказаний о богатырях[1]. В литературе уже отмечалось наличие интегративных особенностей в произведениях устного народного творчества именно у тюрков Южной Сибири — обобщающий характер персонажей и отношений между ними, «концепция ролевого поведения» второстепенных действующих лиц и т.д. [Катанов, 1885а, с. 5; Львова и др., 1989, с. 41, 212; Майногашева, 1967, с. 10].

Главный персонаж сказаний — богатырь. Обычно он владеет не только саблей, луком да чудо-конем, но и стадами скота, а часто и

[1] Рассматриваемые в этой статье вопросы анализировались автором также на материалах эпических сказаний алтайцев, бурят и якутов [Трепавлов, 1989; Трепавлов, 1995; Трепавлов, 2000; Trepavlov, 1994].

управляет каким-то контингентом населения. Соперники его обладают сходным статусом и тоже имеют под началом народ со скотом. Какой бы конкретный ранг ни принадлежал герою тувинского или хакасского богатырского сказания (далее — ТБС и ХБС соответственно), важен такой момент: герой — глава эпического социума. Становится ли он таковым по рождению, по милости божественных сил или в результате победы над врагами — сейчас не принципиально. Главное для нас то, что, проецируя иерархию эпического общества на организацию исторического, мы видим, что положение героя в ней соответствует месту и роли хана.

Ханских рангов было несколько, но об этом разговор впереди. Пока же условимся считать ханом лидера, имеющего в подданстве сколько-то кочевых семей, пасущих скот, вместе с которым они образуют ханское владение — улус. Условимся также (и уже не «пока», а до конца статьи), что эпический богатырь по своей позиции в структуре кочевого общества в принципе равнозначен хану. Итак, анализ начинается с элементарного социального звена — с одного человека. Учитывая интегральность фольклора, рассмотрим все связи, что идут от этого человека «вверх» (в небесную судьбодержавную сферу), «в стороны» (к «коллегам» по ханско-богатырскому достоинству) и «вниз» (к подданным)[2].

Кто и почему становится ханом? Правитель народа — сын Неба. Это утверждение тривиально для всех раннеклассовых обществ; не являлся исключением и кочевой мир. Тезис «Небо — отец правителя» выглядит уже не столь привычно, хотя органично вытекает из предыдущего. Буквальной расшифровки этой «родственной» связи мы в письменных источниках не найдем ввиду отмеченной выше их специфики — концентрации внимания на политической конкретике, событийной фабуле. А вот в ТБС и ХБС есть случаи буквального объяснения.

Богатырь Алларик в вещем сне «видел и слышал, что Кудай (персонификация Неба. — *В.Т.*) зарождает сильного богатыря, чтобы по всему свету был один богатырь, и зовут его Сараттаг Садый Мекс...» [Титов, 1856, с. 137]. Алларик не детализирует, каким образом Небо производит порождение витязя; можно догадаться, что оно предается этому занятию все же не в одиночестве. Для слушателей сказаний

[2] Замечание формального характера: ясно, что божество Мать-Земля располагается «по определению» ниже всех подданных. Просто графически ее удобнее соотносить с Небом — по роли в конструировании людских биографий. Поэтому она рассматривается как один из субъектов «верхней» связи правителя.

мыслимым было лишь происхождение героя от двух родителей. ХБС предлагает более развернутый вариант, где отцом является Небо-Кудай, а матерью оказывается волшебный белый камень, коему тот же Кудай даровал сына-богатыря [Титов, 1856, с. 123]. Однако по древнетюркским и монгольским источникам известна другая пара потусторонних родителей — Небо и Земля.

Действительно, ряд героев южносибирского фольклора ссылаются на свое происхождение от них, а то и способны осуществлять контакт с ними. Так, «сын Неба» великан Темир-меге перед поединком клянется не призывать на помощь «мать мою — черную землю, отца моего — синее небо», в противном случае «пусть поразит меня отец мой, синее небо» [Сказания, 1960, с. 51].

Уже ясно, что сверхъестественные «инстанции» порождают героя и, видимо, при случае помогают ему. А могут ли они поспособствовать ему стать ханом? Да, потому что кроме «земных» путей к трону (наследования или завоевания владений хана-врага) возможна и прямая интронизация богатыря свыше. Алтын-Кёк за свою отвагу рукоположен семью богами, призвавшими его на подвиги, «главным царем (*улуг хан*) над всеми семьюдесятью царями» мира [Катанов, 1885б, с. 7].

Более того, структура ханства, улусная иерархия тоже устанавливаются свыше. С Алтын-Кёком по дороге домой из стойбища тестя «по приказанию семи богов впереди идут шесть богатырей, позади идут семь богатырей». Тесть едет с ним по середине дороги [Катанов, 1885б, с. 7]. Сами по себе сопровождающие воины выглядят просто как охранный кортеж, но фиксация «шесть впереди, семь позади» вместе с намеренным уточнением места в пути двух породнившихся ханов свидетельствует об отражении авангардно-арьергардного построения ханского воинства в походе и может являться отголоском воспоминаний о крыльевой структуре. Тем более что из своего сна Алларик узнал не только о появлении на свет могучего Сараттаг Садый-меке, но и о своей будущей должности начальника левого крыла в ханстве этого богатыря (в то время как другой персонаж — Коккан возглавит правое крыло) [Титов, 1856, с. 137].

Породив героя и усадив на престол, Небо не бросает его на произвол судьбы, вернее, оно контролирует этот произвол. В сказании указывается, будто Садый-меке станет ханом и учредит в своих владениях крылья после того, как по воле Кудая будет раздавлен двумя горами могучий Ахлорот Ахмолот. Коккан помчался было на выручку последнему и, конечно, опоздал: горы уже сомкнулись [Титов, 1856, с. 137] — противостоять высшим силам было бесполезно.

Но вообще эпический Кудай-Небо довольно пассивен и мало вмешивается в земные дела, как справедливо заметил В.В.Радлов [Радлов, 1989, с. 246]. Порожденный и уготованный на ханство Сараттаг Садый-меке был убит при участии Коккана, своего будущего «вассала», а Кудай не отреагировал. Коккан спокойно вернулся домой и «стал жить да быть и теперь живет»; Сараттага Садый-меке же убили вторично еще и на том свете [Титов, 1856, с. 137]. В другом сказании «сын Неба» Темир-меге был заброшен героем «на расстояние год пути» — тоже при отсутствии какой-либо реакции со стороны небесного «отца» [Бокту-Кириш, 1973, с. 154, 155].

Однако Небо может все-таки проявить и крутой нрав в случае нарушения своих приказов или из зависти (см. [Титов, 1856, с. 124, 126]), что объясняется, конечно, снижением его образа, антропоморфизацией качеств. Гораздо показательнее действия высшей силы по выручке своего любимца. Уже говорилось об отказе «сына Неба» Темир-меге из «Алтай-Буучу» призвать на помощь грозных своих родителей в честном бою. По тувинскому сказанию «Меге Баян-Тоолай», в сходной ситуации Темир-меге все же не держит слова и в помощь ему сверху ударяет молния, снизу наступают травы и леса [Сказания, 1960, с. 162].

Последнее, надо полагать, это помощь Земли, которая в тувинском и хакасском героическом фольклоре почти не фигурирует. Обобщенная характеристика ее роли сводится к функциям матери и покровительницы героев, «хозяйки» зверей и птиц, воплощению природного плодородия [Львова и др., 1989, с. 40, 41]. Эти параметры восстанавливаются по всему корпусу тюркского фольклора Южной Сибири (прежде всего шаманского); в сюжетах же богатырских сказаний Земля практически не появляется. Породив богатыря-хана в союзе с Небом, она отвечает за его личное благополучие и здоровье, но не принимает активного участия в его судьбе[3].

Итак, участие божественных сил в организации ханства сводится к следующему: 1) Небо и Земля порождают героя; 2) Небо заранее предназначает ему жизненный путь; 3) Небо вручает ему ханскую власть и помогает в осуществлении намерений; изредка приходит на помощь и Земля.

Но в целом при индифферентности демиургов основной груз устройства собственной судьбы ложится на плечи самого богатыря. Он может занять пост хана в силу своих личных качеств. Как можно понять из приведенных выше сведений, Небо тоже причастно к этому счастливому повороту в его биографии, однако в сказаниях об этом прямо не

[3] Знаменательно, что прерогативу наказания Темир-меге приписывает только Небу (см. выше).

говорится и воцарение подается как результат подвигов. Чиргилчиниыг Шил-оол совершил поход в соседнее владение, одержал победу, привел новых подданных и даже привез юрту тамошнего хана. Отец, по достоинству оценив удаль, полководческий талант и военную удачу Чиргилчинныг Шил-оола, уступил ему ханский трон [Балбыр, 1973, с. 122–127]. Смелостью и инициативой добивается ханства и Эртине Мерген [Тувинские, 1958, с. 96]. В общем, в некоторых сказаниях богатыри надеются только на себя, на свою силу и сообразительность. Каждый из них мог бы повторить вслед за автором рунической надписи из Хакасии: «Я утвердился на земле благодаря своей доблести» [Кляшторный, 1976, с. 26].

Сопоставимы ли все эти аспекты с тем, что известно по другим источникам? Древнетюркские и монгольские каганы неоднократно ссылались на происхождение своей власти от Неба и Земли (см., например, [Козин, 1941, с 104, 105; Малов, 1951, с. 35, 39, 65; Малов, 1959, с. 20, 23; Си ю цзи, 1866, с. 370; Pelliot, 1923, p. 22]). Протокольные фразы о воцарении силою Вечного Неба, по его воле и милости, получают на эпических материалах некоторую расшифровку. Верховное божество оказывается не просто объектом ссылок на его благоволение, дабы оправдать правление монарха в глазах сородичей и покоренных племен Небо действительно способно вмешиваться в течение людской жизни, предоставлять народу правителя. В эпосе это часто подается как вознаграждение, адекватное характеру и поступкам героя. Однако подобная формула обоснования власти действовала и в реальной истории. Удача любого интригана на пути к престолу могла восприниматься народом как проявление особой склонности Неба к новому хану. Ведь только так и восходили на трон герои богатырских сказаний. И утвердившись на столь высоком посту, начинали осуществлять ханскую власть. Посмотрим, что это означает.

Чем занимается хан? Повышенное внимание Неба и Земли к своему избраннику выделяет его из остального множества людей. Обладание сверхъестественным покровительством столь присуще ханскому статусу, что правитель после воцарения даже не считает нужным (как и подданные) ссылаться на него. Поступки хана заранее освящены и опрааданы. ТБС предлагает яркие примеры непререкаемости государевой воли для простых смертных. Во время сватовства богатырей будущие тести-ханы поручают им пройти через всевозможные испытания на храбрость (принести клык чудовища, привести волшебных коней и т.п.). Это встречает беспрекословное подчинение со стороны витязей.

Мотив:

Если человек ханского достоинства
Скажет: «Подставь свою голову», —
Придется лишиться головы...
Раз надо ехать — поеду,
Раз надо идти — пойду.

Лейтмотив: «Если хан приказывает, простому человеку трудно отказаться» [Сказания, 1960, с. 57; Тувинские, 1958, с. 87, 88; Потанин, 1883, с. 420]. Покорность сватающихся юношей объясняется не только зависимостью их семейного счастья от своеволия правителя:

Во-первых, это мой тесть,
Во-вторых, это человек ханского достоинства [Сказания, 1960, с. 57]

Данные обстоятельства, как видим, разделены. А богатырь Хаа-Чангей, посылаемый в подземный мир Курбусту-ханом, не является ни подданным-пастухом, ни «вассалом»-дружинником последнего, и дочь Курбустова не нужна ему. Герой подчиняется прихоти совершенно постороннего для него владетеля по той же единственной причине:

Раз хан повелевает,
Как может простой человек не пойти? [Бокту-Кириш, 1973, с. 165].

Соответственно хан ведет себя отлично от остального населения улуса. Конные сражения, поиск противника, уничтожение или покорение его — это занятия, подобающие богатырю (как и сватовство, обрамленное массой подвигов). С ханом же связывается разве что охота; кровавые схватки недостойны его. Конечно, дичь добывается им не из нужды в пропитании. Южносибирский эпос содержит ряд сюжетов, последовательно демонстрирующих угасание военной активности главы улуса. К примеру, Коккан «имел множество табунов, народа, богатое ханство». Тем не менее, прослышав о существовании в дальних краях могучего богатыря, бросил все дела и поехал, «чтобы померять с ним свои силы» [Титов, 1856, с. 135]. Зачем, спрашивается? А затем, что Кок хотя и *хан*, т.е. хан, но еще и богатырь, что вытекает из его последующего героизма.

Менее легок на подъем престарелый Каракан. Всю жизнь он ездил промышлять зверя, так как «дома сидеть не любил». К старости подрастерял сноровку, в юрте с женой было скучно, и он отправился в гости к соседу — Алтынкану. А у того в стойбище как раз происходило состязание претендентов на руку местной «принцессы». Нехотя Каракан участвует в этом мероприятии (хотя и женат), а затем, разгадо-

рившись, решает ехать на единоборство с грозным Медным богатырем, от чего в ужасе отказались женихи («Если я начал богатырствовать, так заодно поеду воевать с ним») [Титов, 1856, с. 201–203, 206].

В этих событиях удаль хана уже неестественна для него, а подвиг — лишь повод развлечься. Бо́льшую же часть времени он проводит в родном улусе. Еще мог топтаться у коновязи настоящий богатырский конь с магическим именем, но хозяин его не ездил по белу свету в поисках приключений —

Ездил только за промыслом в тайгу.
В этом проходила вся жизнь его [Титов, 1856, с. 127].

Охота здесь — род аристократического спорта, княжеская утеха или экскурсия для сына, «чтобы показать ему разных зверей и птиц» (см., например, [Потанин, 1883, с. 600; Титов, 1856, с. 187]). Для полиоценного кочевого сюзерена не было нужды брать в руки саблю: он посылал в бой воинов. Парадигма пассивного поведения доведена до абсолюта в небесном приказе герою не играть и не бороться ни с кем.

Итак, «монарший» ранг дает правителю с набором сформировавшихся функций основание или, точнее, право распоряжаться поступками богатырей. Посмотрим, какие еще права концентрируются в руках хана, а также какие обязанности на него возлагаются (по ТБС и ХБС).

Уже говорилось, что хан расценивался как хозяин скота и глава народа. Данная формулировка встречается буквально и в тексте ХБС, и в исторических исследованиях по Южной Сибири (см., например, [Алтын-Арыг, 1988, с. 250, 255; Бутанаев, 1976, с. 202]). В большинстве случаев эпический хан оправдывает эти звания. Регулярно, а то и ежедневно (порой с утра до вечера — смотря по поголовью стад и населенности улуса) объезжает он подвластные территории (см., например, [Алтын-Арыг, 1988, с. 251; Катанов, 1907, с. 264]). Объезжает, чтобы осмотреть. Осмотр же заключается в учете: «Спереди южной стороны горы сгонял он и проверял сиво-пегие табуны, а в степных ложбинах — каурых и желтых верблюдов»; недосчитавшись одного верблюда, отправляется на поиски [Кон, 1934, с. 179, 180]. Смысл пересчета ясен: проверить, нет ли убытка или приращения к достатку. По возвращении Ак-кана жена вопрошает:

Свел ли ты счет пасущемуся скоту?
Сложил ли ты весь народ?
К скоту присоединился ли скот?
К народу прибавился ли народ?
Или они умирают? [Катанов, 1907, с. 289].

Своеобразный демографический контроль объясняется обязанностью хана следить за тучностью пастбищ, ведь он должен был регулировать перекочевки. Судя по внимательной регистрации им своего достояния, подданные не могли тронуться с места без его санкции.

Однако ежедневный, обыденный объезд табунов и селений-*аалов* возможен лишь при сравнительно небольшой площади улуса. А если она велика? Если в подданстве находятся не только близкие родичи, пасущие овец по соседним долинам, но и покоренные племена, которые продолжают обитать на своих прежних землях[4]? Или если собственные отары достигают таких размеров, что их ни окинуть взглядом, ни сосчитать? Тогда хан перепоручает выполнение своих контрольных задач особым доверенным лицам, ведь концентрация столь обильного достояния в руках одной семьи или рода (т.е. имущественное выделение из других семей, родов) в кочевом обществе сопровождалась социальной дифференциацией и происходила синхронно формированию потестарных институтов. В данном случае речь идет о должности «главного пастуха», «старшего табунщика» и т.п. (см., например, [Потанин, 1883, с. 583; Радлов, 1989, с. 232]).

Коль скоро при хане появляются люди, берущие на себя одну из основных его функций, он получает возможность и вести себя как подобает истинному государю — ездить целыми днями на охоту и в гости к соседям. Вновь возвращаемся к выведенному выше развитию ханского статуса. При таком положении главе улуса невозможно, да и не нужно знать состав своих стад. И на вопрос пришельца, ищущего пропавшего верблюда, хан спесиво отвечает: «Неужели ты думаешь, глупец, что об этом можно спрашивать меня, самого хана? Пасти скотину, искать скотину — дело простых людей! Откуда я знаю, есть ли здесь твой черный верблюд?» [Тувинские, 1971, с. 109]. Да, это уже не прежний «хозяин стад», что бросал все и отправлялся на поиски исчезнувшей скотины: тот-то знал всех своих верблюдов.

Сам по себе пересчет отар и табунов свидетельствует лишь о рачительности хозяина и его праве владения ими. Пересчет же населения — это проявление уже собственно властных функций. Идеализация правителей прошлого присуща, наверное, всем народам, а у южносибирских тюрков она к тому же сопровождалась сохранением патриархального менталитета, представлением о строгом и справедливом хане-отце, благодетеле [Унгвицкая, Майногашева, 1972, с. 108, 120]. Конкретно это выражалось хотя бы в раздаче подданным своих охот-

[4] Такое было возможно, но в богатырских сказаниях скот и население побежденного улуса чаще перегонялись на территорию улуса победителя.

ничьих трофеев [Радлов, 1989, с. 235; Титов, 1856, с. 187]. Данный символический жест демонстрировал щедрость хана и столь же символическую близость к простонародью.

Оделение битой птицей являлось обрядовым выражением еще одной важной функции — обеспечения благосостояния подданных, что прямо и формулируется в некоторых сказаниях:

Насытил он голодавших,
Сделал жирными худых людей...
Дает лошадь тому, кто идет пешком,
Дает платье голому... [Радлов, 1989, с. 245][5]

Другая забота героя — защита своего достояния (иначе он не был бы «хозяином») и увеличение его за счет соседей (иначе он не был бы богатырем). Уже отмечалось, что практически все витязи ТБС и ХБС владеют улусами, находясь на стадиальном «полпути» от собственно богатыря к собственно хану. Владелец улуса Ахмолот встретил во время странствия богатыря, который состоял на службе у «царя» Булата. Булат тоже обладает богатырским званием и непременным атрибутом его — чудесными конями, но сам предпочитает не искать врагов, отправляя для этого дружинника [Титов, 1856, с. 128–130]. Следовательно, в более развитой улусной структуре военная функция перелагалась ханом на других лиц. Вероятно, выделение сугубо военных помощников лидера было одним из самых первых актов формирования администрации.

И еще одна прерогатива проступает из ХБС. Могучая Пичен-Арыг

Племя-народ свой стала наставлять:
«Не носите одежду без пояса!
Не будьте народом без суда, без закона!»

[5] Те же благодеяния — дарение лошадей и одежд см. [Алтын-Арыг, 1988, с. 254]. В этой связи интересен один давний спор. В.В.Бартольд и Б.Я.Владимирцов разошлись в оценке социальной базы античингисовского движения Джамухи. На основании того, что, по «Тайной истории монголов», последний стремился подыскать обильные пастбища, дабы араты его улуса не знали голода, В.В.Бартольд сделал вывод о демократической направленности политики Джамухи [Бартольд, 1968, с. 258]. Б.Я.Владимирцов возразил: во-первых, Чингис-хан тоже подается в указанном источнике как «щедрый царевич» (прежде всего по отношению к дружине); во-вторых, оба побратима, Джамуха и Темучин-Чингис-хан, опирались на одни и те же общественные слои, в том числе и на родовую аристократию. Так что никакого особенного демократизма в поведении Джамухи не было [Владимирцов, 1934, с. 84, 85, 94, 95]. Судя по южносибирским богатырским сказаниям, точка зрения Б.Я.Владимирцова ближе к действительности. Демонстративная, ритуальная щедрость и заботливость представляли собой один из канонов ханского поведения.

И ниже снова:

«Не будьте народом без суда!..
Буду я жить, возглавляя и наставляя
Народ — разиый люд» [Алтын-Арыг, 1988, с. 254, 272]
Над своим ясноглазым народом,
Ханом являясь, вершит она суд [Алтын-Арыг, 1988, с. 251].

Значит, хан является олицетворением правосудия. Здесь не указывается, по каким поводам правительница берется за разбор тяжб. Однако известно, что жизнь позднеродового и раннеклассового общества на общинном уровне регламентировалась обычным правом, и видимо, именно в рамках последнего осуществлялся ханский «арбитраж». Собственно, обычаи были общеизвестны и власть выступала скорее в качестве формального гаранта их соблюдения. Но в условиях усложнения социальной стратификации населения возникало множество коллизий, не предусмотренных первобытными нормами. И вот тогда слово хана могло иметь решающее значение при конфликтах (что было, кстати, оправдано и харизмой). Ведь и сама формирующаяся потестарная власть представляла собой вопиющее нарушение этих норм.

Пора обобщить выделенные функции. Сводятся они к следующим моментам: (1) хан — предводитель улуса, т.е. глава рода (если улус состоит из общин родственников) или глава разноплеменного населения (если улус является совокупностью общин унаследованных, присоединившихся и присоединенных, завоеванных); (2) хан — воин, защитник улуса, предводитель его ополчения и, естественно, своей дружины; (3) хан — гарант благоденствия подданных; (4) хан — вершитель правосудия, мудрый блюститель обычаев[6].

Исследователи южносибирской средневековой истории и мифологии составляли сходный перечень прерогатив (см. [Бутанаев, 1976, с. 202; Майногашева, 1967, с. 11; Львова и др., 1989, с. 211, 212]). Сходными полномочиями и правами обладали хуннские шаньюи, древнетюркские и монгольские каганы (см., например, [Кляшторный, 1984, с. 145; Кляшторный, 2003, с. 243, 244; Котвич, 1923, с. 95, 96; Крадин, 2002.

[6] Еще раз подчеркиваю, что перечисленные функции могли осуществляться правителем реально, но могли и просто декларироваться. Функции, перечисленные в подпунктах (1) и (2), как мы уже выяснили, иногда передавались в ведение особых порученцев. А надзор за соблюдением норм обычаев, не требовавший вмешательства власти, более приличествовал старцам, местным *аксакалам*, как это и происходило в действительности. Характерно, что в приведенном нами примере из «Алтын-Арыг» суд вершит Пичен-Арыг, но разъяснения установившихся законов исходят от ее отца [Алтын-Арыг, 1988, с. 265, 266].

с. 139. 140; Таскин, 1968, с. 9–11; Трепавлов, 1989, с. 132– 136]). Буквально по пунктам совпадает с нашим перечислением панегирик одному из героев ХБС. Чтобы легче было сравнивать, пометим стихотворные строки номерами только что обозначенных функций хана. Вот этот фрагмент:

(2) Победы творец[7] Албыжи богатырь
Охраняет народа счастливый мир.
(1) Он каждому роду главою стал,
(4) Он мысли и правде просторы дал,
Он славой иарод свой увеичал...
(3) Пешему лошадь лихую дал,
Раздетому кров и одежду дал [Албыжи, 1951, с. 113].

При этом будем учитывать два обстоятельства. Во-первых, все эти светлые черты личности сопровождаются божественными благоволением и поддержкой; человек, обойденный вниманием Неба и Земли, едва ли смог бы столь гармонично сочетать их. Во-вторых, в ходе исторического развития все эти функции у потомков Албынжи (если они удержатся на престоле) окажутся поделенными между соответствующими «функционерами». Так что герой здесь является олицетворением «концепции ролевого поведения» — ханского поведения в данном случае. Мы, слушатели эпоса, убеждаемся в идеальном соответствии героя своему рангу «главы народа и хозяина скота».

Но вот речь у нас зашла о потомках богатыря Албынжи. Что же происходит с народом и скотом после смерти богатыря? В чьи руки они попадают? Наследование ханского статуса и имущества заслуживает специального рассмотрения.

Кто наследует трон? Отвечу сразу: обычно сын наследует отцу. Относительно ТБС этот вопрос был затронут Л.В.Гребневым на материалах «Тана-Херель» и «Алдай-Буучу», где имущество переходит к сыну главы улуса [Гребнев, 1960, с. 133, 134]. Интересна такая деталь: «у героя чаще спрашивают имя отца, иногда имена отца и матери, но никогда не говорят только об имени матери» [Гребнев, 1960, с. 132]. В самом деле, династийный принцип наследования безраздельно господствует в южносибирском фольклоре. К бездетным же семьям снисходит милость Неба, посылающего им ребенка, который появляется на свет волшебным образом (от Кудая и белого камня; например, [Титов, 1856, с. 123]). В противном случае все добро может быть разделено среди народа [Катанов, 1907, с. 313, 314].

[7] В данном контексте — воин, избавляющий народ от поработителя.

Ханский отпрыск заведомо обладает правом на престол по праву рождения [Потанин, 1883, с. 602, 618], т.е. подразумевался «автоматический» переход родительского статуса к следующему поколению. Нарушение данного принципа могло произойти или ввиду разгрома улуса враждебным ханом, или в случае кары со стороны Неба. За чрезмерное хвастовство у героя рождаются обыкновенные мальчики, что вызывает недоумение у окружающих: «Скажи, пожалуйста, у богатырей должны бы родиться и дети богатыри, а у тебя родились простые люди» [Титов, 1856, с. 133]. И Кан-Мергеновы двое старших сыновей «то ли богатыри были, то ли нет» (с младшим-то все ясно: у него богатырское имя и конь с соответствующей кличкой) [Титов, 1856, с. 118][8]. Здесь вопрос о наследовании решается просто: тот, на кого переходит отцовский статус, и наследует отцовское имущество и управление улусом — пусть даже в обход старших братьев. Но обычно именно первородство дает на это преимущественное право.

Проблема наследования поднимается в богатырских сказаниях Тувы и Хакасии лишь при таких поворотах сюжета, когда традиционный порядок оказывается под угрозой нарушения. Угрозой могли служить притязания со стороны младших жен и их детей (см., например, [Тувинские, 1958, с. 61, 64, 67]) или же интриги регентов. Яркий пример такого конфликта — события ХБС «Алтын-Арыг», досконально разобранные В.Е.Майногашевой. Отговаривая временную правительницу, свою дочь, от узурпации власти малолетнего хана, старец Алтын-Сейзен не приводит никаких аргументов, кроме ссылок на законную, исконную и единственно мыслимую преемственность высшего поста от отца к сыну [Алтын-Арыг, 1988, с. 264]. Регентшу это не останавливает, но для нас важно то, что династийное наследование отстаивается в эпосе как залог благополучия и единства народа [Майногашева, 1967, с. 11; Майногашева, 1988, с. 500, 501].

Одним из вариантов эпического наследования является добровольное оставление ханом трона в пользу сына из восхищения его доблестью и прочими достоинствами (см. упоминавшийся выше сюжет ТБС с Богда Чангар-ханом и Чиргилчинныг Шил-оолом). В семье без мужского потомства престол может перейти удальцу-зятю [Тувинские, 1958,

[8] В примечании к цитируемому тексту В.Титов так объясняет затруднения сказителя (непонятно, богатыри или нет). Богатырям подобают богатырские имена; парни не имеют их, значит, и не являются таковыми. Но затем они возглавляют войска — значит, фактически это все же богатыри [Титов, 1856, с. 142]. Возникает резонный вопрос: разве наречение потомства не в воле родителей? В ТБС — нет. Имя дает Небо, и чудесным образом его носитель узнает об этом от того же Неба.

с. 64], в бездетной семье, как говорилось, усыновленному посланцу Неба. Наконец, у власти может оказаться удачливый узурпатор (регентша Пичен-Арыг все же убила юного наследника [Алтын-Арыг, 1988, с. 271]; сходную ситуацию см. [Тувинские, 1958, с. 95, 96]). Однако ведущим принципом однозначно оставалась и признавалась преемственность статуса и имущества по нисходящей линии, к детям.

Пока сын мал, хан и подданные относятся к нему лишь как к будущему преемнику. Но вот юноша вступает в совершеннолетие. Эпический правитель вынужден считаться с этим, так как тот в принципе обладает равными с ним правами (пока в потенции). Следует разделение власти. Этими положениями мы начинаем разговор о соправительственных отношениях в кочевом улусе.

Сколько ханов может быть в одном ханстве? Простейшая ситуация — женитьба наследника. Хотя бы таким образом. Сосватав дочь Биче-хана, богатырь Хаа-Ченгей вернулся домой. Отец, Бокту-Кириш, встречает его словами: «Вы, дети мои, живите и кочуйте со своим скотом (который дал за дочерью Биче-хан. — *В.Т.*) на склонах Энгиргей-Тайги» (в то время как его собственные кочевья располагаются в другом месте, на реке Элдиг-Кара-Хем. — *В.Т.*). К приезду девушки отец и сын приготовили место для стойбища, поставили юрты для новых подданных (которые тоже перешли от Биче-хана. — *В.Т.*), и молодые поселились в отведенном месте [Бокту-Кириш, 1973, с. 172]. Выходит, улус Бокту-Кириша теперь поделен на владения его самого и сына.

В каких формальных отношениях между собой они находились? Возможно, в качестве равноправных соправителей, так как ниже сказано: «И такова была сила у отца с сыном, что их кочевья молнии небесные не могли поразить... ни с какой стороны враги не могли подступиться» [Бокту-Кириш, 1973, с. 173][9]. Следовательно, отмеченное Л.В.Гребневым стечение обстоятельств, когда после свадьбы молодожены селятся в *ала* отца, но в отдельной юрте [Гребнев, 1960, с. 133, 134], не единственное. В отношении улуса, именно ханства, а не отдельной семьи, могло иметь место и отделение «царевича». Становится понятным упоминаемое некоторыми богатырскими сказаниями наличие двух уделов в одном ханстве — владений главного сюзерена и его женатого сына [Сказания, 1960, с. 87; Потанин, 1883, с. 614].

Зависим ли сын от отца? Ведь последний все же остается верховным правителем. По крайней мере можно говорить об иерархической под-

[9] Вспомним, что молния — это кара Неба за посягательство на установленный им порядок; т.е. соуправление отца и сына — это прочное и законное положение, не вызывающее «претензий» со стороны небесных сил.

чиненности. Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген, например, «не смеет отказаться» от труднейших поручений родителя и вынужден выполнять их [Потанин, 1883, с. 614–617]. Кроме того, земли младшего героя все же воспринимаются как «отчий край», т.е. дочерний по отношению к улусу главного хана (см., например, [Сказание, 1962, с. 34]).

В последнем сюжете жена витязя не упоминается. Вероятно, сам факт женитьбы был не единственным основанием для отделения сына. Есть ХБС сразу с двумя холостыми братьями. Отправляясь в поход, старший оставляет младшего «хозяйничать» дома при живом отце [Титов, 1856, с. 211, 219]. Жили они с родителями, герою не пришлось бы заботиться о том, на кого оставить дом.

Вообще совместное проживание двух братьев в неразделенном улусе — довольно распространенная ситуация в ТБС и ХБС. Для начала отметим, что пара соправителей может состоять из абсолютно равноправных лиц. У них могут быть общие или стоящие одна подле другой юрты и, соответственно, принадлежащий им обоим скот и подданный народ [Гребнев, 1960, с. 16; Потанин, 1883, с. 416; Радлов, 1989, с. 233; Сказания, 1960, с. 92; Титов, 1856, с. 189–191; Тувинские, 1971, с. 106]. Братья воюют вместе и действуют заодно. Создается впечатление, будто они близнецы, но не всегда являются таковыми на самом деле[10]. Обычно это старший и младший братья, хотя различия между ними чисто декоративные: один мудрее другого, с одним герой сражается дольше, чем с другим [Потанин, 1883, с. 233; Титов, 1856, с. 19] и т.п.

Тандем равноправных братьев не имеет аналогов в политической истории кочевников, а если и был когда-то приемлем на первобытно-общинном уровне, то в улусах — реальных, а не эпических — не практиковался. Возможно, это чисто фольклорное «изобретение», отражающее изначальный эпический дуализм [Ямаева, 1986, с. 15].

Другое дело, если братья находятся в едином улусе, но с различными полномочиями. Самое общее выражение их отношений: один брат доводится помощником другому (так, без всяких разъяснений; см. [Тувинские, 1958, с. 67]). На материалах ряда сказаний этот тезис можно конкретизировать. Мы помним, что Кан Акколыш оставил «хозяйничать и домовничать» в родном стойбище Ай-Толыя [Титов, 1856, с. 211, 219]. Тот безропотно согласился, и это действительно распространенный вариант отношений. Передача управления столицей (главной ставкой) и доменом кому-либо из младших родственников известна из

[10] Близнецы действуют в сказаниях «Кунари» и «Сибичек и Сибдейек» [Хакасские, 1955, с. 17, 21, 22].

истории Монгольской империи XIII в. (подробнее см. [Трепавлов, 1993, с. 105–107]).

Но помощь заключалась не только в замещении отсутствующего правителя. Один из братьев в богатырских сказаниях мог пасти скот другого, выполнять посольские и другие поручения [Сказания, 1960, с. 88], мог вообще ведать всем хозяйством, и все это при отсутствии формального главенства над улусом, поскольку «хозяином скота» все же являлся хан [Алтын-Арыг, 1988, с. 250, 252, 253 (здесь о сестрах), 539 (примеч. В.Е.Майногашевой); Гребнев, 1960, с. 14, 15].

Характерно (не для ХБС, а для истории номадов) соотношение правителей в «Айдолае». При престарелом Ах-хане состоит военачальником его брат Кокеен. Различия в положении и функциях явно проступают в обращениях к ним врагов:

Готов ли ты, старик Ах-хан,
Готов ли, грозный Кокеен,
Вступить... с нами в бой? [Сказание, 1962, с. 5, 6] —

и в ходе военных действий Кокеен истребляет конницу противника. И хотя в набег едет он вместе с ханом, но покоренный Ах-Тас называет его первым при перечислении завоевателей [Сказание, 1962, с. 5, 6, 19].

Пара «хан и военачальник» тоже находит соответствия в монгольской истории (см. [Трепавлов, 1993, с. 77–79, 86, 87]). Номинальный верховный военачальник улуса все же обладал собственной территорией и контингентом подданных. Потому я думаю, что в первоначальных вариантах сказания об Айдолае Ах-хан и Кокеен возглавляли две половины ханства[11]. Позже, когда на первый план выдвинулся сын Ах-хана — Айдолай, эта деталь исчезла из повествования как не влияющая на развитие сюжета. К тому же мы видели, что у Айдолая появился свой удел.

Половинное членение владений между братьями имеет место и в богатырских сказаниях. Трудность остается та же — непринципиальность для основных событий, поэтому лишь по редким оговоркам сказителей приходится восстанавливать такие отношения. Так, один брат навещает другого и затем возвращается к себе домой; враг нападает на владения одного из них, а другой и не подозревает об этом [Потанин, 1883, с. 416, 417]. Расстояние между их владениями может исчисляться месяцами, и известия не доносятся [Кон, 1934, с. 185, 186

[11] В именах соправителей угадываются знаменательные обозначения противоположных сторон — «белый» (*ак*) и «синий» (*кок*), о которых мы поговорим ниже.

(праада, здесь старшая сестра, а не брат)][12], что свидетельствует об отсутствии сообщения между двумя половинами ханства, т.е. об их фактической независимости, сугубо номинальной соподчиненности. Названные выше совместные военные действия братьев не всегда могут исходить из их совместного проживания: Кан Акколыш и Каи Толый, ограбив соседские земли и дойдя до своих границ, разошлись в противоположные стороны: один — на восток, другой — на запад [Титов, 1856, с. 217].

Соправительством подобного рода не исчерпывалась вариативность данного института. Половина стад (но не территории) может отойти мужу сестры [Гребнев, 1960, с. 16; Сказание, 1962, с. 57]. Однако сестра уходит в другую семью, и мы пока не станем рассматривать это как соправительство.

Другое дело — связь побратимов. Богатыри Тавын и Тажы, отдавая сестру в жены богатырю Кангывай-мергену, «выделили ей в приданое половину своего скота и имущества и предложили считать их братьями» Кангывай-мергена. Герой согласился, и они перекочевали в его улус [Гребнев, 1960, с. 16]. О дальнейшей участи Тавына и Тажы сказание умалчивает. Но детали сосуществования побратимов известны из других текстов. Хан-Хулюк побратался с побежденным им Алдай-мергеном и предложил ему ухаживать за своими табунами; тот согласился [Тувинские, 1971, с. 44]. Здесь Алдай-мерген одновременно и «брат» (так его называет герой), и табунщик, что укладывается в один из вариантов пребывания двух братьев в одном неразделенном улусе.

Возможно было и полноценное соправительство, как у побратимов Кан-мергена и Кюрелдэй-мергена. Первый женился на сестре второго, богатыри соединили свои стада, поставили себе по юрте и «после этого стали жить мирно» [Катанов, 1907, с. 225]. Ясная картина такой структуры управления предлагается в «Алтын-Арыг». Сын Алып-хана, Чибетей, признает своим братом богатыря Хулатая, который помог ему вернуть власть над владением, узурпированную было вероломной регентшей.

Могучий Чибетей
Вместе с богатырем Хулатаем
Многочисленный пасущийся скот
Стали считать,
Над народом они ханами стали...

[12] В определении расстояний присутствует, конечно, эпическая гиперболизация, но контекст ее применения все равно указывает на значительную удаленность владений друг от друга.

Очень хорошо жили два брата.
Хороший пасущийся скот
Братья вместе считали,
Над прекрасноглазым народом
Сообща суд вершили [Алтын-Арыг, 1988, с. 325].

В данном фрагменте четко выделены функции степных сюзеренов, которые уже были сформулированы выше. Мы видим у побратимов прерогативы контроля за стадами и населением, вместе витязи следят и за соблюдением норм, разбирают конфликты. Естественно, побратимы эти равны в статусе, поэтому (и поскольку) живут в двух больших домах посреди богатого *аала* [Алтын-Арыг, 1988, с. 323, 324]. Но вот распространяются ли их братские чувства друг к другу также и на улус? Ведь это наследственные земли Чибетея, его вотчина. Оказывается, да, потому что после неудачного похода Хулатай предлагает:

Младший мой (брат), вернемся(-ка)
В прекрасную землю нашего отца [Алтын-Арыг, 1988, с. 392].

Итак, покойный Алып-хан после акта братания «превратился» в отца еще и для Хулатая, и у последнего, следовательно, появилось право на совладение его улусом. Поэтому, прекратив богатырские набеги,

Два прекрасных брата
Жили там, наслаждались [Алтын-Арыг, 1988, с. 488].

Интересно, что внутри этого ханства находится еще и общий удел двух других побратимов — сына Чибетея и сына волшебной девы Алтын-Арыг. Их союз заключен по инициативе Чибетеевой матери, в чьих словах, кроме прочего, есть следующий пассаж:

В твоем большом богатом владении
Вы станете жить как братья [Алтын-Арыг, 1988, с. 485].

И это не просто рядовые родственники главных правителей, поскольку юные побратимы также названы ханами, «хозяевами пасущегося скота» [Алтын-Арыг, 1988, с. 487]. Таким образом, сын главного хана, вероятно, был выделен в соправители и, в свою очередь, поделил свою удельную часть с побратимом.

Мы подошли к проблеме наследования соправительства. Суждения по этому поводу могут быть составлены по немногочисленным деталям, сохранившимся в эпосах. Разберем два примера. Богатырь Алдай-Буучу, снаряжая сына свататься, «решил, что неплохо, если его сына будут сопровождать со своими дружинами сыновья двух братьев, живущих на небе верхнего мира: сын Толгечи — Толээ-Шынар и сын Белгечи —

Белээ-Шынар». Те явились «со своими дружинами» [Сказания, 1960, с. 29]. Итак: а) Толээ-Шынар и Белээ-Шынар — двоюродные братья; б) у каждого из них своя дружина, т.е. свой улус и управляемое население; в) небесные воины действуют вместе и говорят хором, но в состязаниях более активен Толээ-Шынар (он, видимо, считается старшим); г) по этим признакам они являются соправителями в соответствии с одной из двух эпических схем: «братья в неразделенном улусе» (пункты «а» + «в») или «братья в разных частях улуса» (пункты «а» + «б»). Объединить эти конструкции (например, «братья в неразделенном улусе, но с разными контингентами подданных») не позволяет отсутствие подобных сочетаний в богатырских сказаниях и в истории. Но как бы то ни было, факт неоспорим: Толээ-Шынар и Белээ-Шынар унаследовали соправительство от отцов.

Более нагляден для интерпретации дуэт сюзеренов из ХБС об Айдолае. Уже говорилось по другому поводу, что верховным ханом являлся Ах-хан, а его батыром-военачальником — брат его Кокеен; жили они, судя по записанному тексту, в одном улусе, а по логике их отношений — в разных. У Ах-ханова сына Айдолая тоже были свои владения при живом отце, поскольку упоминается «улус Айдолая» [Сказание, 1962, с. 34]. И сын погибшего Кокеена, Коре Матырсын, обладал каким-то уделом. Оттуда он приходит в гости к герою [Сказание, 1962, с. 38]; он не подозревает о вражеском нападении на стойбище Айдолая и узнает об этом случайно от Айдолаевой жены [Сказание, 1962, с. 35], т.е. живет где-то в стороне. Можно ли предполагать наследование улуса Кокеена сыном? Чей это улус — умершего Кокеена, или он был получен Коре Матырсыном после смерти отца? Конечно, Кокеена и перешедший к его потомству, так как Айдолай изрекает:

Коль наследник Кокеена
По жене моей страдает,
Пусть берет Хара-Нынчи (имя жены. — *В.Т.*) [Сказание, 1962, с. 38].

А как со званием батыра-соправителя? Видимо, оно тоже унаследовано, ибо Коре Матырсын получает от Айдолая половину «людей, золота, серебра, коней» [Сказание, 1962, с. 57][13]. Итак: а) второе поколение соправителей находится в таких же отношениях, что и их отцы, т.е. соправительство наследуется; б) наследование соправительства выражается в подтверждении сыном хана имущественных и потестарных прерогатив сына соправителя. Строго говоря, подтвердить прерогативы

[13] Это, в общем, подтверждает догадку о первоначальном эпическом разделении улуса между Ах-ханом и Кокееном.

Коре Матырсына должен был бы Ах-хан, но внимание сказителей переключилось на Айдолая, и именно этот персонаж оказался средоточием властных полномочий.

Коль мы обратились к теме раздвоения улуса, то завершим ее поиском следов конструктивных признаков этого явления. Речь идет о широко распространенной в кочевой (и не только кочевой) истории системе крыльев. Крылья — две части ханства, выставлявшие ополченцев для правого и левого флаговых отрядов улусного войска, — практиковались почти во всех кочевых империях. Но происходили они от более ранних и территориально меньших родовых и племенных образований. Всеобщность данной структуры позволяет предполагать отражение ее и в южносибирских богатырских сказаниях. Чтобы обнаружить крыльевое построение улуса, нужно, во-первых, найти упоминание о его делении на две части, обычно (но не всегда) равные, т.е. половины. Во-вторых, попытаться отыскать традиционные тюрко-монгольские обозначения левого крыла — синий цвет и правого — белый. В-третьих, если крылья функционируют, то верховный хан должен возглавлять левое, а начальник правого является его соправителем («младшим» ханом). С соправительством мы только что разобрались, так что можно взяться за решение и этого вопроса. Наконец, в-четвертых, посмотрим, а не помогут ли богатырские сказания в выяснении причин генезиса данного института у номадов.

Вот, например, Айдолай едет свататься к сестре братьев Алай-хана и Пулей-хана. Въехав в их земли, герой видит, что их юрты стоят в противоположных краях улуса [Сказание, 1962, с. 42, 45]. На развитие событий это не влияет, так как все последующее происходит только в одной юрте. Поэтому пока оставляем это ХБС и переходим к другому, запомнив противостояние ханских резиденций. Вернемся к интриге регентши Пичен-Арыг против малолетнего хана. Пичен-Арыг вела дела улуса вместе с сестрой-домоправительницей. Однако у сестер был еще и отец, который жил в этом же улусе, а именно на восточной стороне *аала* [Алтын-Арыг, 1988, с. 263]. Эпос упоминает о нем только с тех пор, когда сестрам понадобился совет старца. До того они обходились самостоятельно и, надо полагать, проживали на западной стороне. Стало быть, территория делится по схеме «отец–дети» на восточную и западную части.

Но для вывода о широкой применимости данного института следует отыскать его следы также в отношениях «брат–брат». Есть и такое. В отсутствие братьев Кан Акколыша и Ай-Толыя их скот и народ уго-

няют братья — старший, Кан Акколыш (тезка жертвы), и младший, Кан Толый. Ограбленные соправители возвращаются домой и видят: «Один след пошел на восток, другой на запад; поровну разбиты народ и табуны и уведены в противоположные стороны» [Титов, 1856, с. 217]. Значит: а) симметрия уделов (так как «поровну»); б) восточно-западное их расположение: одна половина — на востоке, другая — на западе во главе с братьями — это и есть классические кочевые крылья, правда не названные таковыми.

В «Алтын-Арыг» есть рассмотренная выше пара побратимов — Чибетей и Хулатай. «Большой дом» последнего стоял на севере от Чибетеева [Алтын-Арыг, 1988, с. 324]. Ясно, что Чибетей в таком случае селился на южной стороне ханства. Еще один вариант крыльевой конструкции? Но позиция «север–юг» нетипична для кочевников[14]. А в одном из сказаний, записанных Н.Ф.Катановым, Ак-кан тоже живет на юге от своего соправителя, Алтын-кана [Катанов, 1907, с. 314]. Но читаем дальше, и все становится на свои места. Алтын-кан умирает, и Ак-кан, несмотря на оставшегося мальчишку-наследника, угоняет половину его скота и народа, откочевывая, по словам ханши-вдовы, «прямо на восток» [Катанов, 1907, с. 320]. Значит, определяющим будем считать все же восточно-западное взаиморасположение улусных половин. Если бы Ак-кан лишь хотел поживиться за счет беззащитного сироты, то угнал бы весь скот. А так, обретя половину достояния, он превратился в соправителя «царевича» еще и по отцовскому улусу и, чтобы обозначить это, перекочевывает на восточную, традиционно «старшую» сторону — в левое крыло.

Мы вплотную подошли к вопросу о старшинстве крыльев и их начальников. Как из последнего примера, так и из анализа реальных событий степного средневековья получается, что глава восточного крыла признается старшим (см. подробнее [Трепавлов, 1993, с. 96 и сл.]). Причем известно, что у древних тюрок и монголов дихотомия «старший–младший», «восточный–западный», «левый–правый» сопровождалась парным цветообозначением — соответственно «синий–белый». Н.Ф.Катанов заметил, что в ХБС фигурируют белые цари, живущие у белой горы или на берегу Белого моря, и синие цари у синей горы или на Синем море [Катанов, 1907, с. 213]. Более того, по В.Титову,

[14] Имеется в виду разделение улуса. По этнографическим данным, в пределах одного *аала* у хакасов «женатые сыновья до выделения из хозяйства могли жить в одной усадьбе с отцом, который обязан был поставить им отдельные юрты на север от своей и наделял долей наследства (*елес*), состоявшей из скота и имущества» [Угдыжеков, 2003].

«все моря, лежащие на востоке, [называются] голубыми или зелеными, и обратно... голубое — [значит] восточное, белое — западное... Если происшествие случилось у белого моря, значит на западе, и т.д. Точно так же должно понимать под именем... белого хана — западного, голубого — восточного» [Титов, 1856, с. 117–118].

Добавим к этому, что «восточный» означает «старший», и вновь вчитаемся в эпосы. Пары из «белого» (Ак) и «синего» (Кок) ханов действительно встречаются здесь неоднократно. Говорилось об Ах-хане и Кокеене из сказания об Айдолае, но там первый старше по возрасту и рангу своего брата-батыра, да и пространственная ориентировка неизвестна. А вот в «Алтын-Арыг» юрта девушек-регентш стоит на западной стороне, а их отца — на востоке, где ей и полагается быть, так как отец, естественно, старше по возрасту и, может быть, по формальному статусу (блюститель обычаев). Ак-кан из катановской сказки перекочевывает на восток, в «синюю» сторону, и становится старшим по отношению к сыну соправителя. Но ведь в эпосе это подается как нарушение надлежащего порядка.

А теперь опять вернемся к эпосу об Айдолае. Когда я рассказывал о юртах Алай-хана и Пулей-хана, то умолчал об одной детали; теперь она нам пригодится. Цитирую:

На одном конце улуса
Юрта белая стоит.
На другом конце улуса
Юрта синяя стоит.

Белую юрту не объехать галопом за шесть дней, синюю за неделю не обойти пешеходу [Сказание, 1962, с. 45]. Белая юрта явно больше, да и о синей это единственное упоминание в тексте.

Сиова заключаем: не синий, а белый цвет в ХБС и ТБС служит для маркировки старшинства. В остальном же характеристики «белой» и «синей» частей улуса соответствуют традиционной кочевой разбивке владений — и по расположению, и по родственным степеням их правителей.

В знакомых мне сказаниях крылья названы крыльями только однажды. В пророческом сне о грядущем пришествии грозного воина Сараттага Садый-мерге богатырь Алларик увидел, будто «у Соловья-богатыря (т.е. Сараттага Садый-мерге. — *В.Т.*) Синий хан (т.е. Кокхан. — *В.Т.*) будет правым крылом, а Петушок-богатырь (т.е. Алларик. — *В.Т.*) — левым крылом, и больше Соловья никого на свете не будет» [Титов, 1856, с. 137]. Здесь явлена другая структура, типичная

не для государственного, а для военного управления, — крылья и центр во главе с верховным ханом[15]. Синий цвет вновь соотнесен не с левой, а с правой стороной; носитель же белого цвета («Белоукладный богатырь») умертвлен Небом как раз в преддверии прихода в мир Сарагтага Садый-мекс [Титов, 1856, с. 137], а Алларику цвет вообще не присваивается. Тем не менее заключаем, что деление ханства в богатырских сказаниях на две части не только обладало всеми формальными признаками крыльев, но и реально осознавалось в качестве крыльевой структуры. Раннее государство Южной Сибири — Кыргызский каганат обладал именно таким раздвоением, что можно вывести из наличия в кыргызских рунических надписях древнетюркских обозначений крыльев — *телеш* и *тардуш* (см. [Малов, 1951, с. 33, 43; Насилов, 1963, с. 125]).

Как же образуются эпические крылья? Это может быть или соуправление двух братьев (как у Ах-хана и Кокееиа из «Айдолая»), или сотрудничество лиц, совершеино не связанных родствеиными отношениями (как у Алларика и Коккана в только что приведением примере). Последнее приблизительно реконструируется как прикочевка одного какого-либо коллектива к другому и формирование ими совместного улуса (характерно соединение владеиий побратимами). Первый же из названных вариантов представляет собой противоположный путь — разделение единого улуса пополам. Причем между этими половиниами подчас устанавливаются взаимобрачные связи, ведь сын Ах-хана уступает сыну Кокееиа свою жену [Сказание, 1962, с. 38]. Подобное происходит и в катаиовском сказании: в одном «городе» живут два «короля», дети которых вступают в брак (правда, тайный, т.е. незакоииый) [Катаиов, 1907, с. 396]. Эти факты подводят к мысли, что крылья суть ие что иное, как пережиток первобытных фратрий[16]. И два пути образоваиия эпических крыльев как раз совпадают с двумя способами формироваиия фратрий (см. [Дрэгер, 1986, с. 208]). Таким образом, из нескольких точек зрения иа происхождение дуальиого разделения политических образований у

[15] Косвеннои иллюстрацией меньшей актуальности триального построения улуса может послужить скорее убийство Кокканом будущего главиого хана Сарагтага Садый-мекс [Титов, 1856, с. 139]. Коккан и Алларик, таким образом, остались ханствовать вдвоем — каждый в своей половине.

[16] В.Е.Майиогашев и М.А.Унгвицкая тоже затрагивали вопрос об отражении межфратриальных отношений, но лишь касательно проблемы экзо- и эндогамии, взаимосвязи родов и ее воплощении в ХБС [Унгвицкая, Майиогашева, 1972, с. 65, 66] Проблема крыльев в их книге не рассматривалась

кочевников[17] приходится остановиться на признании его фратриальной первоосновы.

Теперь, когда рассмотрены основные комбинации соправительства, попробуем выстроить их в систему. Каждый из соправителей являлся «хозяином скота и народа», т.е. имел ханский ранг независимо от того, ханом или богатырем назван он в конкретных произведениях фольклора. Не удалось найти богатырских сказаний, в которых иерархия ханов просматривалась бы четко. Поэтому сопоставим информацию из нескольких текстов. Вначале посмотрим на фигуры правителей, у которых пределы и расположение владений неизвестны.

Богатырь Хайтыкара в поисках лекарства через три месяца пути приехал к своей сестре. Мы уже знаем, что оба они соправители (см. выше). Однако неожиданно выясняется, что герой является подданным некоего Эрильджин-хана [Кон, 1934, с. 187]. Кто это такой, непонятно, так как, кроме случайной оговорки Хайтыкары, он больше нигде не упоминается. Можно лишь догадываться, что это сюзерен по отношению к богатырю и, очевидно, к его сестре, равной Хайтыкаре по статусу. Зафиксируем эту ситуацию на схеме 1, где А — Эрильджин-хан, В — Хайтыкара, С — сестра Хайтыкары.

Схема 1

При обращении к теме фратрий привлекался фрагмент о двух правителях в одном «городе» — Кара-кане и другом таком же «короле», семьи которых оказались соединенными брачными узами. Кроме них имеется еще один персонаж — «царь». А «царь этот был другой (самый старший) кроме Кара-кана и короля. Жил он в городе» [Катанов, 1907, с. 396], т.е. в том же улусе. Элементарное сопоставление показывает, что связь «царя» (А), «короля» (В) и Кара-хана (С) точно накладывается

[17] Основные точки зрения на источник генезиса данного института таковы: 1) фратрии (В.И.Гуляев, А.М.Золотарев, С.П.Толстов и мн. др.); 2) военное построение (А.Н.Бернштам, Г.Г.Стратанович); 3) необходимость эффективного управления обширными завоеванными территориями (П.Голден); 4) заимствование у оседлых соседей (У.Самолин); 5) межродовая и межплеменная борьба (А.И.Карагодин, В.М.Успенский); 6) естественно-ландшафтный фактор разделения племенной территории (А.Альфёльди).

на нашу схему 1. Единственное отличие: между В и С здесь уже *нет* прямого родства, зато присутствует эндогамная связь (т.е. кровнородственные отношения все же предполагаются).

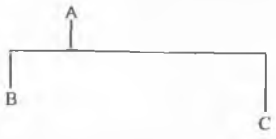
И третий пример, который многое объясиит нам. Богатырь Ай-Моко приезжает в стойбище старца Алтын-Айры, который после покорения его двумя братьями, Алтын-Пыргы и Кумус-Пыргы, пасет скот, когда-то принадлежавший ему. Старик обращается к гостю:

Возьми ты весь этот мой скот,
Если отдаст его тебе Час-Моко
Час-Моко, герой из Китая,
Исполнен разума Час-Моко,
Следуй теперь его совету...
Увидишь, он рассудит нас справедливо!

Ай-Моко идет в юрту обоих Пыргы и застает там «старика Час-Моко», который приказывает вернуть ему скот. После этого Час-Моко отправляется сражаться с грозным враждебиым витязем [Радлов, 1989, с. 232, 233]. Два брата-хана в одном улусе — это иам уже известно и поиятно. Но откуда взялся еще один правитель, хотя и без ханского титула, но с ханскими фуикциями: справедливый судья, смелый воии и хозяин скота (точиее, скота братьев-ханов Пыргы)? На этот вопрос можно ответить, если договориться, что Час-Моко на схеме 1 — это А, братья Пыргы — В и С. Итак, Эрильджин-хаи, «царь» и Час-Моко занимают одииаковую ступень в иерархии.

С подобиым раскладом соправителей мы уже встречались в «Коккане Коктылые». Вспомним: Саратгаг Садый-меке (А) назначен свыше верховиым ханом, Алларик (В) — начальником левого крыла, Коккан (С) — правого. Начальиики крыльев В и С подчинены хану А, и схема отношений в общем та же, но не совсем. Потому что номинально левое крыло рангом выше правого, и схему придется уточнять (см. схему 2).

Схема 2



Вот это вернее, так как в «Алдай-Буучу» именно так описано расположение высших лиц улуса. «Узун Сарыг-хан (А на схеме 2. — *В.Т.*)

сидел на... черном троне-ширээ... Ниже хаиа на... черном ширээ сидел огромный человек (В на схеме 2. — *В.Т.*), у которого красный шарик на шапке высовывался из дымового отверстия юрты. Ниже того человека на таком же ширээ сидел такой же огромный человек (С на схеме 2. — *В.Т.*). А еще ниже, ближе к двери, стоял никем не занятый ширээ». Кроме того, юрта была полна чиновников [Сказания, 1960, с. 42][18]. Здесь мы имеем дело с триальной организацией управления, когда главному хану подчиняются правители половинных частей владения. Само по себе это не означает деления улуса на три части, поскольку хан обычно жил в левом крыле, сосуществуя там с левым же крыла начальником[19].

Выяснение вертикальной соподчиненности важно, но недостаточно. Взглянем на соправительство еще и в «плоскостном», пространственном аспекте. Это поможет соотнести иерархию ханов с крыльевой конструкцией.

Я уже столь часто обращался к сказаниям об Айдолае и «Алтын-Арыг», что теперь напомню только обстоятельства, которые могут пригодиться для текущего поворота темы. «Айдолай»: улус поделен между Ах-ханом (А на схеме 3) и его братом Кокееном (В). Кроме того, на территории улуса имеются владения Айдолая (С), сына Ах-хана, и Кокеа-Матырсына (D), сына Кокеена. D является, с одной стороны, соправителем С (так как тот дает ему свою жену и половину скота и иарода), с другой — наследником В. Поскольку А еще жив, то персонажу D негде иметь удела, кроме как в правом крыле. Таким образом, он подчинен одновременно и А, и С. А после смерти отца D займет его место и возглавит правое крыло (ведь мы теперь знаем, что соправительство наследуется). Тогда образуется стабильная структура, отраженная на схеме 4 (нетрудно убедиться, что это конструкция схемы 1, но с введением крыльев).

Наследование же главного престола произойдет по династической закономерности, и тогда в улусе окажутся два соправителя — по простейшей схеме, которая и отражена в абсолютном большинстве пись-

[18] Л.В.Гребнев соотнес данный порядок с описанным Марко Поло расположением Чингисидов на тронном приеме: выше всех восседает каан, слева от него — старшая его жена, справа и еще ниже — сыновья и другие родичи, а у подножия трона — все остальные [Гребнев, 1960, с. 56]. Но в «Алдай-Буучу» совершенно другая ситуация, так как показана иерархия не родственников, а именно высшего «административного персонала» ханства. Ведь рубиновые шарики — это заимствованный из китайско-монгольского церемониала XIV–XVII вв. отличительный признак и степенной показатель чиновничества (см. [Сказания, 1960, с. 42 (примеч. Л.В.Гребнева)]).

[19] Ср. структуру Монгольской империи XIII в. [Трепавлов, 1993, с. 96–102].

менных источников по кочевой истории, два кузена-соправителя (см схему 5).

Схема 3

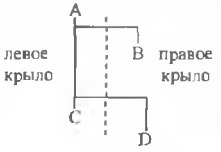


Схема 4

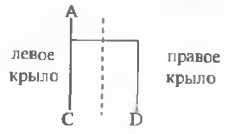
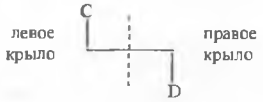


Схема 5



Информацию «Алтын-Арыг» тоже вписываем в схему 3. Улус поделен между ханом Чибетеем (A) и его побратимом Хулатаем (B). На территории улуса имеет свои владения сын Чибетея — Ханныг-хыглас (C), делящий их с побратимом (D)[20].

После сопоставления этих данных с предыдущими выстраивается следующим образом иерархия ханов: верховный хан (каган) возглавляет левое крыло улуса, которое, в свою очередь, делится между ним самим и его наследником. Во главе правого крыла становится особый начальник (обычно брат кагана); в правом крыле может располагаться удел соправителя каганского наследника. Следовательно, иерархия «сверху вниз» такова: каган — начальник правого крыла — соправитель кагана по левому крылу — соправитель этого каганского соправителя. Ниже рангом находились административные и военные должности, которые требуют особого рассмотрения.

Подведем итог. В фольклоре тюркоязычных народов Южной Сибири адекватно отразились концепция и организация верховной власти кочевого улуса.

[20] Для обладателя вот какого статуса стоял четвертый (пустой) трон-*шарэ* в юрте Узун-Сарыг-хана (см. [Сказания, 1960, с. 42] и выше в нашей статье).

1. Ханское достоинство расценивалось как приобретенное в результате благоволения Неба, помощи Неба и Земли, а также личных доблестей.

2. Эти обстоятельства служили идеологическим обоснованием выделения хана из числа остальных смертных, а также сосредоточения в его руках функций хозяина скота, главы народа, защитника его и судьи.

3. Власть концентрировалась в коллективе прямых и кузенных родственников — членов конического клана (иногда допускалось участие побратимов).

4. Ханский статус и прерогативы верховного управления наследовались обычно старшими сыновьями.

5. Помимо этого, улус делился между ханом и его братом (или побратимом) и сыном по принципу двух крыльев. Возможно было последующее дробление этих крыльев, что вытекало из многоступенчатой иерархии ханов.

Перечисленные параметры организации управления прослеживаются довольно четко на материалах многих богатырских сказаний. В сочетании с информацией фольклора кочевников из других регионов, а также с данными письменных источников эти характеристики в общем демонстрируют свою незыблемость в кочевой истории. Вероятно, их можно отнести к «ядру» социально-политической организации кочевников.

Общество, представленное в богатырских сказаниях Тувы и Хакасии, содержит в зародыше многие черты, присущие знаменитым кочевым империям средневековья. Выше неоднократно обращалось внимание на аналогии из истории тюркских каганатов и монгольской державы XIII в. Однако никаких дальних походов, направленных на завоевание чужеземных стран, мы в южносибирском эпосе не найдем. Сказители предлагают слушателям повествования о социуме, где царят отношения лишь на уровне межродовых и межулусных связей. И само эпическое ханство, улус богатыря, — это, как правило, одна или несколько кочевых общин, которые еще не обладают специальными органами управления.

Очевидно, перед нами эпическая, фольклорная версия простого или иногда составного военного вождества как наиболее простой структуры, достаточной для управления в кочевой степи (см. [Крадин, 1993; Крадин, 1995, с. 15, 16, 22–25]). В целом социальное устройство в ТБС и ХБС довольно архаично. Это особенно заметно при сравнении с устройством хакасских княжеств накануне и в период включения их в состав России (XVII в.): в сказаниях нет ни съездов правителей, ни

подвластных племен-кыштымов, ни стройной податной системы и т.д. (см. [История, 1993, с. 149–158]), хотя некоторые сходные черты в общем можно отыскать. Власть эпического вождя – богатыря ~ хана нужна пока для сугубо внутренних потребностей кочевого мира: регулирования перекочевок, распределения угодий, разрешения внутриобщинных конфликтов, обороны от соседних общин или для организации набегов на них. Никакие внешние стимулы, способные «взорвать» это патриархальное мироустройство и направить его развитие в сторону формирования империи-каганата, в ТБС и ХБС не просматриваются.

Албынжи, 1951 — Албынжи. Хакасское героическое сказание. Новосибирск, 1951.

Алтын-Арыг, 1988 — Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988.

Балбыр, 1973 — *Балбыр Б.У.* Богда Чангар-хан (тувинский эпос) // Уч. зап. Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Сер. филолог. Вып. 11. Элиста, 1973.

Бартольд, 1968 — *Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана // Соч. Т. 5. М., 1968.

Бокту-Кириш, 1973 — Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. Тувинское народное сказание. Кызыл, 1973.

Бутанаев, 1976 — *Бутанаев В.Я.* К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов по данным исторического фольклора // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.

Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Гребнев, 1960 — *Гребнев Л.В.* Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М., 1960.

Дрэгер, 1986 — *Дрэгер Л.* Фратрия // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

Жирмунский, 1974 — *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Избр. тр. Л., 1974.

Золотарев, 1964 — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

История, 1993 — История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

Катанов, 1885а — *Катанов Н.Ф.* Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков (Енисейской губернии). СПб., 1885.

Катанов, 1885б — *Катанов Н.Ф.* Золотая Кукушка, богатырская поэма минусинских тюрков. СПб., 1885.

Катанов, 1907 — *Катанов Н.Ф.* Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф.Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В.В.Радловым. Ч. 9. СПб., 1907.

Кляшторный, 1976 — *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К 70-летию академика А.Н.Кононова. Л., 1976.

Кляшторный, 1984 — *Кляшторный С.Г.* Кагэн, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Уч. зап. ЛГУ, № 412. Сер. востоковед. наук. Вып. 9. Л., 1984.

Кляшторный, 2003 — *Кляшторный* С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Кон, 1934 — *Кон Ф.Я.* За 50 лет // Собр. соч. Т. 3. М., 1934.

Котвич, 1923 — *Котвич В.Л.* Из поучений Чингис-хана // Восток. 1923, № 3

Крадин, 1993 — *Крадин Н.Н.* Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

Крадин, 1995 — *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Крадин, 2002 — *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М., 2002.

Лубсан Данзан, 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973

Львова и др., 1989 — *Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

Майногашева, 1967 — *Майногашева В.Е.* Хакасское героическое сказание «Алтын-Арыг». Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1967.

Майногашева, 1988 — *Майногашева В.Е.* Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988.

Малов, 1951 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951.

Малов, 1959 — *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Моголии и Киргизии. М., 1959

Мелетинский, 1963 — *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963

Насилов, 1963 — *Насилов Д.М.* О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. 1963, № 6.

Потанин, 1883 — *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.

Пропп, 1958 — *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958.

Путилов, 1975 — *Путилов Б.Н.* Основные аспекты связей фольклора с традиционно-бытовой культурой // Советская этнография. 1975, № 2.

Путилов, 1976 — *Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976

Радлов, 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.

Си ю цзи, 1866 — Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.

Сказание, 1962 — Сказание о храбром Айдолае. Абакан, 1962.
Сказания, 1960 — Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос. Кызыл, 1960
Таскин, 1968 — *Таскин В.С.* Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
Титов, 1856 — *Титов В.* Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Русского географического общества. Т. 15. Кн. 5. СПб., 1856.
Трепавлов, 1989 — *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989
Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Могольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993
Трепавлов, 1995 — *Трепавлов В.В.* Дружина в бурятских улигерах // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 1995.
Трепавлов, 2000 — *Трепавлов В.В.* Канун государственности в олонхо (взгляд историка на якутский героический эпос) // Олонхо — духовное наследие народа саха. Якутск, 2000.
Тувинские, 1958 — Тувинские народные сказки. Вып. 2. Кызыл, 1958.
Тувинские, 1971 — Тувинские народные сказки. М., 1971.
Углыжеков, 2003 — *Угдыжеков С.А.* Семейно-брачная структура кыргызов VI–XIII вв. // Вестник Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова. Сер. 3: История. Право. Вып. 3. Абакан, 2003. http://www.kyrgyz/?page=193 <11.03.2004>
Унгвицкая, Майногашева, 1972 — *Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972.
Хакасские, 1955 — Хакасские народные сказки. Абакан, 1955.
Ямаева, 1986 — *Ямаева Е.Е.* Алтайский героический эпос (связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами). Автореф. канд. дис. Л., 1986.

Pelliot, 1923 — *Pelliot P.* Les mongols et la papauté // Revue de l'Orient chrétien. 3-e sér. T. 3 (23), № 1–2 (1922–1923).
Trepavlov, 1994 — *Trepavlov V.* The Social Status of the Yakut Epic Hero // Asian Folklore Studies. Vol. 54. Nagoya, 1994.

К.УСКЕНБАЙ
(Алматы)

Улусы первых Джучидов. Проблема терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда*

Широкомасштабные внешние войны Чингис-хана 1209–1227 гг. привели к созданию одного из сильнейших государств эпохи Средневековья — Великого Моногольского Улуса. Система государственного управления в империи, основанная на военно-административном делении и заложенная еще на рубеже XII–XIII вв. самим Чингис-ханом, оказалась достаточно жизнеспособной и продолжала существовать в улусах сыновей и внуков основателя империи.

Согласно традиции номадов, государство для более эффективного управления разделялось в военно-административном отношении на крылья и улусы. В этом плане Монгольская империя и ее улусно-крыльевая система являются самым ярким примером. Разделение армии и населения на крылья и улусы спроецировалось на административное устройство всей империи.

Самым крупным войсковым делением, соответственно нашедшим отражение и в административно-территориальном делении государства было деление на крылья. Правое крыло (монг. *бараун гар* — правая рука) в войске находилось на правом фланге, а при территориальном делении занимало западную часть; левое крыло (монг. *зуун гар* — левая рука; соответственно в мусульманских источниках — *мейсаре*) в войске — левый фланг, территориально — восточная часть[1]. На первом этапе административного деления империи существовал еще и центр

[1] В мусульманских источниках для правого и левого крыла использовались арабские термины — соответственно *меймане* и *мейсаре* (см., например, [Рашид ад-Дин, 1952, с. 266, 267]).

© К.Ускенбай, 2006

(*голун улус, гол*) (см. [Трепавлов, 1993, с. 96, 97]; ср. [Юдин, 1983, с. 151]).

Все три военно-административных подразделения имели четко обозначенное территориальное значение. Крылья располагались, согласно традиционной монгольской ориентации, по сторонам света: основной стороной (лицевой, передией) считался юг, а север считался задней стороной. Данный способ определения сторон света, относящийся к линейной (солярной) геосимволике, являлся одним из самых распространенных и был связан с культом Юга, Полуденного солнца. Исходя из этого, запад у моголов считался правой стороной, а восток — левой [Кюнов, 1978а, с. 73, 89] (см. также [Бартольд, 1966, с. 392; Юрченко, 2002, с. 251]).

Следующей административно-территориальной единицей был улус. Несколько улусов составляли крыло. Однако понимание термина *улус* во многом зависело от того контекста, в котором он употреблялся. Когда источники говорят о *Еке Монгол Улусе*, то здесь понимается вся империя, которая состоит из крыльев. Но каждое крыло, как уже было отмечено, состояло из улусов, хотя их дальнейшая градация имела разные военные и административные значения. Самыми крупными были улусы Джучи, Чагатая, Хулагу и каанский (каганский) улус (Коренной юрт), включавший в себя владения Угедея и Тулуя [Трепавлов, 1993, с. 96–98], окончательно сформировавшиеся к началу второй половины XIII в. Затем шли улусы руководителей тумэнов и тысяч. Этот принцип отражал суть военно-административного устройства Монгольского государства, когда каждое крыло делилось на тумены (тьмы), тысячи, сотни и десятки [Рашид ад-Дин, 1952, с. 266, 267].

Именно эта так называемая улусная система, или структура, легшая в основу административно-территориального устройства всей Монгольской империи, стала определяющим фактором всех дальнейших не только социально-политических, но и этнических процессов, протекавших в различных регионах государства, главным образом на территории прежних кипчакских степей, которые входили составной частью в один из первых и самых крупных улусов — Улус Джучи.

Для предотвращения центробежных тенденций и скорого распада вновь созданного государства, в целях более эффективного управления подвластной территорией Чингис-хан, продолжая древние кочевые традиции, начинает раздавать улусы своим родственникам и приближенным. Раздача улусов, составлявшая суть улусной системы Монгольской империи, нашла яркое отражение в основных источниках той

эпохи — анонимиой «Тайной истории моиголов» и «Сборнике летописей» персидского хрониста Рашид ад-Дина.

«По завершении устройства Моигольского государства, — говорится в „Тайиой истории моиголов", — Чиигис-хаи соизволил сказать: „Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойоиами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в создании государства". И иарек он и поставил нойонами-тысячниками иижепоименованных девяиосто и пять нойоиов-тысячников...» [Козин, 1941, § 202, с. 158]. Своим давиим сподвижникам, доказавшим верность и способности, Чиигис-хан доверил управление главными улусами страны.

«Пусть Боорчу, — гласил приказ Чингис-хана, — ведает тьмою (tumen) Правого корпуса (baraun qar), прилегающей к Алтаю», а «Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса (jaoun qar), примыкающей к Хараун-чжидуиу» [Козии, 1941, § 205, 206, с. 161]. Тайчуит Наяа, сыи Ширгету-Евгена, иаходившийся ранее иа службе у Таргутай-Кирилтуха, получил «Центральную тьму» [Козин, 1941, § 220, с. 168]. «Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство» [Козии, 1941, § 224, с. 168]. Кроме этого, он раздал улусы своей матери, сыновьям и младшим братьям: «дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином... Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт» [Козин, 1941, § 242, с. 176]. К каждому улусу он приставил своих сподвижиков [Козин, 1941, § 243, с. 176].

Рашид ад-Дин в своем обширном труде посвятил несколько разделов описанию каждой «тысячи» розданных в улусы, вошедших в «Гол — это была личная тысяча (*хазарэ-и хасс*) Чингиз-хаиа», в правое и левое крыло [Рашид ад-Дин, 1952, с. 266–281].

Территория современного Казахстана в полном соответствии с улусной системой была разделеиа между сыиовьями Чиигис-хана. По существу, весь Восточиый Дешт-и Кипчак вошел в состав улуса старшего сыиа — Джучи; центр его располагался на Иртыше. Лишь отдельные его приграничные регионы вошли в состав улусов младших братьев Джучи — Чагатая и Угедея. Территория, отданная второму сыиу Чингис-хана, Чагатаю, простиралась от Уйгурии (Восточиый Туркестан) через Южиое Прибалхашье (Жетысу) до Самарканда и Бухары и от Южиого Алтая до истоков Амударьи. Юрт Угедея, третьего сыиа Чингис-хаиа и его иаследиика, располагался в Тарбагатае; центр и усыпальница Угедеевичей находились на Верхнем Иртыше [Бартольд,

1963, с. 59; Рашид ад-Дин, 1960, с. 43]. Четвертый и самый младший сын от старшей жены Чингис-хаана Бортэ-фуджин — Тулуй получил улус своего отца — Моиголию, «Коренной юрт». Джучи получил свой улус первым (см. подробно [Ускенбай, 2002а]).

В период образования Монгольского государства география различных улусов претерпевает изменения. Ряд улусов меняет расположение, другие перестают фуикционировать как отдельные этнополитические единицы.

История сложеиия и развития улусиой системы Монгольской империи на территории Восточиого Дешт-и Кипчака тесио связаиа с проблемой терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда* — названий двух основных улусиых едииии в составе Джучидского государства, образовавшихся после смерти Джучи. Не всегда ясиые, порой противоречивые сведения средневековых источиików о местоиахождеиии Ак-Орды и Кок-Орды заставляли и заставляют исследователей выдвигать различные предположеиия. В результате в историографии этой проблемы за почти двухвековой период изучения определилось несколько точек зрения, в ряде случаев имеющих между собой прииципиальиые различия.

В ходе дискуссий о том, как изиачальио назывались улусы, а впоследствии государства, сформировавшиеся на базе улусных владеиий, возглавляемых двумя старшими сыиовьями Джучи — Ордой и Бату, исследователи золотоордыиского средиевековья ставили и отчасти решали и другие проблемы. Оии касались функциоиирования улусной системы на территории всего Джучидского государства и его составиой части — Восточного Дешт-и Кипчака, а именно особеииостей этой системы, сложившихся под влиянием внутреиних и виешних факторов на территории региона. Рассматривались вопросы исторической географии улусов джучидских ханов и огланов, их администрativио-политическое устройство и, исходя из этого, их государственный статус, степеиь зависимости этих улусных объединеиий от центра — сиачала общемоигольского в Каракоруме, а впоследствии сарайского в Поволжье. Наряду с этим высказывались миения и об изиачальной иезависимости и самостоятельиости двух основных улусов (Орды и Бату), и о формальной зависимости улуса Орды от улуса Бату. Выясиялись также географическое расположение и самоиазвание третьего джучидского улуса — улуса Шибана.

Спектр высказаиных миений по всем этим проблемам был самым различиым. В отдельных случаях иедостаток источниковой базы способствовал тому, что одни и те же высказывания, взятые из средневе-

ковых исторических, историко-географических, историко-генеалогических, поэтических и других произведений, трактовались исследователями по-разному.

Исторический анализ проблемы не будет полным без учета не только средневековой, но и современной историографии. Прежде чем перейти к рассмотрению взглядов отдельных исследователей, представляется целесообразным попытаться обрисовать ту картину, которая предстает из средневековых источников. Для авторов большинства источников, повествующих о событиях на территории средневекового Казахстана, было характерно то, что они писали о прошлом (далеком или близком) малознакомого им народа или чужой страны. И, говоря о том, как называлось то или иное государство на этой земле, они не утруждали себя (иногда просто по незнанию) подробными описаниями причин, времени, обстоятельств появления и исчезновения подобных наименований, ограничиваясь лишь констатацией услышанного или взятого из более раннего сочинения факта. Следовательно, любое описание военно- и этнополитических событий в регионе зависело от субъективных пристрастий конкретных авторов, их этнической и политической принадлежности.

Современная исследовательская литература отчасти преодолела эту зависимость, отделив историю (конкретные исторические факты) от средневековой историографии (трактовок и мнений авторов). Тем не менее относительно затрагиваемой проблемы среди современных исследователей нет единого мнения. Попытку абстрагироваться от разнобоя в мнениях («не вступая в литературную полемику») предпринял в одной из своих работ Т.И.Султанов, посвятив проблеме *Кок-Орды* и *Ак-Орды* специальный параграф [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 189–195]. Он изложил основные известные в средневековой литературе упоминания этих терминов[2] и предложил свою трактовку по этому поводу. Взяв за основу перечисленные исследователем факты, оставим пока в стороне его мнение. Факты эти, как известные, прошедшие горнило исторической критики, так и те, которые вызвали дискуссии в историко-востоковедческой литературе, заслуживают самого пристального внимания.

Как было отмечено выше, в результате монгольских завоеваний весь Казахстан вошел в состав Монгольской империи. Территория Дешт-и Кипчака — как восточной его части, так и западной (после «западного похода» 1237–1242 гг.) — была включена в состав новообразованного

[2] Впрочем, на них указывал еще М.Г.Сафаргалиев [Сафаргалиев, 1960, с. 14, 15].

Улуса Джучи. Согласно улусной системе, он изначально был разделен на два внутригосударственных улуса — крыла. Они соответствовали самым крупным административным единицам Джучидского государства. Надо полагать, разделение Улуса Джучи на крылья после смерти его основателя и до похода 1237–1242 гг. ограничивалось территорией Восточного Дешт-и Кипчака.

В территориальных границах этого региона, очевидно, и произошло первоначальное разделение Улуса Джучи на два крыла. Земли от Иртыша через Северное Прибалхашье до среднего течения Сырдарьи отошли к левому крылу, во главе которого стоял Орда со своими братьями — Удуром, Тука-Тимуром, Шинкуром и Синкумом [Рашид ад-Дин. 1941, с. 41]. Улус наследника отцовского трона — Бату и остальных его братьев, по всей видимости, располагался в северном Приаралье, в Тургайских степях, доходя на западе до Яика. По существу, Бату изначально унаследовал юрт своего отца на Улытау [Смаилов, 1996, с. 16–23]. Джучи переселился туда с берегов Иртыша после завоевания Хорезма.

Дальнейшее развитие улусная система получила после завоевания Западного Дешт-и Кипчака, когда Бату, возглавлявший правое крыло Улуса Джучи, переселился на берега Итиля (Волги). С этого времени Яик является межкрыльевой границей между улусами Орды и Бату. Но на территории прежнего юрта Бату в Западном Казахстане остается его младший брат Шибан, который положил начало новому отдельному улусному объединению со своей династийной линией.

Но вернемся к двум основным улусам. Не останавливаясь на их конкретной исторической географии (это предмет отдельного исследования), рассмотрим здесь один дискуссионный момент, который разноречиво подается как в средневековых сочинениях, так и в современной историографии. Речь идет о названиях *Ак-Орда* и *Кок-Орда*.

Главным источником, на который опираются или который критикуют современные исследователи, является «Муитахаб ат-таварих-и Му'ини» («Муиновские избранные истории») Му'ин ад-Дина Натанзи. Это сочинение персоязычного автора начала XV в. больше известно в исследовательской литературе как «Аноним Искандера». Поскольку оно является основным при рассмотрении указанной проблемы, представляется целесообразным остановиться на нем несколько подробнее. Данный труд создан при дворе хорасанских Тимуридов выходцем из селения Натанз Исфаханского вилайета Му'ин ад-Дином. В научный оборот это сочинение введено В.В.Бартольдом, который первоначально считал его автором Мухаммеда ибн Эмира Фазлал-

лаха Мусави, являвшегося на самом деле, как было установлено впоследствии самим Бартольдом, автором другого сочинения — «Тарих-и хайрат» [Бартольд, 1973б]. В работе Даулатшаха Самарканди он обнаружил сведения об историке по имени Му'ин ад-Дин Натанзи, состоявшем при дворе Тимурида Искандера (1409–1414) и написавшем кроме «Мунтахаб ат-таварих» биографию своего патрона. В связи с этим В.В.Бартольд заметил: «...едва ли подлежит спору, что аноним Искендера есть Му'ин ад-Дин Натанзи» [Бартольд, 1973в, с. 481–482].

Сочинение Натанзи дошло до нас в двух редакциях: первая была составлена для самого Искандера и сохранилась в четырех экземплярах, вторая была перепосвящена преемнику Искандера Шахруху и преподнесена ему автором в Герате в ноябре 1414 г. Рукопись этой редакции сохранилась в единственном экземпляре. Она представляет собой несколько сокращенный вариант первой редакции, в частности, из нее были убраны места, содержавшие восхваления Искандера [Бартольд, 1973а]. Для нашей темы эти различия не имеют значения.

«Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» представляет собой традиционное для мусульманской литературы описание всеобщей истории. Источниками, из которых Натанзи черпал информацию по истории Улуса Джучи, явились: для ранней истории — «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, для поздней — предположительно, какие-то не дошедшие до нас источники на тюркском языке, рассказы монгольских эмиров, состоявших при дворе Искандера, а также личные наблюдения автора — современника некоторых описываемых им событий.

Интересующая нас часть оригинального текста полностью опубликована в оригинале и в переводе С.Л.Волина в сборнике В.Г.Тизенгаузена [Натанзи, 1941, с. 127–138, 232–242]. Это издание и взято здесь за основу[1].

Изложив события, связанные с борьбой Токты и Ногая, закончившейся смертью последнего, Натанзи подытоживает: «После этого Улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Сегиз-ягача и Каратала до пределов Туйсена (Тулеса, Тумена. — *К.У.*), окрестностей Дженда и Барчкенда, утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-

[1] Сочинение Натанзи было издано в Иране Жаном Обеном [Extraits, 1957]; кроме того, перевод фрагментов, касающихся истории восточных Чагатаидов и Могулистана, был включен в «Материалы по истории киргизов и Киргизии» [Материалы, 1973].

Орды; правое же крыло, к которому относятся Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башгирд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая, и их называли султанами Кок-Орды» [Натанзи, 1941, с. 127]. Ниже автор перечисляет представителей обеих ветвей, правивших в этих улусах.

Сведения Му'ин ад-Дина Натанзи по истории Улуса Джучи в целом имеют очень важное значение. Этот труд донес до нас «другую, не иранскую, а среднеазиатскую историческую традицию», в нем приводится «много ценных данных, отсутствующих в других иранских источниках; достоверность их во многих случаях подтверждается сравнением с данными русских летописей» [Сборник, 1941, с. 8]. Оригинальны его сведения о роли нечингисидской знати в Джучидском государстве, значении ислама и отношении к нему ханов и султанов, политической истории Восточного Дешт-и Кипчака — между прочим, являющиеся главными в изучении Ак-Орды XIV в.; общепризнано значение этого источника по истории восточной ветви Чагатаидского Улуса, позже Могулистана [Материалы, 1973, с. 112, 113; Пищулина, 1977, с. 24–26, 58, 93, 198, 199 и сл.].

К недостаткам и ошибкам этого сочинения его исследователи относят «крайнюю сбивчивость хронологии», ставшую, очевидно, следствием некритического соединения разнородных сведений прежних источников [Сборник, 1941, с. 126–127]. Отчасти эта «сбивчивость» корректируется сведениями других источников и нумизматическими данными. К ошибкам относится и упомянание Ногая в качестве основателя «ветви султанов Ак-Орды» в вышеприведенном отрывке. Это утверждение автора «Мунтахаб ат-таварих» происходит, вероятнее всего, от того, что события, предшествовавшие приходу к власти Сасы-Буки, сына Баяна (а не Ногая), — борьба за власть в золотоордынском Поволжье, последующее поражение и смерть Ногая, бегство его сторонников, — остались для него неясными. Кроме того, в самой Ак-Орде в первом десятилетии XIV в. шла ожесточенная борьба за власть, в которой противостоящие стороны обращались за помощью к Чагатаидам Мавараннахра и Джучидам Золотой Орды [Ускенбай, 2002б; Ускенбай, 2003]. Все это не способствовало правильному пониманию исторических реалий, далеким и по времени (более столетия), и по территории (Тимуридский Хорасан), персидским автором.

Тем не менее эти и некоторые другие ошибки труда Натанзи нисколько не снижают его значения как источника по истории всего Улуса Джучи вообще и Восточного Дешт-и Кипчака в частности. Это подтверждается широким использованием данного сочинения исследова-

телями истории Золотой Орды [Сафаргалиев, 1960, с. 14, 65, 88, 106 и сл.; Федоров-Давыдов, 1973, с. 138–144; Егоров, 1985, с. 161, 162, 218 и сл.; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 193–199; Трепавлов, 1993, с. 87, 91, 94].

Данные Му'ин ад-Дина Натанзи об Ак-Орде и Кок-Орде достаточно подробны и оригинальны. В целом его сведения о наименованиях джучидских улусов заслуживают доверия. Необходимую, на наш взгляд, корректировку этих данных мы приводим ниже (см. также [Ускенбай, 1999]).

Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде были взяты Натанзи из какого-то более раннего источника, написанного, как уже отмечалось, на тюркском языке. Этот неизвестный источник, так же, впрочем, как и «Мунтахаб ат-таварих», был использован в произведениях других средневековых авторов. Наиболее важные из них — «Нусах-и джахан-ара» Кази Ахмада ибн Мухаммеда Гаффари Казвини (сочинение закончено незадолго до смерти — в 972 г.х. (1564-65 г.), умер в 975 г.х. (1567-68 г.); «Тарих-и Хайдари» (другие названия: «Зубдат ат-таварих», «Маджму ат-таварих») Хайдара ибн Али Хусайн Рази (закончено в 1028 г.х. — 1618-19 г.). Т.И.Султанов указывал, кроме того, что известия об Ак-Орде и Кок-Орде приведены, по версии Натанзи, также у Муслих ад-Дина Лари (умер в 1572 г.), ал-Хаки, Мунаджжим-баши и др. Все это опять-таки свидетельствует не только о традиции, установившейся в средневековой исторической литературе, но и об отражении определенных исторических реалий, зафиксированных источником, который лег в основу всех этих и других сочинений.

На бытование в тюркской (тюркоязычной) письменной и устной исторической традиции этих терминов определенно указывает «Хосров ва Ширин» Кутба. Это поэтическое произведение является одним из наиболее ценных памятников художественной литературы XIV в. на тюркском языке и представляет собой вольный перевод одноименного поэтического романа Низами, написанного на персидском языке [Наджип, 1966, с. 80]. Целью, побудившей Кутба «сварить из меда Низами халву», стало прославление имени хана Тенибека [Наджип, 1966, с. 83]. Последнему сочинение и было посвящено. По мнению исследователей этой поэмы (Г.Ю.Алиев, А.М.Ибатов, С.А.Каскабасов, Э.Н.Наджип, А.Н.Самойлович, А.Т.Тагирджанов), она была написана в Ак-Орде и преподнесена Тенибеку, сыну Узбека, в Сыгнаке, где он недолго был ханом[4].

[4] Попытку обоснования мнения о присутствии Тенибека в Сыгнаке см. [Ускенбай, 2002б; Ускенбай, 2003].

В «Хосров ва Ширин» (гл. VIII, стих 2) термин *Ак-Орда* употреблен в значении государства (*Ак Орда давлати*), трон которого украшала жена Тенибека «красавица» Хан-Малик.

Единичные упоминания рассматриваемых понятий имеются и в более поздних (XVII в.) сочинениях Махмуда ибн Вали и Абу-л-Гази. В «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, который здесь «использует какие-то тюркские источники, скорее всего устные предания, бытовавшие в среде Аштарханидов и их окружения» [Материалы, 1969, с. 327], есть следующее: «Что касается Бахадура, сына Шайбани-хана, который был вторым из двух светил на небосводе величия, то, когда его знаменитый отец переселился из бренного мира в обитель вечности, он вместо отца стал главенствовать над этим улусом. Повелев собраться близким родственникам, племенам и четырем каучинам, он выбрал для зимовок и летовок Ак-Орду, которая известна также как Йуз-Орда» [Махмуд ибн Вали, 1969, с. 347].

Если, по Махмуду ибн Вали, Бахадур сам выбрал Ак-Орду в качестве зимовок и летовок, то его современник Абу-л-Гази пишет, что Ак-Орда была пожалована Бахадуру золотоордынским ханом Менгу-Тимуром. Кроме Ак-Орды в «Шаджарат ал-атрак» Абу-л-Гази встречается «заблудившаяся» Кок-Орда. Повествуя о Бату, сыне Джучи, и его походах, хивинский хан-историк неожиданно заключает: «Резиденцией Джучи-хана была Кок-Орда, расположенная в Дешт-и Кипчаке» [Histoire, 1874, с. 180, 182]. Небезынтересно отметить, что термин *Кок-Орда* появляется в связи с именем хана Менгу-Тимура в сочинении Муниса и Агахи «Фирдаус ал-икбал» [Мингулов, 1981, с. 85; Munis, Agahi, 1988, с. 95, 97].

Наиболее ранним по времени написания произведением, где встречается термин *Кок-Орда*, является генеалогическое сочинение анонимного автора начала XV в. «Му'изз ал-ансаб...», созданное при дворе хорасанского Тимурида Шахруха в 829 г.х. (1425-26 г.). Составленный главным образом на основе сведений Рашид ад-Дина, этот труд, однако, имеет некоторые дополнения, отсутствующие в «Джами ат-таварих». Считается, что эти данные взяты из не дошедших до нас среднеазиатских источников и устных преданий [Сборник, 1941, с. 29]. К числу таких дополнений относится и упоминание этим автором Кок-Орды. Изложив события, связанные с деятельностью Орды и его отношениями с Бату, по Рашид ад-Дину, автор родословной добавляет: «Орду называли также Иченом, он и (брат его) Есен, оба родились от одной матери, у Орды было три старших жены, все три из племени кунгират; сыновей и уруг его называют Кок-Орда» [Сборник, 1941, с. 41, прим. 8; Кляшторный, Султанов, 2000, с. 200].

Кок-Орда («Синяя Орда») неоднократно встречается в русских летописях и территориально локализуется на востоке от Золотой Орды (улуса Бату), располагаясь где-то за Яиком. Эта летописная традиция оказала очень сильное влияние на последующую историческую мысль. В значительной мере именно указания летописцев стали поводом для рассматриваемой дискуссии. Примечательно, что русским источникам абсолютно неизвестен второй термин — «Ак-Орда» (Белая Орда). В связи с этим в литературе указывалось лишь на то, что *Улуг Улус* (Золотая Орда) периода Токтамыша в переводе его ярлыка к Ягайло на русский язык назван Белой Ордой. Казахстанские востоковеды справедливо отмечали, что название «Улуг Улус» «ошибочно в русских текстах было переведено как „Белая Орда"». В оригинале нет наименования этого государства [История, 1979, с. 149, 150, прим. 2; Мингулов, Пищулина, 1997, с. 112]. Впрочем, на это указывал еще П.С.Савельев [Савельев, 1858, с. 354].

Таковыми представляются основные данные источников о терминах «Ак-Орда» и «Кок-Орда». Несомненно, что упомянутые здесь сведения носят несколько противоречивый характер. Соответственно попытки осмысления этого факта в историографии Джучидов исследователями XIX–XX вв. приводили к различным результатам. Ниже мы попытаемся представить это разнообразие мнений, сопроводив их своими комментариями и трактовкой.

Работы русских историков XVIII в. В.Н.Татищева, М.М.Щербатова и других, посвященные прошлому Российского государства, содержали в себе и отдельные проблемы золотоордынской истории. Их работы, как правило основанные на летописях, отражали точку зрения последних. Это относится и к проблеме Ак-Орды и Кок-Орды. Упоминалась только Кок-Орда (Синяя Орда), а вопрос о существовании Ак-Орды пока даже не возникал.

Российским историкам XVIII — первой половины XIX в. зачастую были неизвестны сведения восточных (персидских) источников. Исходя из летописной традиции, считалось, что Улус Бату — это Золотая Орда, а Синяя Орда находилась на востоке. Уже первая специальная работа по истории Золотой Орды, где были привлечены восточные нарративы, поставила подобную трактовку под сомнение. Имеется в виду работа венского востоковеда Й. фон Хаммера-Пургшталя «История Золотой Орды» [Hammer-Purgstall, 1840]. Споров вокруг этой работы, ставшей «единственным ответом» [Сборник, 1884, с. VI] на объявленный в свое время Академией наук конкурс по написанию истории Улуса Джучи, было достаточно. Критика, посыпавшаяся в адрес Хаммер-Пургшталя, порой

была «неуместна» [Сафаргалиев, 1960, с. 5], а возникший «ученый скандал набросил невыгодную тень на ту и на другую сторону» [Сборник, 1884, с. VIII].

В исследовании Хаммер-Пургшталя впервые, насколько нам известно, указывалось, что русские историки неправильно именуют восточную орду Синей Ордой [Hammer-Purgstall, 1840, с. 249, 252, 327 и сл.]. В ответ на это П.С.Савельев, не вдаваясь в «изъяснения причин этой запутанности в названиях», сообщил, что «г. Гаммер напрасно упрекает всех русских историков в „неправильном" употреблении этого слова: оно основано на старинном его употреблении на Руси». Сам Савельев, будучи нумизматом, избегая «больших исторических, географических и филологических отступлений... счел нужным ограничиться только указанием на эти термины (и их различное применение. — *К.У.*), удержав для Зааральской Орды название „Синей", под которой она искони была у нас известна» [Савельев, 1858, с. 354–355]. Эту точку зрения приняли и другие нумизматы (см., например, [Марков, 1896, с. 443, 528]). В западной же историографии после книги Хаммер-Пургшталя утвердилось следующее применение терминов: западная орда, где правили Бату и его потомки, стала именоваться Синей, а восточная — Белой. Именно такое употребление мы встречаем у Вольфа, Лэн-Пуля, Шпулера и Пельо.

Эта точка зрения, сложившаяся под влиянием восточных источников, была самостоятельно отражена (уже на основе новооткрытого «Анонима Искандера») авторами первой советской монографии по истории Золотой Орды Б.Д.Грековым и А.Ю.Якубовским. Востоковед Якубовский, которому принадлежали соответствующие разделы, отметив несовпадение понятий *Белая Орда* и *Синяя Орда* в восточных и русских источниках, отдал все же предпочтение первым [Греков, Якубовский, 1950, с. 261, 262, 295]. Он широко применяет термины *Ак-Орда* для обозначения левого крыла и *Кок-Орда* — для правого. Эту же точку зрения на проблему и тоже на основе Натанзи выдвинул и П.П.Иванов [Иванов, 1958, с. 16–20].

Мнение Якубовского о расположении двух орд и времени их образования подверг критике М.Г.Сафаргалиев, одним из первых остановившийся на этой проблеме более подробно (по сравнению со своими предшественниками). В рецензии на книгу Грекова и Якубовского он отмечал: «Одним из спорных мест книги является вторая глава третьей части, посвященная возникновению Белой Орды... А.Ю.Якубовский на основе... „Анонима Искандера"... считает, что Белая Орда находилась на востоке...». Отметив далее (со ссылкой на В.В.Бартольда), что этот

источник «имеет дефекты... изобилует анахроиизмами», исследователь заключил: «Вряд ли есть необходимость предпочитать „Аноним Искандера" русскнм летописям, безукоризненно передающим историю Золотой Орды» [Сафаргалиев, 1950, с. 140–141]. Впоследствии М.Г.Сафаргалнев в своей монографии «Распад Золотой Орды», несколько расширив свои доводы, написал: «...Синюю Орду надо искать ие на западе, а на востоке, точнее, за рекой Янком, а Белую же Орду — на западных окраинах государства, вблизи Сарая» [Сафаргалиев, 1960, с. 14–15]. Данным Натанзи он противопоставил отрывочные сведения об Ак-Орде и Кок-Орде из упоминавшихся выше «Му'изз ал-ансаб», «Хосров ва Ширин», ярлыка Токтамыша Ягайле в русском переводе, а также главным образом указания русских летописей о Синей Орде.

Аргументы М.Г.Сафаргалиева были в дальнейшем поддержаны некоторыми другими исследователями истории Джучидского государства. Г.А.Федоров-Давыдов, посвятивший термннам *Ак-Орда* и *Кок-Орда* специальную статью, осторожно писал: «Весьма вероятным следует признать то предположение (М.Г.Сафаргалиева. — *К.У.*), что „Анонim" допустил ошибку в отнесении Ак-Орды к левому крылу, а Кок-Орды к правому крылу» [Федоров-Давыдов, 1968, с. 227]. Детально остановившись на «ошибке» Натанзи, исследователь нашел ей «рациональное объяснение». По его мненню, персидский хронист говорит об Ак-Орде н Кок-Орде после предполагаемого вторичного деления на крылья. которое произошло прн хане Токте только в рамках его государства (Золотой Орды в узком значении, т.е. Улуса Бату), между Токтой н Ногаем; Натанзн же отнес эти термины к первичному делению, т.е. между Бату и Ордой. «„Аноним Искандера", — пишет Г.А.Федоров-Давыдов, — приписал эти термины имению вторичному делению: левое крыло улуса дома Бату у него стало „Кок-Ордой", а правое крыло (потомки Ногая) — „Ак-Ордой". То есть „Аноним Искандера" правильно употребил значение этих термннов, но только не для первоначального членения на улусы сыновей Джучн — Бату и Орды, а для вторичного членения улуса Бату на улус Ногая и улус Токты». Исходя нз этого, исследователь рекомендовал «исправить ошибку» Натанзи и «называть левое крыло улуса Джучи в конце XIV — начале XV в. Кок-Ордой, а правое — Ак-Ордой» [Федоров-Давыдов. 1968, с. 229; Федоров-Давыдов, 1973, с. 143, 144].

Т.И.Султанов в своей первой работе по этому вопросу [Султанов, 1972] привлек дополнительные аргументы в поддержку гипотезы М.Г.Сафаргалиева. Он обращает внимание на принципы цветосимво-

лнки, распространенной у тюрко-монгольских народов средневековья. Со ссылкой на разработки А. фон Габен и турецких исследователей Х.Намнка и Э.Хасана он писал: «Часто цветовые эпитеты *ак, кара, кök* и прочие означали на Востоке не цвет; в результате метафорического употребления они нередко употреблялись для обозначения сторон света. В частности, *ак* означал запад, *кок* — восток, что также указывает на то, что Ак-Орда географически располагалась западнее Кок-Орды» [Султанов, 1972, с. 73].

Дальнейшее развитие проблема Ак-Орды и Кок-Орды получила после исследований А.Н.Кононова о цветовой геосимволике в тюркских языках [Кононов, 1978б]. Он привлек данные Г.А.Федорова-Давыдова и Т.И.Султанова о географическом расположении Ак-Орды и Кок-Орды, что дало ему основание сделать вывод: «Со значительной долей вероятности можно сделать заключение, что *кök* обозначает 'восток', *ак* — 'запад'» [Кононов, 1978б, с. 173]. Одновременно с советским тюркологом исследования по цветосимволике (Farbsymbolik) вели зарубежные востоковеды О.Прицак [Pritsak, 1981] и А. фон Габен [von Gabain, 1962].

Это предположение Кононова было принято рядом других историков Золотой Орды. Историк монгольской дипломатики А.П.Григорьев считал, что исследования А.Н.Кононова ставят «последнюю точку в ответе на этот вопрос (по поводу названий западной и восточной частей Улуса Джучи. — *К.У.*)» [Григорьев, 1983, с. 13] (см. также [Егоров, 1985, с. 160]). Думается, что петербургский тюрколог был несколько категоричен в своих выводах[3]. Ориентирование по странам света, писал в этой связи В.П.Юдин, «в тюркологии приобрело неоправданно широкое признание и стало „модным". Проблема нуждается в углубленном исследовании на конкретном материале, который, как правило, отрицает за цветообозначениями исходность и тем более исключительность символизации обозначений по странам света» [Юдин, 1983, с. 123–124].

Исходя из этих замечаний, Н.Л.Жуковская, исследуя связь между названиями этих орд и цветовой геосимволикой, писала, что «влияние геосимволики как первопричина названий этих орд оказывается весьма спорным» и поэтому «связь отдельных устоявшихся географических названий с евразийской цветовой геосимволикой лишь предположительна» [Жуковская, 1988, с. 156].

[3] По его мнению, «всесторонняя изученность названной проблемы на сегодняшний день позволяет сделать по ней однозначные выводы» [Григорьев, 1983, с. 13].

Еще один момент. В связи с цветовой геосимволикой и терминами *Ак-Орда* и *Кок-Орда* обратим внимание на самоназвание монголов — *Көке Монгол*. «Чингисхан, следуя традиции древних тюрков, — писал по этому поводу А.Н.Кононов, — назвал свой народ „Көке Монгол", по-видимому, потому, что их основная ставка тоже была на востоке» [Кононов, 1978б, с. 173]. Однако это, как утверждает Н.Л.Жуковская, «противоречит общепринятому этноцентрическому правилу, согласно которому каждый народ, осваивая окружающее пространство, помещает в центре его себя, а всех остальных располагает вокруг по периферии... монголы должны были помещать себя в центре и обозначать цветом центра, т.е. желтым» [Жуковская, 1988, с. 154–155].

В целом же моногольское понятие «пяти цветных народов» не укладывается ни в одну из известных символических классификаций [Жуковская, 1988, с. 155; Подосинов, 1999, с. 432]. В.В.Трепавлов вслед за А.Н.Кононовым находил «единственное объяснение разбираемому применению понятия „көке" — возрождение в XIII в. древнетюркской геополитической символики» [Трепавлов, 1993, с. 122]. Здесь исследователь имеет в виду связь «Көке Монгол» с «көк тюрк». Последний понимается им и другими историками как синоним «восточных» тюрков. По мнению же Ф.С.Фасеева, специально исследовавшего этот вопрос, «выражение kök türk не является ни этнонимом, ни территориально-политическим термином, т.е. не означает восточной или западной части тюркского каганата»[6] [Фасеев, 1978, с. 146].

Таким образом, происхождение названий этих орд от цветовой геосимволики, бытовавшей у тюркских народов, не может считаться обоснованным материалом источников. Это подтверждается исследованиями историков-источниковедов. По мнению В.П.Юдина, обратившего внимание на рассказ Утемиш-хаджи, автора «Чингиз-наме» (XVI в.), о юртах белого, синего и серого цвета, поставленных Чингис-ханом для своих внуков Бату, Орды и Шибана — сыновей Джучи, «символика цветообозначений (здесь. — *К.У.*) связана с социальной стратификацией, а не с ориентированием по странам света» [Юдин, 1983, с. 123–124]. Иными словами, цвет юрт, поставленных для первых Джучидов их дедом, стал применяться в цветовом отношении сначала для обозначения их ставок, а затем и улусов. Эту трактовку, очевидно, принял впоследствии и Т.И.Султанов [Кляшторный, Султанов, 1992,

[6] Указание В.В.Трепавлова на то, что этот вывод не может быть принят, потому что Ф.С.Фасеев не привлек данные О.Прицака и А.Н.Кононова, вряд ли приемлемо. Разработки А. фон Габен, из которых исходил Ф.С.Фасеев, внесли известный вклад в исследование цветосимволики и дают ясное представление о ее сути.

с. 186, 187, 191], ранее, как отмечалось, исходивший из того, что в их основе лежали обозначения стран света [Султанов, 1972, с. 73].

В явно легендарном (см. [Юдин, 1983, с. 124; Бартольд, 1973, с. 166]) рассказе Утемиш-хаджи несколько иначе и, по всей видимости, намеренно искаженно излагается широко известный факт раздачи Чингис-ханом юрт своим сыновьям. Выше отмечалось, что Чингис-хан «сонзволил» выделить матери, сыновьям и сподвижникам по нескольку тысяч юрт. В «Тайной истории монголов» говорится о количестве юрт, но не об их цвете. В «Чингиз-наме» тысячи юрт (т.е. улусные люди) превратились в юрту (жилье), поставленную для внуков. Кроме того, утверждается, что, когда они (сыновья Джучи) прибыли к Чингис-хану, он поставил им три юрты: «белую юрту с золотым порогом поставил для Саин-хана; синюю юрту с серебряным порогом поставил для Ичена; серую юрту со стальным порогом — для Шибана» [Утемиш-хаджи, 1992, с. 92][1].

Исходя из этого рассказа Утемиш-хаджи, В.П.Юдин утверждал, будто «в качестве официальных названий держав или даже географических районов (эти термины. — *К.У.*) тогда еще не применялись, а имели переносные, метафорические значения и использовались: Синяя Орда — для обозначения удела Орды-Эджена, левого крыла Улуса Джучи, а Белая Орда — для обозначения удела Бату, правого крыла Улуса Джучи» [Юдин, 1983, с. 125]. К двум этим ордам, по его мнению, необходимо прибавить Серую Орду (*Боз-Орда*) Шибана как отдельный улус. Юдин считает, что «сведения о Боз-Орде в „Чингиз-наме" не могли быть сфабрикованы в XVI в.» [Юдин, 1983, с. 128–129]. Несостоятельность последнего утверждения четко показана Ю.А.Зуевым, который считает, что Утемиш-хаджи «совершенно произвольно изложил... реальный факт „дарения юрт"... смысл (этого рассказа. — *К.У.*)... и включение в этот ряд орды Шибана состоит в придании ему и его наследникам „законноханских" прав... и в оправдании престольных претензий Шибанидов в Степи» [Зуев, 1998, с. 95]. Под пером Утемиш-хаджи Йуз-Орда превращается в «доселе неизвестное и, по-видимому, никогда вообще не существовавшее государственное образование Боз-Орда», а племя булатов, данных Шибану, превратилось в стальную (*булат*) раму его юрты [Зуев, 1998, с. 95]. Справедливо отвергнута Ю.А.Зуевым и попытка В.П.Юдина связать «ложную подачу Утемиш-хаджи» о мнимой Боз-Орде с монгольской *боро кошилик* (запасная походная серая юрта).

[1] *Алтын босагалы ак орге; кумыс босагалы кок орда; болат босагалы боз орда.*

Необходимо отметить, что Ю.А.Зуев в этой работе предложил иную трактовку понятия *Ак-Орда*. Проводя сравнительно-типологическое исследование форм этносоциальной организации юношеских Центральной Азии в древний и средневековый периоды, он, в частности, полагает, что «происхождение Ак-Орды» совпадает с атрибутами *ак-ойли* («белодомовых») [Зуев, 1998, с. 94, 95]. Здесь имеется в виду известная у ряда евразийских народов традиция выделения юношей (подростков) племени или группы близкородственных племен в особую корпорацию с отдельным ее поселением вне основных жилищ племени, с наложением на нее определенных функций, в том числе военных (сторожевой, авангардной) [Зуев, 1998, с. 49]. Они были отстранены от хозяйственной деятельности, и поэтому их жилища оставались незадымленными, «белыми» — отсюда ак-ойлы [Зуев, 1998, с. 94]. В качестве возможного пережитка этого института приводятся данные об участии отрядов Шибана в авангарде монгольского войска и последующем выделении ему четырех племен, наследовании его (Шибана) улуса Бахадуром, его сыном.

В связи с именем последнего приводится мнение А.А.Семенова о значении термина (но не имени) *бахадур*, которым обозначались ближайшие дружинники хана, никогда не вмешивавшиеся в государственные дела[8]. Нисколько не оспаривая эвристические и серьезные разработки Ю.А.Зуева, позволим себе не согласиться с ним в данном частном аспекте. Остается непонятным, почему же Бахадур, правитель отдельного улуса, не вмешивался в государственные дела и отстранялся от хозяйственной деятельности. В стройной концепции «Ак-Орда — ак-ойли» остаются не учтенными Кок-Орда и ее значение.

Возвращаясь к историографии проблемы Ак-Орды и Кок-Орды, необходимо отметить, что в новейших исследованиях был продолжен поиск ее решения. Т.И.Султанов, надо полагать, несколько пересмотрел свое прежнее мнение и предложил применять эту терминологию только для Восточного Дешт-и Кипчака: Кок-Орда — ставка Джучи, затем владения Орды, Ак-Орда — владения Шибана [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 195] (ср. [Султанов, 1972, с. 72–74]). Так же осто-

[8] Однако напрасно Ю.А.Зуев приписывает подобную трактовку этого термина А.А.Семенову. В конкретно-политическом исследовании последнего, посвященном биографии Мухаммеда Шайбани-хана и завоеванию им империи Тимуридов, терминологическая задача не ставилась. А.А.Семенов лишь уточняет, что бахадурами назывались ближайшие дружинники Шайбани-хана. А его слова «не в пример прочей знати никогда не вмешивались в государственные дела» относятся к потомкам известного самаркандского законоведа и теолога X в. шайх ал-ислама Абу-л-Лайса Самарканди, не имевшим к бахадурам Шайбани-хана никакого отношения [Семенов, 1954, с. 52].

рожно была предложена и другая этимология Кок-Орды как «юрты синего цвета» [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 191] (ср. [Султанов, 1972, с. 73]). В другой своей работе Т.И.Султанов все же согласился с мнением, что названия *Ак-Орда* и *Кок-Орда* связаны с делением Улуса Джучи на правое и левое крылья [Кляшторный, Султанов, 2000, с. 198–200]: «Судя по всему... термин Кок-Орда стал обозначением владений всех царевичей левого крыла... Очевидно, Орда — ставка царевича Бату... в поволжских степях также имела свое особое название. Скорее всего, она называлась Ак-Ордой (Белой Ордой)». Исследователь признал тот факт, что такой важный момент, как название государства, «не зафиксирован средневековыми авторами». Очевидно, потому, что нечего было фиксировать.

Привела свои доводы и аргументацию в этом вопросе К.А.Пищулина[9]. По ее мнению, Кок-Орда хана Орды расширила свои земли за счет территории и населения Ак-Орды Шибана. Именно эту объединенную Ак-Орду на территории Восточного Дешт-и Кипчака и зафиксировал Му'ин ад-Дин Натанзи [Мингулов, Пищулина, 1997, с. 113, 114]. Автор также исходит из того мнения, что в основе названий орд лежала цветовая геосимволика по сторонам света (*кок* — восток, *ак* — запад).

В работах В.В.Трепавлова цветовая геосимволика в связи с разбираемой проблемой получила свое дальнейшее развитие. Продолжая мысль Г.А.Федорова-Давыдова о вторичном делении Улуса Джучи при Токте, исследователь предложил более расширенную ее аргументацию. По его мнению, не только улус Бату при Токте был поделен на крылья (хан и бекларбек), но и улус Орды также прошел через это. Последний был поделен между самим Ордой и его младшим братом Шибаном. Первичное деление — это Ак-Орда Бату и Кок-Орда Орды, вторичное — это Ак-Орда Шибана и снова Кок-Орда Орды[10] [Трепавлов, 1993,

[9] К.А.Пищулина впервые в литературе предприняла попытку охарактеризовать источниковедческое и историографическое состояние проблемы. Ею проанализированы основные свидетельства средневековых источников об Ак-Орде и Кок-Орде, обозначены главные мнения, существующие в исследованиях [Мингулов, Пищулина, 1997, с. 106–113].

[10] Представляется все же, что подобная реконструкция улусных названий несколько надуманна. Если при вторичном делении улуса Орды (Кок-Орды) вновь были применены цветообозначения, то почему таковые не были применены и в улусе Бату (Ак-Орде). Исходя из этой реконструкции автора, логично назвать улус Токты (хана), сформировавшего левое крыло улуса Бату, Кок-Ордой, так как он был восточнее улуса бекларбека, ставшего во главе правого крыла. Последний, в свою очередь, должен был стать вторичной Ак-Ордой в Ак-Орде.

с. 86–94]. Гипотеза В.В.Трепавлова была принята К.А.Пищулиной [Мингулов, Пищулина, 1997, с. 113].

Однако имеющийся в распоряжении историков материал не позволяет принять подобную трактовку. Не случайно некоторые исследователи больше склоняются к тому выводу, что цветообозначения в названиях орд были характерны только для территории Восточного Дешт-и Кипчака. Об этом и говорил Т.И.Султанов (см. выше). Разбору этого момента была посвящена специальная работа Н.Н.Мингулова. В отличие от своих предшественников (М.Г.Сафаргалиева, Г.А.Федорова-Давыдова и «раннего» Т.И.Султанова) он считал, что цветовые названия («белая» и «синяя») были характерны только для Восточного Дешт-и Кипчака. При этом Ак-Ордой назывался удел Орды, а Кок-Ордой, соответственно, удел Шибана [Мингулов, 1981, с. 85, 86, 95]. Кстати, именно так применял данную терминологию и Л.Н.Гумилев [Гумилев, 1989, с. 616]. Представляется все же, что достаточно рациональное предположение Н.Н.Мингулова не получило должной аргументации. Очевидно, по этой причине оно было подвергнуто критике его оппонентами [Юдин, 1983, с. 127; Трепавлов, 1993, с. 128].

Тот факт, что цветовые обозначения для орд применялись только в Восточном Дешт-и Кипчаке, косвенно подтверждают данные русских летописей. Они являются одним из главных источников при освещении истории Золотой Орды (улуса Бату). Учитывая это, резонно искать в них упоминания Белой Орды, так как «Золотая Орда (правое крыло улуса Джучи) всегда называлась Ак-Ордой» [Егоров, 1972, с. 35]. Однако его там нет. Если бы монголы Поволжья или их подданные тюркоязычные племена называли свое государство Ак-Ордой, то это, несомненно, нашло бы свое отражение в русских источниках. Иначе говоря, если этого названия (*Белая Орда*) нет в летописях, то не было его и в исторической реальности того времени (применительно к улусу Бату).

Дополнительным подтверждением этому служит частое упоминание второго разбираемого здесь названия, *Синяя Орда*, в летописях. Бывавшие неоднократно в Сарае русские слышали о существовании Синей Орды и ее примерном географическом расположении. Эта информация, в свою очередь, поступала к летописцам, которые и донесли до нас эти в принципе достаточно смутные известия.

Сведения летописцев о Синей Орде можно условно подразделить на две группы. К первой относятся упоминания, хронологически привя-

занные ко второй половине XIV в.; сведения второй группы относятся к ногайскому периоду (XVI–XVII вв.).

Летописные известия о Синей Орде второй половины XIV в. почти дословно повторяют друг друга, что заставляет предполагать более ранний общий источник информации. Синяя Орда в них связывается с именами трех политических деятелей того периода: Арабшаха, Токтамыша, Тимура. Приведем эти данные по Никоновской летописи как наиболее подробной.

1. «Того же лета (1377 г. — *К.У.*) перебежа из *Синие Орды за Волгу* некий царевич именем *Арабша*, в Мамаеву Орду Воложскую; и бе той царевич Арабша свереп зело, и ратник великий, и мужественнен, и крепок, возрастом же телесным отнюдь мал зело, мужеством же велнкий и победи многих, и восхоти итн ратью к Новугороду Нижнему»[11] [Патриаршая, 1965б, с. 27]. Далее следует описание известной битвы на реке Пьяне, где отряды Мамая разбили русское войско, которое «зело любляху же пианство», а наш герой в это время пограбил Засурье.

2. «И сиде ему (Мамаю. — *К.У.*) умыслившу и мало двигнувшуся с силами своими с великою яростию на великого князя Дмитрия Ивановнча, и се приде ему весть, что идет на него некий царь *с востока*. нменем *Тохтамыш*, из *Синие Орды*. Мамай же, еже уготова на велнкого князя Дмитреа Ивановнча рать, с тою ратью поиде противу его, и сретошася на Калках, и бысть им бой, и царь Тохтамыш победн Мамая и прогна его. Мамаевы же князн отай Мамая совещавшеся меж собою, глаголюще: „Несть добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаемы и избиваемы от сопротнвных наших; и что пользует нас жнтне в царствни его? Отидем убо ко царю Тохтамышу н узрим тамо, что аще будет“. И тако Мамаевы князи сшедше с коней своих, биша челом царю Тохтамышу и даша ему правду по своей вере, и пнша к нему роту, и яшася за него, а Мамая оставиша отнюдь в мале дружнне, посрамлена и поругана» [Патриаршая, 1965б, с. 68–69].

3. «О Темире, иже победи царя Баозита. Повем же, откуду есть сей Темир (далее излагается тюркская версия его появления и возвышения, описывается поход в Персню. — *К.У.*)... Возвращаетжеся Темир в Персиду, приат же и Асирию, и Вавилонское царство, и Севастню, н Армению; и вси Орды поплени и приать, и *Синюю орду, еже есть близ Индеи*, и Сарай Великнй, и Чегадай, Тевризи н Гуристани, Обези и

[11] Везде в цитатах курсив мой. — *К.У.*

Гурзи... И пришед в Великую Орду (не Белую! — *К.У.*) и царя Тохтамыша, победив, прогна» [Патриаршая, 1965б, с. 151–152]. Далее. В 1395 г. «бысть замятня велика во Орде: приде некий царь Темир Аксак *с восточной страны, от Синие Орды, от Самархийскиа земли*, и много смущения и мятеж воздвиже во Орде и на Руси своим пришествием» [Патриаршая, 1965б, с. 158]. Говоря о Тимуре, летописец добавляет: «...не царь бе, ни сын царев, ни племени царски, ни княжеска, ни боярска, но такое от простых нищих людей, *от Заяцких Татар, от Самархийские земли, от Синие Орды, иже бе за Железными врата*» [Патриаршая, 1965б, с. 158]. Также Синяя Орда упоминается среди завоеванных им стран.

Приведенные употребления названия *Синяя Орда* в указанных выше трех случаях имеются и в других летописях. Практически в тех же словах или в несколько сокращенном виде эти сведения приведены в Московском летописном своде конца XV в. [Московский, 1949, с. 193, 205, 222], Волго-Пермской [Волго-Пермская, 1959, с. 124, 145, 283, 343], Никаноровской [Никаноровская, 1962, с. 70, 76], Уваровской [Летописный, 1963, с. 79, 82, 87, 241, 246, 251], Холмогорской [Холмогорская, 1977, с. 88, 89, 92] и других летописях.

Резюмируя эти данные, необходимо отметить следующее. Синяя Орда располагалась за Волгой или еще дальше, за Яиком. Ее географическое расположение летописцы представляли достаточно смутно — «от восточные страны от Синие Орды», «от востока от Синие Орды» [Устюжские, 1982, с. 36, 38]. Об этом же говорит попытка ее более конкретной локализации: «иже бе за Железными врата», «еже есть близ Индеи». Последнее указание, вопреки мнению В.Л.Егорова, ни в коей мере не свидетельствует о том, что Синяя Орда находилась «на территории современного Казахстана по р. Сыр-Дарье и к востоку от нее» [Егоров, 1972, с. 35; Егоров, 1985, с. 160].

К обозначенной выше второй группе летописных сведений о Синей Орде относятся ее упоминания в Устюжских летописях XVI–XVIII вв.

1. «Того же лета (1455 г. — *К.У.*) приходили татаровя ратью *от Синие Орды* к Москве и ничего не учиниша» [Устюжские, 1982, с. 45].

2. «Того же лета (1455 г. — *К.У.*) приходили татаровя *от Синие Орды Ахметовы* и, перерезши Оку реку, поселья и в полон поймали. А Иван Ощеря с Коломенскою силою и стоял; татарове убили князя Семена Бабича. И приде Федор Басенок Васильевич с двором великого князя, татар, догнав за Окою, бил, полон отполонил» [Устюжские, 1982, с. 89].

Здесь речь идет о набеге волжских татар на левый берег Оки в 1455 г. Информация об этом событии есть и у других летописцев, но без упоминания Синей Орды (сводку см. [Астайкин, 1996, с. 525, 526]). Небезынтересно заметить, что здесь же наряду со сведениями о набеге Саид-Ахмеда говорится и о походе 1460 г. «царя Ахмета Коче Ахметовича Большие Орды» [Устюжские, 1982, с. 89; Сафаргалиев, 1960, с. 264, 265].

В заключение отметим такой примечательный момент. Авторы указателей, составленных к русским летописям в XIX — начале XX в., Синюю Орду отождествляли с Ногайской и Шибанской Ордами (см., например, [Указатели, 1965, с. 258]). Иными словами, здесь имеются в виду заяицкие (зауральскне) степи, принадлежавшие Шибанидам. Впоследствии, в XVI в., они перешли в веденне Ногайской Орды. Уместно вспомнить первого выходца из Синей Орды, которого зафиксировали в таком качестве летописи, — Шибанида Арабшаха. Исходя из этого, можно согласиться с выводом Н.Н.Мингулова о том, что владения Шибана именовались в русских летописях Заянцкой, или Синей, Ордой, а в восточных источниках — Кок-Ордой [Мингулов, 1981, с. 95].

Становится понятным и тот факт, что летописцам была неизвестна Белая Орда. Владения старшего Джучида, Орды, — Ак-Орда, — находившиеся далеко от Руси, за пределами владений Шибана, на территории от Сырдарьи до Иртыша (Восточный, Центральный и Южный Казахстан), остались за пределами их знаний. Отражением каких-то слухов о Белой Орде стало ее упоминание в русском варианте ярлыка Токтамыша к Ягайле. Очевидно, Токтамыш, являвшийся прежде белоордынским ханом, и стал источником подобных слухов.

Специально занимавшийся историей улуса Шибана В.П.Костюков в известных нам работах [Костюков, 1997; Костюков, 1998] не уделил должного внимания этому вопросу. Он согласился с вышеприведенным выводом М.Г.Сафаргалиева.

Нам представляется, что при реконструкции применения терминов «Ак-Орда» и «Кок-Орда» следует обратить особое внимание на сообщение Натанзи о том, будто потомков хана Токты (правое крыло) стали называть султанами Кок-Орды. Последним ее ханом, согласно «Мунтахаб ат-таварих», был Бердибек. После его смерти «никого из рода султанов Кок-Орды не осталось в живых» [Натанзи, 1941, с. 129]. Справедливо ли это утверждение? Военно-политические события рубежа 50–60-х годов XIV в. заставляют сделать несколько иное пред-

положение. Берднбек был последним действительным представителем уруга Бату. После кратковременных правлений реальных или мнимых Батуидов, Куппы и Науруза, в Поволжье, традиционном домене потомков Бату, происходит смена этой линии Джучидов другой. К власти приходят Шнбаниды, принеся вместе с собой и название своего улуса — *Кок-Орда*. Смена династии, по всей видимости, и привела к смене названия. Эту сарайскую Кок-Орду Шнбанидов Натанзи, очевидно, н перенес на более ранний период, на Золотую Орду Бату.

Никоновская летопись сообщает: «Того же лета (1360 г. — *К.У.*) принде с востока некий Заяицкий царь Хидырь на царство Волжское ратью, и бысть лесть во князях Ординских Волжскаго царства, и начаша тайно ссылатися с Хидырем, царем Заяитцким, лукавствующе на Волжскаго своего царя Науруса. И составися тайноя лесть их в дело, и сътупишася на бой, и выдан бысть от своих князей Волжский царь Наурус Заяицкому царю Хидырю. И тако убиен бысть и с сыном своим Темирем; такоже и царица Тайдала убиена бысть, и князи Ординские, иже в любви и в совете быша Наурусу, царю Волжскому, Муалбузина чядь со множеством татар их избиена быша. И тако по смерти Науруса, царя Волжского, сяде на Волжском царствии Хидырь, царь Заяицкий, нже со востока прииде; и бысть тогда во Орде замятня велиа» [Патриаршая, 1965а, с. 232].

К словам летописца остается добавить: «Золотая орда стала Синей» [Гумилев, 1989, с. 617, 618; Гумилев, 1992, с. 113, 157]. В составленной В.Н.Татищевым летописной редакции имеется следующий интересный фрагмент: «Того же лета приде от востока некий заянцкий хан *Хидырь Синяя орды* на ханство Волжское ратью» [Татищев, 1965, с. 111]. С учетом шибанидского происхождения Хызра (Хидыря) становится понятным и сам термин *Синяя Орда*, и его употребление в качестве названия прежних поволжских владений Батуидов[12].

Эту информацию летописи дополняет Утемиш-хаджи, который сообщает, что Шибанид Хызр-хан, сын Мангытая, разломал *золотую юрту*, оставшуюся от Узбека и Джанибека, и раздал золото и серебро своим *казакам* (*алтын термені бузып казакларынга улесдур болды*), а хозяйку ее — Тайдулу приказал убить [Утемиш-хаджи, 1992, с. 112–113, л. 53а — 54а]. «Так погибла Тайдула, так сгинула Золотая Юрта Узбека» [Юдин, 1983, с. 133].

[12] В.Л.Егоров, принимая Хызра за представителя левого крыла, писал: «О Хызре сообщается, что он пришел „на царство Волжское" с востока, то есть, видимо, из Кок-орды» [Егоров, 1974, с. 44, 45]. В другой работе он прямо называет Хызра представителем Кок-Орды [Егоров, 1980, с. 182, 183].

Истребив последних представителей прежней власти и уничтожив символ их государственности — Золотую Юрту-Орду, Хызр-хан положил начало династии Шибанидов на золотоордынском престоле, который теперь, надо полагать, стал кок-ордынским.

Подведем итог. Применение терминов *Ак-Орда* и *Кок-Орда* было явлением, характерным только для территории Восточного Дешт-и Кипчака. При этом Ак-Ордой (Белой Ордой) назывались владения старшего сына Джучи — Орды, а Кок-Ордой (Синей Ордой) — владения пятого сына Джучи, Шибана. Во второй половине XIV в. происходят события, повлекшие за собой и изменения в применении разбираемой терминологии. Шибаниды, захватившие власть в Золотой Орде, переносят название своего улуса на нее. В свою очередь, их территория на рубеже 60–70-х годов XIV в. была окончательно присоединена к Ак-Орде Урус-хана, потомка хана Орды.

Астайкин, 1996 — *Астайкин А.А.* Летописи о вторжениях на Русь: 1223–1480 гг. // Арабески истории. Вып. 3–4: Русский разлив. Т. I. М., 1996.

Бартольд, 1963 — *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963.

Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Т. IV. М., 1966.

Бартольд, 1973а — *Бартольд В.В.* Еще об анониме Искендера // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1973б — *Бартольд В.В.* Историк Мусеин как автор تاريخ خيرات // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1973в — *Бартольд В.В.* Определение анонима Искендера // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Бартольд, 1973г — *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 г. // Соч. Т. VIII. М., 1973.

Волго-Пермская, 1959 — Волго-Пермская летопись. М.; Л., 1959 (ПСРЛ. Т. 26).

Греков, Якубовский, 1950 — *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.

Григорьев, 1983 — *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7.

Гумилев, 1989 — *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев, 1992 — *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.

Егоров, 1972 — *Егоров В.Л.* Государственное и административное устройство Золотой Орды // Вопросы истории. 1972, № 2.

Егоров, 1974 — *Егоров В.Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974, № 8.

Егоров, 1980 — *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

Егоров, 1985 — *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Жуковская, 1988 — *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Зуев, 1998 — *Зуев Ю.А.* О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: Пестрая Орда, Сотня (сравнительно-типологическое исследование) // Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековье). Алматы, 1998.

Иванов, 1958 — *Иванов П.П.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958.

История, 1979 — История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) Т. 2. А.-А., 1979.

Кляшторный, Султанов, 1992 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. А.-А., 1992.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Козин, 1941 — *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941

Кононов, 1978а — *Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТС. 1974. М., 1978.

Кононов, 1978б — *Кононов А.Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // ТС. 1975. М., 1978.

Костюков, 1997 — *Костюков В.П.* Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана). Автореф. канд. дис. Уфа, 1997.

Костюков, 1998 — *Костюков В.П.* Улус Шибана в XIII–XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.; Магнитогорск, 1998.

Летописный, 1963 — Летописный свод 1518 года (Уваровская летопись). М.; Л., 1963 (ПСРЛ. Т. 28)

Марков, 1896 — *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896.

Материалы, 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К.Ибрагимов и др. А.-А., 1969.

Материалы, 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1 / Отв. ред. В.А.Ромодин. М., 1973.

Махмуд ибн Вали, 1969 — *Махмуд ибн эмир Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал ахнар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К.Ибрагимов и др. А.-А., 1969.

Мингулов, 1981 — *Мингулов Н.Н.* К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). А.-А., 1981.

Мингулов, Пищулина, 1997 — *Мингулов Н.Н., Пищулина К.А.* Ак-Орда в XIV веке // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 2. А.-А., 1997.

Московский, 1949 — Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949 (ПСРЛ. Т. 25).

Наджип, 1966 — *Наджип Э.Н.* «Хосрау и Ширин» Кутба и его язык // ТС. К 60-летию А.Н.Кононова. М., 1966.

Натаизи, 1941 — *Му'ин ад-Дин Натанзи.* Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Никаноровская, 1962 — Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962 (ПСРЛ. Т. 27).

Патриаршая, 1965а — Патриаршая, или Никоновская, летопись. М., 1965 (ПСРЛ. Т. 9, 10).

Патриаршая, 1965б — Патриаршая, или Никоновская, летопись [3-е изд.]. М., 1965 (ПСРЛ. Т. 11, 12).

Пищулина, 1977 — *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI в. (вопросы политической и социально-экономической истории). А.-А., 1977.

Подосинов, 1999 — *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Рашид ад-Дин, 1952 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин, 1960 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2 / Пер. с перс. Ю.П.Верховского. М.; Л., 1960.

Савельев, 1858 — *Савельев П.С.* Монеты джучидские, джагатайские, джаланридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Тр. Вост. отд. Рус. археол. общества. Ч. III. СПб., 1858.

Сафаргалиев, 1950 — *Сафаргалиев М.Г.* [Рец. на:] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение // Вопросы истории. 1950, № 9.

Сафаргалиев, 1960 — *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сборник, 1884 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В.Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Сборник, 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузеном и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М.; Л., 1941.

Семенов, 1954 — *Семенов А.А.* К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. I. Сталинабад, 1954.

Смагулов, 1996 — *Смагулов Ж.Е.* Памятники археологии Западной Сары-Арки (средневековые городища и поселения). Жезказган, 1996.

Султанов, 1972 — *Султанов Т.И.* О терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1972, № 3.

Татищев, 1965 — *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965.

Трепавлов, 1993 — *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Указатели, 1965 — Указатели к Никоновской летописи (9–14 тт.). М., 1965 (ПСРЛ. Т. 14).

Ускенбай, 1999 — *Ускенбай К.З.* «Мунтахаб ат-таварих-и Му'нни» как источник по истории Ак-Орды XIV века (к постановке проблемы) // Вопросы отечественной истории. Алматы, 1999.

Ускенбай, 2002а — *Ускенбай К.З.* Жошы Улысынын курылуы // Абай. 2002, № 1.

Ускенбай, 2002б — *Ускенбай К.З.* Восточный Дешт-и Кипчак в XIII — первой трети XV в. Из истории Ак-Орды // Вопросы истории Казахстана. Исследования молодых ученых. Ч. III. Алматы, 2002.

Ускенбай, 2003 — *Ускенбай К.З.* Восточный Дешт-и Кипчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV в. Аспекты политической истории Ак-Орды. Автореф. канд. дис. Алматы, 2003.

Устюжские, 1982 — Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982 (ПСРЛ. Т. 37).

Утемиш-хаджи, 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факс., пер., транскрипция, текстолог. прим., исслед. В.П.Юдина. А.-А., 1992.

Фасеев, 1978 — *Фасеев Ф.С.* Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Федоров-Давыдов, 1968 — *Федоров-Давыдов Г.А.* «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения С.П.Толстова. М., 1968.

Федоров-Давыдов, 1973 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Холмогорская, 1977 — Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977 (ПСРЛ. Т. 33).

Юдин, 1983 — *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. А.-А., 1983.

Юрченко, 2002 — *Юрченко А.Г.* Золотая статуя Чингис-хана (русские и латинские известия) // ТС. 2001. М., 2002.

Gabain, 1962 — *von Gabain A.* Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // Acta Orientalia. XV. Budapest, 1962.

Extraits, 1957 — Extraits du Muntakhab al-tavarih-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar) / Publ. par J.Aubin. Téhéran, 1336/1957.

Hammer-Purgstall, 1840 — *Hammer-Purgstall J.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840.

Histoire, 1874 — Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan / Publ., trad. et annot. par le Baron Desmaisons. T. II. St. Petersbourg, 1874.

Munis, Agahi, 1988 — *Shir Muhammad Mirab Munis, Muhammad Riza Mirab Agahi* Firdaws al-iqbal. History of Khorezm / Ed. by Yu. Bregel. Leiden; N. Y.; København; Köln, 1988.

Pritsak, 1981 — *Pritsak O.* Studies in Medieval Eurasian History. L., 1981.

ПСРЛ — Полное собранне русскнх летописей
ТС — Тюркологический сборник

Научное издание

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК
2005
Тюркские народы России
и Великой степи

Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом
Института востоковедения РАН

Редакторы *С.В.Веснина, Л.С.Ефимова*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректоры *И.И.Чернышева, Н.Н.Цигорева*
Компьютерная верстка *Е.А.Пронина*

Подписано к печати 02.06.06
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Печать офсетная
Усл. п. л. 24,0. Усл. кр.-отт. 24,3. Уч.-изд. л. 24,4
Тираж 500 экз. Изд. № 8229. Зак. № 3709

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

5-02-018515-9
320 185159